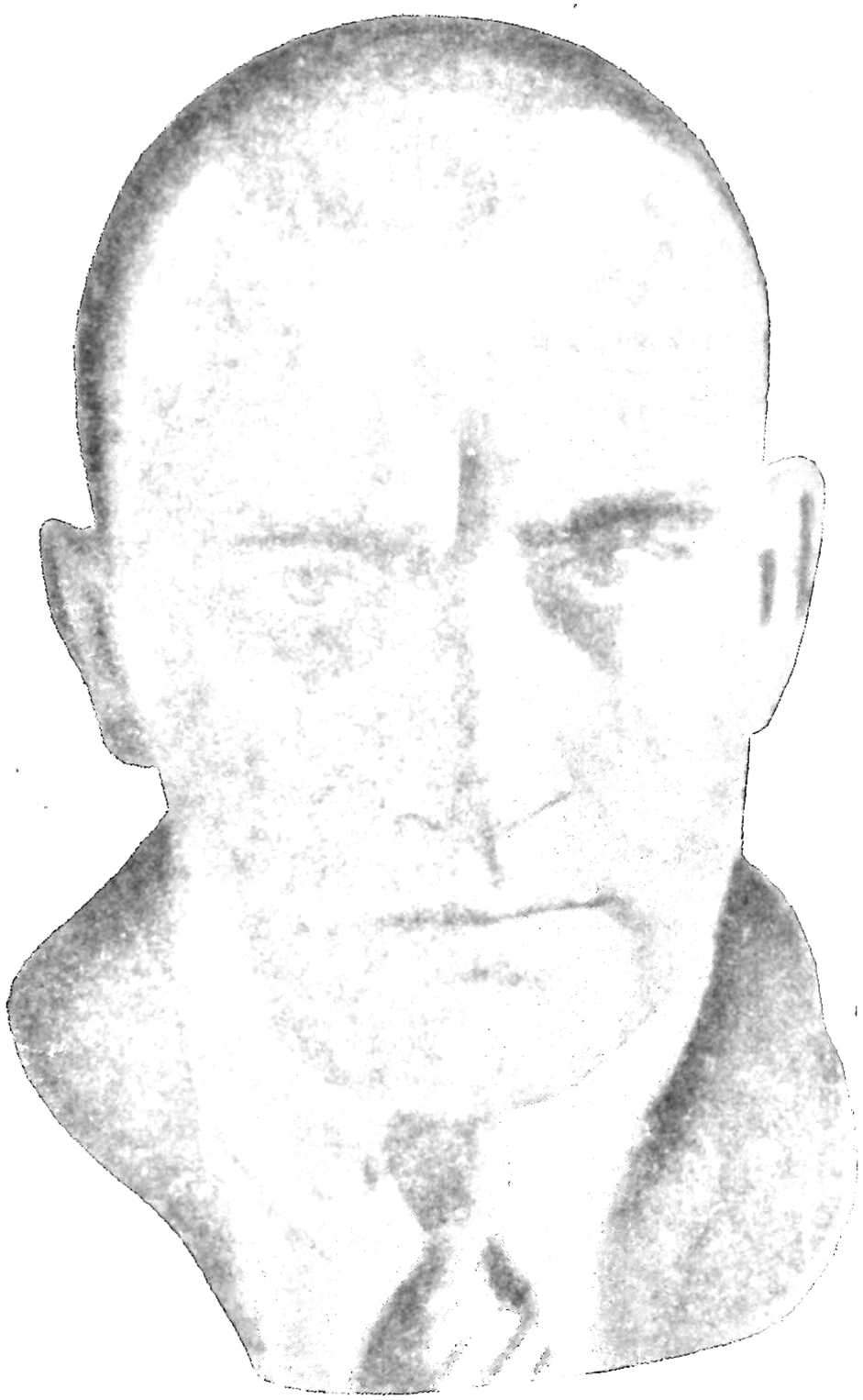
ВЛАДИМИР ЯКОВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
МОСКВА 1965



ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЯКОВСКИЙ

1893 – 1930

2
139

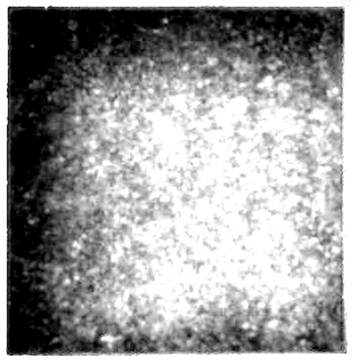
ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

БИБЛИОТЕКА
Кызыл... го
педагогического
института

Владимир Маяковский

стихи и поэмы

80563



Статьи о стихах и поэмах
В. Д. ДУВАКИНА

Р 2
М 39

К ЧИТАТЕЛЯМ

В э́той кни́ге помещены́ и́збранные стихотворе́ния В. В. Маяко́вского и его́ поэ́мы: «Влади́мир Ильи́ч Ле́нин» и «Хорошо́!». Кни́га рассчи́тана на то, что́бы помо́чь уча́щимся сре́дней шко́лы и всем интересу́ющимся поэ́зией вчита́ться в произведе́ния поэ́та, возмо́жно бо́лее подро́бно и всесторо́нне разобра́ться в их те́ксте.

Вступи́тельная статья́ содержит обзо́р тво́рческого пути́ В. В. Маяко́вского и основны́х пробле́м, свя́занных с его́ поэ́зией. То, что наме́чено во вступи́тельной статье́, подкреплено́ зате́м конкре́тным ана́лизом ка́ждого произведе́ния в статья́х-предисло́виях. В э́тих статья́х и в сно́сках-приме́чаниях чита́тели найду́т све́дения о том, когда́, в связи́ с чем, с како́й це́лью напи́сано да́нное произведе́ние, спра́вки об упомя́нутых в те́ксте малоизве́стных и́ли забы́тых имена́х, собы́тиях и дета́лях бы́та, а та́кже объясне́ние сло́жных о́бразов-мета́фор и отде́льных слов и выраже́ний. Если тре́бующее поясне́ния и́мя, факт и́ли сло́во повто́рено в не́скольких места́х, оно́ поясня́ется то́лько оди́н раз и никаки́х отсы́лок (за едини́чными исключе́ниями) не де́лается.

Настоя́щий сбо́рник стихо́в и поэ́м В. В. Маяко́вского мо́жет быть испо́льзован как посо́бие при изуче́нии тво́рчества поэ́та и в рабо́те литерату́рных кружко́в.

Библиотека ЛГПИ
Чит. зал № 2

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПОЭТ-РЕВОЛЮЦИОНЕР

25 а́вгуста 1929 го́да на стадио́не «Дина́мо» в Москве́ бы́ло о́чень лю́дно. Ты́сячи я́рких ма́ек, кра́сных косы́нок, весёлых лиц и пионе́рских га́лстуков пестре́ли на окружа́ющих зелёное-по́ле трибу́нах. Пра́здник был посвящён торже́ственному закры́тию Пе́рвого всесою́зного слёта ю́ных пионе́ров СССР.

По стадио́ну, уве́ренно раздвига́я толпу́, шёл высо́кий темноволо́сый челове́к. Он реши́тельно шага́л через барье́ры с трибу́ны на трибу́ну и, ви́димо, хоте́л обойти́ весь огро́мный стадио́н. Остана́вливавшим его́ милицио-

рам он предъявля́л многочи́сленные корреспонде́нтские биле́ты и удостовере́ния газе́т и тре́бовательно вори́л:

— Я писа́тель, газе́тчик. Я до́лжен всё ви́деть.

Это был Влади́мир Влади́мирович Маяко́вский.

Через не́которое вре́мя над стадио́ном зазвуча́л его́ обыкнове́нно мо́щный и вырази́тельный го́лос. Перед многоты́сячной аудито́рией пионе́ров Маяко́вский чита́л своё стихотворе́ние «Пе́сня-мо́лния»:

За мо́ре синево́лное,
за сто земе́ль
и вод
разле́йся, пе́сня-мо́лния,
про пионе́рский слёт.

Пионе́ры — уча́стники слёта и многочи́сленные го́сти с ра́достным волне́нием слу́шали вели́кого поэ́та. Ярким, трем и́тельным, как мо́лния, стихо́м Маяко́вский говори́л о бра́тстве и дру́жбе наро́дов, о любви́ к ро́дине, о покоре́нии челове́ком приро́ды, об учёбе. Призыва́л юных пионе́ров сле́довать заве́там Ле́нина, учи́ться и рабо́тать под руково́дством Коммунисти́ческой па́ртии:

Вперёд,
отря́ды сжа́тые,
по ле́нинской тропе́!
У нас
оди́н вожа́тый —
това́рищ ВКП.

Уже́ тогда́, бо́лее тридцати́ лет наза́д, Маяко́вский был люби́мым поэ́том сове́тской молодёжи. В на́ше вре́мя его́ стихи́ зна́ют миллио́ны чита́телей и у нас в Сове́тской стране́, и за рубежо́м. Произведе́ния Маяко́вского переведены́ уже́ на 39 иностра́нных языко́в. В СССР они́ изданы на 57 языка́х наро́дов сою́зных и автоно́мных респу́блик.

В чём причи́на огро́мной и всё расту́щей мирово́й сла́вы Маяко́вского? В том, что в его́ тво́рчестве, как хорошо́ сказа́л писа́тель А. Фаде́ев, «впервы́е в исто́рии мировой поэ́зии соедини́лись вме́сте, слили́сь воедино поэ́зия и коммуни́зм».

преодоле́ть влия́ния господствовавших в ру́сской поэ́зии предреволюцио́нных лет антиреалисти́ческих направле́ний (символи́зма, акмеи́зма, футури́зма). Поэ́ты, примы кавшие к э́тим враждова́вшим ме́жду собо́й, но ра́вно чу́ждым наро́ду тече́ниям, получи́вшим по́зднее, в сове́тские го́ды, о́бщее наимено́вание «буржуа́зно-декаде́нтских» (от францу́зского сло́ва «décadence» — упа́док и́ли «модерни́стских» («moderne» — совре́менный), бы́ли зачасту́ю и поэти́чески одарёнными и высокообразо́ванными людьми́, но им недостава́ло гла́вного — ве́рного понима́ния совре́менной жи́зни и совре́менного челове́ка.

Ка́ждое из модерни́стских направле́ний (и́ли да́же небольша́я гру́ппа), объявля́я себя́ еди́нственно и́стинным, отрица́ло остальны́е. Тем не ме́нее о с н о в н о́ в них бы́ло всё же о́бщим: ухо́д от жи́зни, от больших общественных пробле́м, волнова́вших челове́ка той предгрозово́й поры́, и ухо́д от граждански́ой и гуманисти́ческой тради́ции ру́сской литерату́ры.

Уча́стники одного́ из таки́х направле́ний называ́ли себя́ без доста́точных основа́ний футури́стами, то есть поэ́тами бу́дущего (на лати́нском и неме́цком языке́ сло́во «futurum» означа́ет — бу́дущее).

В нарочи́то ре́зких деклара́циях и выступле́ниях футури́стов говори́лось, что на́до «сброси́ть кла́ссиков с парохо́да совреме́нности», взорва́ть всё ста́рое иску́сство, вы́думать но́вое, совсе́м небыва́лое, освободи́в поэ́зию от усло́вностей ри́тма и да́же от ...пра́вил грамма́тики. В вы́падах футури́стов про́тив мещан, про́тив вку́сов бюргуа́зного обыва́теля, в их постоя́нном подчёркивании необходи́мости иска́ть но́вые фо́рмы Маяко́вский уви́дел не́что ро́дственное свое́й революцио́нной устремлённости. В 1912—1914 года́х он примыка́л к футури́стам, уча́ствовал в их выступле́ниях, подпи́сывал их манифе́сты. Литературные тео́рии футури́стов оказа́ли изве́стное влияние на его́ ра́нние произведе́ния.

Эти влия́ния не шли, одна́ко, да́лее ча́стностей литературной фо́рмы и не затра́гивали основно́й су́щности в тво́рчестве Маяко́вского. В футури́зме Маяко́вского бы́ло бли́зким тре́бование нова́торства. Но е́сли «новаторство» футури́стов своди́лось к бесце́льной игре́ «самовы́тым» (то есть незави́симым от значе́ния) сло́ва, то горя́чность и упо́рство, с кото́рыми Маяко́вский ис

но́вых средств поэти́ческой выразительности, определя́лись его́ неприя́тием буржуа́зной совреме́нности, его́ по́длинной устремлённостью в бу́дущее.

«Хочу́ де́лать социалисти́ческое иску́сство», — так определи́л Маяко́вский суть свое́й пози́ции.

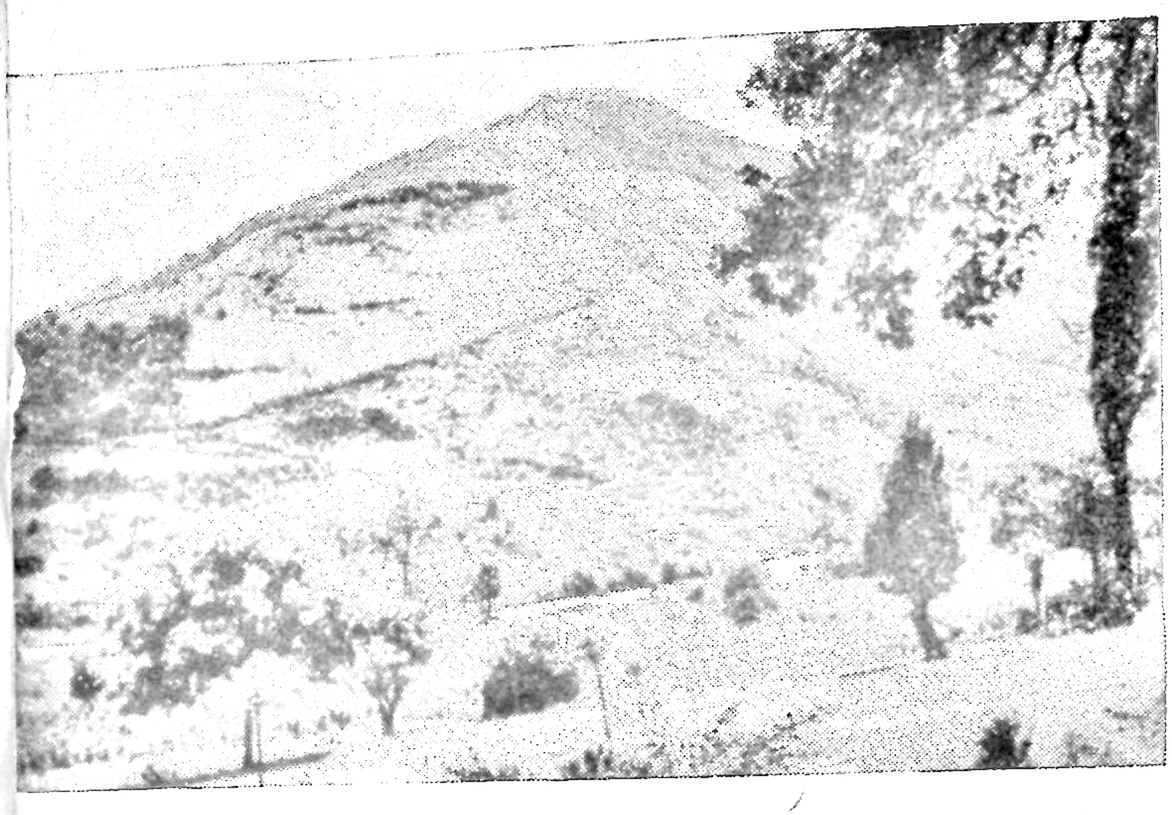
Это стремле́ние сближа́ет Маяко́вского с Го́рьким, с его́ революцио́нной мечто́й о свобо́дном, го́рдом и счастли́вом челове́ке бу́дущего. Не случа́йно Го́рький горячо́ поддержа́л молодо́го, тогда́ то́лько ещё вступа́вшего в литерату́ру поэ́та.

Необы́чность фо́рмы ра́нних стихо́в Маяко́вского неразры́вно свя́зана с новизно́й их содержа́ния: в э́тих стиха́х был вы́ражен гнев поэ́та, его́ проте́ст про́тив уро́дств жи́зни, в кото́рой госпо́дствуют ненави́стные поэ́ту «жи́рные» (со́бственники, буржуа́, меща́не). «Жи́рные» ви́дят дви́жущую си́лу жи́зни в зо́лоте, у них одно́ стремле́ние — приобрета́ть, увели́чивать со́бственность. Им нет де́ла до страда́ний «у́лицы» — то есть наро́дных масс, вырази́телем кото́рых чу́вствует себя́ поэ́т. Уже́ пе́рвое кру́пное произведе́ние Маяко́вского — траге́дия «Влади́мир Маяко́вский» (1913), — а та́кже мно́гие из его́ стихо́в 1913—1914 годо́в постро́ены на противопоставле́нии «бездо́ушных вещей» живо́й челове́ческой душе́, зато́птанной, исковерканной, оглушённой в механи́ческом «а́дище», каки́м явля́ется капиталисти́ческий го́род:

В земле́ городо́в нарекли́сь господа́ми
и ле́зут стере́ть нас бездо́ушные ве́щи.

В после́дующих лири́ческих поэ́мах Маяко́вского, создава́вшихся в пери́од пе́рвой мирово́й войны́ — «Облако в штана́х» (1915), «Фле́йта-позвоно́чник» (1915), «Война́ и мир» (1916), «Челове́к» (1917), — э́то противопоставле́ние получа́ет бо́лее глубо́кое, с о ц и а́ л ь н о е содержа́ние.

Челове́ку, челове́ческой душе́ здесь противопоста́влена не про́сто «вещь», не индустриа́льный го́род вообще́, не про́сто совреме́нная городска́я цивилиза́ция, а и́менно к а п и т а л и с т и́ ч е с к о е содержа́ние э́той цивилиза́ции. Любо́вь, не́нависть, боль, гнев, преде́льно ре́зко, напряжённо вы́раженные в э́тих поэ́мах, — э́то не про́сто



Вид на доли́ну реки́ Ха́нис-Цха́ли и селе́ние Багда́ды, где роди́лся В. В. Маяко́вский.

Ру́сский, глубоко́ национа́льный поэ́т по хара́ктеру своего́ восприя́тия жи́зни, по си́ле и разма́ху свои́х эмо́ций, Маяко́вский стал певцо́м вели́кой интернациона́льной иде́и — иде́и коммуни́зма. Сильне́йший в шере́нге сове́тских поэ́тов, он, как никто́ друго́й, суме́л переда́ть па́фос и вели́чие победоно́сной социалисти́ческой революции в Росси́и и правди́во рассказа́ть о бу́днях наро́дов Страны́ Сове́тов.

* * *

Маяко́вский роди́лся 7-го (по но́вому сти́лю 19-го) ию́ля 1893 го́да на Кавка́зе. Он рос в окруже́нии я́ркой и вели́чественной приро́ды Гру́зии. Оте́ц поэ́та, Влади́мир Константи́нович Маяко́вский, служи́л лесни́чим в располо́женном недалеко́ от губе́рнского го́рода Кутаи́си селе́нии Багда́ды [1]. Это был высо́кий и широкопле́чий челове́к, о́чень эмоциона́льный, иногда́ резкова́тый и вспы́ль-

[1] 13 апре́ля 1940 го́да переименова́но в Маяко́вски.

чивый, вме́сте с тем непосре́дственный, обще́ительный и раду́шный со все́ми. Че́стный и энерги́чный, он, несмотря́ на своё официа́льное положе́ние ру́сского чино́вника, «нача́льника», суме́л завоева́ть дове́рие и уваже́ние ме́стных крестья́н. Он объясня́лся с ни́ми на их родно́м языке́, пересыпа́л свою́ речь ру́сскими, украи́нскими, грузи́нскими, азербайджа́нскими посло́вицами, поговóрками, стиха́ми, ме́ткими шу́тками.

Мать, Алекса́ндра Алексе́евна Маяко́вская, небольшо́го ро́ста, сде́ржанная и немногосло́вная, всегда́ ро́вная в обраще́нии, умеря́ла поры́вистость му́жа. Она́ вела́ хозя́йство большо́й семьи́ и свои́м приме́ром воспи́тывала в де́тях уваже́ние к труду́ и лю́дям труда́. В до́ме постоя́нно быва́ли лесники́-объе́здчики и ме́стные крестья́не. Бу́дущий по́эт рос в окруже́нии трудолюби́вых просты́х люде́й.

«С де́тства, — вспомина́ет сестра́ по́эта, — бы́ло я́сно для нас: труд — э́то осно́ва жи́зни».

В жи́зни семьи́ Маяко́вских нема́лое ме́сто занима́ла

Дом, в кото́ром роди́лся В В Маяко́вский.

кни́га. Чита́ли вслух Пу́шкина, Ле́рмонтова, Некра́сова, Шевче́нко, Го́голя, Л. Н. Толсто́го, Салтыко́ва-Щедрина́, Че́хова. Мно́гие отры́вки из произведе́ний э́тих писа́телей Маяко́вский с де́тства по́мнил наизу́сть. В о́троческие го́ды он, как и большинство́ ма́льчиков его́ поколе́ния, охо́тно чита́л Жю́ля Ве́рна и кни́ги про путеше́ствия и приключе́ния. Из ру́сских писа́телей-совреме́нников ра́ньше други́х Маяко́вский узна́л Го́рького. Изве́стно, что в ю́ности Маяко́вский неоднокра́тно деклами́ровал «Пе́сню о Буреве́стнике».

В 1902 году́ Маяко́вский был при́нят в мужску́ю гимна́зию го́рода Кутаиси. Его́ учени́ческие го́ды совпа́ли с нача́вшимся по всей Росси́и обще́ственно-полити́ческим подъёмом. Ми́тинги, схо́дки, революцио́нные пе́сни, привезённые из далёкой Москвы́ ста́ршей сестро́й, сатири́ческие стихи́ о царе́ — всё э́то волнова́ло, возбужда́ло воображе́ние. Революцио́нные собы́тия обостри́ли интере́с к поли́тике: двена́дцати-трина́дцати лет Маяко́вский с увлече́нием чита́л социалисти́ческие брошю́ры.

«На всю жизнь порази́ла спосо́бность социали́стов распу́тывать фа́кты, систематизи́ровать мир», — писа́л он впосле́дствии в автобиогра́фии «Я сам».

В 1906 году́, по́сле сме́рти отца́, семья́ Маяко́вских пере́ехала в Москву́. Жить бы́ло тру́дно. Трина́дцати-четы́рнадцати лет, гимнази́стом четвёртого-пя́того кла́ссов, Влади́мир Маяко́вский уже́ зараба́тывал, помога́л семье́: он выпи́ливал, выжига́л и разрисо́вывал ра́зные ме́лочи для магази́на кустарных изде́лий.

В 1907 году́ у Маяко́вских снял ко́мнату студе́нт Васо́ Канделаки. Канделаки был большевико́м, подпо́льщиком. У него́ ча́сто собира́лась революцио́нная молодёжь. Чита́ли, обсужда́ли, спо́рили. Маяко́вский, не по летам ра́звитый и физи́чески и у́мственно, с возраста́ющим интере́сом слу́шал э́ти спо́ры. Вско́ре он взя́лся и за кни́ги Ма́ркса, Энгельса, Ле́нина. В нача́ле 1908 го́да он уже́ был чле́ном РСДРП, распространя́л нелега́льные изда́ния та́йной большеви́стской типогра́фии, вёл подпо́льный пропаганди́стский кружо́к. С гимна́зией пришло́сь расста́ться.

За революцио́нную рабо́ту Маяко́вский в 1908—1909 года́х три ра́за был аресто́ван, причём о́коло полуго́да ему́ пришло́сь провести́ в одино́чном заключе́нии.

В тюре́мной ка́мере он на́чал систематѝчески писа́ть стихѝ (тетра́дь с э́тими стиха́ми не сохранѝлась).

К сча́стью, ца́рским сле́дователям не удало́сь по́лностью раскры́ть все свя́зи Маяко́вского с революцио́нным подпо́льем. Это обстоя́тельство, хло́поты бли́зких, а та́кже несовершенноле́тие помогли́ ему́ избежа́ть ссы́лки в Сибѝрь. В нача́ле 1910 го́да Маяко́вский вы́шел из тюрьмы́.

Два го́да он учѝлся жѝвописи. Но его́ влекло́ друго́е. Он чу́вствовал в себе́ си́лы для рабо́ты в иску́сстве сло́ва. В конце́ 1912 го́да в печа́ти впервы́е появѝлись его́ стихѝ.

Революцио́нный о́пыт ю́ности име́л большо́е значе́ние для формирова́ния Маяко́вского-поэ́та: он помо́г ему́

Ка́рточка Моско́вского охра́нного отделе́ния.

Семья́ В. В. Маяко́вского.
В це́нтре: В. Маяко́вский, ученѝк 3 кла́сса Кутаи́сской гимна́зии. Стоя́т: оте́ц поэ́та, Владѝмир Константѝнович Маяко́вскиѝ, и ста́ршая сестра́, Людмѝла Владѝмировна. Сидя́т: мать поэ́та, Алекса́ндра Алексе́евна, и мла́дшая сестра́, Ольга Владѝмировна.
1905.

ха́ос си́льных, но ничем не объединённых пережива́ний. Из дореволюцио́нных поэ́м и стихо́в Маяко́вского перед чита́телем выраста́ет це́лостный (при всей свое́й противоречи́вости) о́браз челове́ка, всё мироощуще́ние кото́рого пря́мо враждебно капиталисти́ческому «поря́дку». Этот поря́док отрица́ется как тупа́я, мертвя́щая си́ла. Мо́жно сказа́ть, что в осно́ве произведе́ний Маяко́вского предреволюцио́нных лет лежи́т иде́я непримири́мости с буржуа́зным о́бществом, несовмести́мости капитали́зма с челове́чностью, стра́сти к индивидуа́льному обогаще́нию с тво́рческим отноше́нием к жи́зни. Госуда́рственный строй, мора́ль, иску́сство, рели́гия, порожда́емые буржуа́зными обще́ственными отноше́ниями, и в пе́рвую о́чередь са́ми э́ти отноше́ния, осно́ванные на ку́пле-прода́же, — всё э́то отверга́ется Маяко́вским как лжи́вое, бесчелове́чное, всё э́то мучи́тельно ненави́стно ему́, в осо́бенности в связи́ с развя́занной опя́ть-таки в интере́сах нажи́вы мирово́й войно́й. «Война́ веле́ла ви́деть за́втрашнюю револю́цию», — писа́л впосле́дствии Маяко́вский, и э́то бы́ло ве́рно. Не случа́йно в поэ́ме «Облако в штана́х», напи́санной в 1915 году́, есть проро́ческие стро́ки о бли́зящемся восста́нии наро́дных масс:

Где глаз люде́й обрыва́ется ку́цый [1],
главо́й голо́дных орд,
в терно́вом венце́ револю́ций
грядёт [2] шестна́дцатый год.

«Доло́й ва́шу любо́вь», «доло́й ва́ше иску́сство», «доло́й ваш строй», «доло́й ва́шу рели́гию» — четы́ре кри́ка четырёх часте́й», — так определи́л Маяко́вский иде́йную су́щность э́той поэ́мы.

Одна́ко при всей революцио́нности вы́раженного в ней мироощуше́ния поэ́ма «Облако в штана́х» не получи́ла обще́ственного о́тклика, соответствующего взры́вчатой си́ле зало́женных в ней чувств и иде́й. Издана поэ́ма была́ небольши́м тиражо́м, в газе́тах о ней писа́ли в издевательском то́не, а необы́чность её о́бразного стро́я и ри́тма затрудня́ла и тем са́мым отпу́гивала широ́кого чита́теля. Поэ́ма произвела́ си́льное впечатле́ние и получи́ла горя́чий о́тклик лишь в у́зком кругу́ литера́торов, худо́жников и молодёжи.

Лю́ди бо́лее далёкие от поэ́зии впервы́е познако́мились со стиха́ми Маяко́вского не́сколько позднее́, через журна́л «Но́вый сатирико́н», издава́вшийся популя́рным до револю́ции буржуа́зным писа́телем-юмори́стом Арка́дием Avéрченко (впосле́дствии — белоэмигра́нтом). Привлека́я Маяко́вского в свой журна́л, Avéрченко недопоня́л си́лы революцио́нного отрица́ния, заключённой в его́ стиха́х. Он рассчи́тывал, что «чудны́е» стихи́ Маяко́вского бу́дут спосо́бствовать увеличе́нию числа́ подпи́счиков. «Вы пиши́те, как хоти́те, — сказа́л он Маяко́вскому. — Чем чудне́е, тем смешне́е». Для Маяко́вского же уча́стие в «Но́вом сатирико́не» бы́ло еди́нственной возмо́жностью обрати́ться со свое́й сати́рой к бо́лее широ́ким слоя́м чита́телей. Свои́ стихи́ для «Но́вого сатирико́на» Маяко́вский нарочи́то издева́тельски назва́л «ги́мнами»: «Гимн судье́», «Гимн взя́тке», «Гимн учёному», «Гимн кри́тику», «Гимн обе́ду» и други́е. На страни́цах уме́ренно-либера́льного журна́ла, в сосе́дстве с обыва́тельскими анекдо́тами, бытовы́ми сатири́ческими и́ли юмористи́ческими расска́зиками, в кото́рых лишь и́зредка проска́льзывали ро́бкие полити́ческие намёки, ка́ждое из э́тих стихотворе́ний Маяко́вского могло́ быть по́нято как осужде́ние лишь отде́льных ча́стных непоря́дков тогда́шней жи́зни и́ли да́же про́сто как шу́тка (то́лько потому́ э́ти стихи́ и удава́лось проводи́ть через цензу́ру). Одна́ко взя́тые в це́лом, в их совоку́пности «сатирико́нские» стихи́ Маяко́вского бы́ли сати́рой на буржуа́зно-поме́щичий строй вообще́.

Стра́стным проте́стом про́тив одного́ из са́мых ужа́сных преступле́ний э́того стро́я — империалисти́ческой войны́, в тече́ние четырёх лет причиня́вшей человече́ству неисчисли́мые страда́ния, — явля́ется поэ́ма Маяко́вского «Война́ и мир». Основну́ю, наибо́лее о́бщую причи́ну возникнове́ния мирово́й войны́ Маяко́вский ви́дит в воспи́танной со́бственническим укла́дом жи́зни жа́жде нажи́вы. Он ме́тко называ́ет её «золотола́пым микробом»:

---

[1] То есть там, куда́ не достига́ет ограни́ченный повседне́вностью взгляд совреме́нников: в бу́дущем. Ку́цый (буква́льно — бесхво́стый) — здесь: коро́ткий.

[2] Грядёт (устар.) — идёт, приближа́ется.

...в прогры́занной душе́
золотола́пым микро́бом
ви́лся рубль.

«Золотола́пый микро́б» лиша́ет люде́й челове́ческого о́браза. «Массомя́сая, быкомо́рдая ора́ва» — вот что тако́е для Маяко́вского «жи́рные», буржуази́я, то есть основны́е вино́вники войны́. Им противопоста́влен в поэ́ме собира́тельный о́браз солда́тской ма́ссы, кото́рой война́ принесла́ наибо́льшие страда́ния. Солда́т ещё не зна́ет, с кого́ спра́шивать за страда́ния, но уже́ не мо́жет мири́ться с ни́ми. Ощуще́ние бессмы́сленности и бесчелове́чности войны́ пе́редано Маяко́вским о́чень эмоциона́льно, поэти́чески убеди́тельно. Поэ́ма зака́нчивается выраже́нием горя́чей убеждённости в том, что вы́ход бу́дет на́йден, что челове́чество освободи́тся от кошма́ра войны́ и от вла́сти «золотола́пого микро́ба»:

И он,
свобо́дный,
ору́ о ком я,
челове́к —
придёт он,
ве́рьте мне,
ве́рьте!

Таки́м о́бразом, несмотря́ на то что в поэ́зии Маяко́вского в пе́рвую о́чередь вы́ражены таки́е чу́вства, как страда́ние, гнев, негодова́ние, боль, она́ всё же явля́ется утвержде́нием о́браза Челове́ка — си́льного, акти́вного, бога́того чу́вствами и мы́слью и, в коне́чном счёте, прекра́сного. В поэ́мах-траге́диях «Облако в штана́х», «Война́ и мир», «Челове́к» о́браз самого́ поэ́та («лири́ческого геро́я») при всей остроте́ его́ мучи́тельных пережива́ний никогда́ не ощуща́ется как опустошённый и за́мкнутый в само́м себе́. Се́рдце поэ́та не мо́жет примири́ться со злом, но оно́ откры́то «всем впечатле́ниям бытия́» (Пу́шкин).

Су́щность дореволюцио́нных произведе́ний Маяко́вского — стра́стный революцио́нный проте́ст про́тив обще́ственной непра́вды, во и́мя челове́ка, его́ ра́зума, его́ се́рдца. Неда́ром после́дняя из дореволюцио́нных поэ́м

Маяко́вского, «Челове́к» (око́нчена в нача́ле 1917 го́да), — э́то по́длинный гимн челове́ческому се́рдцу.

Это я
се́рдце фла́гом по́днял.
Небыва́лое чу́до двадца́того ве́ка! —

восклица́ет поэ́т. Челове́к — са́мое замеча́тельное, что существу́ет в ми́ре. Се́рдце — велича́йшую драгоце́нность челове́ка — нельзя́ ни прода́ть, ни купи́ть. Поэ́тому строй жи́зни, осно́ванный на ку́пле-прода́же, по са́мой су́ти свое́й вражде́бен челове́ку. Подня́ть го́лос в защи́ту челове́ческого се́рдца — э́то зна́чит вы́ступить про́тив э́того стро́я, во и́мя гуманисти́ческого идеа́ла.

Этот идеа́л уже́ тогда́ был свя́зан для Маяко́вского с иде́ей социали́зма. Характе́рно, что в стихотворе́нии «Революция. Поэтохро́ника», пе́рвом о́тклике на февра́льско-ма́ртовские собы́тия 1917 го́да, приве́дшие к паде́нию самодержа́вия, Маяко́вский, приве́тствуя революцио́нных солда́т, тре́бующих неме́дленного прекраще́ния империалисти́ческой войны́, от их и́мени восклица́ет:

Не тру́сость вопи́т под шине́лью се́рою,
не кри́ки тех, кому́ есть не́чего;
э́то наро́да огро́много громо́вое:
— Ве́рую
вели́чию се́рдца челове́чьего! —
Это над взби́той би́твами пы́лью,
над все́ми, кто гры́зся, в любви́ изве́рясь [1],
днесь [2]
небыва́лой сбыва́ется бы́лью
социали́стов вели́кая е́ресь! [3]

В э́том отры́вке сло́во «се́рдце» свя́зано для Маяко́вского уже́ не то́лько с о́бразом челове́ка, но и с о́бразом н а р о́ д а, восста́вшего про́тив ста́рого стро́я во и́мя утвержде́ния иде́й социали́стов.

[1] И з в е́ р я с ь — потеря́в ве́ру.
[2] Д н е с ь (церк.-слав.) — сего́дня.
[3] Е р е с ь — отступле́ние от общепри́нятой ве́ры. Социали́зм был е́ресью с то́чки зре́ния ста́рых буржуа́зных представле́ний об о́бществе.

80563
БИБЛИОТЕКА
Кузбасск. ого
педагогич ского
института

* * *

25 октября́ 1917 го́да Маяко́вский был в Смо́льном и ви́дел Ле́нина. Этот день он впосле́дствии назва́л са́мым я́рким днём свое́й жи́зни. Вели́кая Октя́брьская социалисти́ческая револю́ция была́ пережита́ поэ́том не то́лько как собы́тие огро́мной истори́ческой ва́жности, но и как факт ли́чной биогра́фии и безграни́чно обогати́ла его́ тво́рчество. Именно сове́тская действи́тельность, сове́тский строй сде́лали Маяко́вского тем вели́ким поэ́том, кото́рого зна́ет весь мир.

Рабо́та для но́вого, революцио́нного чита́теля и слу́шателя сра́зу же захвати́ла Маяко́вского. Его́ стихи́ о револю́ции, напи́санные в 1917—1919 года́х, ка́к-то по-осо́бому пра́здничны. В них звучи́т охвати́вшая наро́дные ма́ссы р а́ д о с т ь освобожде́ния, г е р о́ и к а начáвшегося в октябре́ 1917 го́да ма́рша в коммуни́зм:

Ра́дости пей! Пой!
В жи́лах весна́ разлита́.

(«Наш марш», 1917)

Там
за гора́ми го́ря
со́лнечный край непоча́тый.

(«Ле́вый марш», 1918)

7—8 ноября́ 1918 го́да, в дни пра́зднования пе́рвой годовщи́ны Вели́кой Октя́брьской социалисти́ческой револю́ции, си́лами актёрской молодёжи в Петрогра́де (Ленингра́де) была́ поста́влена пье́са Маяко́вского «Мисте́рия-буфф». В пье́се, как ука́зывает само́ назва́ние, переплета́ется торже́ственное, геройческое (мисте́рия) и смешно́е, коми́ческое (буффона́да, буфф).

Постано́вка э́той пе́рвой сове́тской революцио́нной пье́сы была́ я́рким, пра́здничным спекта́клем на те́му о круше́нии ста́рого ми́ра и о вели́чии и ослепи́тельной красоте́ бу́дущего. То, что то́тчас же по́сле провозглаше́ния сове́тской вла́сти Маяко́вский суме́л созда́ть по́длинно значи́тельные поэти́ческие произведе́ния, утвержда́ющие вели́чие Октя́брьской социалисти́ческой револю́ции, определи́ло не то́лько его́ ме́сто в литерату́ре пе́рвого послеоктя́брьского пятиле́тия, но и вообще́ его́ роль как зачина́теля поэ́зии сове́тской эпо́хи.

Сле́дует име́ть в виду́, что представи́тели ста́рой интеллиге́нции, в ча́стности не́которые дореволюцио́нные писа́тели, воспри́няли Октя́брьскую револю́цию вражде́бно и ли́бо эмигри́ровали за грани́цу, ли́бо насторожённо затаи́лись. Мно́го бы́ло и таки́х, кото́рые в тече́ние ря́да лет колеба́лись — «принима́ть» им сове́тскую власть и́ли «не принима́ть».

Сра́зу и безогово́рочно приве́тствовали побе́ду трудя́щихся Демья́н Бе́дный и А. Серафимо́вич, свя́занные с па́ртией ещё в ца́рское вре́мя. Нра́вственную правоту́ Октября́ ка́ждый по-сво́ему призна́ли кру́пные ру́сские поэ́ты Алекса́ндр Блок, Вале́рий Бря́сов и (с не́которыми оговóрками) Серге́й Есе́нин. Одна́ко реа́льное социа́льное содержа́ние собы́тий бы́ло им нея́сно, истори́ческое значе́ние револю́ции толкова́лось и́ми субъекти́вно, односторо́нне.

Си́ла Маяко́вского, поми́мо его́ огро́много дарова́ния, определя́лась тем, что он не то́лько п р и́ н я л Вели́кую Октя́брьскую социалисти́ческую револю́цию, приве́тствовал её, но и ве́рно п о́ н я л её по́длинное значе́ние. Для Бло́ка и Есе́нина револю́ция — вели́чественная, но слепа́я р а з р у ш и́ т е л ь н а я с т и х и́ я, сокруша́ющая ста́рый мир. С о з и д а́ т е л ь н у ю си́лу револю́ции они́ не воспри́няли, её строи́тельного па́фоса не по́няли. Не случа́йно в знамени́той поэ́ме Бло́ка «Двена́дцать» (1918) те́ме револю́ции всё вре́мя сопу́тствует о́браз в е́ т р а. Для Маяко́вского Октя́брьская револю́ция не то́лько вихрь, отбра́сывающий наза́д всех ему́ сопротивля́ющихся, но и организо́ванный и целенапра́вленный м а р ш миллио́нов через го́ры го́ря ко всео́бщему сча́стью — «в со́лнечный край непоча́тый». Сло́во «марш» в назва́нии са́мого изве́стного стихотворе́ния Маяко́вского того́ вре́мени («Ле́вый марш») и ма́ршевый ритм стихотворе́ния — не случа́йность. С поня́тием «ма́рша» в на́шем созна́нии свя́зано представле́ние о ма́ссе люде́й, иду́щих стро́ем, то есть люде́й, объединённых еди́ной во́лей и дви́жущихся целеустремлённо, в определённом направле́нии. Именно так, как организо́ванное и целеустремлённое движе́ние миллио́нов трудя́щихся к коммуни́зму, воспри́нял револю́цию Маяко́вский (см. стихотворе́ния «Ле́вый марш» и «Поэ́т рабо́чий»).

Но е́сли вопро́са «принима́ть» и́ли «не принима́ть»

революцию для Маяковского не существовало, то перед ним с большой остротой стоял другой вопрос: как служить революции, как найти такую форму поэтической работы, чтобы слово поэта помогало рабочим, красноармейцам и крестьянам в их повседневной борьбе за революцию.

Такой формой стали «окна Роста».

Об «окнах Роста» Маяковский впоследствии писал: «Это — не только стихи...

Это — протокольная запись труднейшего трёхлетия революционной борьбы, переданная пятнами красок и звоном лозунгов...

Пусть вспоминают лирики стишки, под которые влюблялись. Мы рады вспомнить и строки, под которые Деникин бежал от Орла».

Работа Маяковского в Роста началась в октябре 1919 года, в один из наиболее острых моментов гражданской войны, когда Деникин, взяв Орёл, подходил к Туле. Маяковский проявил себя в Роста и как политик-организатор, и как мастер слова, и как талантливый, своеобразный художник-плакатист. Ежедневно, ознакомившись с последними телеграммами и газетами, намечал он темы для «окон», писал тексты и распределял их между художниками, которые делали к ним интересные, доходчивые рисунки. Очень выразительны рисунки самого Маяковского. Для них характерны предельная простота, динамичность и яркий, чистый цвет.

Содержание «окон» было весьма разнообразным. В них отразилось всё, чем в это трудное и героическое время жил советский народ: от больших вопросов международной политики и организации отпора белым до таких существенных в то время «мелочей», как пропаганда сохранения прочитанных газет для их отсылки в деревню или мероприятия по борьбе со вшивостью — главной причиной страшных эпидемий сыпного тифа.

Работа над «окнами» способствовала совершенствованию литературного мастерства Маяковского. Телеграммы, политические тезисы — это был «сухой», необычный для поэзии словесный материал. Маяковский умел даже очень примелькавшиеся, «стёршиеся» в разговорной речи слова и выражения так расположить по отношению друг к другу и к рисунку, что они начинали

звучать неожиданно по-новому и тем самым поэтически впечатляюще. Например: говоря «сидит сложа руки» (в смысле бездельничает), мы не сознаём, что это метафора, то есть образное выражение, в котором слова употреблены не в прямом, а в переносном значении: человек, которого осуждают за то, что он «сидит сложа руки», может быть, на самом деле не сидит, а гуляет или лежит. В «окнах Роста» Маяковский, пользуясь такими оборотами, давал читателю возможность тут же почувствовать и их прямой, буквальный смысл и тем самым помогал заметить скрытую в них образность: скажем, рисовал лодыря действительно сложившим руки на груди или буржуя буквально сидящим на шее у рабочего, и т. п. Наряду с этим из текста удалялось всё не связанное непосредственно с темой. Язык «окон» предельно сжат и энергичен. Не случайно Маяковский назвал свою работу над текстами «окон» работой «большого словесного значения», очищающей язык «от поэтической шелухи на темах, не допускающих многословия». Приёмы, выработанные в работе над «окнами Роста», Маяковский применял и позже.

Последние «окна» (их выпускало уже не Роста, а другое учреждение — Главполитпросвет) вышли в начале февраля 1922 года.

В годы гражданской войны Маяковский написал и свою первую большую поэму о революции — «150 000 000». Некогда русский народ воплотил свою борьбу с кочевниками в героических былинах, в которых сказочный богатырь Илья Муромец боролся с Идолищем Поганым, олицетворявшим врагов родины. В основе поэмы «150 000 000», как ни далека она по языку и особенностям стиха от былинной речи, от её напевности и неторопливости, лежит замысел, родственный русскому народному эпосу. В поэме борются между собой Иван и Вильсон. Оба эти персонажа, как и герои былин, являются фантастическими, сказочными. Об Иване говорится, что

рука
у него —
Нева,
а пятки — каспийские степи.

Ива́н — э́то олицетворе́ние Росси́и и одновреме́нно социалисти́ческой револю́ции и идеа́ла высо́кой челове́чности, кото́рый она́ утвержда́ет. Имя америка́нского президе́нта Ви́льсона, одного́ из вдохнови́телей интерве́нции про́тив Сове́тской страны́, Маяко́вский дал фантасти́ческому чу́дищу, в о́бразе кото́рого олицетвори́л бесче-лове́чность вражде́бного социалисти́ческой Росси́и капиталисти́ческого ми́ра. Рису́я побе́ду Ива́на над Ви́льсоном, он вы́разил свою́ ве́ру в торжество́ иде́и социали́зма.

Плака́тная обобщённость о́бразов Ви́льсона и в осо́бенности Ива́на ната́лкивает на их сопоставле́ние с фигу́рами буржу́ев и рабо́чих из «о́кон Ро́ста» и вообще́ агитацио́нных плака́тов тех лет. Но е́сли в «о́кнах» язы́к преде́льно прост и я́сен, то в поэ́ме «150 000 000» он чрезме́рно перегру́жен синтаксически тру́дными оборо́тами, сло́жными мета́форами и звукова́й игро́й. Изве́стно, что В. И. Ле́нин находи́л поэ́му «150 000 000» вы́чурной. Действи́тельно, в ней чу́вствуется увлече́ние изощрённой, противоре́чащей плака́тному хара́ктеру основны́х о́бразов и затрудня́ющей восприя́тие те́кста самоце́льной метафори́чностью, кото́рую сам Маяко́вский, говоря́ об «о́кнах Ро́ста», назва́л поэти́ческой шелухо́й. Всё же для сове́тской литерату́ры 1917—1921 годо́в поэ́ма «150 000 000» была́ собы́тием — как пе́рвое по вре́мени кру́пное поэти́ческое произведе́ние о револю́ции.

Плака́тно-обобщённым и гиперболи́ческим изображе́нием столкнове́ния ми́ра трудя́щихся с ми́ром парази́тов явля́ется та́кже напи́санное в апре́ле 1920 го́да стихотворе́ние «Влади́мир Ильи́ч!». В э́том са́мом пе́рвом из стихотворе́ний Маяко́вского о Ле́нине гиперболи́зм доведён до тако́й сте́пени, что те́ма развёртывается как бы в «планета́рном», «косми́ческом» пла́не (таки́е о́бразы, как «ми́ра безголо́вое те́ло», «зе́мли се́ли на о́си» и т. п.). Подо́бные «косми́ческие» гипе́рболы в пе́рвые го́ды револю́ции бы́ли характе́рны для Маяко́вского, а та́кже и для други́х сове́тских поэ́тов.

Стихотворе́ние «Влади́мир Ильи́ч!» явля́ется значи́тельной ве́хой в тво́рческом пути́ Маяко́вского не то́лько как его́ пе́рвое по вре́мени обраще́ние к ле́нинской те́ме. В после́дних строфа́х Маяко́вский стра́стно утверждае́т, как еди́нственно ве́рный и плодотво́рный, при́нцип коммунисти́ческой парти́йности поэ́зии:

Я
в Ле́нине
ми́ра ве́ру
сла́влю
и ве́ру мою́.
Поэ́том не быть мне бы,
е́сли б
не э́то пел...

Вне ленини́зма, вне коммуни́зма, то есть вне са́мой вели́кой, са́мой прекра́сной иде́и челове́чества, в на́шу эпо́ху нельзя́ быть и́стинным поэ́том — вот мысль, кото́рую с огро́мной си́лой утверждае́т здесь Маяко́вский.

О своём понима́нии зада́ч и су́щности поэ́зии Маяко́вский говори́т и в ря́де други́х стихотворе́ний, напи́санных в пе́рвые го́ды сове́тской вла́сти: «Поэ́т рабо́чий» (1918), «Прика́з по а́рмии иску́сств» (1918), «Прика́з № 2 по а́рмии иску́сств» (1921). В э́тих стихотворе́ниях он бо́рется за де́йственность поэ́зии, утверждае́т высо́кое обще́ственное призва́ние поэ́та, понима́ние иску́сства как труда́. В их ряду́ стои́т и пра́зднично-ра́достное, вне́шне задо́рно-шутли́вое, а по существу́ о́чень серьёзное «Необыча́йное приключе́ние, бы́вшее с Влади́миром Маяко́вским ле́том на да́че...». Фантасти́ческий расска́з о бесе́де поэ́та с со́лнцем по́лон глубо́кого смы́сла. Ещё Пу́шкин в свое́й «Вакхи́ческой пе́сне» сопоста́вил поэ́зию с со́лнцем, све́том. Подхва́тывая э́то традицио́нное сопоставле́ние, Маяко́вский оттеня́ет в нём но́вую сто́рону: путь и́стинного поэ́та, ра́достный и тру́дный путь служе́ния наро́ду, исключа́ет своево́лие и случа́йные при́хоти. Избра́в тако́й путь, поэ́т не мо́жет, не измени́в самому́ себе́, сойти́ с него́, как со́лнце не мо́жет не всходи́ть и не свети́ть ежедне́вно:

Про то,
про э́то говорю́,
что́-де зае́ла Ро́ста,
а со́лнце:
«Ла́дно,
не горю́й,
смотри́ на ве́щи про́сто!

А мне, ты ду́маешь,
свети́ть
легко́?
— Поди́, попро́буй! —
А вот идёшь —
взяло́сь идти́,
идёшь — и све́тишь в о́ба!»

Поэ́ту так же необходи́мо идти́ в Ро́ста, писа́ть стихи́ и вообще́ де́лать своё поэти́ческое де́ло, как со́лнцу — соверша́ть свой путь по не́бу. В э́том шутли́вом замеча́нии, с кото́рым со́лнце обраща́ется к поэ́ту, вы́ражена убеждённость Маяко́вского в том, что твóрчество и́стинного поэ́та, его́ напра́вленность и худо́жественная значи́тельность определя́ются его́ ну́жностью лю́дям, высо́ким обще́ственным значе́нием поэти́ческого труда́.

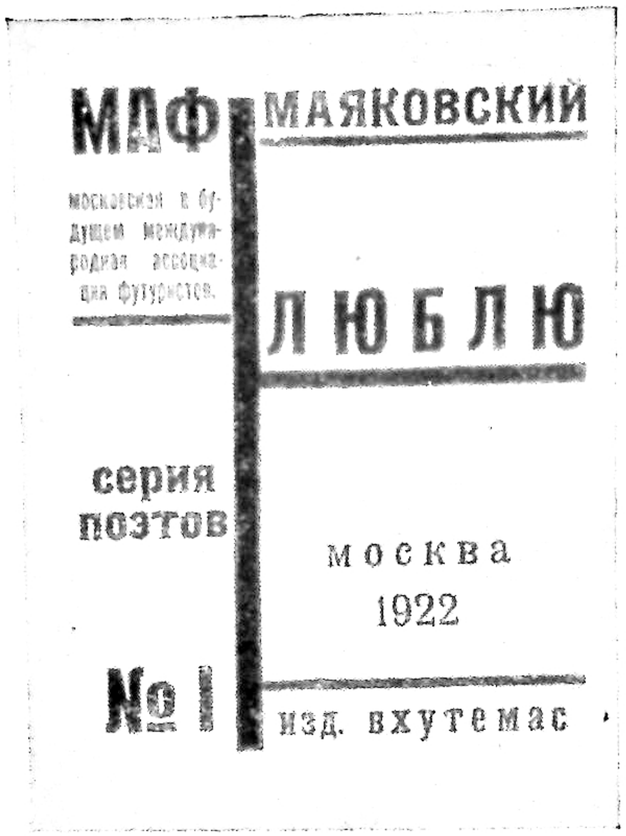
* * *

В конце́ 1920 го́да в основно́м зако́нчилась граждáнская война́. В 1921 году́, в тру́дных усло́виях послевое́нной разру́хи, па́ртия провозгласи́ла но́вую экономи́ческую поли́тику — нэп. Су́щность нэ́па заключа́лась в том, что в це́лях бóлее бы́строго восстановле́ния наро́дного хозя́йства, разру́шенного семью́ года́ми империалисти́ческой и граждáнской войн, бы́ло вре́менно допу́щено не́которое оживле́ние капиталисти́ческих элеме́нтов. Сохраня́я в свои́х рука́х ба́нки, желе́зные доро́ги, кру́пную промы́шленность и опто́вую торго́влю, сове́тское прави́тельство ста́ло поощря́ть кустаре́й и ме́лких капитали́стов брать в аре́нду небольши́е предприя́тия лёгкой промы́шленности и развива́ть ро́зничную торго́влю. Нэп был продолже́нием в но́вой фо́рме борьбы́ с те́ми же кла́ссовыми врага́ми социали́зма, кото́рые ещё так неда́вно пыта́лись све́ргнуть сове́тскую власть при по́мощи иностра́нных интерве́нтов. Не случа́йно Ле́нин характеризова́л нэп как необходи́мое, но вре́менное отступле́ние, за кото́рым обяза́тельно после́дует но́вое наступле́ние па́ртии на капитали́зм. Действи́тельно, уже́ год-полтора́ спустя́ государственные промы́шленные и торго́вые предприя́тия, успе́шно конкури́руя с ча́стными, ста́ли постепе́нно вытесня́ть их.

Óчень сло́жной была́ в э́ти го́ды обстано́вка на культу́рном фро́нте, и, в ча́стности, в литерату́ре. С одно́й стороны́, сове́тская литерату́ра уси́лилась за счёт тала́нтливой молодёжи, проше́дшей суро́вую шко́лу граждáнской войны́. В литерату́ру пришли́ но́вые проза́ики — Фу́рманов, Шо́лохов, Фаде́ев, Вс. Ива́нов, Артём Весёлый, поэ́ты — Светло́в, Ти́хонов, Безыме́нский и мно́гие други́е. С друго́й стороны́, не́которые литера́торы и чита́тели поддали́сь буржуа́зному влия́нию и́ли испуга́лись оживи́вшейся с нача́лом нэ́па буржуази́и и меща́нства. Не поня́в му́дрого ле́нинского манёвра, они́ впа́ли в уны́ние: им ста́ло каза́ться, что нэп — э́то т о́ л ь к о отступле́ние, то есть вообще́ отка́з от дальне́йшей борьбы́ за социали́зм.

Маяко́вский пра́вильно, по-ле́нински по́нял социа́льно-полити́ческий смысл нэ́па. Свои́ми агитацио́нными стиха́ми и рекла́мами он помога́л па́ртии разъясня́ть ма́ссам его́ суть. Одновреме́нно в стиха́х, соста́вивших кни́жку сати́ры «Маяко́вский издева́ется» (1922), поэ́т зло высме́ивал отрица́тельные явле́ния в сове́тской действи́тельности тех лет, в пе́рвую о́чередь — меща́нство и бюрократи́зм. Этой те́ме посвящены́ открыва́ющие кни́жку стихотворе́ния «О дря́ни» и «Прозаседа́вшиеся». Пе́рвое из них бы́ло злым, испо́лненным сарка́зма портре́том но́вого мещани́на. Во второ́м высме́ивалась заседа́тельская суетня́ в сове́тских учрежде́ниях. Когда́ стихотворе́ние «Прозаседа́вшиеся» бы́ло напеча́тано впервы́е в газе́те «Изве́стия» (5 ма́рта 1922 го́да), его́ отме́тил В. И. Ле́нин, указа́в на пра́вильность взя́того Маяко́вским полити́ческого прице́ла.

Одна́ко то́лько агитацио́нными стиха́ми и сати́рой бы́ло невозмóжно отве́тить на все вопро́сы, кото́рые ста́вил перед литерату́рой но́вый, ми́рный эта́п революции. Что́бы успе́шно противостоя́ть буржуа́зным влия́ниям, спосóбствовать изжива́нию всего́ того́, что Ле́нин называ́л пережи́тками капитали́зма в созна́нии люде́й, ну́жно бы́ло добира́ться поэти́ческим сло́вом до са́мых сокрове́нных глуби́н челове́ческого «я». Ну́жно бы́ло по-но́вому, с коммунисти́ческих пози́ций, осмы́сливать о́бщие вопро́сы — о нра́вственности, о но́вых, бóлее человéческих отноше́ниях ме́жду людьми́, о строи́тельстве но́вой культу́ры.



Обло́жка пе́рвого изда́ния поэ́мы «Люблю́».

В э́том пла́не о́чень большо́е значе́ние име́ют лири́ческие поэ́мы Маяко́вского «Люблю́» (1922) и «Про э́то» (1923). О любви́ писа́ли поэ́ты всех времён и наро́дов, и всё же Маяко́вский суме́л написа́ть о ней по-но́вому, как челове́к но́вой эпо́хи. Иро́нически называ́я те́му любви́ (в пе́рвых стро́чках поэ́мы «Про э́то») «ли́чной и ме́лкой», он в обе́их поэ́мах раскрыва́ет её как социа́льно значи́тельную и глубо́кую, свя́зывает её с вопро́сом о нра́вственном о́блике сове́тского челове́ка.

В поэ́ме «Люблю́» нет сло́жной метафори́чности «Облака в штана́х». Напи́санная о́чень про́сто и как бы на одно́м дыха́нии, поэ́ма «Люблю́» явля́ется утвержде́нием большо́й, настоя́щей любви́, любви́ как це́лостного и глубо́кого чу́вства, захва́тывающего челове́ка на всю жизнь и помога́ющего ему́ полне́е и я́рче воспринима́ть мир:

У про́чих зна́ю се́рдца дом я.
Оно́ в груди́ — любо́му изве́стно!
На мне ж
с ума́ сошла́ анато́мия.
Сплошно́е се́рдце —
гуди́т повсеме́стно.

Поэ́ма «Про э́то» — произведе́ние о́чень глубо́кое по своему́ социа́льно-психологи́ческому содержа́нию, но сло́жное для непривы́чного чита́теля, не́сколько тру́дное по своей о́бразности. Основно́й смысл поэ́мы в том, что

поэ́т как бы проверя́ет себя́, свою́ любо́вь, свои́ отноше́ния с бли́зкими и с чу́ждыми людьми́ с то́чки зре́ния высо́ких нра́вственных норм гряду́щего коммунисти́ческого о́бщества. Поэ́та не мо́жет удовлетвори́ть «у́зенькое» ли́чное сча́стье, осно́ванное на эгоисти́ческой самоудовлетворённости и изоля́ции от всего́ окружа́ющего. Настоя́щее, полноце́нное сча́стье немы́слимо без ощуще́ния, что и круго́м лю́дям хорошо́. Маяко́вский горячо́ убеждён, что в бу́дущем индивидуа́льные траге́дии полу́чат разреше́ние в солида́рности, душе́вной бли́зости всех люде́й, всего́ трудово́го челове́чества. Огро́мное се́рдце поэ́та полно́ жела́нием,

чтоб вся
на пе́рвый крик:
— Това́рищ! —
обора́чивалась земля́.

В по́исках отве́та на вопро́с, каки́м до́лжен быть челове́к коммуни́зма, Маяко́вский вновь и вновь обраща́ется к о́бразу Ле́нина. Но е́сли в 1920 году́ в стихотворе́нии «Влади́мир Ильи́ч!» он со́здал о́браз хотя́ и вели́чественный, но почти́ столь же усло́вный и фантасти́ческий, как о́браз Ива́на из поэ́мы «150 000 000», то в 1924 году́ в поэ́ме «Влади́мир Ильи́ч Ле́нин» Маяко́вский пока́зывает Ле́нина как реа́льного, конкре́тного челове́ка и полити́ческого де́ятеля, в кото́ром сли́ты воеди́но си́ла мы́сли, большо́е се́рдце, обращённое к лю́дям, и твёрдая во́ля, лома́ющая все препя́тствия на пути́ к высо́кой це́ли. Ле́нин весь устремлён к побе́де коммуни́зма. Поэ́тому тако́е ва́жное ме́сто в поэ́ме занима́ет те́ма па́ртии:

Па́ртия и Ле́нин —
близнецы́-бра́тья—
кто бо́лее
ма́тери-исто́рии це́нен?
Мы говори́м Ле́нин,
подразумева́ем —
па́ртия,
мы говори́м
па́ртия,
подразумева́ем —
Ле́нин.

Ле́нин дан в поэ́ме во вре́мени, в связи́ с исто́рией. Его́ де́ятельность, его́ иде́и подгото́влены предше́ствующей многовеково́й борьбо́й эксплуати́руемых с эксплуата́торами. Тако́й де́ятель, как Ле́нин, д о́ л ж е н был появи́ться, так как существова́ла объекти́вная истори́ческая необходи́мость его́ появле́ния. В э́том смысл пе́рвой главы́ поэ́мы. Образ Ле́нина воспринима́ется в ней чита́телем как бы на фо́не мирово́й исто́рии.

Во второ́й главе́ Маяко́вский обраща́ется к исто́рии Росси́и начина́я с 70-х годо́в XIX ве́ка. Многообра́зные истори́ческие фа́кты (наро́дничество, рабо́чее движе́ние 90-х годо́в, возникнове́ние маркси́зма, 1905 год и т. д.) он осмы́сливает в неразры́вной свя́зи с фа́ктами биогра́фии Ле́нина и иде́ями, кото́рыми он обогаща́л ру́сское революцио́нное движе́ние. Таки́м о́бразом, Маяко́вский подхо́дит к Ле́нину объекти́вно истори́чески, как марксист-ле́нинец. Ле́нин для него́ наибо́лее соверше́нное воплоще́ние истори́чески сложи́вшихся черт ру́сского революционе́ра. Ле́нин стал де́ятелем и мысли́телем междунаро́дного, мирово́го значе́ния в си́лу истори́ческой необходи́мости, в си́лу определённых истори́ческих усло́вий.

Худо́жественная значи́тельность поэ́мы определя́ется в ра́вной ме́ре и её эпи́ческой напо́лненностью (бога́тство факти́ческого материа́ла, монумента́льность, ве́рность истори́ческих обобще́ний, жи́вость повествова́ния), и си́лой прямы́х лири́ческих выска́зываний поэ́та, в кото́рых вы́ражены чу́вства, владе́вшие наро́дом и сами́м поэ́том. Для Маяко́вского Ле́нин — э́то родно́й, бли́зкий челове́к, Ильи́ч, и вме́сте с тем идеа́л, по кото́рому он, поэ́т, проверя́ет себя́. Потряса́юще звуча́т лири́ческие стро́фы в нача́ле поэ́мы и её после́дняя, тре́тья, глава́ — взволно́ванный моноло́г о сме́рти Ле́нина, о го́ре наро́да, челове́чества и самого́ поэ́та. Кульмина́цией (верши́ной, то́чкой наивы́сшего напряже́ния) э́того траги́ческого моноло́га явля́ются стро́ки:

Я сча́стлив,
что я
э́той си́лы части́ца,
что о́бщие
да́же слёзы из глаз.

Сильне́е
и чи́ще
нельзя́ причасти́ться
вели́кому чу́вству
по и́мени —
класс!

Сознава́ть себя́ части́цей вели́кого це́лого — кла́сса трудя́щихся, — да́же е́сли э́то созна́ние возни́кло в результа́те совме́стного с миллио́нами люде́й пережива́ния большо́го го́ря, — э́то сча́стье. В тре́тьей главе́ поэ́мы лири́чески запечатлён огро́мный душе́вный о́пыт, полу́ченный поэ́том в незабыва́емые тра́урные дни.

Таки́м о́бразом, в поэ́ме «Влади́мир Ильи́ч Ле́нин» о́бщая для всего́ тво́рчества Маяко́вского гумани́стическая те́ма (те́ма челове́ка) неразры́вно свя́зана с коммунисти́ческой парти́йностью, с конкре́тно истори́ческим подхо́дом в оце́нке явле́ний жи́зни. Идеа́л челове́чности Маяко́вский воплоща́ет тепе́рь не в о́бразе своего́ лири́ческого геро́я, как в дореволюцио́нных поэ́мах, а в о́бразе вожде́й трудя́щихся — Влади́мира Ильича́ Ле́нина, неразры́вно свя́зывает э́тот идеа́л с иде́ей коммуни́зма.

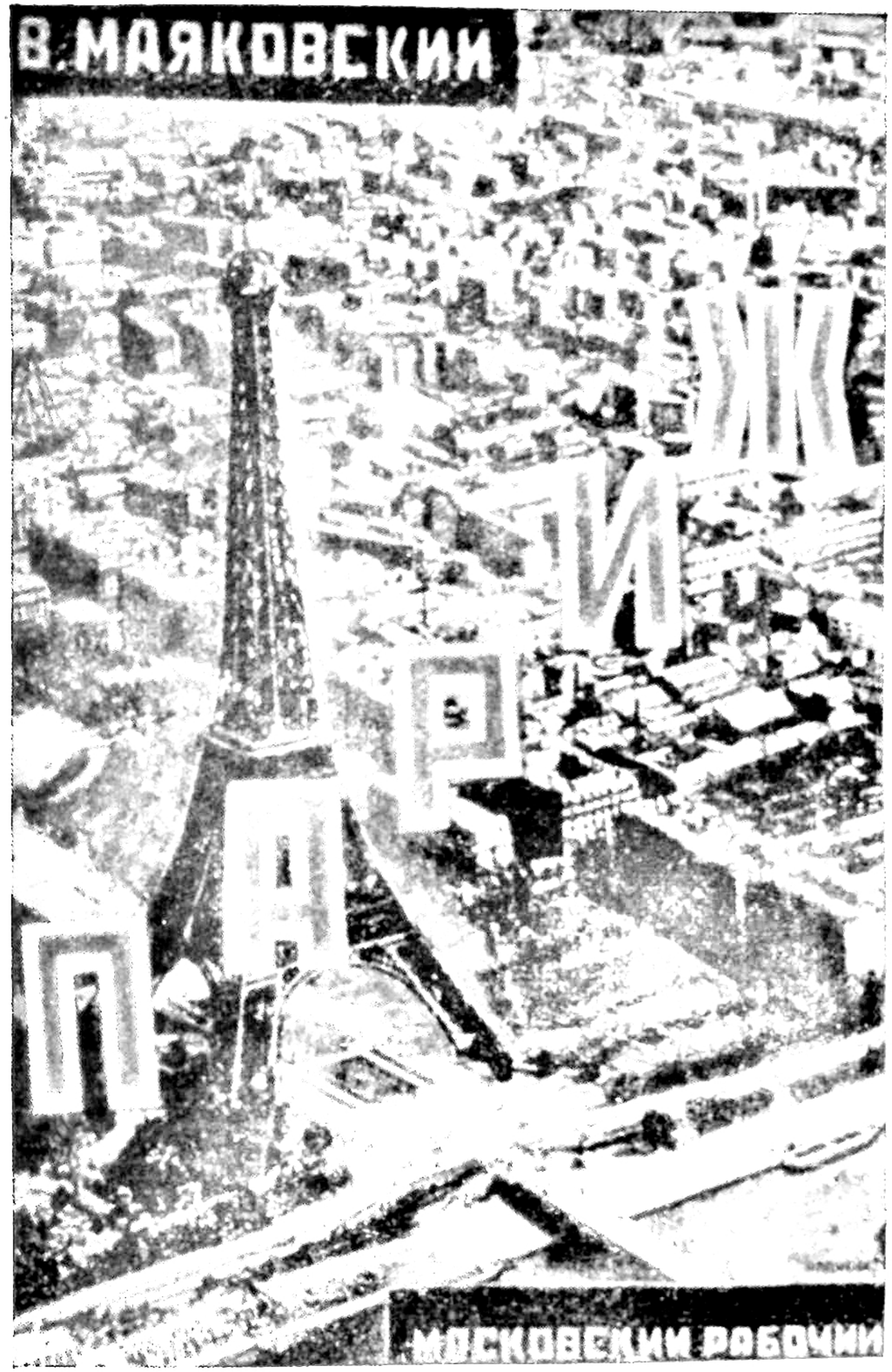
Жизнь, постро́енная на нача́лах, противополо́жных коммуни́зму, на иде́е со́бственности, индивидуа́льного накопле́ния, приво́дит к утра́те челове́ком его́ лу́чших ка́честв. Эта мысль прони́зывает стихи́ и о́черки Маяко́вского о капитали́стическом За́паде.

Рабо́тая в газе́тах, Маяко́вский отклика́лся на собы́тия междунаро́дной жи́зни 20-х годо́в, на проявле́ния империали́стического хи́щничества пра́вящих кла́ссов капитали́стических госуда́рств (см., наприме́р, стихотворе́ние «Воро́вский»). Осо́бое ме́сто в его́ тво́рчестве занима́ют стихи́, напи́санные в связи́ с пое́здками за грани́цу. Маяко́вский был де́вять раз за рубежо́м (с 1922 по 1929 год). Он побыва́л не́сколько раз во Фра́нции, Герма́нии, По́льше, Чехослова́кии. В 1924 году́ провёл почти́ два ме́сяца в Пари́же, а в 1925 году́ соверши́л дли́тельное путеше́ствие в Аме́рику (Гава́на, Ме́ксика, Соединённые Шта́ты). По возвраще́нии из э́той пое́здки он вы́пустил кни́гу о́черков «Моё откры́тие Аме́рики» и сбо́рник стихо́в «Испа́ния. Океа́н. Гава́на. Ме́ксика. Аме́рика».

Маяко́вский написа́л об Аме́рике без предубеждённости — правди́во и многосторо́нне. Чита́я его́ стихи́ и о́черки, чу́вствуешь, с како́й жа́дностью он впи́тывал в себя́ но́вые впечатле́ния и с како́й принципиа́льностью оце́нивал всё ви́денное. Его́ ра́дует я́ркая тропи́ческая приро́да Ме́ксики («Тро́пики»). Он восхища́ется великоле́пными созда́ниями челове́ческого труда́ и техни́ческой мы́сли америка́нского наро́да («Бру́клинский мост»). Он с глубо́ким уваже́нием пи́шет о трудя́щихся Соединённых Шта́тов — не́грах и бе́лых. Но он с по́лной я́сностью ви́дит глубо́кие противоре́чия капиталисти́ческой действи́тельности и бездýшную погóню за нажи́вой, кото́рая в Соединённых Шта́тах накла́дывает отпеча́ток на все сто́роны жи́зни и челове́ческих взаимоотноше́ний. Всеси́лие до́ллара и ра́совое неравнопра́вие в стране́, объявля́ющей себя́ са́мой свобо́дной в ми́ре, вызыва́ют гнев и возмуще́ние поэ́та. При э́том, е́сли о́браз Ви́льсона в поэ́ме «150 000 000» был обобще́нием капитали́зма в це́лом, то персона́жи, вы́веденные в стиха́х и о́черках об Аме́рике, — э́то о́бразы конкре́тных капитали́стов, кото́рые облада́ют не то́лько социа́льно типи́ческими, но и индивидуа́льными черта́ми.

Маяко́вский посети́л Аме́рику и стра́ны За́падной Евро́пы в го́ды, когда́ у нас ещё не́ было ни Днепрогэ́са, ни кана́ла и́мени Ле́нина, ни иску́сственных спу́тников Земли́, ни косми́ческих раке́т. Он прие́хал из отста́лой, разорённой войно́й страны́, наро́д кото́рой ещё то́лько начина́л плани́ровать вели́кие рабо́ты по социалисти́ческому преобразова́нию свое́й ро́дины. Но в сего́дняшнем дне он уме́л ви́деть за́втрашний. Поэ́тому, посети́в богате́йшую капиталисти́ческую страну́, он суме́л оцени́ть америка́нский капитали́зм глаза́ми челове́ка, стро́ящего коммуни́зм. Отсю́да та интона́ция си́лы, досто́инства и уве́ренности, кото́рая прохо́дит через все стихи́ и о́черки Маяко́вского об Аме́рике.

Пое́здки в зарубе́жные стра́ны, напомина́я о капиталисти́ческом стро́е, от кото́рого изба́вились наро́ды Сове́тского Сою́за, помога́ли Маяко́вскому лу́чше и полне́е ви́деть то но́вое, что росло́ и кре́пло в сове́тской действи́тельности. К 1926 го́ду зако́нчилось восстановле́ние



Обло́жка отде́льного изда́ния ци́кла стихо́в «Пари́ж». 1925.

наро́дного хозя́йства страны́ по́сле мирово́й и гражда́нской войн. Начало́сь строи́тельство но́вых заво́дов, совхо́зов. В 1929 году́ па́ртия организова́ла ма́ссовое движе́ние крестья́нства за коллективиза́цию. Облик страны́ с ка́ждым го́дом всё бо́лее меня́лся.

Но́вый эта́п в жи́зни сове́тского наро́да яви́лся но́вым эта́пом и в твóрчестве Маяко́вского. 1926—1930 го́ды бы́ли для него́ года́ми осо́бенно напряжённой и самозаб-вённой твóрческой рабóты. Ещё ши́ре стано́вится разма́х его́ писа́тельской и обще́ственной де́ятельности, всё разнообра́знее фóрмы рабóты. Он пи́шет киносцена́рии, кни́жки для дете́й, пье́сы («Клоп» и «Ба́ня»), те́ксты плака́тов, ло́зунги, о́коло четырехсо́т стихотворе́ний для газе́т и журна́лов и, наконе́ц, гениа́льные поэ́мы «Хорошо́!» и «Во весь го́лос» (не завершена́).

Но к како́й бы фóрме рабóты и́ли литерату́рному жа́нру ни обраща́лся Маяко́вский, он всегда́ ста́вил перед собо́й зада́чу «по́мощи сло́вом строи́тельству комму́ны». Повседне́вные, на пе́рвый взгляд незначи́тельные, фа́кты и собы́тия он уме́л свя́зывать с больши́ми пробле́мами вре́мени, уме́л заста́вить своего́ чита́теля уви́деть и почу́вствовать в совреме́нности перехо́дного пери́ода социалисти́ческую перспекти́ву. Каковы́ бы ни́ были конкре́тные те́мы напи́санных в э́ти го́ды Маяко́вским многочи́сленных стихотворе́ний — геройческий труд строи́телей пятиле́тки, борьба́ с бюрократи́змом, жизнь комсомо́ла и вообще́ молодёжи, но́вый быт и но́вая культу́ра, — в це́нтре внима́ния поэ́та всегда́ остаётся гла́вное: разви́тие в сове́тском о́бществе но́вых, социалисти́ческих отноше́ний.

Осо́бенно нагля́дно э́то выступа́ет в стихотворе́ниях Маяко́вского, напи́санных в связи́ с его́ пое́здками по стране́: «На́шему ю́ношеству», «Лу́чший стих», «По города́м Сою́за», «Чудеса́», «Каза́нь», «Земля́ на́ша оби́льна», «Расска́з Хрено́ва о Кузнецкстро́е и о лю́дях Кузне́цка» и ряд други́х. В осно́ве их фа́кты и собы́тия, весьма́ разли́чные по свое́й зна́чимости. Одна́ко для всех э́тих стихотворе́ний характе́рно ощуще́ние ро́дины и́менно как ро́дины трудя́щихся, как сове́тской и социалисти́ческой страны́.

Сове́тской ро́дине и Вели́кой Октя́брьской социалисти́ческой револю́ции посвящено́ и важне́йшее произведе́ние Маяко́вского э́того пери́ода — его́ поэ́ма «Хорошо́!» (1927).

Те́ма ро́дины и те́ма Октября́ свя́заны в поэ́ме неразры́вно. Социалисти́ческая сове́тская респу́блика рожда́лась «в тру́да́х и в бою́». Её «день рожде́ния» — 25 октября́ 1917 го́да — день Вели́кой социалисти́ческой револю́ции. Гла́вным геро́ем поэ́мы о велича́йших собы́тиях мирово́й и́стории, есте́ственно, явля́ется наро́д — творе́ц э́тих собы́тий, и поэ́т, пережива́вший их вме́сте с наро́дом.

Наро́д показан в поэ́ме о́чень конкре́тно и многосторо́нне. Зи́мний дворе́ц штурму́ет не про́сто толпа́, ма́сса (хотя́ бы и революцио́нная и геройческая), а матро́сы-кронштадтцы, солда́ты Кексго́льмского и Па́вловского полко́в, красногварде́йцы. Среди́ штурму́ющих и матро́с, объявля́ющий о конце́ Вре́менного прави́тельства, и парни́шка, укра́вший часы́. Наро́д в поэ́ме «Хорошо́!» — э́то и рабо́чий из «вое́нной бюры́» (глава́ 5), и «живы́е, с пе́сней... лю́ди», прерыва́ющие тоскли́вые раздýмья Бло́ка (глава́ 7), и крестья́не, громя́щие поме́щичьи уса́дьбы (та же глава́), и коммуни́сты, гру́зящие дрова́ (глава́ 8), и кра́сные эскадро́ны, ска́чущие вдого́нку Ма́монтову (глава́ 15), и начшта́ба, пи́шущий сообще́ние о ликвида́ции Вра́нгеля (глава́ 16).

На протяже́нии всей поэ́мы едини́чные фигу́ры и́ли гру́ппы в связи́ с тем и́ли ины́м конкре́тным эпизо́дом выступа́ют из ма́ссы, как бы вы́хваченные напра́вленным на них лучо́м све́та, что́бы зате́м вновь раствори́ться в ней, обогати́в, конкретизи́ровав о́браз наро́да как це́лого.

Вме́сте с тем ка́ждый индивидуа́льный о́браз-персона́ж воспринима́ется как бы на фо́не о́браза страны́, вели́кой социалисти́ческой ро́дины.

Образ ро́дины неотдели́м в поэ́ме от о́браза лири́ческого геро́я — самого́ Маяко́вского. Об э́том замеча́тельно говори́тся в пе́рвой главе́:

Это вре́мя гуди́т
телегра́фной струно́й,
э́то
се́рдце
с пра́вдой вдвоём.

Это бы́ло
с бойца́ми,
и́ли страно́й,
и́ли
в се́рдце
бы́ло
в моём.

Э т о (всё, о чём да́лее говори́тся в поэ́ме) б ы́ л о (произошло́, случи́лось) не то́лько в би́твах, разыгра́вшихся по всей стране́, но и в се́рдце поэ́та. Ли́чное и обще́ственное, истори́ческое в поэ́ме «Хорошо́!» соверше́нно неотдели́мы. Поэ́тому о́браз страны́ как бы слива́ется с организу́ющим поэ́му о́бразом лири́ческого геро́я. Изобрази́тельная конкре́тность в поэ́ме неотдели́ма от лири́ческой си́лы, от обращённого к совреме́нникам и пото́мкам стра́стного призы́ва стро́ить коммуни́зм, стро́ить «оте́чество, кото́рое бу́дет». Напи́санная к деся́той годовщи́не Октя́брьской револю́ции, поэ́ма «Хорошо́!» — не то́лько расска́з о по́двигах наро́да, но и призы́в к но́вым по́двигам в бу́дущем. Маяко́вский хо́чет:

Чтоб из кни́ги,
через ра́дость глаз,
от свиде́теля
счастли́вого,
в му́скулы
уста́лые
лила́сь
стро́ящая
и бунту́ющая си́ла.

Эта устремлённость в бу́дущее, стремле́ние возде́йствовать на чита́теля так, что́бы помога́ть ему́ рабо́тать, боро́ться, жить, повседне́вно ощуща́я движе́ние челове́чества из «вчера́» в «за́втра»,— о́бщая черта́ лири́ческого геро́я Маяко́вского. Именно поэ́тому лири́ческий геро́й Маяко́вского так акти́вен по отноше́нию ко всему́, что его́ окружа́ет: поэ́т глубоко́ убеждён, что, для того́ что́бы войти́ в бу́дущее, необходи́мо жить настоя́щим, пережива́ть как ли́чное с е г о́ д н я ш н ю ю жизнь своего́ наро́да и челове́чества.

Одно́й из важне́йших форм свя́зи с настоя́щим для поэ́та сове́тской эпо́хи Маяко́вский счита́л уча́стие в газе́те. Рабо́та над стиха́ми для газе́т тре́бует от поэ́та повседне́вного внима́ния к полити́ческим собы́тиям совре́менности, помога́ет ему́ лу́чше, полне́е ощути́ть жизнь, своё вре́мя, свою́ эпо́ху. Маяко́вского волнова́ли и заде́ва́ли не то́лько больши́е, но и ма́лые собы́тия повседне́вной обще́ственной жи́зни. Они́ станови́лись как бы ча́стью его́ со́бственной биогра́фии. Поэ́тому поэти́ческое «я» Маяко́вского, его́ поэти́ческий темпера́мент, интона́ции, язы́к проявля́лись не то́лько в его́ значи́тельнейших произведе́ниях — таки́х, как поэ́ма «Хорошо́!» и́ли пье́са «Ба́ня», — но и в стиха́х-фельето́нах, кото́рые он в тече́ние четырёх лет регуля́рно писа́л для «Комсомо́льской пра́вды» по материа́лам чита́тельских пи́сем (стихотворе́ние «Фа́брика мёртвых душ», напи́санное по материа́лам комсомо́льских отчётных собра́ний, а та́кже стихи́ «Нагру́зка на маку́шку», «Служа́ка» и други́е).

Маяко́вский разгова́ривал с молоды́м чита́телем «Комсомо́льской пра́вды» тре́бовательно, без ски́док. Он бичева́л жа́дность, со́бственничество, меща́нский индивидуали́зм, лень, обыва́тельское самодово́льство и неуваже́ние к труду́ и в осо́бенности бюрократи́зм — безответственный, механи́чески-равноду́шный подхо́д к рабо́те и лю́дям. Его́ ору́жием был смех. Но в зави́симости от «а́дреса» стихотворе́ния и его́ те́мы смех поэ́та звуча́л по-ра́зному: от гне́вного сарка́зма до дру́жеской шу́тки.

Все́ми отте́нками сме́ха по́льзуется Маяко́вский и в пье́се «Ба́ня» (1930). С беспоща́дным сарка́змом обрисо́ван центра́льный персона́ж «Ба́ни» — Победоно́сиков. Это собира́тельный о́браз бюрокра́та. Согла́сно пье́се, он занима́ет фангасти́чески-бессмы́сленную до́лжность, наименова́ние кото́рой (так же как и фами́лия — Победоно́сиков) звучи́т неле́по и смешно́: главначпу́пс — гла́вный нача́льник по управле́нию согласова́нием. Перед самовлюблённым главначпу́псом зайскивают его́ секрета́рь — подхали́м и наглец Оптими́стенко, худо́жник-халту́рщик Бельведо́нский, беспринци́пный журнали́ст Моменталь́ников, безли́кий обыва́тель Ива́н Ива́нович. Противостоя́щие победоно́сиковщине положи́тельные персона́жи (комсомо́лец Велосипе́дкин, машини́стка Ун-

дертóн, бухга́лтер Нóчкин, жена́ Победоно́сикова По́ля, молоды́е рабо́чие) объединены́ жела́нием помóчь изобрета́телю Чудако́ву, конструи́рующему «маши́ну вре́мени». При их содéйствии Чудако́в (гла́вный положи́тельный персона́ж) преодолева́ет все поме́хи со стороны́ возглавля́емых Победоно́сиковым бюрокра́тов, дово́дит де́ло до конца́ и с по́мощью свое́й маши́ны вызыва́ет делега́тку 2030 го́да. Фосфори́ческая же́нщина (так называ́ется в пье́се делега́тка бу́дущего) явля́ется с полномо́чиями перебро́сить через столе́тие, «в коммунисти́ческий век», лу́чших и досто́йнейших люде́й пе́рвой пятиле́тки. В изображе́нии большинства́ положи́тельных персона́жей мно́го ю́мора, но э́то дру́жеский ю́мор, кото́рый де́лает их осо́бенно бли́зкими зри́телю и чита́телю. Есть в пье́се и высо́кая романти́ческая припо́днятость. Так, когда́ в после́днем де́йствии все персона́жи, включа́я Победоно́сикова (напра́вившего самого́ себя́ в «столе́тнюю служе́бную командиро́вку»), собира́ются на маши́не вре́мени, Фосфори́ческая же́нщина, обраща́ясь к ним, говори́т:

«Бу́дущее при́мет всех, у кого́ найдётся хотя́ бы одна́ черта́, родня́щая с коллекти́вом комму́ны, — ра́дость рабо́тать, жа́жда же́ртвовать, неутоми́мость изобрета́ть, вы́года отдава́ть, го́рдость челове́чностью. . .»

У Победоно́сикова, Оптими́стенко и им подо́бных не нашло́сь таки́х черт. Маши́на вре́мени уно́сит в бу́дущее Чудако́ва и его́ друзе́й, а Победоно́сиков, Оптими́стенко, Бельведо́нский, Ива́н Ива́нович, а та́кже пыта́вшийся укра́сть у Чудако́ва его́ изобрете́ние иностра́нец ми́стер Понт Кич с мада́м Мезаль я́нсовой остаю́тся на опусте́вшей сце́не, «ски́нутые и раски́нутые чёртовым колесо́м вре́мени».

Пье́са зака́нчивается ре́пликой Победоно́сикова, обращённой к зри́тельному за́лу:

«И она́, и вы, и а́втор — что вы э́тим хоте́ли сказа́ть, — что я и вро́де не нужны́ для коммуни́зма?!»

Тако́в вы́вод, к кото́рому веду́т чита́теля пье́са «Ба́ня» и други́е сатири́ческие произведе́ния Маяко́вского.

Беспоща́дно ре́зкая в разоблаче́нии обще́ственного зла, сати́ра Маяко́вского вме́сте с тем всегда́ полна́ большо́го положи́тельного содержа́ния. Маяко́вский всегда́ писа́л заинтересо́ванно, стра́стно, парти́йно, никогда́ не уклоня́ясь от оце́нки, от прямо́го выраже́ния

свое́й то́чки зре́ния. Он не терпе́л полови́нчатости. «Что тако́е хорошо́ и что тако́е пло́хо» — э́то назва́ние изве́стного стихотворе́ния Маяко́вского для дете́й мо́жно счита́ть о́бщей фо́рмулой, выража́ющей его́ подхо́д к любо́й те́ме, его́ принципиа́льную пози́цию в жи́зни и в иску́сстве.

И е́сли что тако́е «пло́хо» Маяко́вский на нагля́дных приме́рах разъясня́л чита́телю в свое́й сати́ре, то о том, что тако́е «хорошо́», говоря́т стихи́ «Това́рищу Не́тте — парохо́ду и челове́ку», «Расска́з Хрено́ва о Кузнецкстро́е и о лю́дях Кузне́цка», «Секре́т мо́лодости», «Стихи́ о сове́тском па́спорте» и други́е, в кото́рых Маяко́вский утвержда́ет положи́тельный о́браз сове́тского челове́ка — тру́женика и борца́ за коммуни́зм. Этот о́браз скла́дывается в созна́нии чита́теля в ра́вной сте́пени и тогда́, когда́ Маяко́вский говори́т «от себя́» («Стихи́ о сове́тском па́спорте»), и тогда́, когда́ он расска́зывает о други́х сове́тских лю́дях («Расска́з Хрено́ва о Кузнецкстро́е. . .»). С наибо́льшей полното́й и си́лой э́тот положи́тельный о́браз вы́ражен в поэ́мах «Влади́мир Ильи́ч Ле́нин», «Хорошо́!» и осо́бенно в после́днем кру́пном произведе́нии Маяко́вского «Во весь го́лос», кото́рое оказа́лось его́ поэти́ческим завеща́нием.

* * *

Жизнь Маяко́вского оборвала́сь внеза́пно. 14 апре́ля 1930 го́да соверше́нно неожи́данно для всех, кто его́ знал, он поко́нчил жизнь самоуби́йством. В предсме́ртном письме́, адресо́ванном «Всем», он одно́й стихотво́рной строко́й («любо́вная ло́дка разби́лась о быт») объясня́л свой посту́пок чи́сто ли́чными причи́нами и проси́л: «пожа́луйста, не спле́тничайте». В том же письме́ он писа́л: «э́то не спо́соб (други́м не сове́тую), но у меня́ вы́ходов нет».

Мы не зна́ем то́чно, каковы́ бы́ли ли́чные причи́ны, непосре́дственно вы́звавшие у Маяко́вского столь о́строе чу́вство безвы́ходности. Одна́ко изве́стно, что его́ ли́чная жизнь была́ сло́жной, неустро́енной и, в коне́чном счёте, одино́кой. Мы зна́ем та́кже, что его́ не́рвы бы́ли перенапряжены́ вследствие кра́йнего утомле́ния. Он рабо́тал над стиха́ми всё вре́мя — идя́ по у́лице, игра́я на бильярде,

в ваго́не по́езда. Отдыха́ть он не уме́л. Перенапряже́ние мо́зга со́здало предпосы́лки для катастро́фы, сде́лало её возмо́жной.

Но возмо́жность не есть неизбе́жность. Ведь состоя́ние душе́вной пода́вленности быва́ло у Маяко́вского и ра́ньше, но он преодолева́л его́ и сно́ва всей мо́щью своего́ поэти́ческого ге́ния утвержда́л вели́кую ра́дость жи́зни:

...и жизнь
хороша́,
и жить
хорошо́.

То, что Маяко́вский не смог преодоле́ть душе́вную пода́вленность, бы́ло сле́дствием мно́гих причи́н, совпаде́ние кото́рых ста́ло для него́ роковы́м.

В ряду́ э́тих причи́н нельзя́ не назва́ть как одну́ из весьма́ суще́ственных нездоро́вую обстано́вку, кото́рая сложи́лась для Маяко́вского в литерату́рных круга́х. Крупне́йший поэ́т эпо́хи, уже́ тогда́ по́льзовавшийся огро́мной популя́рностью среди́ сове́тских чита́телей, изве́стный за рубежо́м, он в писа́тельской среде́ оказа́лся в положе́нии како́й-то иску́сственной изоли́рованности. Для литерату́рной жи́зни тех лет характе́рно существова́ние ря́да бо́рющихся ме́жду собо́й литерату́рных группиро́вок, в ка́ждую из кото́рых входи́ли и кру́пные писа́тели, и ме́нее значи́тельные литера́торы. Борьба́ групп приноси́ла сове́тской литерату́ре нема́лый вред. Учи́тывая э́то, Маяко́вский вы́шел из возглавля́вшейся им гру́ппы ЛЕФ (Ле́вый фронт иску́сства) и в феврале́ 1930 го́да вступи́л в РАПП (Росси́йская ассоциа́ция пролета́рских писа́телей), ви́дя в э́той наибо́лее мо́щной и ма́ссовой организа́ции проводника́ поли́тики па́ртии в о́бласти литерату́ры. В действи́тельности возглавля́вшие РАПП малозначи́тельные литера́торы во мно́гом искажа́ли парти́йную поли́тику, насажда́ли беспринци́пность и групповщи́ну. Вступи́в в РАПП, Маяко́вский разошёлся со свои́ми друзья́ми по гру́ппе ЛЕФ, с кото́рыми его́ свя́зывали го́ды совме́стной рабо́ты, а в РАПП мно́гие встре́тили его́ недружелю́бно, как «чужо́го». Ра́пповские кри́тики упо́рно твердили в своих статья́х, что Маяко́вский заражён «мелкобуржуа́зным индивидуали́змом», «непоня́тен рабо́чим ма́ссам» и т. п. Его́ самодово́льно поуча́ли лю́ди, значе́ние кото́рых в литерату́ре бы́ло неизмери́мо ме́ньшим. Произведе́ния его́ упо́рно зама́лчивались. Зама́лчивалась и его́ отчётная вы́ставка «20 лет рабо́ты», хотя́ на неё ва́лом вали́ла молодёжь. Вокру́г него́ ста́ла скла́дываться атмосфе́ра недоброжела́тельства. Находи́лись ме́лкие люди́шки, кото́рые пря́мо трави́ли его́. Маяко́вский воспринима́л всё э́то обострённо боле́зненно.

Афи́ша вы́ставки «20 лет рабо́ты Маяко́вского». 1930.

Боле́знь го́рла де́лала для него́ всё бо́лее затрудни́тельными выступле́ния с ле́кциями и чте́нием стихо́в. Ме́жду тем и́менно э́ти встре́чи с чита́телями дава́ли Маяко́вскому возмо́жность опроверга́ть лжи́вые разгово́ры о «непоня́тности» его́ поэ́зии. Поэ́тому он всё же выступа́л, хотя́ э́то бы́ло для него́ физи́чески мучи́тельно. 9 апре́ля он выступа́л на большо́м ве́чере. Ему́ нездоро́вилось. Незадо́лго перед э́тим появи́лось не́сколько ре́зких и несправедли́вых стате́й о его́ пье́се «Ба́ня», кото́рая в на́ши дни с таки́м успе́хом идёт во мно́гих теа́трах страны́. Ему́ бы́ло тру́дно, ве́чер прошёл неуда́чно. Мая-

В. В. Маяко́вский на свое́й вы́ставке. 1930.

ко́вскому, мо́жет быть, впервы́е не удало́сь переломи́ть холодновато́-вражде́бную настро́енность бо́льшей ча́сти аудито́рии. С ве́чера он уе́хал в пода́вленном настрое́нии и на выступле́ние, назна́ченное на 11 апре́ля, не яви́лся. Все э́ти «ме́лочи» наряду́ с тяжёлыми обстоя́тельствами ли́чной жи́зни толкну́ли его́ к ги́бели.

По́хороны Маяко́вского, собра́вшие деся́тки ты́сяч челове́к, вы́лились в грандио́зную демонстра́цию любви́ сове́тского наро́да к своему́ поэ́ту.

* * *

В после́дние ме́сяцы жи́зни Маяко́вский заду́мал но́вую поэ́му — о пятиле́тке. Этот за́мысел не был осуществлён. Но за два-три дня до 14 апре́ля вы́шел в свет журна́л «Октя́брь», в кото́ром была́ помещена́ но́вая вещь Маяко́вского, озагла́вленная «Во весь го́лос. Пе́рвое вступле́ние в поэ́му». Очеви́дно, э́тим вступле́нием Маяко́вский предполага́л откры́ть поэ́му о пятиле́тке. Спустя́ не́сколько лет бы́ли опублико́ваны сохрани́вшиеся в записны́х кни́жках Маяко́вского отры́вки второ́го вступле́ния, заду́манного, по-ви́димому, в фо́рме стихотво́рного письма́ к люби́мой.

«Во весь го́лос», одно́ из лу́чших и наибо́лее изве́стных произведе́ний Маяко́вского, — э́то разгово́р поэ́та с пото́мками «о вре́мени и о себе́», о ро́ли поэ́зии в борьбе́ за коммуни́зм. Обраще́ние к бу́дущему не случа́йно бы́ло заду́мано как вступле́ние в поэ́му о пятиле́тке. Вели́кое преобразова́ние страны́, на́чатое сове́тским наро́дом под руково́дством Коммунисти́ческой па́ртии, не могло́ не вы́звать у поэ́та жела́ния предвосхи́тить ход исто́рии и пря́мо обрати́ться к лю́дям «коммунисти́ческого далека́». В связи́ с э́тим есте́ственно бы́ло и огляну́ться на про́йденный путь, подыто́жить свою́ рабо́ту по строи́тельству но́вой культу́ры. Для тако́го подыто́живания был кста́ти и вне́шний календа́рный по́вод: испо́лнилось два́дцать лет со вре́мени написа́ния пе́рвой, не дошедшей до нас тюре́мной тетра́дки стихо́в. В связи́ с э́тим поэ́т в тече́ние двух ме́сяцев (дека́брь — янва́рь) подгота́вливал вы́ставку «20 лет рабо́ты Влади́мира Маяко́вского» — свой нагля́дный твóрческий отчёт перед совреме́нниками и сами́м собо́й. «Во весь го́лос» писа́лось в э́ти же ме́сяцы и вну́тренне свя́зано с вы́ставкой.

Обраще́ние поэ́та к бу́дущим поколе́ниям, к пото́мкам, через го́ловы совреме́нников, с оце́нкой со́бственного твóрчества име́ет весьма́ да́внюю тради́цию в мирово́й литерату́ре. К пото́мкам обраща́лся ещё древнери́мский поэ́т Гора́ций, уподо́бивший твoре́ния поэ́та па́мятнику бо́лее долгове́чному, чем ка́менные пирами́ды царе́й. О поэ́зии, как о па́мятнике, писа́ли вслед за Гора́цием и ру́сские поэ́ты: Ломоно́сов, Держа́вин, Пу́шкин.

«Во весь го́лос» объекти́вно явля́ется дальне́йшим разви́тием э́той тради́ции. Одна́ко традицио́нную поэти́ческую те́му Маяко́вский реша́ет совсе́м по-но́вому. Он отка́зывается от характе́рного для тако́го ро́да стихотворе́ний торже́ственного то́на. Маяко́вский непосре́дственно обраща́ется к свои́м бу́дущим чита́телям («Уважа́емые това́рищи пото́мки...», «Слу́шайте, това́рищи по-

то́мки...» и т. п.), говори́т с ни́ми пря́мо и ре́зко — так, как он привы́к вести́ разгово́р со свои́ми совре́менниками. Он говори́т о противоре́чиях своего́ вре́мени и тру́дностях своего́ писа́тельского пути́. Он с гне́вным саркази́змом отзыва́ется о тех стихотво́рцах, кото́рые, не затрудня́я себя́ никаки́ми иска́ниями и потака́я отста́лым вку́сам, поэтизи́руют по́шлость. О себе́ он говори́т:

Я, ассениза́тор
и водово́з,
революцией
мобилизо́ванный и при́званный,
ушёл на фронт
из ба́рских садово́дств
поэ́зии —
ба́бы капри́зной.

Противопоставле́ние поэ́зии как чёрной рабо́ты («ассениза́тор и водово́з») и как напряжённой би́твы, борьбы́ («ушёл на фронт...») — поэ́зии-заба́ве, поэ́зии-при́хоти («...ба́бы капри́зной») характе́рно для мно́гих выска́зываний Маяко́вского об иску́сстве. В «Во весь го́лос» Маяко́вский ещё раз повторя́ет э́то противопоставле́ние, но уже́ в друго́й интона́ции:

Слу́шайте,
това́рищи пото́мки,
агита́тора,
горла́на-главаря́.
Заглуша́
поэ́зии пото́ки,
я шагну́
через лири́ческие то́мики,
как живо́й
с живы́ми говоря́.

Центра́льное (и по значе́нию и с то́чки зре́ния компози́ции) ме́сто в произведе́нии занима́ют стро́фы, в осно́ве кото́рых лежи́т мета́фора «поэ́зия — ору́жие»:

В курга́нах книг,
похорони́вших стих,
желе́зки строк случа́йно обнару́живая,

вы
с уваже́нием
ощу́пывайте их,
как ста́рое,
но гро́зное ору́жие.
Я
у́хо
сло́вом
не привы́к ласка́ть;
ушку́ деви́ческому
в завито́чках волоска́
с полупоха́бщины
не разале́ться тро́нуту.
Пара́дом разверну́в
мои́х страни́ц войска́,
я прохожу́
по стро́чечному фро́нту.
Стихи́ стоя́т
свинцо́во-тяжело́,
гото́вые и к сме́рти
и к бессме́ртной сла́ве.
Поэ́мы за́мерли,
к жерлу́ прижа́в жерло́
нацеленных
зия́ющих загла́вий.
Ору́жия
люби́мейшего
род,
гото́вая
рвану́ться в ги́ке,
засты́ла
кавале́рия остро́т,
подня́вши рифм
отто́ченные пи́ки.
И все
пове́рх зубо́в вооружённые войска́,
что два́дцать лет в побе́дах
пролета́ли,
до са́мого
после́днего листка́
я отдаю́ тебе́,
плане́ты пролета́рий.

Поэ́т, принима́ющий пара́д всех родо́в ору́жия своего́ поэти́ческого во́йска и передаю́щий э́то прекра́сно вооружённое во́йско стихо́в трудя́щимся земно́го ша́ра, — э́тот о́браз (вероя́тно, возни́кший непосре́дственно в связи́ с вы́ставкой «20 лет рабо́ты») замеча́тельно обобща́ет поэ́зию Маяко́вского — её суро́вую му́жественность, широту́, революцио́нность, интернационали́зм.

* * *

«В Росси́и, — писа́л А. М. Го́рький, — ка́ждый писа́тель был вои́стину и ре́зко индивидуа́лен, но всех объединя́ло одно́ упо́рное стремле́ние — поня́ть, почу́вствовать, догада́ться о бу́дущем страны́, о судьбе́ её наро́да, об её ро́ли на земле́...

Се́рдце ру́сского писа́теля бы́ло ко́локолом любви́, и ве́щий и могу́чий звон его́ слы́шали все живы́е сердца́ страны́...»

Такова́, по определе́нию Го́рького, основна́я национа́льная тради́ция ру́сской литерату́ры.

Маяко́вский был по́длинным продолжа́телем э́той тради́ции — тради́ции гумани́зма, наро́дности, боево́й гражда́нственности. Образ поэ́та — «наро́да води́теля и одновреме́нно наро́дного слуги́» (см. стихотворе́ние «Разгово́р с фининспе́ктором о поэ́зии»), кото́рым определя́ется гла́вное в его́ тво́рчестве, — во мно́гом бли́зок к тому́ о́бразу проро́ка, наро́дного глаша́тая и борца́, с кото́рым чита́тель знако́м по стихотворе́ниям Пу́шкина («Проро́к», «Па́мятник»), Ле́рмонтова («Поэ́т») и в осо́бенности Некра́сова («Поэ́т и граждани́н», «Эле́гия» и мно́гие други́е).

Но Маяко́вский жил в другу́ю эпо́ху. Для выраже́ния но́вого жи́зненного содержа́ния он до́лжен был иска́ть но́вые фо́рмы худо́жественной вырази́тельности. Стремле́ние к нова́торству — неотъе́млемая черта́ Маяко́вского, и поэ́та и челове́ка. Маяко́вский насто́йчиво иска́л но́вое, нарожда́ющееся во всех областя́х сове́тской жи́зни, ра́довался ка́ждому его́ проявле́нию. Как ма́стер сло́ва он никогда́ не успока́ивался на дости́гнутом — иска́л, изобрета́л. Одно́ из свои́х стихотворе́ний 1929 го́да, на те́му о рабо́чем изобрета́тельстве, он на́чал сле́дующей строфо́й:

Мы —
Эдисо́ны
невы́данных взлётов,
энёргий
и све́тов.
Но гла́вное в нас —
и э́то
ниче́м не заслоо́нится, —
гла́вное в нас
э́то — на́ша
Страна́ Сове́тов,
сове́тская во́ля,
сове́тское зна́мя,
сове́тское со́лнце.

Стихотворе́ние озагла́влено «Мы». Кто э́то «мы»? По конте́ксту — э́то рабо́чие-изобрета́тели и рационализа́торы. Но, коне́чно, поэти́ческий смысл приведённых строк ши́ре: в них вы́ражено отноше́ние сове́тского челове́ка к труду́ и к ро́дине. В то же вре́мя «мы» — э́то не то́лько «мы» — сове́тские лю́ди, дерзнове́нные изобрета́тели и тру́женики, но и «я» — сове́тский поэ́т-нова́тор.

На протяже́нии всей свое́й тво́рческой жи́зни Маяко́вский рабо́тал над разви́тием и обогаще́нием вырази́тельных средств ру́сского стиха́. Он о́чень расши́рил поэти́ческую ле́ксику (то есть запа́с слов, кото́рые употребля́ются в поэ́зии), со́здал мно́го сме́лых, врезающихся в созна́ние мета́фор и, опира́ясь на всё предше́ствующее разви́тие ру́сской поэ́зии, разрабо́тал но́вые при́нципы ритми́ческой организа́ции стиха́.

Стих Маяко́вского иногда́ ка́жется тру́дным, так как он тре́бует от чита́теля осо́бенно большо́й акти́вности и внима́ния. Преодоле́ть мни́мую тру́дность стро́чек Маяко́вского — зна́чит поня́ть строй его́ стиха́ и повы́сить свою́ чита́тельскую культу́ру.

Для стиха́ Маяко́вского зре́лого пери́ода осо́бенно характе́рно р и т м и́ ч е с к о е испо́льзование с м ы с л о в ы́ х па́уз. Прочита́ть стихи́ Маяко́вского пра́вильно, «не заме́тив» э́тих па́уз, нельзя́. Что́бы пра́вильно проче́сть, на́до их пра́вильно поня́ть. Поясни́м э́то на двух приме́рах. Возьмём пе́рвую строфу́ четвёртой главы́ поэ́мы «Хорошо́!»:

Петербу́ргские о́кна.
Синё и темно́.
Го́род
сном
и поко́ем ско́ван.
НО
не спит
мада́м Кускова́.

Здесь односло́жное сло́во «но» ритми́чески уравнове́шивает це́лую строку́ (так как рифму́ется «темно́» — «но» и «ско́ван» — «Кускова́»). Поэ́тому сло́во «но» произно́сится с осо́бенно си́льным ударе́нием, оно́ как бы подчёркнуто; по́сле э́того коро́ткого сло́ва возника́ет осо́бенно больша́я па́уза. Эта па́уза необходи́ма р и т м и́ ч е с к и. Но э́та же па́уза необходи́ма и по с м ы́ с л у: сло́во «но» здесь должно́ быть си́льно вы́делено, произнесено́ так, что́бы подчеркну́ть ирони́ческое звуча́ние фра́зы в це́лом и тем са́мым созда́ть ирони́ческое отноше́ние к «мада́м Кусковой».

Если мы не акценти́руем (то есть не произнесём подчёркнуто) ри́фму, пропу́стим па́узу и прочита́ем сли́тно «но не спит мада́м Кускова́», мы одновреме́нно и искази́м р и т м, и обедни́м с м ы с л о в у́ ю выразительность да́нного отры́вка.

Второ́й приме́р — нача́ло стихотворе́ния «Това́рищу Не́тте — парохо́ду и челове́ку»:

Я неда́ром вздро́гнул.
Не загро́бный вздор.
В порт,
горя́щий,
как распла́вленное ле́то,
развора́чивался
и входи́л
това́рищ «Теодо́р
Не́тте».

Чита́я э́ту строфу́ вслух, нельзя́ произноси́ть сли́тно: «Теодо́р Не́тте». Сло́во «Не́тте» здесь самостоя́тельная стихотво́рная строка́, ритми́чески уравнове́шивающая двенадцатисло́жную строку́ «В порт, горя́щий, как расплавленное ле́то». Поэ́тому оно́ обяза́тельно должно́ быть вы́делено предше́ствующей дли́тельной па́узой. Эта па́уза де́лает его́ осо́бенно весо́мым. Зарифмова́в и и́мя и фами́лию («загро́бный вздор» — «Теодо́р», «ле́то» — «Не́тте»), Маяко́вский подчёркивает значи́тельность встре́чи с парохо́дом, на́званным в честь геро́я.

Ри́фма игра́ет в стиха́х Маяко́вского о́чень большу́ю роль. Ри́фмы Маяко́вского исключи́тельно разнообра́зны и виртуо́зны с чи́сто звуково́й стороны́. Но ещё важне́й друго́е. В статье́ «Как де́лать стихи́?» Маяко́вский писа́л: «...я всегда́ ста́влю са́мое характе́рное сло́во в коне́ц строки́ и достаю́ к нему́ ри́фму во что́ бы то ни ста́ло». Так как по́сле ри́фмы па́уза всегда́ наибо́лее значи́тельна, то ва́жные по смы́слу слова́ ока́зываются как бы два́жды подчёркнутыми.

Смысло́вое и ритми́ческое значе́ние име́ют у Маяко́вского не то́лько па́узы в к о н ц е́ строки́ (то есть по́сле ри́фмы), но и па́узы в н у т р и́ строки́. Маяко́вский их графи́чески отмеча́ет, рассека́я строку́ на отде́льные «ступе́ньки». Тако́е графи́ческое расположе́ние строк в стиха́х Маяко́вского помога́ет чита́ющему уловить ритм и произнести́ стихи́ пра́вильно.

Звукова́я и ритми́ческая сторона́ в стиха́х всегда́ име́ет суще́ственное значе́ние. Поэ́тому, что́бы воспринять стихотво́рное произведе́ние бо́лее по́лно и всесторо́нне, лу́чше проче́сть его́ вслух. В отноше́нии Маяко́вского э́то осо́бенно суще́ственно, так как большинство́ его́ стихотворе́ний зара́нее рассчи́тано на чте́ние перед большо́й аудито́рией. Если чита́ть в по́лный го́лос невозмо́жно, сле́дует всё же чита́ть не то́лько глаза́ми, но обяза́тельно хотя́ бы про себя́ п р о и з н о с и́ т ь стро́ки.

* * *

«...В представле́нии всех, кто знал Маяко́вского ли́чно и́ли да́же хотя́ бы по его́ публи́чным выступле́ниям и произведе́ниям, Маяко́вский — э́то жизнь...

Я легко́ отожде́ствля́ю поня́тие «жизнь» с э́тим изуми́тельно глубо́ким, колоко́льным го́лосом. Ритм чте́ния и да́же бесе́ды Маяко́вского бы́ли всегда́ споко́йными и разме́ренными, и под э́тим споко́йствием и разме́ренностью он был могу́ч.

неиссяка́емой жи́зненности,
схва́ченной кре́пкой во́лей.
м из её преде́льных про-

ва́ю в любо́м ме́сте любу́ю
ка́ждый раз устремля́ется
ком: свет я́ркий, беспоща́д-
по́м лучё́й проже́ктора бьёт

му принадлежа́т э́ти стро́ки,
ком са́мое гла́вное — жи́з-
вало́жена в его́ ли́чности и
и. Имя Маяко́вского нераз-
а́теля с де́йственным, тво́р-
ве́рой в челове́ка, акти́вной
ове́чества. Его́ стихи́ про́чно
ти́руют на съе́здах па́ртии,
ре́чи, приво́дят в пи́сьмах,

Зо́я Космодемья́нская вы́-
кку стро́ки:

м —

зна́чит держа́ть,

меть.

кой Оте́чественной войны́,
ту́рной газе́ты» писа́л:
ко́вского, я невО́льно рас-
высоко́ го́лову, вну́тренне
себя́ в строю́».
э́тов, кото́рые добива́лись
на сла́бости чита́теля,
нную тоску́ и́ли, наоборо́т,
им сло́вом, ка́ждое своё
мо от того́, хорошо́ оно́ и́ли
чи́тельно.
и́х, си́льных чувств и вели́-
своему́ чита́телю. Он обра-

В. Д. Дува́кин

СТИХ

Одно́ из наибо́лее ра́нних стихотворе́ний Маяко́вского — ***„Hámе!“***. Оно́ напи́сано в 1913 году́. Маяко́вский неоднокра́тно чита́л его́ на литерату́рных вечера́х футури́стов. На э́тих вечера́х мно́гое бы́ло рассчи́тано на то, что́бы эпати́ровать (пораж а́ть, нарочи́то удивля́ть необы́чным, непри́нятым) пу́блику. Этим отча́сти и объясня́ется вызыва́ющий хара́ктер не́которых сравне́ний и эпи́тетов. Одна́ко ре́зкость о́бщего то́на стихотворе́ния обусло́влена вы́раженным в нём чу́вством социа́льного проте́ста, антибуржуа́зной напра́вленностью. Маяко́вский ненави́дит буржуа́зно-меща́нскую толпу́, кото́рая пришла́ на ве́чер поэ́тов в по́исках о́стрых развлече́ний, облича́ет её уро́дство, по́шлость, ту́пость. Эта многоголо́вая толпа́, слива́ющаяся в представле́нии поэ́та в сплошну́ю безли́кую ма́ссу жи́ра, вражде́бна его́ демократи́ческому мироощуще́нию. Маяко́вский сознаёт, что, обраща́ясь к э́той толпе́ со стиха́ми, он бесполе́зно растра́чивает са́мое для него́ драгоце́нное — поэти́ческое сло́во. Мужчи́на с оста́тками обе́да в уса́х, гу́сто набелённая же́нщина, выгля́дывающая из свои́х наря́дов, как бесфо́рменная у́стрица из ра́ковины, — все э́ти зажире́вшие, бездо́шные обыва́тели гото́вы из пра́здного любопы́тства затопта́ть не́жное, как ба́бочка, се́рдце поэ́та («...на ба́бочку поэ́тиного се́рдца взгромозди́тесь, гря́зные, в кало́шах и без кало́ш...»). И они́-то, э́ти обыва́тели, счита́ют себя́ культу́рно-утончёнными, а поэ́зию Маяко́вского объявля́ют гру́бой, ва́рварской! Тем лу́чше! Он и не наме́рен угожда́ть их по́шлому вку́су: он откры́то, пря́мо в лицо́ им, броса́ет свой стих, испо́лненный гне́ва и презре́ния.

НА ТЕ!

Через час отсю́да в чи́стый переу́лок
вы́течет по челове́ку[1] ваш обрю́згший жир,
а я вам откры́л сто́лько стихо́в шкату́лок[2],
я — бесце́нных слов мот и транжи́р[3].

Вот вы́[4], мужчи́на, у вас в уса́х капу́ста
где́-то недоку́шанных, недое́денных щей;
вот вы́, же́нщина, на вас бели́ла гу́сто,
вы смо́трите у́стрицей из ра́ковин вещей.

Все́ вы на ба́бочку поэ́тиного се́рдца
взгромозди́тесь, гря́зные, в кало́шах и без кало́ш.
Толпа́ озвере́ет, бу́дет тере́ться,
ощети́нит но́жки стогла́вая вошь.

А е́сли сего́дня мне, гру́бому гу́нну[5],
кривля́ться перед ва́ми не захо́чется — и вот
я захохочу́ и ра́достно плю́ну,
плю́ну в лицо́ вам
я — бесце́нных слов транжи́р и мот.

---

[1] «Вы́течет по челове́ку» — лю́ди вы́йдут оди́н за други́м, челове́к за челове́ком; толпа́ как бы вы́течет «челове́к по челове́ку» (сравни́: ка́пля по ка́пле).

[2] В шкату́лках (небольши́х наря́дных я́щичках) ра́ньше обы́чно храни́ли драгоце́нности. Драгоце́нности поэ́та — его́ стихи́.

[3] Мот и транжи́р — челове́к, кото́рый на пустяки́ тра́тит, прома́тывает де́ньги; здесь: поэ́т напра́сно открыва́ет свою́ ду́шу, чита́ет стихи́ (транжи́рит бесце́нные слова́) не понима́ющим его́ обыва́телям.

[4] В не́которых слу́чаях на односло́жных слова́х поста́влены ударе́ния для того́, что́бы ритми́чески пра́вильно проче́сть стихотво́рную строку́.

[5] Гу́нны — вои́нственные азиа́тские кочевники. Наше́ствие гу́нов на За́падную Евро́пу, нача́вшееся в IV ве́ке, сопровожда́лось сожже́нием городо́в, разруше́нием па́мятников культу́ры и т. п. Сло́во «гунн» вошло́ в литерату́рный язы́к в значе́нии — дика́рь, ва́рвар.

Стихотворе́ние ***„Послу́шайте!“,*** напи́санное вскоре по́сле стихотворе́ния «На́те!» (в конце́ 1913 го́да), о́чень отлича́ется от него́ по своему́ о́бщему то́ну. О звёздах писа́ли ты́сячи лет поэ́ты всех наро́дов, но Маяко́вский написа́л о них по-но́вому. Маяко́вский глубоко́ чу́вствует приро́ду, мироздание (ко́смос), но да́же ко́смос, да́же звёзды его́ привлека́ют пре́жде всего́ посто́льку, поско́льку мо́гут стать для челове́ка исто́чником ра́дости, столь ему́ необходи́мой. Сло́во «плево́чки» примени́тельно к звёздам (форма́льно то́же «эпати́рующее») воспринима́ется в конте́ксте э́того стихотворе́ния совсе́м ина́че, чем ре́зкие определе́ния в стихотворе́нии «На́те!». Оно́ помога́ет чита́телю почу́вствовать, что э́ти звёзды ви́дит челове́к, живу́щий среди́ асфа́льта, камне́й, домо́в, заплёванных тротуа́ров. Тако́й челове́к ре́дко ви́дит звёзды, и они́ ему́ осо́бенно необходи́мы. А о́браз далёкого от людски́х го́рестей бо́га с «жи́листой» руко́й, к кото́рому «врыва́ется» челове́к, полеми́чески напра́влен про́тив традицио́нных христиа́нских представле́ний.

ПОСЛУШАЙТЕ!

Послу́шайте!
Ведь, е́сли звёзды зажига́ют —
зна́чит — э́то кому́-нибудь ну́жно?
Зна́чит — кто́-то хо́чет, что́бы они́ бы́ли?
Зна́чит — кто́-то называ́ет э́ти плево́чки жемчу́жиной?
И, надрыва́ясь
в мете́лях полу́денной пы́ли,
врыва́ется к бо́гу,

бои́тся, что опозда́л,
пла́чет,
целу́ет ему́ жи́листую ру́ку,
про́сит —
чтоб обяза́тельно была́ звезда́! —
клянётся —
не перенесёт э́ту беззвёздную му́ку!
А по́сле
хо́дит трево́жный,
но споко́йный нару́жно.
Говори́т кому́-то:
«Ведь тепе́рь тебе́ ничего́?
Не стра́шно?
Да?!»
Послу́шайте!
Ведь, е́сли звёзды
зажига́ют —
зна́чит — э́то кому́-нибудь ну́жно?
Зна́чит — э́то необходи́мо,
что́бы ка́ждый ве́чер
над кры́шами
загора́лась хоть одна́ звезда́?!

В стихотворе́нии *„Скри́пка и немно́жко не́рвно“* (1914) Маяко́вский говори́т не то́лько об одино́честве поэ́та в буржуа́зно-меща́нской толпе́, но и о свое́й ли́чной челове́ческой жа́жде серде́чной бли́зости, любви́. Го́лос скри́пки, же́нственной, беззащи́тной и то́же одино́кой, заставля́ет поэ́та бро́ситься к ней в орке́стр. Очень характе́рно, что своё большо́е лири́ческое пережива́ние Маяко́вский как бы маскиру́ет ирони́чески звуча́щим загла́вием, иносказа́тельностью о́бразов.

СКРИПКА И НЕМНОЖКО НЕРВНО

Скри́пка издёргалась, упра́шивая,
и вдруг разреве́лась
так по-де́тски,
что бараба́н не вы́держал:
«Хорошо́, хорошо́, хорошо́!»
А сам уста́л,
не послу́шал скри́пкиной ре́чи,
шмыгну́л на горя́щий Кузне́цкий [1]
и ушёл.
Орке́стр чужо́ смотре́л, ка́к
выпла́кивалась скри́пка
без слов,
без та́кта,
и то́лько где́-то

[1] «Ш м ы г н у́ л н а г о р я́ щ и й К у з н е́ ц к и й» — бы́стро прошёл на сия́ющий огня́ми Кузне́цкий мост (так называ́ется одна́ из у́лиц в це́нтре Москвы́. Назва́ние свя́зано с тем, что ещё в нача́ле XIX ве́ка здесь действи́тельно был мост через реку́ Неглинную).

глу́пая таре́лка [1]
выля́згивала:
«Что́ это?»
«Ка́к это?»
А когда́ геликóн [2] —
меднорóжий,
пóтный,
кри́кнул:
«Ду́ра,
пла́кса,
вы́три!» —
я встал,
шата́ясь поле́з через но́ты,
сгиба́ющиеся под у́жасом пюпи́тры [3],
заче́м-то кри́кнул:
«Бóже!»,
Бро́сился на деревя́нную ше́ю:
«Зна́ете что, скри́пка?
Мы ужа́сно похóжи:
я вот тóже
ору́ —
а доказа́ть ничегó не уме́ю!»
Музыка́нты смею́тся:
«Вли́п как!
Пришёл к деревя́нной неве́сте!
Голова́!»
А мне — наплева́ть!
Я — хорóший.
«Зна́ете что, скри́пка?
Дава́йте —
бу́дем жить вме́сте!
А?»

---

[1] Таре́лки — уда́рный музыка́льный инструме́нт, состоя́щий из двух кру́глых и плóских металли́ческих пласти́нок.

[2] Геликóн — ме́дная кольцеобра́зная труба́ с широ́ким ру́пором (духово́й музыка́льный инструме́нт).

[3] Пюпи́тры — подста́вки для нот на тóнких, высóких нóжках.

В. В. Маякóвский. 1918.

(Кадр из кинофи́льма «Ба́рышня и хулига́н»).

В сатири́ческих стиха́х, печа́тавшихся в 1915—1916 года́х в журна́ле «Но́вый сатирико́н» (см. об э́том подро́бнее во вступи́тельной статье́, стр. 15), Маяко́вский, по́льзуясь приёмом гроте́ска (то есть ре́зко, до неправдоподо́бности, до фантасти́чности преувели́чивая отде́льные черты́ о́браза), со́здал це́лую галере́ю смешны́х и́ли отврати́тельных о́бразов угнета́телей наро́да и их слуг. Таковы́, в ча́стности, гроте́скные персона́жи стихотворе́ния ***„Надое́ло“***, напи́санного в ноябре́ 1916 го́да.

Уро́дство и бездýшие вы́веденных в э́том стихотворе́нии персона́жей как бы скры́то противопоста́влены красоте́ настоя́щего, полноце́нного челове́ка, горя́чей мечто́й о кото́ром прони́зано всё дооктя́брьское тво́рчество Маяко́вского. Поэ́тому «Надое́ло» не то́лько сати́ра, но и выраже́ние стра́стной тоски́ поэ́та по по́длинной челове́чности.

В нача́ле стихотворе́ния упомя́нуты три изве́стных ру́сских поэ́та, о́бщей чертой кото́рых (при всех их разли́чиях) бы́ло то, что они́ чужда́лись обще́ственных вопро́сов, волнова́вших передовы́х люде́й их вре́мени. И. Ф. Анненский (1856—1909) — утончённый поэ́т, бли́зкий к буржуа́зно-декаде́нтским тече́ниям, получи́вший изве́стность в нача́ле XX ве́ка; Ф. И. Тю́тчев (1803—1873) — оди́н из крупне́йших ру́сских поэ́тов XIX ве́ка, ли́рика кото́рого испо́лнена филосо́фских разду́мий о мироздáнии, о приро́де, о любви́; А. А. Фет (1820—1892) — мла́дший совреме́нник Тю́тчева, изве́стный преиму́щественно стиха́ми о приро́де, сторо́нник тео́рии «чи́стого иску́сства» и реши́тельный проти́вник граждáнской те́мы в поэ́зии. Все тро́е бы́ли тала́нтливыми поэ́тами. И всё

же от их изы́сканной, пусть прекра́сной, но далёкой от совреме́нности поэ́зии Маяко́вского тя́нет к живы́м лю́дям, к свои́м реа́льным совреме́нникам.

Одна́ко люде́й, досто́йных э́того и́мени, поэ́т там не нахо́дит. Петрогра́д 1916 го́да, обескро́вленный тя́нущейся уже́ тре́тий год войно́й, кишúт наживáющимися на э́той войне́ спекуля́нтами. Са́мая их вне́шность, их поведе́ние — всё оскорбля́ет то представле́ние об и́стинном, полноце́нном челове́ке, кото́рое живёт в се́рдце поэ́та. Отсю́да траги́ческое восклица́ние: «Нет люде́й!» — в кото́ром вы́ражена основна́я иде́я стихотворе́ния. До отча́яния одино́кий в свое́й тоске́ по челове́чности и красоте́, поэ́т обраща́ется к самому́ го́роду, к его́ булы́жникам, асфа́льту, дома́м, трамва́ю; ведь по сравне́нию с нечелове́ческой «образи́ной», уви́денной за сто́ликом кафе́, трамва́й, бегу́щий навстре́чу, ка́жется живы́м, осмы́сленным («...у́мную мо́рду трамва́я...»). Да́же ча́йная ро́за на обо́ях ко́мнаты ка́жется Маяко́вскому бо́лее подходя́щим собесе́дником, чем уви́денные им человекообра́зные существа́, и ей, а не им он гото́в чита́ть свои́ стихи́.

Одна́ко ве́щи, как ни оживля́й их поэти́ческим воображе́нием, не мо́гут замени́ть люде́й, не мо́гут облегчи́ть боль се́рдца, обращённого к лю́дям и не спосо́бного примири́ться с тем, что в си́лу социа́льных усло́вий челове́к, прекра́сный по свое́й приро́де, стано́вится уро́дливо-стра́шным.

НАДОЕЛО

Не вы́сидел до́ма.
Анненский, Тю́тчев, Фет.
Опя́ть,
тоско́ю к лю́дям веду́мый,
иду́
в кинемато́графы, в тракти́ры, в кафе́.

За сто́ликом.
Сия́ние.
Наде́жда сия́ет се́рдцу глу́пому.

А е́сли за неде́лю
так измени́лся россия́нин,
что щёки сожгу́ огня́ми губ ему́.
Осторо́жно поднима́ю глаза́,
ро́юсь в пиджа́чной ку́че [1].
«Наза́д,
наз-за́д,
н а з а́ д!»
Страх орёт из се́рдца.
Ме́чется по лицу́, безнадёжен и ску́чен.

Не слу́шаюсь.
Ви́жу,
впра́во немно́жко,
неве́домое ни на су́ше, ни в пучи́нах вод,
стара́тельно рабо́тает над теля́чьей но́жкой
зага́дочнейшее существо́.
Глади́шь и не зна́ешь: е́ст и́ли не е́ст он.
Глади́шь и не зна́ешь: ды́шит и́ли не ды́шит он [2].
Два арши́на безли́цего розова́того те́ста:
хоть бы ме́тка была́ в уголо́чке вы́шита.

То́лько колы́шутся спада́ющие на пле́чи
мя́гкие скла́дки лосня́щихся щёк.
Се́рдце в исступле́нии,
рвёт и ме́чет.
«Наза́д же!
Чего́ ещё?»

Вле́во смотрю́.
Рот рази́нул.
Оберну́лся к пе́рвому, и ста́ло и́наче:
для уви́девшего вторую́ образи́ну

[1] То есть рассма́триваю сидя́щих за сто́ликами кафе́ мужчи́н в наде́жде найти́ привлека́тельное лицо́.

[2] Здесь Маяко́вский перефрази́рует изве́стные стро́ки Го́голя о Днепре́: «Глади́шь и не зна́ешь, идёт и́ли не идёт его́ велича́вая ширина́...» («Стра́шная месть»). Торже́ственная го́голевская инто-на́ция в примене́нии к запла́вшему жи́ром посети́телю рестора́на де́лает его́ портре́т ещё более сатири́ческим.

пе́рвый —
воскре́сший Леона́рдо да Ви́нчи [1].
Нет люде́й.
Понима́ете
крик тысячедне́вных мук?
Душа́ не хо́чет нема́я идти́,
а сказа́ть кому́?

Бро́шусь на зе́млю,
ка́мня коро́ю
в кровь лицо́ изотру́, слеза́ми асфа́льт омыва́я.
Истоми́вшимися по ла́ске губа́ми ты́сячью поцелу́ев
покро́ю
у́мную мо́рду трамва́я.

В дом уйду́.
Прили́пну к обо́ям.
Где ро́за есть нежне́е и ча́йнее? [2]
Хо́чешь —
тебе́
ряб6е
прочту́: «Просто́е как мыча́ние»? [3]

Для исто́рии

Когда́ все расселя́тся в раю́ и в аду́,
земля́ ито́гами подведена́ бу́дет —
по́мните:
в 1916 году́
из Петрогра́да и с ч е́ з л и краси́вые лю́ди.

[1] Общий смысл фра́зы, сидя́щие в кафе́ лю́ди отврати́тельны Маяко́вскому — оди́н неприя́тней друго́го. Л е о н а́ р д о д а В и́ н ч и (1452—1519) — вели́кий италья́нский худо́жник и учёный эпо́хи Возрожде́ния; здесь упомя́нут по контра́сту, как приме́р велико-ле́пного, и́стинно полноце́нного челове́ка.

[2] «Ч а́ й н е е» (неологи́зм) — сравни́тельная сте́пень от прила-га́тельного «ча́йная» (ро́за). Ро́за, по поэти́ческой тради́ции, — си́мвол красоты́. Но тоску́ющий поэ́т встреча́ет ро́зу (красоту́) то́лько на обо́ях.

[3] «П р о с т о́ е к а к м ы ч а́ н и е» — назва́ние сбо́рника стихо́в и поэ́м Маяко́вского, и́зданного в 1916 году́. Стро́ки, запрещённые ца́рской цензу́рой, бы́ли в э́том сбо́рнике заменены́ то́чками (по-э́тому — ряб6е).

В помещённых ни́же отры́вках из поэ́мы ***„Челове́к“*** — после́дней из дооктя́брьских поэ́м Маяко́вского (1916—1917) — челове́ку, то есть са́мому хоро́шему, са́мому замеча́тельному, что́ для Маяко́вского есть в ми́ре, противопоста́влена как не́что вражде́бное и мертвя́щее власть зо́лота.

Сам по себе́ челове́к прекра́сен: прекра́сно и гармони́чно его́ те́ло, го́лос, речь, его́ си́льный и де́рзкий ум (см. пе́рвый отры́вок), его́ се́рдце («необыча́йнейший комо́к»), спосо́бное твори́ть чудеса́. Но челове́к лишён свобо́ды. Те, для кого́ зо́лото доро́же, значи́тельней, чем челове́ческое се́рдце (см. второ́й отры́вок), опу́тали его́ се́тью ло́жных иде́йных представле́ний и усло́вностей.

В э́том конфли́кте, поло́женном в осно́ву поэ́мы, Маяко́вский как бы обобща́ет весь про́шлый о́пыт челове́чества.

Отры́вки из поэ́мы

ЧЕЛОВЕК

I

Суди́те:
говоря́щую рыбёшку
вы́удим ни́тями не́вода [1]
и поём,
поём золоту́ю,
воспева́ем рыба́чью у́даль.
Ка́к же
себя́ мне не петь,

[1] Име́ется в виду́ «Ска́зка о рыбаке́ и ры́бке» А. С. Пу́шкина.

е́сли весь я —
сплошна́я не́видаль,
е́сли ка́ждое движе́ние моё —
огро́мное,
необъясни́мое чу́до.

Две стороны́ обойди́те.
В ка́ждой
дивитесь пятилу́чию.
Называ́ется «Ру́ки».
Па́ра прекра́сных рук!
Заме́тьте:
спра́ва нале́во дви́гать могу́
и сле́ва напра́во.
Заме́тьте:
лу́чшую
ше́ю вы́брать могу́
и обовью́сь вокру́г.

Че́репа шкату́лку вскро́йте —
сверкнёт
драгоце́ннейший ум.
Есть ли,
чего́ б не мо́г я!
Хоти́те,
но́вое вы́думать могу́
живо́тное?
Бу́дет ходи́ть
двухво́стое
и́ли трено́гое.

. . . . . .

Всего́ не сочтёшь!
Наконе́ц,
чтоб в ле́то
зи́мы,
во́ду в вино́ превраща́ть чтоб мог [1] —
у меня́
под ше́рстью жиле́та
бьётся
необыча́йнейший комо́к.

[1] «Во́ду в вино́ превраща́ть чтоб мог» — здесь: что́бы мог твори́ть чудеса́.

II

Рёвом встрево́жено ло́гово банки́ров,
вельмо́ж и до́жей.

Вы́шли
ла́ты,
зо́лото те́нькая [1].

«Если се́рдце всё,
то на что́,
на что́ же
вас нагрёб, дороги́е де́ньги, я?
Как сме́ют петь,
кто пра́во дал?
Кто дням веле́л ию́литься? [2]
Запри́те не́бо в провода́!
Скрути́те зе́млю в у́лицы!
Хвали́лся:
«Ру́ки?!»
На ружьё ж!
Ласка́лся дня́ми ле́тними?
Так бу́дешь —
весь! —
колю́ч, как ёж.
Язы́к оплю́йте сплётнями!»

За́гнанный в земно́й заго́н,
влеку́ дневно́е и́го я.
А на мозга́х
верхо́м
«Зако́н»,
на се́рдце цепь —
«Рели́гия».

---

[1] То есть все «си́льные ми́ра сего́», все «власть иму́щие», у кото́рых се́рдце на́глухо зако́вано в зо́лото, как в ла́ты, ополча́ются про́тив Челове́ка. Д о ж — глава́ госуда́рства в средневеко́вых респу́бликах Ге́нуя и Вене́ция в Ита́лии. Л а́ т ы — часть вооруже́ния средневеко́вого во́ина. Т е́ н ь к а я — дееприча́стие от «те́нькать» — звене́ть.

[2] И ю́ л и т ь с я — неологи́зм от сло́ва «июль» в смы́сле: цвету́щее ле́то, полнота́ жи́зни.

В февра́ле — ма́рте 1917 го́да наро́дные ма́ссы, подде́ржанные солда́тами, све́ргли царя́ и уничто́жили цари́зм. Непосре́дственно по́сле э́того собы́тия Маяко́вский написа́л стихотворе́ние «Револю́ция. Поэтохро́ника» и те́ксты для двух небольши́х сатири́ческих плака́тов о Никола́е II. Рису́нки для э́тих плака́тов бы́ли испо́лнены Маяко́вским в ду́хе стари́нных лубко́в.

В по́дписи к плака́ту-лубку́ *„Забы́вчивый Никола́й“* Маяко́вский подчеркну́л, что солда́ты, пре́жде чем стать солда́тами, бы́ли тру́жениками.

ЗАБЫВЧИВЫЙ НИКОЛАЙ

«Уж сгною́, скручу́ их у́ж я!» —
ду́мал царь, разда́вши ру́жья.
Да забы́л он, ме́жду про́чим,
что солда́т рождён рабо́чим [1].

---

[1] На плака́те солда́т уда́ром прикла́да вышиба́ет царя́, приговаривая: «Вон со сви́той, с жено́й и с мама́шей».

Пе́рвое вре́мя по́сле Февра́льской револю́ции большинство́ мини́стров буржуа́зного Вре́менного прави́тельства составля́ли чле́ны па́ртии каде́тов (от бу́квенного сокраще́ния «к.-д.» — по́лное назва́ние: «конституцио́нно-демократи́ческая па́ртия», и́ли «па́ртия наро́дной свобо́ды»). Каде́ты бы́ли основно́й па́ртией ру́сской либера́льной буржуази́и и при самодержа́вии составля́ли уме́ренную оппози́цию ца́рскому прави́тельству. Когда́ Никола́й II отрёкся от престо́ла, они́ попыта́лись посади́ть на трон его́ бра́та, Михаи́ла. Это не удало́сь, и каде́ты возгла́вили Вре́менное прави́тельство, кото́рое, бу́дучи форма́льно прави́тельством революцио́нной Росси́и, в действи́тельности де́лало всё, что́бы сохрани́ть привиле́гии поме́щиков и капитали́стов. Пе́рвые ме́сяцы каде́там ещё удава́лось обма́нывать ма́ссы «революцио́нными» («кра́сными») фра́зами, но по ме́ре углубле́ния революции они́, бу́дучи ей враждебными, бы́ли вы́нуждены всё бо́лее обнару́живать по́длинную — контрреволюцио́нную и империалисти́ческую — су́щность свое́й поли́тики и выступа́ть всё бо́лее откро́венно как па́ртия са́мой чёрной реа́кции. В ию́ле мини́стры-каде́ты вы́нуждены бы́ли под давле́нием наро́дных масс вы́йти из соста́ва Вре́менного прави́тельства. Вероя́тно, и́менно в связи́ с э́тим Маяко́вский 30 ию́ля 1917 го́да помести́л в редакти́ровавшейся А. М. Го́рьким газе́те «Но́вая жизнь» стихотворе́ние, озагла́вленное «Ска́зочка», с издева́тельским подзаголо́вком: «Цве́ту интеллиге́нции посвяща́ю» (каде́тские газе́ты не раз хвастли́во заявля́ли, что в па́ртии каде́тов я́кобы состои́т весь «цвет ру́сской интеллиге́нции»). Впосле́дствии э́то стихотворе́ние печа́талось под назва́нием ***„Ска́зка о кра́сной ша́почке“.***

СКАЗКА О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

Жил да был на све́те каде́т.
В кра́сную ша́почку каде́т был оде́т.

Кро́ме э́той ша́почки, доста́вшейся каде́ту,
ни черта́ в нём кра́сного не́ было и не́ту.

Услы́шит каде́т — револю́ция где́-то,
ша́почка сейча́с же на голове́ каде́та.

Жи́ли припева́ючи за каде́том каде́т,
и оте́ц каде́та и каде́тов дед.

Поднялся́ одна́жды пребольшу́щий ве́тер,
в кло́чья шапчо́нку изорва́л на каде́те.

И оста́лся он чёрный. А ви́девшие э́то
во́лки револю́ции сца́пали каде́та.

Изве́стно, кака́я у волко́в дие́та.
Вме́сте с манже́тами сожра́ли каде́та.

Когда́ бу́дете де́лать поли́тику, де́ти,
не забу́дьте ска́зочку об э́том каде́те.

В а́вгусте 1917 го́да Маяко́вский напеча́тал антивое́нное стихотворе́ние ***„К отве́ту!“***. Го́дом ра́ньше (поэ́ма «Война́ и мир», 1916) он вы́ступил с ре́зким проте́стом про́тив войны́. Но поэ́т говори́л тогда́ о причи́нах войны́ в о́чень о́бщей фо́рме. Тепе́рь он облича́ет войну́ с тех же пози́ций, с каки́х в то вре́мя боро́лись с ней большевики́.

Война́ продолжа́лась. Вре́менное прави́тельство вопреки́ во́ле трудово́го наро́да затя́гивало её. Оно́ подтверди́ло граби́тельские договоры, заключённые царём с империали́стами други́х стран. Маяко́вский со стра́стностью революцио́нного агита́тора убежда́ет чита́теля в том, что продолже́ние войны́ есть преступле́ние про́тив наро́да, что солда́т, как рабо́в, принужда́ют идти́ в бой за чу́ждые им интере́сы капитали́стов и поме́щиков («Из ка́ждой страны́ за рабо́м раба́ броса́ют на сталь штыка́»). Он разоблача́ет лжи́вые утвержде́ния тех, кто пыта́ется доказа́ть, бу́дто война́ ведётся во и́мя каки́х-то возвы́шенных це́лей («свобо́да? бог?»). Истинная же цель войны́— то́лько нажи́ва для немно́гих («рубль!») и захва́т чужи́х земе́ль. Маяко́вский да́же называ́ет те то́чки земно́го ша́ра, где осо́бенно ре́зко ста́лкиваются интере́сы империалисти́ческих группиро́вок. Из-за террито́рии Алба́нии грани́чившая с ней Австро-Ве́нгрия боро́лась с Ита́лией и с балка́нскими госуда́рствами. В вопро́се о судьбе́ проли́вов Босфо́р и Дардане́ллы ста́лкивались интере́сы Англии, Фра́нции, ца́рской Росси́и, Ту́рции и ка́йзеровской Герма́нии. Месопота́мию, бога́тую не́фтью о́бласть в Пере́дней Азии (ме́жду река́ми Тигр и Евфра́т), отвоёвывала у Ту́рции Англия. То́лько во и́мя подо́бных корыстных, интере́сов империали́стов челове́чество заставля́ют

купа́ться в крови́ («Вы́парили челове́чество крова́вой ба́ней...»). Солда́т, ги́бнущий в око́пах, до́лжен суро́во потре́бовать у вино́вников войны́ правди́вого отве́та на вопро́с: «За что воюем?»

К ОТВЕТУ!

Гремит и гремит войны барабан.
Зовёт железо в живых втыкать.
Из каждой страны
за рабом раба
бросают на сталь штыка.
За что?
Дрожит земля,
голодна,
раздета.
Вы́парили человечество кровавой баней
только для того,
чтоб кто-то
где-то
разжился Албанией.
Сцепилась злость человечьих свор,
падает на мир за ударом удар
только для того,
чтоб бесплатно
Босфор
проходили чьи-то суда.
Скоро
у мира
не останется неполо́манного ребра.
И душу вытащат.
И растопчут там её
только для того,
чтоб кто-то
к рукам прибрал
Месопотамию.
Во и́мя чего́
сапо́г
зе́млю растаптывает, скрипя́щ и груб?

Кто над не́бом боёв —
свобо́да?
бог?
Рубль!
Когда́ же вста́нешь во весь рост
ты [1],
отдаю́щий жизнь свою́ им?
Когда́ же в лицо́ им бро́сишь вопро́с:
за что воюем?

[1] То есть солда́т.

Незадо́лго до Вели́кой Октя́брьской социалисти́ческой револю́ции (в сентябре́ — октябре́ 1917 го́да) Маяко́вский написа́л двусти́шие ***„Ешь анана́сы...“.*** Позднее́, в статье́ «То́лько не воспомина́ния» (1927) в связи́ с деся́той годовщи́ной Октября́, он писа́л:

«Это двусти́шие ста́ло мои́м люби́мейшим стихо́м: петербу́ргские газе́ты пе́рвых дней Октября́ писа́ли, что матро́сы шли на Зи́мний, напева́я каку́ю-то пе́сенку:

Ешь анана́сы... и т. д.»

В статье́ «Как де́лать стихи́?» Маяко́вский, приведя́ э́то двусти́шие, с удовлетворе́нием отме́тил, что «э́ти стро́ки усынови́ла петербу́ргская у́лица».

ЕШЬ АНАНАСЫ...

Ешь анана́сы, ря́бчиков жуй,
День твой после́дний прихо́дит, буржу́й.

Октя́брьская револю́ция глубоко́ измени́ла о́бщее жизнеотноше́ние Маяко́вского. Это сказа́лось и в его́ гла́вном произведе́нии пе́рвого го́да сове́тской вла́сти — пье́се «Мисте́рия-буфф» и да́же в стихотворе́нии *„Хоро́шее отноше́ние к лошадя́м“,* где поэ́т запечатле́л на пе́рвый взгляд про́сто случа́йную у́личную сце́нку. «Стихо́в не пишу́, хотя́ и хо́чется о́чень написа́ть что́-нибудь прочу́вствованное про ло́шадь», — шутли́во-засте́нчиво писа́л Маяко́вский в одно́м из свои́х пи́сем весно́й 1918 го́да. В ию́ле того́ же го́да «Хоро́шее отноше́ние к лошадя́м» появи́лось в печа́ти.

В просто́м расска́зе об упа́вшей ло́шади здесь значи́тельный, серьёзный подте́кст. Пра́вда, глубо́кая взволно́ванность поэ́та, его́ ве́ра в си́лу тёплого дру́жеского сло́ва завуали́рованы усме́шкой, ю́мором, но тем не ме́нее э́тот подте́кст ощуща́ется о́чень отчётливо. Да, коне́чно, Маяко́вский о́чень люби́л живо́тных и несомне́нно страда́л, ви́дя, как му́чают живо́е существо́. Одна́ко я́сно, что он пи́шет не то́лько об отноше́нии к лошадя́м, но в ещё бо́льшей сте́пени об отноше́нии к лю́дям. Обраща́ясь к ло́шади о́чень ла́сково («де́точка»), он в то же вре́мя (э́то едва́ ли не еди́нственный слу́чай в лири́ческой поэ́зии) уважи́тельно говори́т ей, ло́шади, — «вы», а не «ты». Как бы подво́дит к тому́, чтоб поста́вить себя́, челове́ка, на её ме́сто: «...все мы немно́жко ло́шади, ка́ждый из нас по-сво́ему ло́шадь». В э́той фра́зе, ска́занной с гру́стной и до́брой усме́шкой, — глубо́кое содержа́ние. Да, ка́ждый «везёт свой воз», то есть де́лает своё жи́зненное де́ло и несёт свои́ жи́зненные тя́готы. И е́сли случа́ется, что кто́-то па́дает под непоси́льной но́шей, то смотре́ть на э́то с равноду́шием и́ли, ху́же того́, с самодово́льной насме́шкой — бесчелове́чно. Вспо́мним, что всего́ двумя́ года́ми ра́нее в стихотворе́нии «Дешёвая распро́да́жа» Маяко́вский предлага́ет отдать «за одно́ то́лько сло́во, ла́сковое, челове́чье» всю свою́ бу́дущую сла́ву вели́кого поэ́та. Но тогда́ он с бо́лью убежда́лся, что среди́ люде́й, одержи́мых пого́ней за нажи́вой, тако́е сло́во иска́ть бесполе́зно («пойди́, попро́буй, — как же, найдёшь его́!»). Освежа́ющая гроза́ револю́ции породи́ла в поэ́те уве́ренность в побе́де челове́чности, укрепи́ла его́ ве́ру в то, что от се́рдца иду́щее сло́во спосо́бно вдохну́ть си́лы в упа́вшего, верну́ть ему́ ра́дость жи́зни.

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

Би́ли копы́та.
Пе́ли бу́дто:
— Гриб.
Грабь.
Гроб.
Груб. —

Ве́тром опи́та,
льдом обу́та,
у́лица скользи́ла.
Ло́шадь на круп
гро́хнулась,
и сра́зу
за зева́кой зева́ка,
штаны́ прише́дшие Кузне́цким клёшить,
сгру́дились,
смех зазвене́л и зазвя́кал:
— Ло́шадь упа́ла! —
— Упа́ла ло́шадь! —
Смея́лся Кузне́цкий.
Лишь оди́н я
го́лос не вме́шивал в вой ему́.
Подошёл
и ви́жу
глаза́ лошади́ные...

Улица опроки́нулась,
течёт по-сво́ему...
Подошёл и ви́жу —
за ка́плищей ка́плища
по мо́рде ка́тится,
пря́чется в ше́рсти...

И кака́я-то о́бщая
звери́ная тоска́
плеща́ вы́лилась из меня́
и расплыла́сь в ше́лесте.
«Ло́шадь, не на́до.
Ло́шадь, слу́шайте —
чего́ вы ду́маете, что вы их пло́ше?
Де́точка,
все мы немно́жко ло́шади,
ка́ждый из нас по-сво́ему ло́шадь».
Мо́жет быть,
— ста́рая —
и не нужда́лась в ня́ньке,
мо́жет быть, и мысль ей каза́лась пошла́,
то́лько
ло́шадь
рвану́лась,
вста́ла на́ ноги,
ржану́ла
и пошла́.
Хвосто́м пома́хивала.
Ры́жий ребёнок.
Пришла́ весёлая,
ста́ла в сто́йло.
И всё ей каза́лось —
Она́ жеребёнок,
и сто́ило жить,
и рабо́тать сто́ило.

В пе́рвые же ме́сяцы сове́тской вла́сти Маяко́вский на́чал выступа́ть с чте́нием свои́х стихо́в перед петрогра́дскими революцио́нными рабо́чими и солда́тами-красногварде́йцами. Одна́жды его́ пригласи́ли вы́ступить в матро́сском теа́тре бы́вшего «Гварде́йского экипа́жа» (назва́ние одно́й из вое́нно-морски́х часте́й, сра́зу ста́вших на сто́рону большевико́в). Специа́льно для э́того выступле́ния, кото́рое состоя́лось 17 декабря́ 1918 го́да, Маяко́вский написа́л ***„Ле́вый марш“,*** в отде́льных дета́лях заду́манный ещё в 1917 году́.

Среди́ произведе́ний Маяко́вского, со́зданных в пе́рвые го́ды револю́ции, «Ле́вый марш» занима́ет осо́бое ме́сто. Это стихотворе́ние сра́зу же бы́ло воспри́нято как я́ркое поэти́ческое выраже́ние геро́ики нача́вшейся революцио́нной эпо́хи. Отсю́да и само́ назва́ние стихотворе́ния. В полити́ческой жи́зни «ле́вый» означа́ет: бо́лее радика́льный, революцио́нный, скло́нный к реши́тельным переме́нам; «пра́вый» — напро́тив: бо́лее реакцио́нный, консерватѝвный, боя́щийся переме́н.

«Ле́вый марш» был горячо́ встре́чен революцио́нно настро́енной молодёжью, о́чень ско́ро переведён на иностра́нные языки́ и стал одни́м из тех произведе́ний, по кото́рым зарубе́жный чита́тель впервы́е знако́мился с поэ́зией революцио́нной Росси́и. Это одно́ из са́мых изве́стных стихотворе́ний Маяко́вского.

В моме́нт созда́ния «Ле́вый марш» был острозло-дне́вным произведе́нием. Когда́ Октя́брьская революцию вы́рвала Россию из войны́, Анта́нта (она́ же — Четверно́е Согла́сие; францу́зское сло́во «entente» означа́ет «согла́сие»), сложи́вшаяся как объедине́ние Англии, Фра́нции, Ита́лии и ца́рской Росси́и, воева́вших с Герма́нией и её сою́зниками, превати́лась в сою́з империа-

листи́ческих прави́тельств, це́лью кото́рых ста́ла ликвида́ция сове́тской вла́сти в Росси́и и подавле́ние нача́вшегося в други́х стра́нах революцио́нного подъёма. Ко вре́мени, когда́ создава́лся «Ле́вый марш», Анта́нта, в осо́бенности Англия (Великобрита́ния), уже́ начала́ про́тив революцио́нной Росси́и откры́тую интерве́нцию: подде́рживала и организо́вывала антисове́тские за́говоры, выса́живала на ру́сской земле́ войска́ и т. п. Маяко́вский, обраща́ясь к трудя́щимся Росси́и и к пролетариа́ту капиталисти́ческих стран, призыва́ет защити́ть от империали́стов пе́рвое госуда́рство рабо́чих и крестья́н и де́ло коммуни́зма во всём ми́ре. Его́ призы́в прони́кнут твёрдой ве́рой в оконча́тельную побе́ду («Росси́и не быть под Анта́нтой», «Комму́не не быть покорённой»). Вой брита́нского льва (на гербе́ Великобрита́нии изображён лев в зубча́той коро́не; зубцы́ коро́ны напомина́ют пое́ту оска́ленные зу́бы хи́щника) не испуга́ет рабо́чий класс и революцио́нных матро́сов. Пора́ прекрати́ть неуме́стные в усло́виях откры́того наступле́ния врагов ми́тинги, спо́ры, диску́ссии («слове́сной не ме́сто кля́узе») и оказа́ть врага́м вооружённый отпо́р — предоста́вить сло́во ору́жию («Ва́ше сло́во, това́рищ ма́узер»).

В «Ле́вом ма́рше» заме́чательно пе́редана геро́ика борьбы́ и истори́ческое вели́чие Октя́брьской социалисти́ческой револю́ции, па́фос на́чатой Коммунисти́ческой па́ртией перестро́йки ми́ра. Буржуази́я пыта́лась предста́вить зако́ны буржуа́зного о́бщества ве́чными, иду́щими от Ада́ма и Евы (це́рковь учи́ла, что бог сотвори́л пе́рвых люде́й — Ада́ма и Еву, от кото́рых и произошло́ всё челове́чество). Маяко́вский призыва́ет сбро́сить э́ти зако́ны и тем уско́рить бег исто́рии. Напи́санный как злободне́вный призы́в, «Ле́вый марш» име́ет, таки́м о́бразом, и бо́лее о́бщий, бо́лее широ́кий смысл. Марш в «со́лнечный край непоча́тый» — э́то на́ше движе́ние к коммуни́зму, кото́рое не мо́гут останови́ть ни тру́дности («го́ры го́ря»), ни попы́тки врагов сломи́ть нас пото́ками ста́ли («стально́й ле́евой») — то есть вое́нной си́лой.

Гла́вной те́мой Маяко́вского в пе́рвые го́ды сове́тской вла́сти, есте́ственно, ста́ла револю́ция (пье́са «Мисте́рия-буфф», «Ле́вый марш» и други́е стихотворе́ния). Наряду́ с э́тим в 1918—1919 года́х он написа́л ряд стихо́в о поэ́зии, о ме́сте её и вообще́ иску́сства в революции. Одно́ из важне́йших среди́ них — ***„Поэ́т рабо́чий“*** (1918). В э́том стихотворе́нии Маяко́вский впервы́е вы́сказал своё понима́ние худо́жественного тво́рчества как обще́ственно поле́зного труда́ (бо́лее развёрнуто он об э́том писа́л позднее́, в стихотворе́нии «Разгово́р с фининспе́ктором о поэ́зии»). Одна́ко, как э́то нере́дко быва́ет у Маяко́вского, стихотворе́ние «Поэ́т рабо́чий», весьма́ серьёзное по мы́сли, явля́ется по фо́рме полушутли́вым. Испо́льзуя ходовы́е выраже́ния разгово́рной ре́чи, Маяко́вский обы́грывает их, как бы придаёт им буква́льный, вещественный смысл и тем вызыва́ет у чита́теля улы́бку. С той же це́лью он нарочи́то употребля́ет устаре́вшие слова́: да́бы (что́бы) и па́че (бо́лее), кото́рые обы́чно придаю́т ре́чи отте́нок осо́бой торже́ственности и значи́тельности, но в да́нном контексте звуча́т шутли́во.

ПОЭТ РАБОЧИЙ

Ору́т поэ́ту:
«Посмотре́ть бы тебя́ у тока́рного станка́.
А что стихи́?
Пусто́е э́то!
Небо́сь рабо́тать — кишка́ тонка́» [1].

[1] «Кишка́ тонка́» — грубова́тое, разгово́рное выраже́ние, означа́ющее: не по си́лам, не сумеешь сде́лать, не спра́вишься.

Мо́жет быть,
нам
труд
вся́ких заня́тий родне́е.
Я то́же фа́брика.
А е́сли без труб,
то, мо́жет,
мне
без труб трудне́е.
Зна́ю —
не лю́бите пра́здных фра́з вы.
Ру́бите дуб — рабо́тать дабы́.
А мы
не деревообде́лочники ра́зве?
Голо́в людски́х обде́лываем дубы́.
Коне́чно,
почте́нная вещь — рыба́чить.
Вы́тащить сеть.
В сетя́х осетры́ б!
Но труд поэ́тов — почте́нный па́че [1] —
люде́й живы́х лови́ть, а не рыб.
Огро́мный труд — горе́ть над го́рном,
желе́за шипя́щие класть в зака́л.
Но кто же
в безде́лье бро́сит уко́р нам?
Мозги́ шлифу́ем ра́шпилем [2] языка́.
Кто вы́ше — поэ́т
и́ли те́хник,
кото́рый
ведёт люде́й к вещественной вы́годе?
Оба.
Сердца́ — таки́е ж мото́ры.
Душа́ — тако́й же хи́трый дви́гатель.
Мы ра́вные.
Това́рищи в рабо́чей ма́ссе.
Пролета́рии те́ла и ду́ха.
Лишь вме́сте
Вселе́нную мы разукра́сим
и ма́ршами пу́стим у́хать.

---

[1] «Почте́нный па́че» — ещё бо́лее почте́нный.
[2] Р а́ ш п и л ь — гру́бый напи́льник с кру́пной насе́чкой.

Отгороди́мся от бурь слове́сных мо́лом.
К де́лу!
Рабо́та жива́ и нова́.
А пра́здных ора́торов —
на ме́льницу!
К мукомо́лам!
Водо́й рече́й верте́ть жернова́.

„ОКНА РОСТА“ И ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТА

«Окна Ро́ста», и́ли «Окна сати́ры Ро́ста», — так бы́ли озагла́влены пе́рвые появи́вшиеся о́сенью 1919 го́да в Москве́ в витри́нах (о́кнах) пустова́вших магази́нов я́ркие многорису́ночные плака́ты на злободне́вные поли-ти́ческие те́мы. Росси́йское телегра́фное аге́нтство (сокращённо Ро́ста) ста́ло выпуска́ть таки́е плака́ты регуля́рно и организова́ло их размноже́ние от руки́, в количестве 150—300 экземпля́ров, так как печа́тать бы́ло не́где. На ка́ждом плака́те внизу́ помеча́ли сло́во «Ро́ста» и ста́вили поря́дковый но́мер, а заголо́вок «окно́» писа́ть переста́ли. Одна́ко э́тот заголо́вок удержа́лся как усло́вное обозначе́ние определённого ти́па плака́тов, кото́рые выпуска́ло Ро́ста, а впосле́дствии — Гла́вный полити́ко-просвети́тельный комите́т Наркомпро́са РСФСР (сокращённо Главполитпросве́т).

Всего́ Ро́ста и Главполитпросве́т вы́пустили о́коло ты́сячи шестисо́т «о́кон». Автором те́кстов для девяти́ деся́тых из них был Маяко́вский, да и рису́нков о́коло тре́ти сде́лал он сам.

Вы́пуск «Окон Ро́ста» был на́чат худо́жником Михаи́лом Миха́йловичем Черемны́х в а́вгусте — сентябре́ 1919 го́да. Пе́рвое «окно́» с рису́нком и те́кстом Маяко́вского *(Ро́ста № 5)* появи́лось в Москве́ на Тверско́й у́лице (тепе́рь ул. Го́рького) о́коло 8 октября́. В э́тот день, в о́чень трево́жной обстано́вке (войска́ Дени́кина, наступа́вшие с Юга на Москву́, приближа́лись к Ту́ле), начала́сь «парти́йная неде́ля», це́лью кото́рой бы́ло вовлече́ние в па́ртию лу́чших рабо́чих и рабо́тниц.

12 октября́ 1919 го́да В. И. Ле́нин в статье́ «Государ́ство рабо́чих и парти́йная неде́ля», опублико́ванной в «Пра́вде», писа́л: «Бо́льше но́вых рабо́тников из ма́ссы в ряды́ па́ртии, для самостоя́тельного уча́стия в строи́тельстве но́вой жи́зни — тако́в наш приём борьбы́ со все́ми тру́дностями, тако́в наш путь к побе́де». «Окно́», сде́ланное Маяко́вским, и бы́ло по́мощью па́ртии в проведе́нии «парти́йной неде́ли».

Рабо́чий!
Глу́пость беспарти́йную вы́кинь!
Если хо́чешь жить с други́ми вразбро́д [1] —
всех по о́череди сло́вит Дени́кин,
всех сожрёт генера́льский рот.

[1] В р а з б р о́ д — по́розь; отде́льно от други́х, недру́жно.

Если ж на зов партийной недели
придут миллионы с фабрик и с пашен —
рабочий быстро докажет на деле,
что коммунистам никто не страшен.

Роста № 5

По «Окнам Роста» и Главполитпросвета можно проследить, что волновало молодую Советскую республику в течение почти тридцати месяцев.

В конце октября 1919 года в тяжёлых боях под Орлом белогвардейские армии Деникина были разбиты и отброшены. Каждый день Роста сообщало названия городов, занятых Красной Армией. Уже 24 октября был взят Воронеж, 3 ноября — Ливны, 17 ноября — Курск, 2 декабря — Ромны. В связи с поражениями белых премьер-министр Англии Ллойд-Джордж заявил в парламенте об отказе державы Антанты от дальнейшей поддержки Деникина. Это послужило темой для «окна Роста» № 14 — ***„Раёк“***.

В строке «Покажет вам Мамонтов трюки» («трюк»— фокус) имеется в виду так называемый «рейд Мамонтова». В августе — сентябре 1919 года белогвардейской коннице под командованием деникинского генерала Мамонтова удалось, прорвав фронт, совершить налёт на города и деревни, расположенные в тылу Красной Армии. В строке «Взяли мы Воронеж» речь идёт о разгроме мамонтовского корпуса красной конницей под Воронежем 19—20 октября.

РАЁК

1 [1]. Граждане буржуи! Подойдите к Росте!
Надежды бросьте!
Читайте внимательно —
очень занимательно!

[1] На каждом рисунке перед текстом ставился порядковый номер.

2. Окружи́ли мы Юде́нича —
куда́ он де́нется!
Пла́чет буржу́й...
А ещё вчера́ счита́л дни и вечера́.
Потира́ет ру́ки:
«Пока́жет вам Ма́монтов трю́ки!»
3. Взя́ли мы Воро́неж —
его́ не воро́тишь!
Взя́ли Курск —
упа́л дени́кинский курс! [1]
Взя́ли мы Ли́вны —
Ллойд-Джо́рдж говори́т:
«Не дам Дени́кину ни гри́вны!» [2]
4. Да как взя́ли мы Ро́мны —
ста́ли буржу́и то́мны [3].
Ну да, разуме́ется,
боя́тся красноарме́йца.
5. Би́ли бе́лых под Цари́цыном —
Ллойд-Джо́рдж говори́т:
«Пора́ с Комму́ной мири́ться нам».
Что ж, пожа́луйте, сэр:
Да здра́вствует Р. С. Ф. С. Р.!

[1] «Упа́л дени́кинский курс» — здесь: упа́ло дове́рие к Дени́кину. (Сравни́ выраже́ние: «упа́л курс а́кций», то есть они́ обесце́нились.)

[2] Ни гри́вны — ни копе́йки, ничего́. Гри́вна — стари́нная моне́та.

[3] То́мный — уста́ло-не́жный, испо́лненный исто́мы, сла́дкого томле́ния. Здесь иронически: утомлённые тщетными мечта́ниями о захва́те Москвы́, чуть живы́е.

«Окно́ Ро́ста» № 14.
Текст и рису́нки В. В. Маяко́вского.

Но́вый, 1920 год начался́ под зна́ком блестя́щих побе́д Кра́сной Армии. 3 января́ был взят Цари́цын (Волгогра́д), 8-го — «столи́ца» Дени́кина Росто́в-на-Дону́. Но враг ещё не был доби́т, а тысячекилометро́вое наступле́ние си́льно измота́ло Кра́сную Армию. В связи́ с э́тим с 14 по 20 января́ па́ртия объяви́ла в Москве́ «Неде́лю фро́нта». «...чем серьёзней на́ши побе́ды, — писа́ла в э́ти дни «Пра́вда», — тем твёрже должны́ мы по́мнить, что для нас наступи́ло тепе́рь са́мое горя́чее вре́мя... Поэ́тому на́ши си́лы должны́ быть напра́влены сейча́с на одну́ цель: так разгроми́ть врага́, что́бы он никогда́, ни при каки́х условиях не мог уже́ подня́ться».

На одно́м из «о́кон», вы́пущенных в связи́ с «Неде́лей фро́нта», бы́ло помещено́ призы́вное стихотворе́ние Маяко́вского ***„Неде́ля фро́нта — неде́ля побе́ды“.*** Уве́ренность поэ́та в том, что в результа́те геро́ических уси́лий сове́тских во́инов ско́ро «ру́хнут блока́ды бе́ды», оправда́лась. Всего́ неде́лю спустя́, 18 января́, прави́тельства Анта́нты объяви́ли, что блока́да Сове́тской Росси́и (то есть прекраще́ние всех полити́ческих и торго́вых сноше́ний с ней и недопуще́ние при по́мощи вое́нной си́лы како́й бы то ни́ было торго́вли с нейтра́льными стра́нами) отменя́ется.

НЕДЕЛЯ ФРОНТА—НЕДЕЛЯ ПОБЕДЫ

Эй, това́рищи!
Все, кто ещё
вое́нной звезды́ не наде́ли,
попо́лните Кра́сных Армий счёт

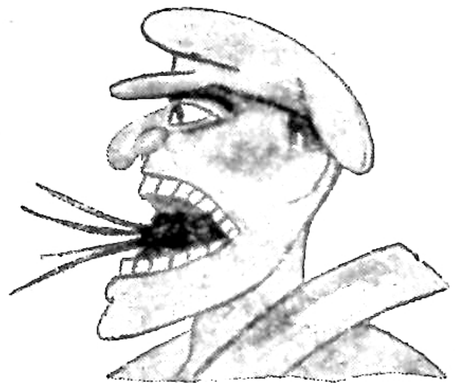
ОКНО САТИРЫ РОСТА

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ НОМЕР

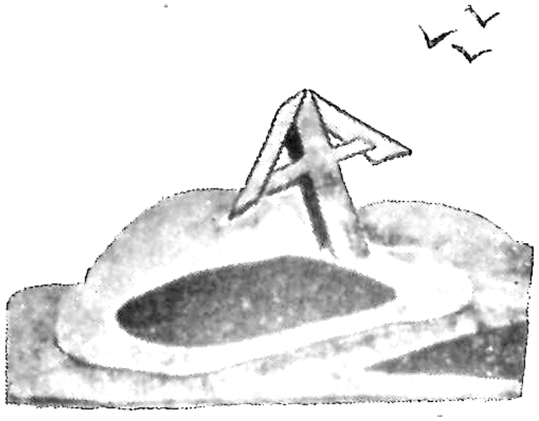
на зов фронтово́й неде́ли.
Стро́йся в ряды́!
Греми́ и громи́!
Все и всё для побе́ды!
И бу́дет хлеб,
и бу́дет мир,
и ру́хнут блока́ды бе́ды.
Враг надло́млен,
враг бежи́т
от на́ших уда́ров сме́лых!
Ещё напо́р,
и не бу́дет межи́
ни одно́й
под вла́стью бе́лых!
Разби́вшись об твёрдость сове́тских скал,
враги́ подчиня́тся си́ле!
Ещё напо́р, —
побе́да близка́,
сомкни́тесь после́дним уси́лием!!!
Эй, това́рищи!
Все, кто ещё
вое́нной звезды́ не наде́ли,
попо́лните Кра́сных Армий счёт
на зо́в фронтово́й неде́ли!!!

Ро́ста № 9

Разгроми́в Дени́кина и Колчака́, Кра́сная Армия завоева́ла для сове́тских респу́блик лишь кратковре́менную переды́шку. В конце́ апре́ля 1920 го́да на РСФСР и Сове́тскую Украйну напа́ла По́льша, во главе́ кото́рой стоя́л ста́вленник капитали́стов и пано́в (по́льских поме́щиков) Пилсу́дский. Внача́ле белополя́кам удало́сь дости́чь серьёзных вое́нных успе́хов. В ию́не притаи́вшиеся в Крыму́ оста́тки ю́жных белогварде́йских а́рмий, за́ново организо́ванные и вооружённые францу́зами и англича́нами, на́чали наступле́ние на се́вер. Это был тре́тий по счёту похо́д Анта́нты на Росси́ю. Положе́ние сно́ва ста́ло трево́жным. Па́нская По́льша и Вра́нгель— э́то бы́ли, по выраже́нию Ле́нина, «две руки́» междунаро́дного империали́зма, пыта́вшегося задуши́ть в Росси́и сове́тскую власть. Маяко́вский сде́лал деся́тки «о́кон», призыва́ющих к отпо́ру но́вой угро́зы. В одно́м из них ***(Ро́ста № 187)*** он высме́ивает лжи́вые обеща́ния, кото́рыми вра́жеская пропага́нда пыта́лась обману́ть красноарме́йцев.



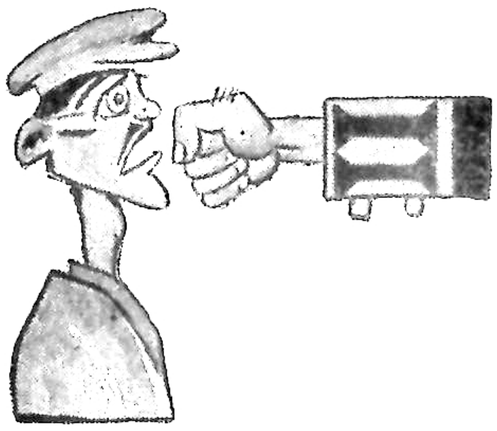
1. Красноарме́ец, заруби́ себе́ на носу́ —
вот что паны́ и Вра́нгели наро́ду несу́т.



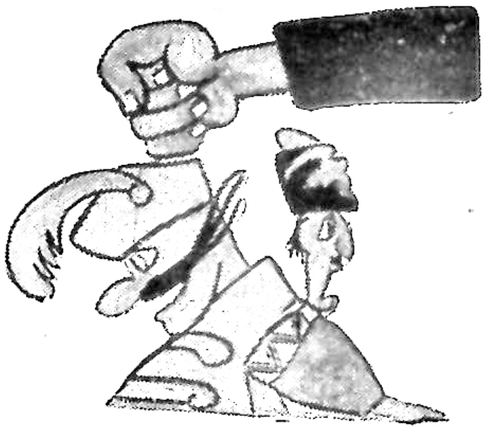
2. Земля́ — наро́ду.

3. Рабо́чим — свобо́ду.

4. Бездо́мным — по жили́щу.



5. Голо́дным — пи́щу.



6. Такова́ белогварде́йщина.
Не покоря́йся ей!
Бей!

Ро́ста № 187

В го́ды граждáнской войны́ сове́тское прави́тельство вы́нуждено бы́ло проводи́ть поли́тику «вое́нного комму́низма». Для того́ что́бы обеспе́чить хле́бом Кра́сную Армию и име́ть возмо́жность выдава́ть хотя́ бы небольшо́й паёк рабо́чим го́рода, приходи́лось отбира́ть у крестья́н (по ни́зким твёрдым це́нам и́ли совсе́м безвозме́здно) все изли́шки. Необходи́мое государству коли́чество зерна́ и други́х сельскохозя́йственных проду́ктов развёрстывалось (раскла́дывалось) по губе́рниям (и да́лее — по уе́здам, волостя́м и деревня́м) и должно́ бы́ло быть со́брано во что бы то ни ста́ло. Это называ́лось продово́льственной развёрсткой. Дереве́нское кула́чество, на кото́рое в основно́м па́дала продразвёрстка, все́ми спо́собами срыва́ло её проведе́ние, пря́тало зерно́ и пыта́лось продава́ть его́ по спекулятивным це́нам, ока́зывало вооружённое сопротивле́ние.

Затра́гивая ли́чные материа́льные интере́сы крестья́н (в пе́рвую о́чередь — зажи́точных), развёрстка вме́сте с тем служи́ла коренны́м интере́сам крестья́нства в це́лом, так как, то́лько бу́дучи снабжённой всем необходи́мым, Кра́сная Армия могла́ отрази́ть белогварде́йцев и защити́ть крестья́н от возмо́жного возвраще́ния поме́щиков. Эта мысль, неоднокра́тно вы́сказанная Ле́ниным, легла́ в осно́ву разъясни́тельной рабо́ты, кото́рую в связи́ с нача́вшейся кампа́нией по сбо́ру продразвёрстки развернýла Коммунисти́ческая па́ртия во вре́мя проводи́вшейся в а́вгусте 1920 го́да «Неде́ли крестья́нина».

На одно́м из мно́гих «о́кон», вы́пущенных к э́той «Неде́ле», была́ помещена́ шутли́во-ска́зочная агитацио́нная ***„Исто́рия про бу́бликов и про ба́бу, не признающую респу́блики“.*** (Ро́ста № 241). Рису́нки к э́тому «окну́» сде́лал худо́жник М. М. Черемны́х.

ИСТОРИЯ ПРО БУБЛИКИ И ПРО БАБУ, НЕ ПРИЗНАЮЩУЮ РЕСПУБЛИКИ

1. Сья[1] исто́рия была́
в не́коей респу́блике.
Ба́ба на база́р плыла́,
а у ба́бы — бу́блики.
2. Слы́шит то́пот близ её,
му́зыкою ве́ется:
бить на фро́нте пановьё
мчат красноарме́йцы.
3. Ку́шать хо́тца[2] одному́,
говори́т ей: «Тётя,
бу́блик дай голо́дному!
Вы ж на фронт нейдёте?!
4. Коль без де́ла бу́дет рот,
бу́ду слаб, как мо́щи.
5. Пан респу́блику сожрёт,
е́сли бу́дем то́щи».
6. Ба́ба мо́лвила: «Ни в жисть
не отда́м я бу́блики!
Прочь, служи́вый! Отвяжи́сь!
Чёрта ль мне в респу́блике?!»
7. Шёл наш полк, и худ и тощ,
паны́ ж все сажённые[3].
Нас смела́ пано́ва мощь
в пе́рвом же сраже́нии.
8. Мчи́тся пан, и лют и яр,
смерть несёт рабо́чим;
к глу́пой ба́бе на база́р
влез он ме́жду про́чим.
9. Ви́дит пан — бела́, жирна́
ба́ба ме́жду пу́блики.
Миг — и съе́дена она́.
И она́ и бу́блики.
10. Посмотри́, на пло́щадь выйдь —
ни крестья́н, ни си́тника.

---

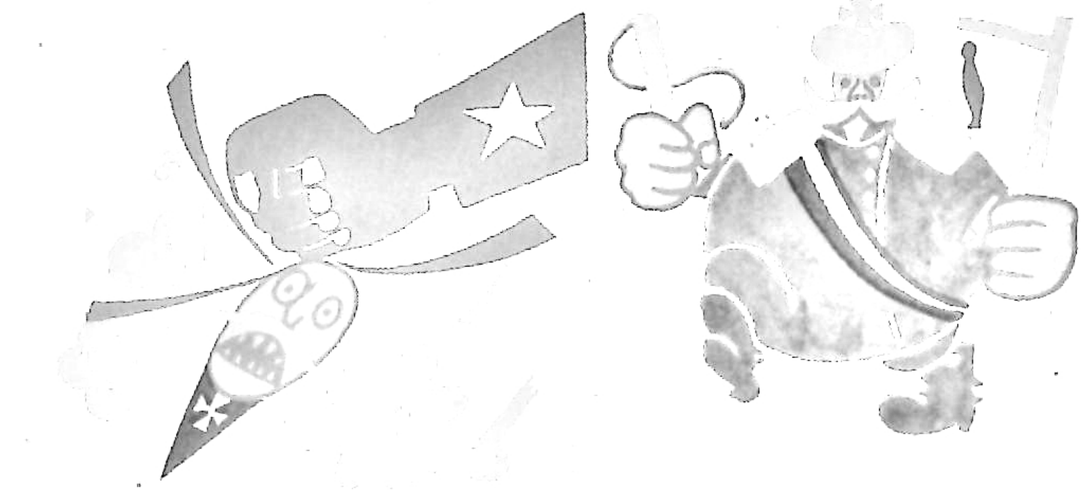
[1] Сья (сия́; уста́р.) — э́та. Здесь употреблено́ иронически.
[2] Хо́тца (просторе́ч.) — хо́чется.
[3] Сажённые — здесь: кру́пные, высо́кие. Сажень — ста́рая ру́сская ме́ра длины́, немно́го бо́лее двух ме́тров.

«Окно́ Ро́ста» № 241.
Рису́нки М. Черемны́х.

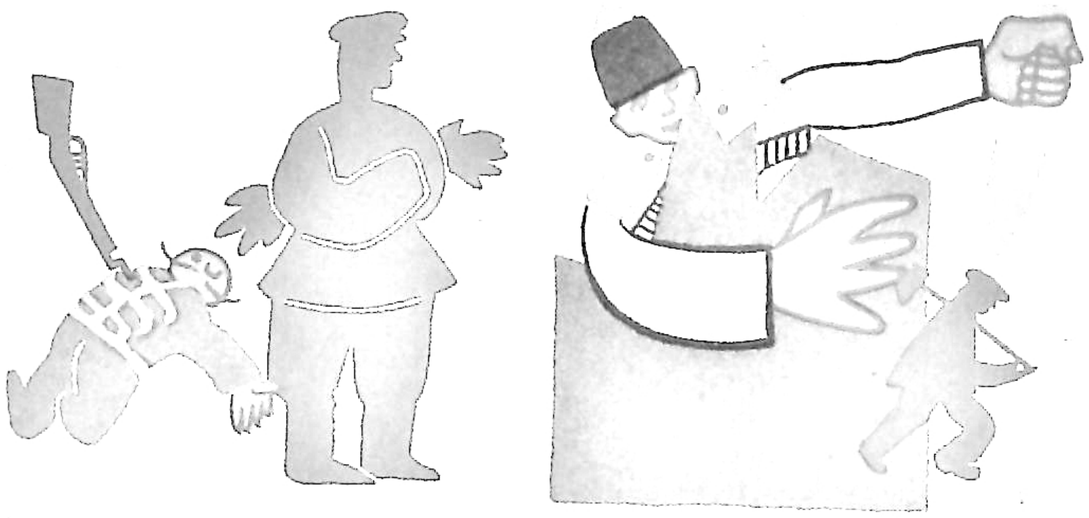
На́до во́время корми́ть
кра́сного защи́тника!
11. Так корми́те ж кра́сных рать!
Хлеб неси́ без во́ю,
что́бы хлеб не потеря́ть
вме́сте с голово́ю!

Ро́ста № 241

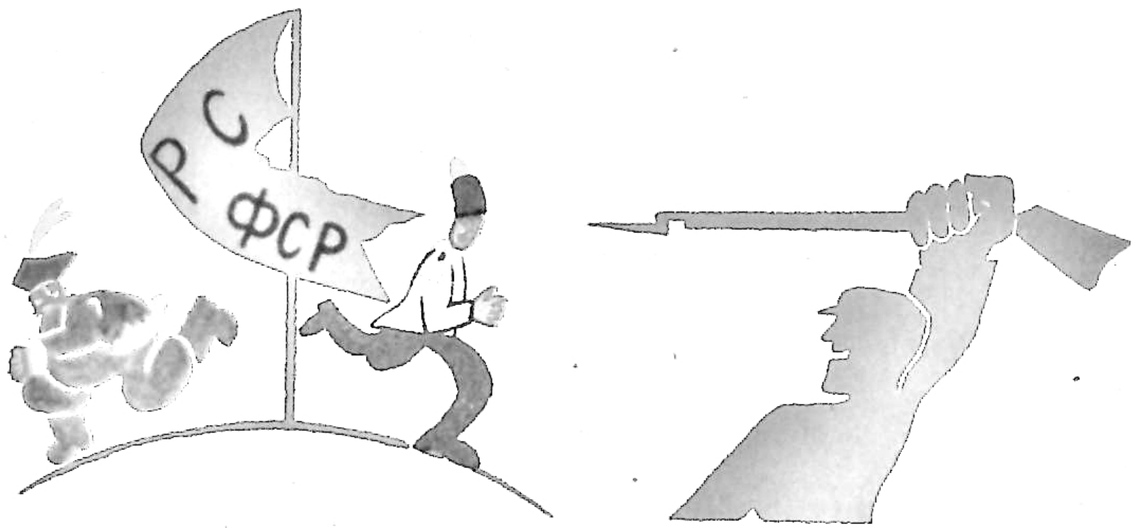
Фрагме́нты рожде́ственского но́мера «Окон сати́ры РОСТА».



1) Если белогвардейщину не добьем совсем 2) Белогвардейщина снова встанет на ноги



3) Если пана добьем и сложим руки 4) Руку к рабочему протянет Врангель



5) Пока не укрепится красное знамя, — Винтовка не может быть нами брошена

Наркомпрос РОСТА №149

«Окно́ РОСТА» № 149.
Текст и рису́нки В. В. Маяко́вского.

12 октября́ 1920 го́да был заключён догово́р о переми́рии и предвари́тельных усло́виях ми́ра с По́льшей. Это не означа́ло, одна́ко, что сове́тский наро́д мо́жет верну́ться к ми́рному труду́.

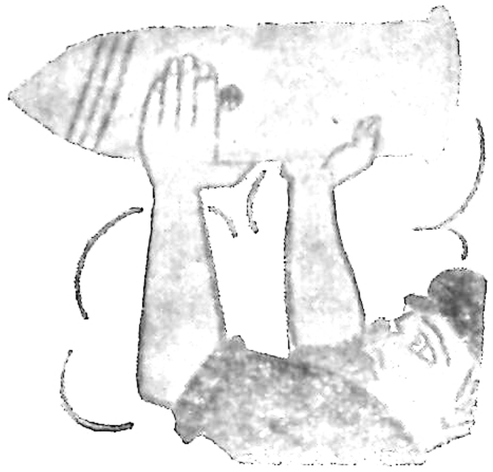
«Враг ещё бо́лее опа́сный стои́т перед на́ми — э́то Вра́нгель», — писа́ла в э́ти дни «Пра́вда». 15 октября́ Ле́нин в ре́чи на совеща́нии председа́телей уе́здных, волостны́х и се́льских исполни́тельных комите́тов Моско́вской губе́рнии указа́л, что «Вра́нгель явля́ется гла́вной угро́зой», и призва́л «...пусти́ть в ход наибо́льшие уси́лия для по́лного разреше́ния на́шей очередно́й зада́чи: во что бы то ни ста́ло в кратча́йший срок раздави́ть Вра́нгеля...»

В связи́ с прекраще́нием войны́ с белополя́ками и реша́ющим наступле́нием на Вра́нгеля Маяко́вский в октябре́ 1920 го́да вы́пустил не́сколько «о́кон»; среди́ них ***Ро́ста № 406, № 425, № 426, № 443.***

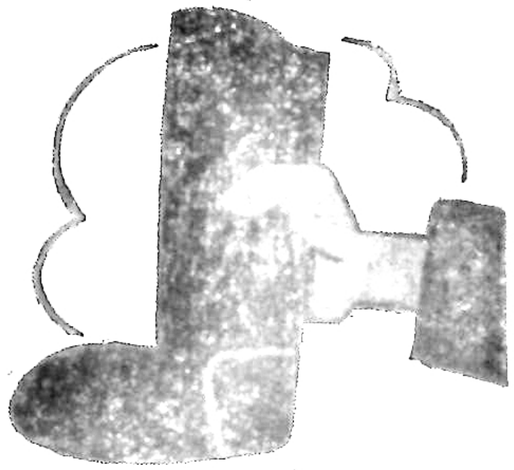
1. Паны́ переми́рие заключи́ли,
   но ли́нию империалисти́ческую не бро́сили гнуть —
2. сно́ва
   грозя́тся
   войно́й гро́хнуть.
3. Ка́к бы,
   вме́сто того́ чтоб передохну́ть,
4. пана́м
   не пришло́сь переду́хнуть.

Ро́ста № 406

ВСЕ НА ВРАНГЕЛЯ!

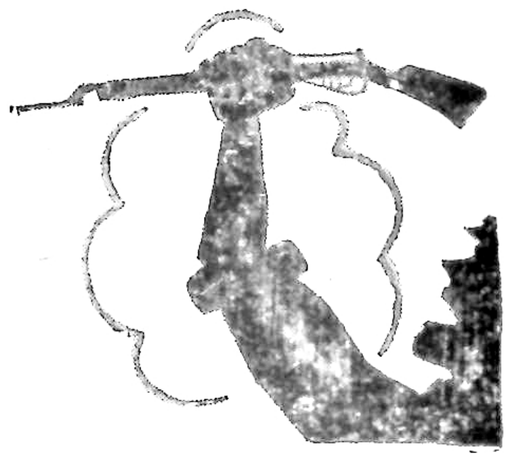


1. Ору́жие гото́вьте!



2. Тёплые ве́щи — неси́те на фронт друго́й!

3. Смотри́те: всё ещё бара́н там!



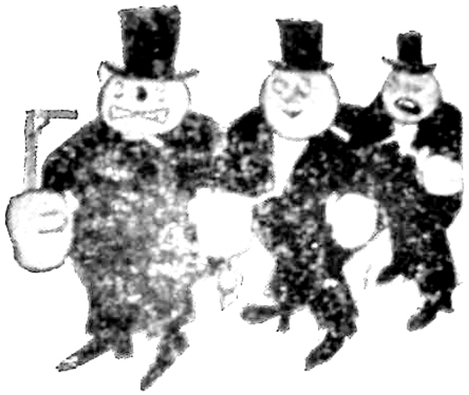
4. За винто́вку освободи́вшейся от По́льши руко́й! Поко́нчим с ю́жным фро́нтом!

Ро́ста № 425

1. Забу́дем солда́тчину!
2. Забу́дем го́лод!
3. Забу́дем хо́лод и го́ре!
4. Как то́лько бара́на ски́нем в Чёрное мо́ре!

Ро́ста № 426

1. Ле́зет бара́н.



2. Ле́зет ша́йка бара́нова.

3. Бара́на вон!

4. Ша́йку во́н его́!

Ро́ста № 443

Рабо́тая над «о́кнами», Маяко́вский, испо́льзуя и значи́тельные и относи́тельно ме́лкие собы́тия, о кото́рых сообща́лось в телегра́ммах Ро́ста и́ли в газе́тах, уме́л дохо́дчиво и о́бразно разъясня́ть основны́е положе́ния поли́тики Коммунисти́ческой па́ртии. Наприме́р, в передово́й статье́ «Пра́вды» «Крестья́нство и земе́льная програ́мма бароно́ва Вра́нгеля» (28 октября́ 1920 го́да) сообща́лось:

«Земля́ (на террито́рии, за́нятой Вра́нгелем. — *В. Д.*) по-пре́жнему принадлежи́т поме́щику, так как вся́кое стремле́ние крестья́н к по́льзованию землёй рассма́тривается вра́нгелевцами как покуше́ние про́тив госуда́рственного споко́йствия. За тре́бование земли́ расстре́ляно в Феодоси́йском уе́зде 27 крестья́н».

Это сообще́ние ста́ло те́мой для «окна́ Ро́ста» № 464 — *„Смотри́ крестья́нин“.*

СМОТРИ, КРЕСТЬЯНИН

1. Дал Вра́нгель
крестья́нам
широче́нный манифе́ст [1].
2. Дураки́ обра́довались,
3. сбежа́лись со всех мест.
4. Да земе́льный вопро́с не то, что я́блоко, —
пошли́, сорва́ли и съе́ли.
Это обсуди́ть на́до.
Мини́стры
баро́нские
в коми́ссию землеустрои́тельную засе́ли.
5. Надое́ло ждать крестья́нам,
спра́шивают у заседа́ющих о рефо́рме [1].
6. «Бро́сьте, говоря́т, надоеда́ть!
Это на́до де́лать постепе́нно,
по фо́рме».
7. А земля́
пока́ —
по-пре́жнему у ба́рина.
8. А крестья́нина
по-ста́рому
прошиба́ет испа́рина.
9. И крестья́нам
по-пре́жнему
зе́млю брать не ве́лено.
10. И по-пре́жнему
за э́то
у Вра́нгеля
в Феодоси́йском уе́зде
мно́жество крестья́н расстре́ляно.
11. Крестья́нин!
Поко́нчи с Вра́нгелем!
12. Запо́мни твёрже и лу́чше:
з е́ м л ю
т о́ л ь к о
о т к о м м у н и́ с т о в п о л у́ ч и ш ь!

Ро́ста № 464

---

[1] М а н и ф е́ с т — торже́ственное пи́сьменное заявле́ние верхо́вной вла́сти, обраще́ние к населе́нию. Здесь — иронически о лжи́вых обеща́ниях Вра́нгеля отда́ть зе́млю крестья́нам.

[1] Р е ф о́ р м а — полити́ческое преобразова́ние, нововведе́ние. Здесь подразумева́ется обе́щанная Вра́нгелем земе́льная рефо́рма.

Во вре́мя граждáнской войны́ (1918—1920) прави́тельства стран Антáнты попереме́нно признавáли в кáчестве главы́ прави́тельства Росси́и (и́ли чáсти Росси́и) мно́гих вожако́в «бе́лого» движе́ния: генера́лов Юде́нича, Дени́кина, Вра́нгеля и други́х. Юде́нич стоя́л во главе́ контрреволюцио́нного «Се́веро-за́падного прави́тельства», войскá кото́рого дважды пытáлись взять Петрогра́д и бы́ли оконча́тельно разгро́млены в декабре́ 1919 го́да. Дени́кин возглавля́л в 1919 году́ белогварде́йские «Вооружённые си́лы Юга Росси́и», ле́том 1920 го́да Вра́нгель предпри́нял после́днюю попы́тку похо́да на Москву́. Но в ноябре́ Кра́сная Армия ворвала́сь в Крым, вы́нудив после́днего «верхо́вного прави́теля» бежа́ть за грани́цу. По́сле кра́ха вра́нгелевщины Анта́нта пыта́лась ещё опере́ться на ба́нды украи́нского контрреволюцио́нного национали́ста Петлю́ры и контрреволюцио́нного террори́ста Са́винкова, кото́рые, укры́вшись за по́льской грани́цей, соверша́ли налёты на сове́тскую Украи́ну. В связи́ с оконча́тельным разгро́мом белогваре́йцев Маяко́вский сде́лал «о́кна Ро́ста» ***№ 532, № 555*** и не́сколько други́х.

*

1. Всё ещё европе́йская знать
2. не хо́чет рабо́чей Росси́и призна́ть.
3. Проучи́ белогварде́йщину,
   чтоб не отвора́чивалась капри́зно,
4. и бу́дешь обяза́тельно все́ми при́знан!

Ро́ста № 532

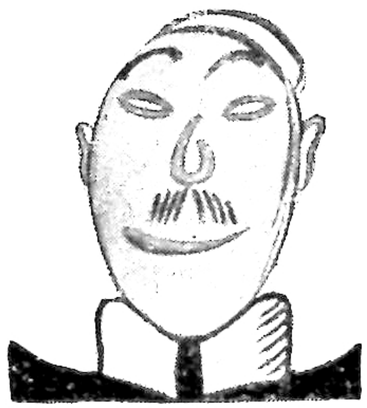
БЛИЗКИЙ КОНЕЦ РАСПУТНОЙ ДАМЫ

1. Что призаду́малась,
   де́вица кра́сная, —

2. на́ сердце го́рюшко,
   знать?

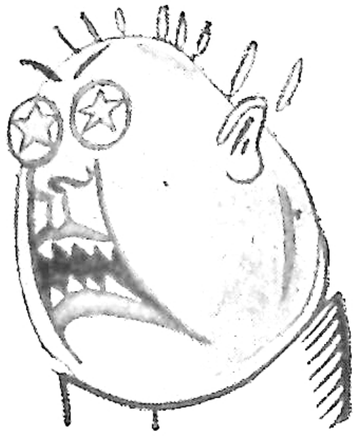
3. — Вра́нгеля ми́лым
   призна́ла напра́сно я,—

4. бо́же, кого́ ж мне
   призна́ть?



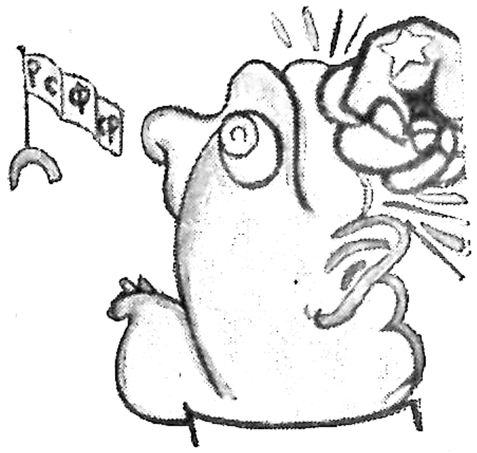
5 Са́винков чу́ден.
  Призна́ть мне его́ бы.

6. Се́рдце Петлю́рой
   заня́ть?



7. Как бы к чертя́м не
просы́пались б о́ба.

8. Бо́же, кого́ ж мне
призна́ть?



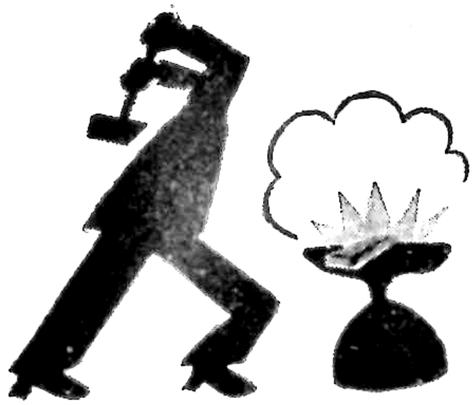
9. Бро́сьте, мада́м, напризнава́лись всласть.
НЕ УГОДНО ЛИ ВАМ ПРИЗНАТЬ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ?!

Ро́ста № 555

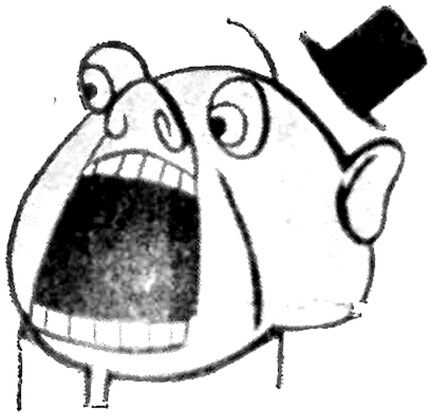
То́тчас по́сле ликвида́ции основны́х вое́нных фронто́в Коммунисти́ческая па́ртия начала́ огро́мную рабо́ту по борьбе́ с разру́хой, вы́званной года́ми империалисти́ческой и граждáнской войн. Мно́гие «о́кна» Маяко́вского, вы́пущенные зимо́й 1921 го́да, соде́ржат призы́в к наступле́нию на трудово́м фро́нте. Таковы́ помещённые ни́же «о́кна Ро́ста» ***№ 858, № 867, № 884, № 907, № 931*** (янва́рь 1921 го́да).

1. Ка́ждый прогу́л —

2. ра́дость врагу́.



3. А геро́й труда́ —



4. для буржу́ев уда́р.

Ро́ста № 858

ХОЧЕШЬ?—ВСТУПИ

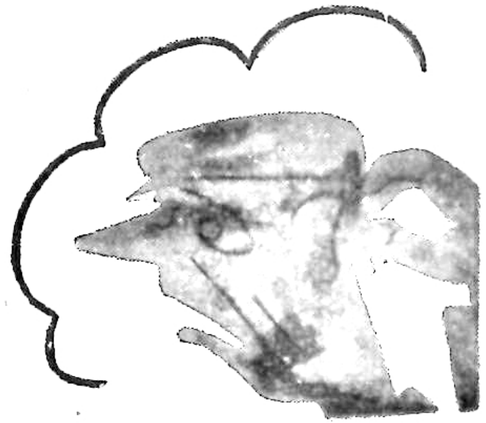
1. Хо́чешь побороть хо́лод?
2. Хо́чешь побороть го́лод?
3. Хо́чешь есть?
4. Хо́чешь пить?

Спеши́ в уда́рную гру́ппу
образцо́вого труда́ вступи́ть.

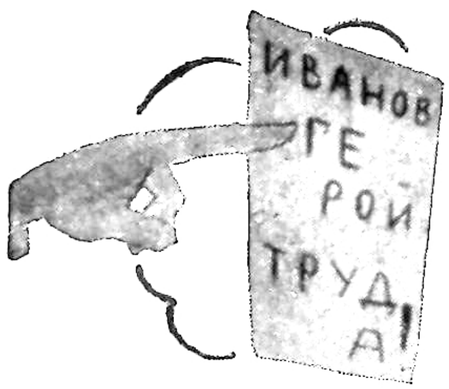
Ро́ста № 867

КРАСНАЯ И ЧЁРНАЯ

1. Если ты на э́той доске́ —



2. умира́й в тоске́.



3. А е́сли на кра́сной —

4. улыба́йся, как день я́сный.

Ро́ста № 884

1. Кто геро́й?

2. Тот, кто лу́чше други́х
у́голь долби́т под землёй,

3. кто за руде́ю прошёл
горо́й, —

4. тот геро́й!

Ро́ста № 907

Рису́нки М. М. Черемны́х

ГОРНЯКИ ВСЕЙ РОССИИ НУЖНЫ:

1. Уголь,
2. руда́.
3. Вступи́л ли ты
4. в образцо́вую гру́ппу уда́рного труда́?

Ро́ста № 931

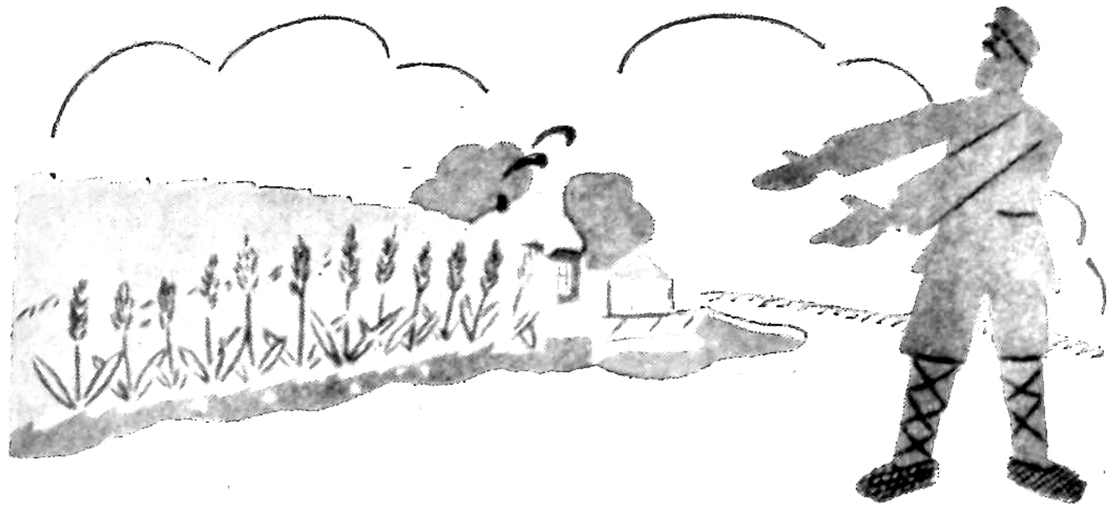
Несмотря́ на то что одни́м из пе́рвых шаго́в сове́тской вла́сти была́ переда́ча крестья́нам всей поме́щичьей земли́, пло́щадь засе́янных крестья́нских поле́й в 1921 году́ значи́тельно сократи́лась. Гражданская война́ меша́ла возде́лывать зе́млю, и э́то увели́чивало разру́ху. Поэ́тому, когда́ начала́сь борьба́ с разру́хой, то одно́й из важне́йших зада́ч бы́ло как мо́жно бо́льше и лу́чше се́ять. Ещё в декабре́ 1920 го́да Восьмо́й Всеросси́йский съезд Сове́тов при́нял декре́т, кото́рым вменя́лось в обя́занность всем земледе́льцам «производи́ть по́лный засе́в поле́й по зада́нию госуда́рства и пра́вильную их обрабо́тку».

В февра́ле 1921 го́да в связи́ с опубликова́нием специа́льного письма́ Центра́льного Комите́та Коммунисти́ческой па́ртии о посевно́й кампа́нии бы́ло вы́пущено о́коло двадцати́ «о́кон» Маяко́вского под загла́вием ***„Посевна́я кампа́ния. Вы́полним декре́т!“*** (Подразумева́лся декре́т Восьмо́го съе́зда Сове́тов.) Среди́ них «о́кна»: Главполитпросве́т № 37, № 42, № 44.

ПОСЕВНАЯ КАМПАНИЯ
ВЫПОЛНИМ ДЕКРЕТ!

1. Пра́вит на́ми ведь не пан.
2. Пра́вят на́ми на́ши.
3. Как вели́т сове́тский план,
4. зе́млю всю запа́шем.

Главполитпросве́т № 37



1. Весь провёл сове́тский план,
2. зря не тра́тил вре́мя я.

3. И за э́то сра́зу дан
4. о́рден мне и пре́мия.

Главполитпросве́т № 42

*

1. Эй! крестья́нин, по́мни ты,
2. всем нужна́ нау́ка.
3. Агроно́ма к вам в ряды́
4. пропусти́те, ну́-ка!

Главполитпросве́т № 44

Поэ́т, кото́рый созна́тельно слу́жит своему́ наро́ду, не мо́жет рассма́тривать ни оди́н да́же ча́стный, но каса́ющийся мно́гих люде́й вопро́с как сли́шком ме́лкий и́ли недосто́йный поэ́зии. Бу́дучи твёрдо в э́том убеждён, Маяко́вский бра́лся за любы́е — са́мые «непоэти́ческие» те́мы. В ию́не — ию́ле 1921 го́да в связи́ с демобилиза́цией а́рмии, расстро́йством тра́нспорта, разру́хой и антисанита́рными усло́виями в города́х участи́лись заболева́ния холе́рой. Зара́за распространя́лась преиму́щественно через некипячёную во́ду. В э́той обстано́вке нужна́ была́ агита́ция за соблюде́ние санита́рных тре́бований. Запомина́ющиеся стихи́ здесь могли́ бы о́чень помо́чь. Именно таки́ми бы́ли стихи́ *„Не пей сыро́й воды́“ (Главполитпросве́т № 232)*. На э́ту те́му Маяко́вским бы́ло сде́лано ещё не́сколько «о́кон».

НЕ ПЕЙ СЫРОЙ ВОДЫ

1. Если так не хо́чешь помере́ть ты,
2. това́рищ,
   не пей сыро́й воды́!
3. Киши́т в воде́ вибрио́нов [1] ро́й, —
4. това́рищ,
   не пей воды́ сыро́й!
5. Холе́ра идёт, не поддава́йся ей!
6. Това́рищ,
   сыро́й воды́ не пей!
7. Ори́те,
   кричи́те на все лады́:
   «Не пей,
   не пей,
   не пей сыро́й воды́!!!»

Главполитпросве́т № 232

[1] В и б р и о́ н — бакте́рия, возбуди́тель холе́ры.

К концу́ ию́ля 1921 го́да вы́яснилось, что на на́шу страну́, изму́ченную семью́ года́ми войны́, обру́шилось но́вое стра́шное бе́дствие — за́суха в Повóлжье. Стро́ки «окна́» ***Главполитпросве́т № 247,*** пе́рвого из многочи́сленных «о́кон» и стихо́в Маяко́вского, посвя́щённых го́лоду в Повóлжье, обращены́ к крестья́нам тех райо́нов страны́, в кото́рых зрел хоро́ший урожа́й.

1. Эй, това́рищ,
   не ме́дли до́лго!
2. Кавка́з голода́ет!
3. Голода́ет Во́лга!
4. По́мните —
   крестья́нству в тече́ние го́да
   вот тако́й запа́с семя́н о́тдан [1].
5. Посе́яли крестья́не семена́ полу́ченные,
6. иду́т из губе́рний ве́сти благополу́чные.
7. Пусть же крестья́не,
   кото́рые с урожа́ем,
8. помо́гут тем, кто го́лодом угрожа́ем.
9. Голода́ет Кавка́з!
10. Голода́ет Во́лга!
11. Эй!
12. Торопи́сь со взно́сом до́лга!

Главполитпросве́т № 247

[1] На соответствующем рису́нке изображён рабо́чий, даю́щий крестья́нину мешо́к зерна́. На мешке́ напи́сано «35 000 000 пуд.» (подразумева́ется коли́чество зерна́, кото́рое крестья́не получи́ли от госуда́рства как семенну́ю ссу́ду).

«Окна» продолжа́ли выходи́ть вплоть до нача́ла 1922 го́да. Почти́ все они́ бы́ли тепе́рь посвящены́ те́мам ми́рного разви́тия страны́. В октябре́ 1921 го́да в одно́м из «о́кон», посвящённых 4-й годовщи́не Вели́кой Октя́брьской социалисти́ческой револю́ции ***(Главполитпросве́т № 367),*** Маяко́вский говори́т о восстановле́нии и строи́тельстве наро́дного хозя́йства как о зада́че, кро́вно бли́зкой для ка́ждого, кому́ до́рого де́ло Октября́. Характе́рно, что да́же здесь, в агитацио́нном плака́те, Маяко́вский не мо́жет обойти́сь без сло́ва «се́рдце», кото́рое всегда́ свя́зано с тем, что для него́ осо́бенно ва́жно и до́рого.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 4-Я ГОДОВЩИНА!

1. Пока́ на фро́нте драла́сь кра́сная рать,
2. приходи́лось со всех по кро́хам собира́ть.
3. Сил для строи́тельства оста́лось ма́ло,
4. разру́ха и война́ после́днее долома́ла.
5. Победи́в,
6. возврати́лись кра́сные взво́ды.
7. Разру́шены фа́брики, разру́шены заво́ды.
8. Как же к Комму́не через обло́мки вы́йти?
9. Фа́брики восстанови́те.
10. А что́бы не разбра́сываться, рабо́тая над всем
    ку́пно [1],
11. займёмся снача́ла промы́шленностью кру́пной.
12. Об э́том вся́кому ду́мать на́до,
    чьё се́рдце Октя́брьской револю́ции ра́до!

Главполитпросве́т № 367

[1] То есть рабо́тая над всем сра́зу, одновреме́нно.

Рабо́та над «о́кнами Ро́ста» отнима́ла у Маяко́вского о́чень мно́го вре́мени и тре́бовала большо́го напряже́ния сил. Одна́ко эне́ргия поэ́та была́ неисчерпа́емой. В те же, «ро́стинские», ме́сяцы он перераба́тал «Мисте́рию-буфф», зако́нчил на́чатую ра́нее поэ́му «150 000 000» и написа́л не́сколько весьма́ значи́тельных по за́мыслу и худо́жественному выполне́нию стихотворе́ний. Пе́рвое по вре́мени из них — стихотворе́ние ***„Влади́мир Ильи́ч!“.*** Оно́ бы́ло напи́сано в апре́ле 1920 го́да, к пятидеся́той годовщи́не рожде́ния В. И. Ле́нина.

Вели́чественно-грандио́зный, фантасти́ческий о́браз, возника́ющий при чте́нии стихотворе́ния из сме́лых мета́фор и гипе́рбол, как бы нагромождённых друг на дру́га, осно́ван на ве́рном осмысле́нии то́лько что пережи́тых челове́чеством мировы́х потрясе́ний и глубо́ком понима́нии са́мого существа́ де́ятельности В. И. Ле́нина.

Этот о́браз как бы впи́сан в о́бщую карти́ну ми́ра и в то же вре́мя противостои́т ей, как разу́мное нача́ло — хао́су. К хао́су, крова́вому безу́мию привёл челове́чество капитали́зм. Госпо́дствующие кла́ссы ра́зных государ́ств разожгли́ пожа́р мирово́й войны́, вынужда́я трудя́щихся ра́зных на́ций истребля́ть друг дру́га во и́мя интере́сов свои́х угнета́телей. Но судьба́ челове́чества реша́ется не столкнове́ниями госуда́рств, а всеми́рной борьбо́й трудя́щихся про́тив эксплуата́торов. Сде́лав э́ту мысль достоя́нием миллио́нов, с неотрази́мой я́сностью показа́в им, где враги́ и где друзья́, Ле́нин внёс созна́тельное нача́ло в стихи́йное движе́ние масс, сде́лал его́ разу́мным и целеустремлённым. Поэ́тому Ле́нин — ра́зум, мозг челове́чества («...над ми́ром вы́рос Ле́нин огро́мной голово́й»).

Так, не пыта́ясь рисова́ть Ле́нина-челове́ка, Маяко́вский с большо́й эмоциона́льной си́лой утвержда́ет всеми́рно-истори́ческое вели́чие ле́нинских иде́й и ле́нинского де́ла. Неотдели́м от о́браза Ле́нина о́браз «бессме́ртного сво́да РКП» — Коммунисти́ческой па́ртии.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ!

Я зна́ю —
не геро́и
низверга́ют револю́ций ла́ву.
Ска́зка о геро́ях —
интеллиге́нтская чушь![1]
Но кто ж
уде́ржится,
чтоб сла́ву
на́шему не воспе́ть Ильичу́?

Но́ги без мо́зга — вздо́рны.
Без мо́зга
рука́м нет де́ла.
Мета́лось
во все сто́роны
ми́ра безголо́вое те́ло.
Нас
продава́ли на вы́рез.
Вое́нный вздыма́лся вой.
Когда́
над ми́ром вы́рос
Ле́нин
огро́мной голово́й.
И зе́мли
се́ли на о́си.
Ка́ждый вопро́с — прост.

[1] То есть взры́вы револю́ций, по свое́й стихи́йной си́ле подо́бные низверга́ющейся с вулка́нов о́гненной ла́ве, происхо́дят не по во́ле отде́льных люде́й (геро́ев, вожде́й), как утвержда́ли мелкобуржуа́зные интеллиге́нты, а явля́ются закономе́рным сле́дствием борьбы́ ме́жду противостоя́щими друг дру́гу кла́ссами о́бщества.

И вы́явилось
два
в хао́се
ми́ра
во весь рост.
Оди́н —
животи́ще на животи́ще.
Друго́й —
непрекло́нно скали́стый —
влил в миллио́ны ты́щи [1].
Встал
горо́й мускули́стой.

Тепе́рь
не промахнёмся ми́мо.
Мы зна́ем, кого́ — мети́!
Но́ги зна́ют,
чьи́ми
тру́пами
им идти́.

Нет ме́ста сомне́ньям и во́ям.
Доло́й ули́тье «подождём»! [2]
Ру́ки зна́ют,
кого́ им
крыть смерте́льным дождём.

Пожа́рами зе́млю дымя́,
везде́,
где наро́д испле́нен [3],
взрыва́ется
бо́мбой
и́мя:

[1] «Влил в миллио́ны ты́щи». — М и л л и о́ ны — здесь: стихи́йно-революцио́нные ма́ссы трудя́щихся; т ы́ щи (разгово́рная фо́рма; литерату́рная: ты́сячи) — здесь: созна́тельные борцы́-коммуни́сты.

«Доло́й ули́тье «подождём» — доло́й нереши́тельность, медли́тельность. У л и́ т ь е — неологи́зм от сло́ва «ули́та, ули́тка» (есть посло́вица: «Ули́та е́дет — когда́-то бу́дет!»).

[3] Общий смысл строки́: везде́, где наро́д не свобо́ден, подчинён бога́тым. И с п л е́ н е н — неологи́зм от сло́ва «плен».

Ле́нин!
Ле́нин!
Ле́нин!
И э́то —
не стихо́в ве́еру
обма́хивать юбиля́ра уют [1].—
Я
в Ле́нине
ми́ра ве́ру
сла́влю
и ве́ру мою́.

Поэ́том не быть мне́ бы,
е́сли б
не э́то пел —
в звёздах пятиконе́чных не́бо
безме́рного сво́да РКП [2].

[1] «Обма́хивать юбиля́ра уют» — славосло́вить в пы́шных стиха́х, забо́тясь лишь о том, что́бы доста́вить удово́льствие юбиля́ру.

[2] РКП — Росси́йская Коммунисти́ческая па́ртия (большевико́в). С 1925 го́да — Всесою́зная Коммунисти́ческая па́ртия (большевико́в) — ВКП(б); с 1952 го́да — Коммунисти́ческая па́ртия Сове́тского Сою́за — КПСС.

В ию́не — ию́ле 1920 го́да Маяко́вский написа́л стихотворе́ние, ста́вшее одни́м из са́мых популя́рных — ***„Необыча́йное приключе́ние, бы́вшее с Влади́миром Маяко́вским ле́том на да́че“***. Живя́ в подмоско́вной да́чной ме́стности Пу́шкино (отку́да ему́ приходи́лось ежедне́вно е́здить в Москву́, на рабо́ту в Ро́ста), Маяко́вский пря́мо из са́да да́чи, располо́женной в возвы́шенной ча́сти посёлка, на так называ́емой Аку́ловой горе́, ка́ждый ве́чер ви́дел, как захо́дит со́лнце. Расска́зывают, что он шутя́ говори́л: «Захо́дит, захо́дит, а вот зашло́ бы ко мне». На э́той игре́ двух значе́ний сло́ва «заходи́ть» и постро́ено его́ задо́рное, шутли́во-фантасти́ческое и в то же вре́мя о́чень серьёзное стихотворе́ние. Что́бы чита́телю ве́рилось в бы́вшее с поэ́том «необыча́йное приключе́ние», Маяко́вский наро́чно упомина́ет жите́йские подро́бности: фами́лию владе́льца да́чи (в подзаголо́вке), приме́ты ме́стности («А низ горы́ — дере́вней был»), свою́ перегру́женность рабо́той («то-де зае́ла Ро́ста») и т. п. Всё э́то придаёт дру́жеской бесе́де поэ́та с со́лнцем поэти́ческую убеди́тельность и конкре́тность.

Но «Необыча́йное приключе́ние» — не про́сто шу́тка. Это стихи́ о назначе́нии поэ́та. Со́лнце напомина́ет поэ́ту, что они́ о́ба, и со́лнце и поэ́т, де́лают, в су́щности, одно́ де́ло. Рабо́тая в Ро́ста, поэ́т то́же ведь по-сво́ему б о́ р е т с я с т ь м о й, с отжи́вшим «се́рым хла́мом». Поэ́тому со́лнце и поэ́т Влади́мир Маяко́вский — сою́зники.

Характе́рно, что и со́лнечные лучи́ и стихи́ ра́вно уподо́блены ору́жию. Со́лнце и поэ́т о б с т р е́ л и в а ю т (луча́ми и стиха́ми) те́ни но́чи, ру́шат вражде́бную све́ту сте́ну мра́ка. То, что поня́тия «ночь» и «тюрьма́» (то

есть нево́ля, гнёт, вообще́ социа́льное зло) как бы сли́ты в еди́ном худо́жественном о́бразе, есте́ственно для поэ́та-революционе́ра. Ещё бо́лее характе́рно для Маяко́вского, что поня́тия «со́лнце» и «поэ́зия» для него́ как бы сли́ты воеди́но, воспринима́ются как что́-то огро́мное, ра́достное, пра́здничное.

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ, БЫВШЕЕ С ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ ЛЕТОМ НА ДАЧЕ

(Пу́шкино, Аку́лова гора́, да́ча Румя́нцева, 27 вёрст от Ярославской жел. дор.)

В сто со́рок солнц зака́т пыла́л,
в ию́ль кати́лось ле́то,
была́ жара́,
жара́ плыла́ —
на да́че бы́ло э́то.
Приго́рок Пу́шкино горби́л
Аку́ловой горо́ю,
а низ горы́ —
дере́вней был,
криви́лся крыш коро́ю.
А за дере́внею —
дыра́,
и в ту дыру́, наве́рно,
спуска́лось со́лнце ка́ждый раз,
ме́дленно и ве́рно.
А за́втра
сно́ва
мир зали́ть
встава́ло со́лнце а́ло[1].
И день за днём
ужа́сно злить
меня́
вот э́то
ста́ло.

[1] А л ы й — я́рко-кра́сный.

И так одна́жды разозля́сь,
что в стра́хе всё побле́кло,
в упо́р я кри́кнул со́лнцу:
«Слазь![1]
дово́льно шля́ться в пе́кло!»[2]
Я кри́кнул со́лнцу:
«Дармое́д!
зане́жен[3] в облака́ ты,
а тут — не знай ни зим, ни лет,
сиди́, рису́й плака́ты!»
Я кри́кнул со́лнцу:
«Погоди́!
послу́шай, златоло́бо,
чем так,
без де́ла заходи́ть,
ко мне
на чай зашло́ бы!»
Что я наде́лал!
Я поги́б!
Ко мне,
по до́брой во́ле,
само́,
раски́нув луч-шаги́,
шага́ет со́лнце в по́ле.
Хочу́ испу́г не показа́ть —
и ретиру́юсь[4] за́дом.
Уже́ в саду́ его́ глаза́.
Уже́ прохо́дит са́дом.
В око́шки,
в две́ри,
в щель войдя́,
вали́лась со́лнца ма́сса,
ввали́лось;
дух переведя́,
заговори́ло ба́сом:

[1] С л а з ь (простоpе́ч.) — слеза́й.
[2] В п е́ к л о (пе́кло) — в преиспо́днюю, под зе́млю.
[3] З а н е́ ж е н — неологи́зм от глаго́ла «не́житься» (наслажда́ться поко́ем, безде́ятельностью).
[4] Р е т и р о в а́ т ь с я — отступа́ть.

«Гоню́ обра́тно я огни́
впервы́е с сотворе́нья.
Ты звал меня́?
Чай гони́,
гони́, поэ́т, варе́нье!»
Слеза́ из глаз у самого́ —
жара́ с ума́ своди́ла,
но я ему́ —
на самова́р:
«Ну что ж,
сади́сь, свети́ло!»
Чёрт дёрнул де́рзости мои́
ора́ть ему́, —
сконфу́жен,
я сел на уголо́к скамьи́,
боюсь — не вы́шло б ху́же!
Но стра́нная из со́лнца ясь[1]
струи́лась, —
и, степе́нность
забы́в,
сижу́, разговоря́сь
с свети́лом постепе́нно.
Про то́,
про э́то говорю́,
что-де́ зае́ла Ро́ста,
а со́лнце:
«Ла́дно,
не горю́й,
смотри́ на ве́щи про́сто!
А мне, ты ду́маешь,
свети́ть
легко́?
— Поди́, попро́буй! —
А вот идёшь —
взяло́сь идти́,
идёшь — и све́тишь в о́ба!»
Болта́ли так до темноты́ —
до бы́вшей но́чи то есть.
Кака́я тьма уж тут?

[1] Я с ь (обл.) — я́сность, свет.

На «ты»
мы с ним, совсе́м освоя́сь.
И ско́ро,
дру́жбы не тая́,
бью по плечу́ его́ я.
А со́лнце то́же:
«Ты да я,
нас, това́рищ, дво́е!
Пойдём, поэ́т,
взори́м [1],
вспоём
у ми́ра в се́ром хла́ме.
Я бу́ду со́лнце лить своё,
а ты — своё,
стиха́ми».
Стена́ тене́й,
ноче́й тюрьма́
под солнц двуство́лкой [2] па́ла
Стихо́в и све́та кутерьма́ —
сия́й во что попа́ло!
Уста́нет то,
и хо́чет ночь
приле́чь,
тупа́я со́нница [3].
Вдруг — я
во всю света́ю мочь [4] —
и сно́ва день трезво́нится.
Свети́ть всегда́,
свети́ть везде́,
до дней после́дних до́нца,
свети́ть —
и никаки́х гвозде́й!
Вот ло́зунг мой —
и со́лнца!

---

[1] Взори́м (неологи́зм) — взойдём зарёй, начнём свети́ть.
[2] Двуство́лка — двуство́льное ружьё.
[3] Со́нница (неологи́зм) — со́ня, сонли́вая.
[4] «Во всю света́ю мочь» — начина́ю свети́ть изо всех сил.

Тре́тья годовщи́на Вели́кой Октя́брьской социалисти́ческой револю́ции совпа́ла с оконча́тельной побе́дой над бе́лыми. 7—9 ноября́ 1920 го́да кра́сные войска́ прорва́ли укреплённые францу́зскими инжене́рами пози́ции вра́нгелевцев на Переко́пском перешёйке и ворвали́сь в Крым — после́дний опло́т бе́лой а́рмии. В тече́ние сле́дующей неде́ли Крым был очи́щен от враго́в (см. описа́ние бе́гства вра́нгелевцев в 16-й главе́ поэ́мы «Хорошо́!»). С освобожде́нием Кры́ма граждан́ская война́ в Росси́и была́ в основно́м зако́нчена.

Этому собы́тию Маяко́вский посвяти́л патети́ческое (припо́днятое, торже́ственное) стихотворе́ние ***„После́дняя страни́чка граждан́ской войны́“***, прославля́ющее вели́чие по́двига красноарме́йцев. Оно́ появи́лось в одно́м из журна́лов весно́й 1921 го́да, но напи́сано бы́ло непосре́дственно по́сле собы́тий, в ноябре́ — декабре́ 1920 го́да.

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЧКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Сла́ва тебе́, краснозвёздный геро́й!
Зе́млю кро́вью вы́мыв,
во сла́ву Комму́ны,
к горе́ за горо́й
ше́дший твердыня́ми Кры́ма.
Они́ прополза́ли та́нками рвы,
вы́пятив пу́шек ше́и, —
тела́ми рвы заполня́ли вы,
по тру́пам перейдя́ переше́ек.

Они́
за око́пами взры́ли око́п,
хлеста́ли свинцо́вой реко́ю, —
а вы
отобра́ли у них Переко́п
чуть не го́лой руко́ю.
Не то́лько тобо́й завоёван Крым
и бе́лых разби́та ора́ва, —
уда́р твой двойно́й:
завоёвано им
трудя́ться вели́кое пра́во.
И, е́сли
в со́лнце жизнь суждена́
за э́тими дня́ми хму́рыми,
мы зна́ем —
ва́шей отва́гой она́
взята́ в переко́пском шту́рме.
В одну́ благода́рность слива́ем слова́
тебе́,
краснозвёздная ла́ва.
Во ве́ки веко́в, това́рищи,
вам —
сла́ва, сла́ва, сла́ва!

В том же но́мере малоизве́стного журна́ла, в кото́ром в апре́ле 1921 го́да появи́лось стихотворе́ние «После́дняя страни́чка граждан ской войны́», бы́ло напеча́тано стихотворе́ние ***„О дря́ни“.*** Эти два стихотворе́ния те́сно свя́заны ме́жду собо́й и в то же вре́мя противополо́жны по о́бщему то́ну. Пе́рвая строка́ стихотворе́ния «О дря́ни» перекли́кается с после́дней строко́й стихотворе́ния «После́дняя страни́чка граждан ской войны́». Этим Маяко́вский подчёркивает, что, воспева́ вших геро́ев, завоева́вших для наро́да «трудя́ться вели́кое пра́во», необходи́мо то́тчас же призва́ть сове́тских люде́й к отпо́ру меща́нству.

Спустя́ полтора́ го́да Маяко́вский перепеча́тал стихотворе́ние «О дря́ни» (не́сколько перераб о́тав и осовреме́нив его́ текст) в сбо́рнике свои́х сатири́ческих стихо́в «Маяко́вский издева́ется» (1922), то есть уже́ в обстано́вке нэ́па, когда́ сати́ра на меща́нство ста́ла воспринима́ться осо́бенно о́стро. Стихотворе́ние получи́ло широ́кую изве́стность и впосле́дствии мно́го раз перепеча́тывалось в ра́зных изда́ниях.

Не́которые упомя́нутые в те́ксте бытовы́е дета́ли сейча́с тре́буют поясне́ний. Когда́ Маяко́вский писа́л «О дря́ни» (и вообще́ вплоть до де́нежной рефо́рмы 1923—1924 годо́в), ещё не существова́ло усто́йчивого сове́тского рубля́ и находи́вшиеся в обраще́нии де́нежные зна́ки бы́стро обесце́нивались. Поэ́тому 24 ты́сячи, о кото́рых упомина́ет изображённый Маяко́вским персона́ж,— э́то не кака́я-то осо́бо кру́пная су́мма: речь идёт о приба́вке к зарпла́те обы́чного сове́тского слу́жащего. Суть, одна́ко, в том, что э́тот «совслу́жащий» — перекра́сившийся меща́нин, кото́рого в э́то исключи́тельно тру́дное для респу́блики вре́мя интересу́ет то́лько со́бственное благополу́чие. Галифи́ща, о кото́рых он мечта́-

ет, — э́то бры́ки мо́дного тогда́ полувое́нного покро́я «галифе́» — вверху́ о́чень широ́кие (поэ́тому — «тихоокеа́нские»), а ни́же коле́н — в обтя́жку (что́бы заправля́ть в сапоги́). Бры́ки галифе́ носи́ли в те го́ды мно́гие вое́нные и парти́йные рабо́тники — комиссары́. Приспоса́бливающийся мещани́н наде́ется приобрести́ себе́ «тихоокеа́нскими галифи́щами» бо́лее эффе́ктный «революцио́нный» вид. Тем же озабо́чена и его́, ви́димо, ниче́м не за́нятая супру́га, проводя́щая вре́мя на бала́х в Реввоенсове́те (Революцио́нный вое́нный сове́т респу́блики), в кото́ром в те го́ды ещё бы́ло нема́ло ца́рских офице́ров. Для э́той мещанской да́мы изображе́ние серпа́ и мо́лота, по́лное большо́го смы́сла для настоя́щих сове́тских люде́й, явля́ется лишь чи́сто вне́шней и ей соверше́нно чу́ждой форма́льной дета́лью, кото́рую сле́дует испо́льзовать, что́бы подде́латься под совре́менность. Кни́жное сло́во «эмбле́ма», когда́ речь идёт об отде́лке «шика́рного» пла́тья, звучи́т коми́чески и спосо́бствует ещё бо́льшему сатири́ческому заостре́нию о́браза. Не случа́йно и упомина́ние об «оголте́лой канаре́ице»: до революции кле́тки с канаре́йками бы́ли распространённой дета́лью и́менно мещанских квартир.

О ДРЯНИ

Сла́ва, Сла́ва, Сла́ва геро́ям!!!

Впро́чем,
им
дово́льно возда́ли да́ни.
Тепе́рь
поговори́м
о дря́ни.

Утихоми́рились бу́ри революцио́нных лон.
Подёрнулась ти́ной сове́тская мещани́на.
И вы́лезло
из-за спины́ РСФСР

мурло́ [1]
мещани́на.

(Меня́ не поймаете на сло́ве,
я во́все не про́тив мещанского сосло́вия.
Мещанам
без различия кла́ссов и сосло́вий
моё славосло́вие.)

Со всех необъя́тных росси́йских нив,
с пе́рвого дня сове́тского рожде́ния
стекли́сь они́,
на́скоро опере́нья переменив,
и засе́ли во все учрежде́ния.

Намозо́лив от пятиле́тнего сиде́ния зады́,
кре́пкие, как умыва́льники,
живу́т и поны́не —
ти́ше воды́.
Свили́ ую́тные кабине́ты и спа́ленки.

И ве́чером
та и́ли ина́я мразь,
на жену́,
за пиани́ном [1] обуча́ющуюся, гля́дя,
говори́т,
от самова́ра разморя́сь:
«Това́рищ На́дя!
К пра́зднику приба́вка —
24 ты́щи.
Тари́ф [2].
Эх,
и заведу́ я себе́
тихоокеа́нские галифи́ща,
чтоб из штано́в
выгля́дывать,
как кора́лловый риф!»
А На́дя:

---

[1] М у р л о́ (бра́нное сло́во) — уро́дливое, безобра́зное лицо́, мо́рда.

[2] Пра́вильно: за пиани́но.

[3] Т а р и́ ф — здесь: зарпла́та.

«И мне с эмбле́мами [1] пла́тья.
Без серпа́ и мо́лота не пока́жешься в све́те!
В чём
сего́дня
бу́ду фигуря́ть я
на балу́ в Реввоенсове́те?!»
На сте́нке Маркс.
Ра́мочка а́ла.
На «Изве́стиях» лёжа, котёнок гре́ется.
А из-под потоло́чка
верещала
оголте́лая канаре́ица.

Маркс со сте́нки смотре́л, смотре́л...
И вдруг
рази́нул рот
да как заорёт:
«Опу́тали револю́цию обыва́тельщины ни́ти!
Страшне́е Вра́нгеля обыва́тельский быт.
Скоре́е
го́ловы канаре́йкам сверни́те —
чтоб коммуни́зм
канаре́йками не был поби́т!»

[1] Эмбле́ма — усло́вное и́ли симво́лическое изображе́ние како́го-либо поня́тия, иде́и.

Вско́ре по́сле прекраще́ния вы́пуска «о́кон» Маяко́вский на́чал сотру́дничать в центра́льной сове́тской газе́те «Изве́стия». В то вре́мя мно́гие поэ́ты под возде́йствием реакцио́нных декаде́нтских тео́рий ви́дели в рабо́те для газе́т не́что недосто́йное и́стинной поэ́зии. Они́ счита́ли, что поэ́зия не должна́ «снисходи́ть» до злободне́вных вопро́сов. Маяко́вский, напро́тив, был твёрдо убеждён в том, что уча́стие в газе́те явля́ется одно́й из ва́жных форм необходи́мой ка́ждому поэ́ту свя́зи с совреме́нностью. Он не то́лько счита́л возмо́жным, но хоте́л систематически рабо́тать в газе́те, так как уча́стие в газе́тной рабо́те, как ра́ньше рабо́та над «о́кнами», де́лало его́, поэ́та, прямы́м уча́стником кипя́щей круго́м борьбы́ за но́вую жизнь.

Не́которое вре́мя Маяко́вскому не удава́лось осуществи́ть своё наме́рение из-за того́, что тогда́шний реда́ктор «Изве́стий» Ю. Стекло́в не люби́л стихо́в Маяко́вского и, счита́я свой ли́чный вкус непогреши́мым, отка́зывался их печа́тать. Помо́г слу́чай. Стекло́в не́сколько дней не был по боле́зни в реда́кции; отве́тственный секрета́рь реда́кции О. Лито́вский попроси́л Маяко́вского дать в очередно́й но́мер стихи́. 5 ма́рта 1922 го́да в «Изве́стиях» появи́лось стихотворе́ние ***„Прозаседа́вшиеся“.***

На сле́дующий день, 6 ма́рта, Влади́мир Ильи́ч Ле́нин, выступа́я с ре́чью на заседа́нии коммунисти́ческой фра́кции Всеросси́йского съе́зда металли́стов, сказа́л:

«Вчера́ я случа́йно прочита́л в «Изве́стиях» стихотворе́ние Маяко́вского на полити́ческую те́му. Я не принадлежу́ к покло́нникам его́ поэти́ческого тала́нта, хотя́ вполне́ признаю́ свою́ некомпете́нтность в э́той о́бласти. Но давно́ я не испы́тывал тако́го удово́льствия, с то́чки зре́ния полити́ческой и администрати́вной. В своём стихотворе́нии он вдрызг высме́ивает заседа́ния и издева́ется

Обло́жка сбо́рника сатири́ческих стихо́в. 1923

над коммуни́стами, что они́ всё заседа́ют и перезаседа́ют. Не зна́ю, как насчёт поэ́зии, а насчёт поли́тики руча́юсь, что э́то соверше́нно пра́вильно».

«Прозаседа́вшиеся» — э́то ре́зкая сати́ра на бюрократи́зм, напи́санная с больши́м мастерство́м. Сатири́ческий смех вызыва́ют уже́ пе́рвые стро́ки, в кото́рых Маяко́вский обы́грывает скла́дывавшуюся в то вре́мя неле́пую привы́чку к сло́жным, труднопроизноси́мым и непоня́тным для окружа́ющих сокраще́ниям. Ка́ждый из составны́х элеме́нтов хорошо́ знако́мого назва́ния Главполитпросве́т и́ли Главкомполитпросве́т (глав — гла́вный, ком — комите́т, и т. д.) шутли́во превращён им в самостоя́тельное назва́ние, а зате́м упомина́ется ещё о заседа́нии фантасти́ческого «А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-ко́ма».

Что́бы ещё бо́льше заостри́ть сати́ру, Маяко́вский заставля́ет свои́х «прозаседа́вшихся» обсужда́ть заве́домо неправдоподо́бный вопро́с о слия́нии ТЕО (Театра́льного отде́ла Наркомпро́са) и Гуко́на (Госуда́рственного управле́ния конезаво́дством) и́ли таку́ю «пробле́му», как поку́пка черни́л. Истолко́вывая буква́льно распространённое метафори́ческое выраже́ние («Я так за́нят, пря́мо хоть на́двое разорви́сь»), он заставля́ет полови́нки люде́й заседа́ть по́рознь и тем превраща́ет их «делово́е» времяпрепровожде́ние в каку́ю-то фантасти́чески-бессмы́сленную игру́.

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ

Чуть ночь преврати́тся в рассве́т,
ви́жу ка́ждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в поли́т,
кто в просве́т —
расхо́дится наро́д в учрежде́нья.
Обдаю́т дождём дела́ бума́жные,
чуть войдёшь в зда́ние:
отобра́в с полсо́тни —
са́мые ва́жные! —
слу́жащие расхо́дятся на заседа́ния.
Заявишься:
«Не мо́гут ли аудие́нцию[1] дать?
Хожу́ со вре́мени о́на»[2]. —
«Това́рищ Ива́н Ва́ныч ушли́ заседа́ть —
объедине́ние Те́о и Гуко́на».

Исколеси́шь сто ле́стниц.
Свет не мил.
Опя́ть:
«Через час веле́ли прийти́ вам.
Заседа́ют:
поку́пка скля́нки черни́л
Губкооперати́вом»[3].

Через час:
ни секретаря́,
ни секрета́рши нет —
го́ло!
Все до 22-х лет
на заседа́нии комсомо́ла.

---

[1] А у д и е́ н ц и я — офици́альный приём у высокопоста́вленного лица́.

[2] «Со вре́мени о́на» — с незапа́мятных времён, с да́вних пор. «Во вре́мя о́но» (устар.) — когда́-то давно́, не́когда.

[3] Г у б к о о п е р а т и́ в — губе́рнский кооперати́в.

Спо́ва взбира́юсь, гля́дя на́ ночь,
на ве́рхний эта́ж семиэта́жного до́ма.
«Пришёл това́рищ Ива́н Ва́ныч?» —
«На заседа́нии
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-ко́ма».

Взъярённый,
на заседа́ние
врыва́юсь лави́ной,
ди́кие прокля́тья доро́гой изрыга́я.
И ви́жу:
сидя́т люде́й полови́ны.

О дья́вольщина!
Где же полови́на друга́я?
«Заре́зали!
Уби́ли!»
Мечу́сь, оря́ [1].
От стра́шной карти́ны свихну́лся ра́зум.
И слы́шу
споко́йнейший голосо́к секретаря́:
«Они́ на двух заседа́ниях сра́зу.
В день
заседа́ний на два́дцать
на́до поспе́ть нам.
Понево́ле прихо́дится раздвоя́ться.
До по́яса здесь,
а остально́е
там».

С волне́ния не уснёшь.
Утро ра́ннее.
Мечто́й встреча́ю рассве́т ра́нний:
«О, хотя́ бы
ещё
одно́ заседа́ние
относи́тельно искорене́ния всех заседа́ний!»

---

[1] О р я́ — малоупотреби́тельное в литерату́рном языке́ дееприча́стие от глаго́ла «ора́ть».

Одобре́ние Ле́ниным стихотворе́ния «Прозаседа́вшиеся» име́ло для Маяко́вского грома́дное значе́ние. С э́того вре́мени начала́сь многоле́тняя рабо́та поэ́та в «Изве́стиях», а зате́м и в други́х газе́тах. Мно́гие из э́тих стихо́в бы́ли свя́заны с собы́тиями междунаро́дной жи́зни и вопро́сами вне́шней поли́тики. Одно́ из них — гне́вное стихотворе́ние ***„Воро́вский“.***

В. В. Воро́вский (1871—1923), ви́дный де́ятель Коммунисти́ческой па́ртии, оди́н из пе́рвых литерату́рных кри́тиков-маркси́стов, прие́хал в ка́честве сове́тского представи́теля на междунаро́дную конфере́нцию в швейца́рский го́род Лоза́нну. 10 ма́я 1923 го́да он был застре́лен в Лоза́нне фаши́стом Конра́ди. В отве́т на сове́тскую но́ту проте́ста прави́тельства, организова́вшие конфере́нцию, отве́тили развя́зными по то́ну но́тами, в кото́рых пыта́лись снять с себя́ отве́тственность за соверши́вшееся преступле́ние на том основа́нии, что сове́тское прави́тельство ещё, де́скать, «не при́знано» и́ми.

Стихотворе́ние бы́ло напеча́тано в «Изве́стиях» в день прибы́тия те́ла Воро́вского в Москву́. Маяко́вский призыва́ет трудя́щихся столи́цы в отве́т на на́глые но́ты империали́стов вы́йти на демонстра́цию проте́ста («Отве́т в мильо́н шаго́в пошли́ на на́глость нот. Мильо́нную толпу́ у стен кремлёвских вы́змей...»), призыва́ет не поддава́ться христиа́нской про́поведи всепроще́ния, мя́гкости («забу́дь о всепроще́нье-во́ске»). Он хо́чет, что́бы взрывчатая си́ла гне́ва демонстра́нтов была́ подо́бна бо́мбе («гнев скругли́ в огро́мный бо́мбы мяч»), а их голоса́ бы́ли подо́бны штыка́м.

ВОРОВСКИЙ

Сего́дня,
пролетариа́т,
гром голосо́в раску́й,
забу́дь
о всепрощéнье-во́ске.
Прико́нченный
фаши́стской ша́йкой воровско́й,
в после́дний раз
Москво́й
пройдёт Воро́вский.
Ско́лько не ста́нет...
Ско́лько не ста́ло...
Ско́льких — в кло́чья...
Ско́льких — в дым...
Где б ни сда́ли.
Чья б ни сдала́.
Мы не сда́ли,
мы не сдади́м.
Сего́дня
гнев
скругли́
в огро́мный
бо́мбы мяч.
Сего́дня
голоса́
разме́лний [1] шты́чьим бле́ском.
В глаза́х
в капитали́стовых маячь.
Черти́сь
по королéвским занавéскам.
Отве́т
в мильо́н шаго́в
пошли́
на на́глость нот.
Мильо́нную толпу́
у стен кремлёвских вы́змей [2].

---

[1] Разме́лний — неологи́зм от сло́ва «ме́лния».
[2] Вы́змей (неологи́зм) — повели́тельная фо́рма от сло́ва «змеи́ться», изгиба́ться подо́бно змее́.

Пусть
смерть това́рища
сего́дня
подчеркнёт
бессме́ртье
де́ла коммуни́зма.

У Маяко́вского всегда́ бы́ло непосре́дственное, не кни́жное ощуще́ние жи́зни. Всё, о чём он писа́л, жи́во интересова́ло и волнова́ло его́, всё он пережива́л свои́м больши́м се́рдцем, равно́ откры́тым и для трево́г и для ра́достей.

По́лно и глубоко́ чу́вствовал он и приро́ду, хотя́ писа́л о ней сравни́тельно немно́го. Уме́я поэти́чески раскрыва́ть те́мы, ра́нее каза́вшиеся несовмести́мыми с поэ́зией, он и о том, о чём поэ́тами всех времён напи́саны ты́сячи стихотворе́ний (звёзды, лу́нный свет, весе́нняя капе́ль и т. п.), писа́л по-но́вому. Ярки́й приме́р — стихотворе́ние ***„Весе́нний вопро́с“,*** тако́е не похо́жее ни на одно́ из стихотворе́ний о весне́, со́зданных поэ́тами прошло́го.

Знако́мое всем весе́ннее чу́вство ра́дости и одновре́менно како́го-то осо́бого душе́вного смяте́ния пе́редано Маяко́вским ря́дом дета́лей с удиви́тельной конкре́тностью и сочета́ется с то́нким ю́мором, с како́й-то мальчи́шески озорно́й ирони́ей над сами́м собо́й, над свое́й большо́й взволно́ванностью, меша́ющей повседне́вной рабо́те.

Но ю́мор не разруша́ет основно́й лири́ческой эмо́ции стихотворе́ния. Напро́тив, он помога́ет поэ́ту найти́ сего́дняшние, а не обветша́вшие слова́, что́бы переда́ть э́ту весе́ннюю взволно́ванность, помо́чь совре́менному чита́телю ясне́е осозна́ть своё, горожа́нина сове́тской эпо́хи, пережива́ние весны́.

ВЕСЕННИЙ ВОПРОС

Стра́шное у меня́ го́ре.
Вероя́тно —
лишу́сь сна.

Вы понима́ете,
вско́ре
в РСФСР
придёт весна́.
Сего́дня
и за́втра
и веко́в испоко́н [1]
шата́ется ко́мната —
со́лнца пропо́йца [2].
Невозмо́жно рабо́тать.
Определённо обеспоко́ен.
А ведь откро́венно говоря́ —
соверше́нно не́ из-за чего беспоко́иться.
Если подойти́ серьёзно —
та́к-то оно́ так.
Со́лнце посве́тит —
и пройдёт ми́мо.
А вот попро́буй —
от окна́ оттяни́ кота́.
А е́сли и живо́тное интересу́ется
у́лицей,
то мне
э́то —
про́сто необходи́мо.
На у́лицу вы́шел
и встал в ле́ни я,
не в си́лах...
не сдви́нуть с ме́ста те́ло.
Нет соверше́нно
ни мале́йшего представле́ния,
что ж тепе́рь, со́бственно говоря́, де́лать?!
И за ши́ворот
и по но́су
ка́плет безбо́жно.
Слу́шаешь.
Не сма́хиваешь.
Бу́дто стих [3].

---

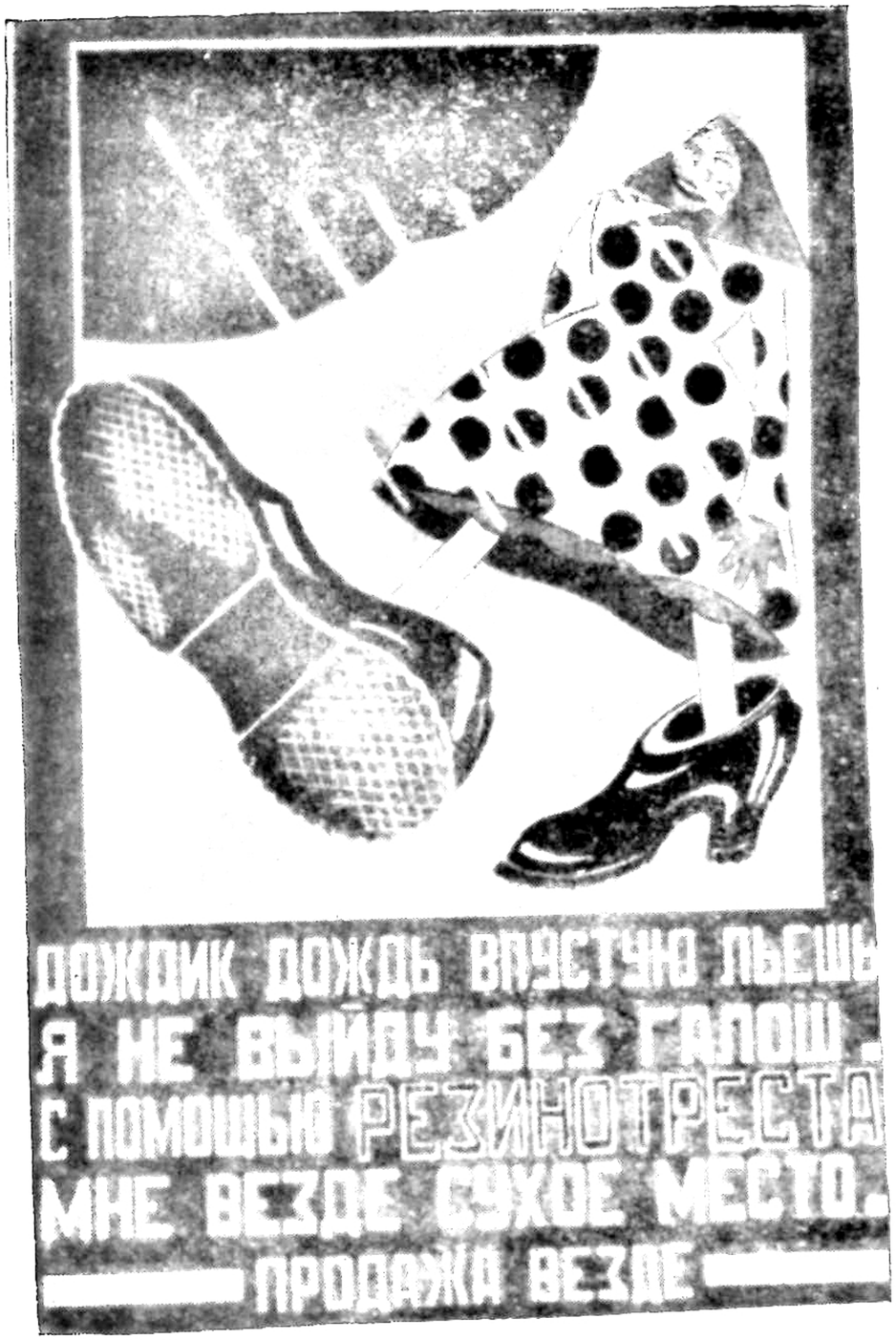
[1] Испоко́н веко́в — с да́вних времён, и́здавна.
[2] То есть ко́мната жа́дно пьёт со́лнце, опьянена́ им.
[3] То есть бу́дто слу́шаешь стихи́ (ритми́ческий стук капе́ли напомина́ет поэ́ту ритм стиха́).

Юриди́чески —
куда́ хо́чешь идти́ мо́жно,
но факти́чески —
сдви́нуться
никако́й возмо́жности.

Я, наприме́р,
счита́юсь хоро́шим поэ́том.
Ну, ска́жем,
могу́
доказа́ть:
«самого́н — большо́е зло» [1].
А что́ про э́то?
Че́м про э́то?
Ну нет соверше́нно никаки́х слов.
Наприме́р:
го́род сове́тские слу́жащие искра́пили [2],
приве́тствуй весну́,
отве́ть салю́тно!
Разучи́лись —
не́чем отве́тить на ка́пли.
Ну, не мо́гут сказа́ть —
ни сло́ва.
Абсолю́тно!
Ста́ли вот та́к вот —
смо́трят рассе́янно.
Наблюда́ют —
ска́лывают дво́рники лёд.
Под башмака́ми вода́.
Бассе́йны.
Сбо́ку бры́зжет.
Све́рху льёт.
На́до приня́ть каки́е-то ме́ры.
Ну, не зна́ю что, —
наприме́р:
вы́брать день
са́мый си́ний,
и чтоб на у́лицах
улыба́ющиеся милицио́неры

[1] Здесь Маяко́вский иронизи́рует над сами́м собо́й; в 1923 году́ вы́шла его́ агитпоэ́ма для крестья́н «Вон самого́н».

[2] То есть сове́тские слу́жащие усе́яли у́лицы подо́бно кра́пинкам. Искра́пили (неологи́зм) — глаго́л от «кра́пинка».



Рекла́мный плака́т для Резинотре́ста. Текст и рису́нки В. Маяко́вского. 1923.

всем
в э́тот день
раздава́ли апельси́ны.
Если э́то до́рого —
мо́жно вы́брать дешёвле,
про́ще.
Наприме́р:
чтоб старики́,
безрабо́тные,
неуча́щаяся детвора́
в 12 часо́в
ежедне́вно
собира́лись на Сове́тской пло́щади,
троекра́тно крича́ли б:
ура́!
ура́!
ура́!
Ведь все други́е вопро́сы
бо́лее и́ли ме́нее ясны́.
И относи́тельно хле́ба я́сно
и относи́тельно ми́ра ведь.
Но э́тот
кардина́льный вопро́с
относи́тельно весны́
ну́жно
во что бы то ни ста́ло
тепе́рь же урегули́ровать.

В конце́ 1924 го́да (с 24 октября́ по 27 декабря́) Маяко́вский был в Берли́не и Пари́же. Это была́ его́ пя́тая по счёту заграни́чная пое́здка. Маяко́вский намерева́лся соверши́ть кругосве́тное путеше́ствие и свы́ше полу́тора ме́сяцев жил в Пари́же, безуспе́шно добива́ясь ви́зы (разреше́ния на въезд) в США. В связи́ с дли́тельным пребыва́нием в Пари́же был напи́сан цикл стихо́в «Пари́ж». Одно́ из стихотворе́ний э́того ци́кла ***„Жоре́с“.***

Жан Жоре́с (1859—1914) был изве́стным полити́ческим де́ятелем, одни́м из основа́телей социалисти́ческой па́ртии Фра́нции. Не бу́дучи после́довательным проле-та́рским революционе́ром-маркси́стом, Жоре́с, одна́ко, по-сво́ему и́скренне боро́лся за рабо́чее де́ло. В 1914 году́ он, пыта́ясь предотврати́ть надвига́вшуюся империалисти́ческую войну́, реши́тельно выступа́л про́тив францу́зской вое́нщины и за э́то (31 ию́ля 1914 го́да) был преда́тельски застре́лен францу́зским монархи́стом. В ноябре́ 1924 го́да буржуа́зные прави́тели Фра́нции организова́ли торже́ственную церемо́нию перенесе́ния пра́ха Жоре́са в Пантео́н (ме́сто погребе́ния знамени́тых люде́й страны́). Этой церемо́нией буржуа́зный Пари́ж хоте́л уби́ть в рабо́чих па́мять о революцио́нной де́ятельности Жоре́са, сде́лать его́ «свои́м». Одна́ко наряду́ с официа́льной проце́ссией рабо́чие организова́ли в па́мять о Жоре́се свою́ демонстра́цию под революцио́нными ло́зунгами. Всё, что Маяко́вский ви́дел на у́лицах Пари́жа в э́тот день, свиде́тельствовало о симпа́тиях францу́зского наро́да к Сове́тской Росси́и. По контра́сту всё э́то напо́мнило Маяко́вскому 1917 год. Тогда́ францу́зская буржуази́я, клевеща́ на ру́сский наро́д, пыта́лась внуши́ть свои́м рабо́чим, что призы́в ру́сских рабо́чих неме́дленно прекрати́ть империалисти́ческую войну́ преда́тельство по отно-

шéнию к Фрáнции, прáвительство котóрой бы́ло сою́зником цáрской Россíи в войнé прóтив Германíи.

Глáвное в стихотворéнии — утверждéние междунарóдной солидáрности рабóчего клáсса.

ЖОРЕС

Ноя́брь,
а наро́д
зажа́т до жары́
Стою́
и смотрю́ до́лго:
на ши́нах маши́нных
ми́мо —
шары́
ката́ются
в треуго́лках [1].
Войно́й обагрённые
ру́ки
умы́в
и кра́сные
ша́нсы
взве́сив,
коммéрцию
но́вую
вби́ли в умы́ —
хотя́т
спекульну́ть на Жоре́се.
Пока́жут рабо́чим —
смотри́те,
и он
с вели́кими на́шими
то́же.

[1] То есть ката́ются в со́бственных маши́нах о́чень то́лстые, похо́жие на шары́ высокопоста́вленные чино́вники в фо́рменных головны́х убо́рах (треуго́лках).

Жоре́с
настоя́щий францу́з.
Пантео́н
не ста́нет же
он
трево́жить.
Гото́вы
пото́ки
слезли́вых фраз.
Эско́рт [1],
колесни́ца [2] —
эффе́кт!
Ни с ме́ста!
Скажи́те,
кем из вас
в окне́
пристре́лен
Жоре́с?
Тепе́рь
пришли́
панихи́дами выть.
Зо́рче,
рабо́чий класс!
Това́рищ Жоре́с,
не дай уби́ть
себя́
во второ́й раз.
Не дасг.
Подня́в
знамён ма́чтовый лес,
спая́в
люде́й
в оди́н
плыву́щий флот,
громо́вый и живо́й,
по-пре́жнему
Жоре́с

[1] Э с к о́ р т — конво́й, охра́на. Здесь: почётный эско́рт, почётное во́инское сопровожде́ние.

[2] К о л е с н и́ ц а — похоро́нная колесни́ца, на кото́рой перевози́ли в Пантео́н прах Жоре́са.

прохо́дит в Пантео́н
по у́лице Суфло́ [1].
Он в э́тих кри́ках,
несу́щихся вверх,
в знамёнах,
в шага́х,
в горба́х:
«Vivent les Soviets!..
A bas la guerre!..
Capitalisme à bas!..» [2]
И вот —
взбега́ет ого́нь
и гори́т,
и пе́сня
красне́ет у рта [3].
И ка́жется —
сно́ва
в дыму́
пушкари́
иду́т
к пари́жским форта́м.
Спино́ю
к витри́нам отжа́ли —
и вот
из кни́жек
вы́жались
те́ни.

[1] Многочи́сленные знамёна демонстра́нтов подо́бны ма́чтам кораблей, плыву́щих в одно́м направле́нии. Речь идёт о рабо́чей демонстра́ции, дви́гавшейся по у́лице Суфло́, паралле́льно официа́льной проце́ссии.

[2] Да здра́вствуют Сове́ты!.. Доло́й войну́!.. Доло́й капитали́зм!.. (франц.)

[3] То есть демонстра́ция пари́жских рабо́чих вызыва́ет у поэ́та эмоциона́льный подъём, гото́вность к тво́рчеству. Ого́нь, бушу́ющий в груди́ как бы реа́льно подыма́ется вверх («взбега́ет») и гото́в вы́рваться нару́жу в горя́чем революцио́нном стихе́ («пе́сней красне́ет у рта»). В осно́ве о́браза — сплете́ние разгово́рных мета́фор: «пла́мя чувств» и «гото́во сорва́ться с языка́», «сорва́ться с уст» (о сло́ве).

И сно́ва
71-й год
встаёт
у страни́ц в шелесте́нии.
Гора́
на груди́
могла́ б подня́ться.
Там
гне́вный о́крик орёт:
«Кто смел сказа́ть,
что мы
в семна́дцатом
пре́дали
францу́зский наро́д?
Непра́вда,
мы с ва́ми,
францу́зские блу́зники.
Забу́дьте
э́тот
поклёп [1] дрянно́й.
На всех баррика́дах
мы ва́ши сою́зники,
рабо́чий Крезо́
и рабо́чий Рено́» [2].

[1] П о к л ё п — клевета́, ло́жное обвине́ние.

[2] То есть мы сою́зники францу́зских рабо́чих. К р е з о́ — го́род во Фра́нции, центр вое́нной и машинострои́тельной промы́шленности. Р е н о́ — владе́лец мно́гих автомоби́льных заво́дов.

20 декабря́ 1924 го́да Маяко́вский поки́нул Пари́ж. Этому посвящено́ после́днее стихотворе́ние ци́кла «Пари́ж» — *„Проща́нье“*. Маяко́вский расстаётся с Пари́жем, взволно́ванный всем ви́денным и пережи́тым. Но, иронизи́руя над собо́й, он нарочи́то «снижа́ет» свою́ речь: говори́т «жи́жа» вме́сто «слёзы», «се́рдце мне сентимента́льностью расква́сь» вме́сто «размягчи́ печа́лью, гру́стью». Сло́во «сентимента́льность» (произведённое от францу́зского «sentiment», то есть «чу́вство») в ру́сском языке́ ча́ще всего́ име́ет неодобри́тельный, не́сколько ирони́ческий отте́нок: чрезме́рная при́торная чувстви́тельность.

Одна́ко любо́вь поэ́та к Пари́жу, как к одному́ из прекра́снейших городо́в ми́ра, ме́ркнет перед его́ любо́вью к сове́тской ро́дине, к родно́й Москве́.

ПРОЩАНЬЕ

В авто́,
после́дний франк разменя́в.
— В кото́ром часу́ на Марсе́ль? —
Пари́ж
бежи́т,
провожа́я меня́,
во всей
невозмо́жной красе́.
Подступа́й
к глаза́м,
разлу́ки жи́жа,

се́рдце
мне
сентимента́льностью расква́сь!
Я хоте́л бы
жить
и умере́ть в Пари́же,
е́сли б не́ было
тако́й земли́ —
Москва́.

25 ма́я 1925 го́да Маяко́вский вновь вы́ехал из Москвы́ в Пари́ж. Проведя́ во Фра́нции почти́ ме́сяц в безуспе́шных хло́потах о ви́зе в США и доби́вшись то́лько ви́зы на въезд в Ме́ксику, он 21 ию́ня сел на пароход «Эспа́нь». 5 ию́ля, по́сле двухнеде́льного пла́вания через Атланти́ческий океа́н, парохо́д при́был в порт Гавана. Маяко́вский це́лый день провёл на берегу́. Впоследствии в свои́х о́черках «Моё откры́тие Аме́рики» Маяко́вский сжа́то и о́чень я́рко описа́л Гава́ну, столи́цу Ку́бы в те го́ды лишь форма́льно незави́симой респу́блики, факти́чески низведённой капитали́стами США на положе́ние полуколо́нии.

«Одна́ сторона́ — разэкзоти́ческая [1]. На фо́не зелёного мо́ря чёрный негр в бе́лых штана́х продаёт пунцо́вую ры́бу, подыма́я её за хвост над со́бственной голово́й. Друга́я сторона́ — мировы́е таба́чные и са́харные лимите́ды [2] с деся́тками ты́сяч не́гров, испа́нцев и ру́сских рабо́чих.

А в це́нтре бога́тств — америка́нский клуб, десятиэта́жный Форд [3], Клей и Бок [4] — пе́рвые ощути́мые при́знаки влады́чества Соединённых Шта́тов над всеми тремя́ — над Се́верной, Южной и Центра́льной Аме́рикой.

[1] Сло́вом «экзоти́ческий» обы́чно определя́ют осо́бенно заме́тные, вне́шние черты́ приро́ды и бы́та далёких (преиму́щественно жа́рких) стран — всё, что, на взгляд путеше́ственника, вы́глядит причу́дливым, необы́чным, эффе́ктным. Маяко́вский уси́ливает э́то значе́ние приста́вкой «раз».

[2] Лимите́ды — распространённый в капиталисти́ческих стра́нах вид торго́вого объедине́ния капитали́стов.

[3] Десятиэта́жный Форд — десятиэта́жное зда́ние представи́тельства конто́ры Фо́рда, владе́льца автомоби́льных заво́дов в США.

[4] Клей и Бок — америка́нские владе́льцы кру́пных таба́чных фа́брик в Гава́не.

Им принадлежи́т почти́ весь гава́нский Кузне́цкий мост: дли́нная, ро́вная, в кафе́, рекла́мах и фонаря́х Пра́до [1]; по всей Веда́до [2], перед их особняка́ми, ви́тыми ро́зовым кола́рио [3], стоя́т на но́жке фламинго [4] цве́та рассве́та...»

Под непосре́дственным впечатле́нием уви́денного в Гава́не Маяко́вский в тот же день написа́л стихотворе́ние ***„Блек энд уа́йт“*** — едва́ ли не са́мое изве́стное из его́ стихо́в америка́нского ци́кла.

В назва́ние «Блек энд уа́йт», что в перево́де с англи́йского означа́ет «Чёрное и бе́лое», Маяко́вский вкла́дывает двойно́й смысл: с одно́й стороны́ — э́то запа́вшая в па́мять на́дпись на я́щиках с контраба́ндным ви́ски (во́дкой) и о́бщее зри́тельное впечатле́ние: чёрные ли́ца не́гров ря́дом с ли́цами бе́лых. С друго́й — «хорошо́» и «пло́хо», добро́ и зло, противопоставле́ние че́стных тру́жеников из ме́стного темноко́жего населе́ния Гава́ны — бесче́стным белоли́цым хи́щникам, колониза́торам.

В стихотворе́нии «Блек энд уа́йт» Маяко́вский выво́дит в ка́честве персона́жа реа́льно существова́вшего америка́нского капитали́ста, владе́льца таба́чных планта́ций и фа́брик Энри Кле́я. Ему́ противопоста́влен обезло́ленный, беспра́вный негр Ви́лли, подмета́льщик у́лиц. Ви́лли негра́мотен, он ничего́ не слы́шал про борьбу́ кла́ссов, колониа́льное угнете́ние и т. п. Ему́ внуши́ли, что он со́здан для чёрной рабо́ты. Одна́ко жизнь, со́бственный о́пыт заставля́ют Ви́лли заду́маться над вопро́сом, кото́рый ка́жется ему́ о́чень сло́жным и ка́верзным, «закорю́кой из закорю́к» (закорю́ка — от сло́ва «крюк», «крючо́к»). Когда́ же он обраща́ется за разъясне́нием к капитали́сту, то в отве́т получа́ет зуботы́чину. Ви́лли ещё не зна́ет, что правди́вый отве́т ему́ мо́гут дать то́лько коммуни́сты. Но он ско́ро э́то поймёт, сама́ жизнь подска́зывает ему́ пра́вильное реше́ние, — к тако́му вы́воду ведёт чита́теля всё стихотворе́ние.

[1] Пра́до — гла́вная у́лица Гава́ны.

[2] Веда́до — за́городный кварта́л богаче́й в Гава́не.

[3] Кола́рио — цветы́.

[4] Фламинго — пти́цы из отря́да аистообра́зных, с ро́зовым опере́нием.

БЛЕК ЭНД УАЙТ

Если
Гава́ну
оки́нуть ми́гом —
рай-страна́,
страна́ что на́до.
Под па́льмой
на но́жке
стоя́т фламѝнго.
Цветёт
кола́рио
по всей Веда́до.
В Гава́не
всё
разграни́чено чётко:
у бе́лых — до́ллары,
у чёрных — нет.
Поэ́тому
Ви́лли
стои́т со щёткой
у «Энри Клей энд Бок, лимите́д».
Мно́го
за жи́знь
повы́мел Ви́лли —
одни́х пыли́нок
це́лый лес, —
поэ́тому
во́лос у Ви́лли
вы́лез,
поэ́тому
живо́т у Ви́лли
влез.
Мал его́ ра́достей ту́склый спектр:
шесть часо́в поспа́ть на боку́,
да ра́зве что
вор,
портово́й инспе́ктор,
ки́нет
не́гру
цент на бегу́.

От э́той гря́зи скро́ешься ра́зве?
Ра́зве что
ста́ли б
ходи́ть на голове́.
И то
намели́ бы
бо́льше гря́зи:
воло́сьев ты́щи,
а ног —
две.
Ря́дом
шла
наря́дная Пра́до.
То звя́кнет,
то вспы́хнет
трёхвёрстный джаз.
Ду́рню пока́жется,
что и взапра́вду
бы́вший рай
в Гава́не как раз.
В мозгу́ у Ви́лли
ма́ло изви́лин,
ма́ло всхо́дов,
ма́ло посе́ва.
Одно́-
еди́нственное
вы́зубрил Ви́лли
твёрже,
чем ка́мень
па́мятника Масе́о[1]:
«Бе́лый
ест
ананас спе́лый,
чёрный —
гни́лью мочёный.
Бе́лую рабо́ту
де́лает бе́лый,
чёрную рабо́ту —
чёрный».

---

[1] Масе́о Анто́ньо (1845—1896) — оди́н из руководи́телей борьбы́ куби́нского наро́да за незави́симость.

Ма́ло вопро́сов Ви́лли сверли́ли.
Но оди́н был
закорю́ка из закорю́к.
И когда́
вопро́с э́тот
влеза́л в Ви́лли,
щётка
па́дала
из Ви́ллиных рук.
И на́до же случи́ться,
чтоб как раз тогда́
к королю́ сига́рному [1]
Энри Клей
пришёл,
беле́й, чем облако́в стада́,
вели́чественнейший из са́харных корале́й.
Негр
подхо́дит
к ту́ше дебе́лой:
«Ай бэг ёр па́рдон [2], ми́стер Брэгг!
Почему́ и са́хар,
бе́лый-бе́лый,
до́лжен де́лать
чёрный негр?
Чёрная сига́ра
не идёт в уса́х вам —
Она́ для не́гра
с чёрными уса́ми.
А е́сли вы
лю́бите
ко́фий с са́харом,
то са́хар
изво́льте
де́лать са́ми».
Тако́й вопро́с
не прохо́дит да́ром.

[1] Короля́ми иногда́ называ́ют капитали́стов, кото́рые благодаря́ свое́й фина́нсовой мо́щи госпо́дствуют в како́й-либо о́трасли промы́шленности да́нного райо́на, о́бласти, страны́.

[2] I beg your pardon (англ.) — прошу́ проще́ния.

Коро́ль
из бе́лого
стано́вится жёлт.
Вы́вернулся
коро́ль
сообра́зно с уда́ром,
вы́бросил о́бе перча́тки
и ушёл.
Цвели́
круго́м
чудеса́ бота́ники.
Бана́ны
сплета́ли
сплошно́й кров.
Вы́тер
негр
о бе́лые подшта́нники
ру́ку,
с но́са утёршую кровь.
Негр
посопе́л подби́тым но́сом,
по́днял щётку,
держа́сь за скулу́.
Отку́да знать ему́,
что с таки́м вопро́сом
на́до обраща́ться
в Коминте́рн,
в Москву́? [1]

[1] К о м и н т е́ р н — Коммунисти́ческий Интернационал, междунаро́дная организа́ция коммуни́стов, существова́вшая в 1919—1943 года́х и представля́вшая собо́й объедине́ние коммунисти́ческих па́ртий разли́чных стран. Исполни́тельный комите́т Коминте́рна находи́лся в Москве́.

Из Гава́ны Маяко́вский при́был в Ме́ксику, в городо́к Ве́ра-Круц, отту́да по́ездом в столи́цу Ме́ксики — Ме́хико-си́ти. Эту доро́гу Маяко́вский та́кже кра́тко описа́л в кни́ге о́черков «Моё откры́тие Аме́рики».

«Отъе́хали в де́вять ве́чера.

Доро́га от Ве́ра-Круц до Ме́хико-си́ти, говоря́т, са́мая краси́вая в ми́ре. На высоту́ 3000 ме́тров вздыма́ется она́ по обры́вам, проме́жду скал и сквозь тропи́ческие леса́. Не зна́ю. Не вида́л. Но и проходя́щая ми́мо вагона́ тропи́ческая ночь несбыкнове́нна.

В соверше́нно си́ней, ультрамари́новой но́чи чёрные тела́ пальм — совсе́м длинноволо́сые боге́мцы-худо́жники [1].

Не́бо и земля́ слива́ются. И вверху́ и внизу́ звёзды. Два компле́кта. Вверху́ неподви́жные и общедосту́пные небе́сные светила́, внизу́ ползу́щие и лета́ющие звёзды светляко́в.

Когда́ озаря́ются ста́нции, ви́дишь глубоча́йшую грязь, ослов и длинношля́пых мексика́нцев в «сара́пи» — пёстрых ковра́х, проре́занных посереди́не, чтоб просу́нуть го́лову и спусти́ть концы́ на живо́т и за́ спину.

Стоя́т, смо́трят — а дви́гаться не их де́ло.

Над всем э́тим сло́жный, тошноту́ вызыва́ющий за́пах, — стра́нная по́месь во́ни газоли́на и ду́ха гни́ли бана́на и ананаса.

Я встал ра́но. Вы́шел на площа́дку.

Бы́ло всё наоборо́т.

[1] Очерта́ния пальм напо́мнили Маяко́вскому вне́шний о́блик боге́мцев-худо́жников, отра́щивавших дли́нные во́лосы, кото́рые я́кобы придава́ли им «вдохнове́нный» вид. Бо́ге́мцы — принадлежа́щие к боге́ме. Так обы́чно называ́ют необеспе́ченных литера́торов, худо́жников, актёров и т. п., веду́щих беспоря́дочную жизнь.

Тако́й земли́ я не вида́л и не ду́мал, что таки́е зе́мли быва́ют.

На фо́не кра́сного восхо́да, са́ми окраплённые кра́сным, стоя́ли ка́ктусы. Одни́ ка́ктусы. Огро́мными уша́ми в борода́вках вслу́шивался нопа́ль, люби́мый деликате́с [1] ослов. Дли́нными ку́хонными ножа́ми, начина́ющимися из одного́ ме́ста, выраста́л могу́ей. Его́ перегоня́ют в полупи́во-полувоо́дку — «пу́льке», спа́ивая голо́дных инде́йцев. А за нопа́лем и могу́ем, в пять челове́ческих ро́стов, ещё како́й-то сро́сшийся тру́бами, как орга́н консервато́рии, то́лько тёмно-зелёный, в иго́лках и ши́шках.

По тако́й доро́ге я въе́хал в Ме́хико-си́ти».

Впечатле́ние от тропи́ческой но́чи, уви́денной из по́езда Ве́ра-Круц — Ме́хико, Маяко́вский пе́редал в стихотворе́нии *„Тро́пики“* (1926) — одно́м из немно́гих свои́х стихотворе́ний о приро́де. Но, как всегда́, боя́сь показа́ться чувстви́тельным, он свою́ взволно́ванность огро́мной красото́й уви́денного скрыва́ет за мя́гкой шу́ткой: «А пти́чки в э́той пе́чке (то есть в э́той жари́ще) краси́вей вся́кой ме́ры. По смы́слу — воробе́йчики (ма́ленькие и шу́стрые, как воробьи́), а ви́дом — шантекле́ры» (то есть опере́ние у них эффе́ктное, я́ркое, как у петухо́в). Или: «Из всей бузы́ и ва́ра» — то́ есть всей э́той неразбери́хи и жари́щи (вар — от глаго́ла «вари́ть»). Нарочи́то грубова́тое сло́во «буза́» де́лает всю фра́зу, передаю́щую удивле́ние и восхище́ние, мя́гко-шутли́вой, весёлой.

В э́том стихотворе́нии Маяко́вский достига́ет осо́бой виртуо́зности в звукове́й организа́ции стиха́, что осо́бенно ощути́мо при чте́нии вслух. Наприме́р сло́во «предупрежде́нья», составля́ющее отде́льную строку́, явля́ется как бы «звуковы́м пункти́ром» предше́ствовавшей строки́: «и бред, и жар, и день я» (основны́е согла́сные и уда́рная гла́сная совпада́ют).

[1] Деликате́с — ре́дкое, изы́сканное блю́до. Здесь употреблено́ иронически.

ТРОПИКИ

(Дорога Вера-Круц — Мехико-сити)

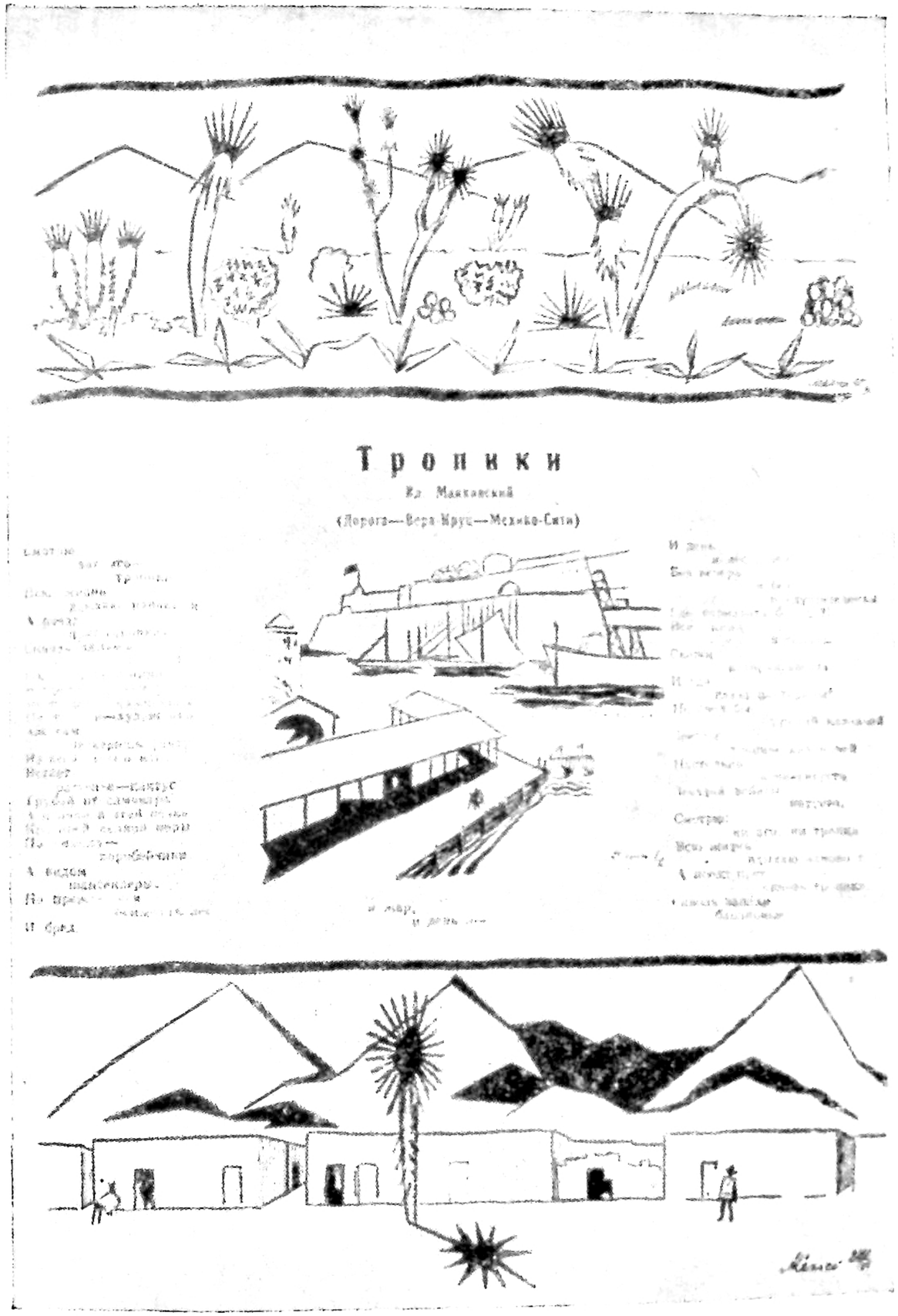
Смотрю́:
вот э́то —
тро́пики.
Всю жизнь
вдыха́ю на́ново я.
А по́езд
прёт торо́пкий [1]
сквозь па́льмы
сквозь бана́новые.
Их силуэ́ты [2]-ве́ники
встаю́т рису́нком то́шненьким:
не то они́ — свяще́нники,
не то они́ — худо́жники.
Аж са́м
не ве́ришь фа́кту:
из всей бузы́ и ва́ра
встаёт
расте́нье — ка́ктус
трубо́й от самова́ра.
А пти́чки в э́той пе́чке
краси́вей вся́кой ме́ры.
По смы́слу —
воробе́йчики,
а ви́дом —
шантекле́ры [3].
Но, пре́жде чем
осмы́слил лес,

---

[1] Торо́пкий — торопли́вый, бы́стрый, спеша́щий.

[2] Силуэ́т — очерта́ние предме́та и́ли фигу́ры, тёмное на бо́лее све́тлом фо́не. Сло́во происхо́дит от со́бственного и́мени францу́зского мини́стра XVIII ве́ка Э. де Силуэ́та, на кото́рого была́ нарисо́вана карикату́ра в ви́де тенево́го про́филя.

[3] Шантекле́р — буква́льно: «звонкопе́вец». Поэти́ческое наименова́ние петуха́ в знамени́том старофранцу́зском стихотво́рном э́посе XII—XIV веко́в «Рома́н о Ли́се». В 900-х года́х в Москве́ была́ популя́рной постано́вка пье́сы францу́зского поэ́та и драмату́рга Э. Ростана́ (1868—1918) «Шантекле́р».



Тропики

Вл. Маяковский

(Дорога—Вера Круц—Мехико-Сити)

Страни́ца журна́ла «Кра́сная Ни́ва» от 29 а́вгуста 1926 го́да, № 11. Рису́нки сде́ланы Маяко́вским в Гава́не и Ме́ксике.

и бред,
и жар,
и день я, —
и день
и лес исчéз
без вéчера
и без
предупрежде́нья.
Где горизо́нта борозда́?!
Все ли́нии
поте́ряны.
Скажи́,
кото́рая звезда́
и где
глаза́ пантéрины?
Не счёл бы
лу́чший казначéй
звезды́ [1]
тропи́ческих ночéй,
насто́лько
но́чи а́вгуста
звездо́й наби́ты
на́густо.
Смотрю́:
ни зги, ни тро́пки.
Всю жизнь
вдыха́ю на́ново я.
А по́езд прёт
сквозь тро́пики,
сквозь за́пахи
бана́новые.

[1] То есть не счёл бы звёзд. Фо́рма роди́тельного падежа́ еди́нственного числа́ употребле́на в собира́тельном значе́нии.

Маяко́вский люби́л передову́ю те́хнику. Как челове́ка, устремлённого в бу́дущее, и как поэ́та, худо́жника, его́ ра́довали соверше́нные созда́ния челове́ческого ра́зума и техни́ческого иску́сства. Эта ра́дость, го́рдость за техни́ческий ге́ний челове́ка звуча́т в стихотворе́нии ***„Бру́клинский мост“*** (1925). Чу́ждый национа́льной ограни́ченности, Маяко́вский, разоблача́я я́звы америка́нского капитали́зма, в то же вре́мя и́скренне ра́довался достиже́ниям америка́нской те́хники. В осо́бенности нра́вился ему́ Бру́клинский мост. Этот мост соединя́ет лежа́щий в у́стье реки́ Гудзо́н о́стров Манге́тен (и́ли Манхэ́тен), на кото́ром располо́жена центра́льная часть Нью-Йо́рка, с Бру́клином — за́падной оконе́чностью о́строва Лонг-Айленд. В стро́йности констру́кции Бру́клинского мо́ста, лишённого вся́ких нену́жных, чи́сто декорати́вных дета́лей, Маяко́вский ви́дит что́-то ро́дственное свои́м пози́циям в иску́сстве (в э́том смысл фра́зы «борьба́ за констру́кции вме́сто сти́лей...»). Ему́ прихо́дит в го́лову, что по тако́му вот гига́нтскому сооруже́нию те́хники поколе́ния отдалённого бу́дущего, да́же е́сли бы не сохрани́лось ничего́ друго́го, смогли́ бы получи́ть представле́ние об эпо́хе, когда́ был со́здан мост. Разме́р дета́лей мо́ста ука́жет, что он был со́здан в век маши́н («Напо́мнит маши́ну ребро́ вот э́то...»). Переплёт электри́ческих проводо́в подска́жет, что э́то уже́ был век электри́чества («По провода́м электри́ческой пря́ди — я зна́ю — эпо́ха по́сле па́ра...»).

Как бы поста́вив себя́ в положе́ние челове́ка, смотря́щего из бу́дущего, Маяко́вский называ́ет важне́йшие «приме́ты» эпо́хи развёрнутого капитали́зма, па́мятником кото́рой явля́ется э́тот гига́нтский мост (ра́дио, аэропла́ны, беззабо́тная жизнь одни́х и «голо́дный вой» други́х, безрабо́тные, кида́ющиеся с Бру́клинского мо́ста

в Гудзо́н). Наконе́ц (как всегда́ в таки́х слу́чаях — полушутли́во), он включа́ет в э́ту карти́ну и себя́, поэ́та, сочиня́ющего стихи́ на Бру́клинском мосту́. Это о нём, о поэ́те, напомина́ют уходя́щие ввысь, к звёздам, кана́ты мо́ста: подо́бные стру́нам, они́ вы́зовут в па́мяти о́браз ли́ры (стру́нный инструме́нт, под зву́ки кото́рого в дре́вности исполня́ли стихи́), и́здавна ста́вшей си́мволом по́эзии.

БРУКЛИНСКИЙ МОСТ

Изда́й, Кули́дж [1],
ра́достный клич!
На хоро́шее
и мне не жа́лко слов.
От похва́л
красне́й,
как фла́га на́шего мате́рийка,
хоть вы
и разъюна́йтед стетс
оф
Аме́рика [2].
Как в це́рковь
идёт
помеша́вшийся ве́рующий,
как в скит [3]
удаля́ется,
строг и прост, —
так я
в вече́рней
сере́ющей ме́рещи [4]

[1] Кули́дж (пра́вильно: Ку́лидж) — президе́нт США в 1923—1929 года́х, оди́н из ли́деров (руководя́щих де́ятелей) республика́нской па́ртии.

[2] «Разъюна́йтед стетс оф Аме́рика» — напи́сано ру́сскими бу́квами англи́йское United States of America (Соединённые Шта́ты Аме́рики) с приста́вкой «раз».

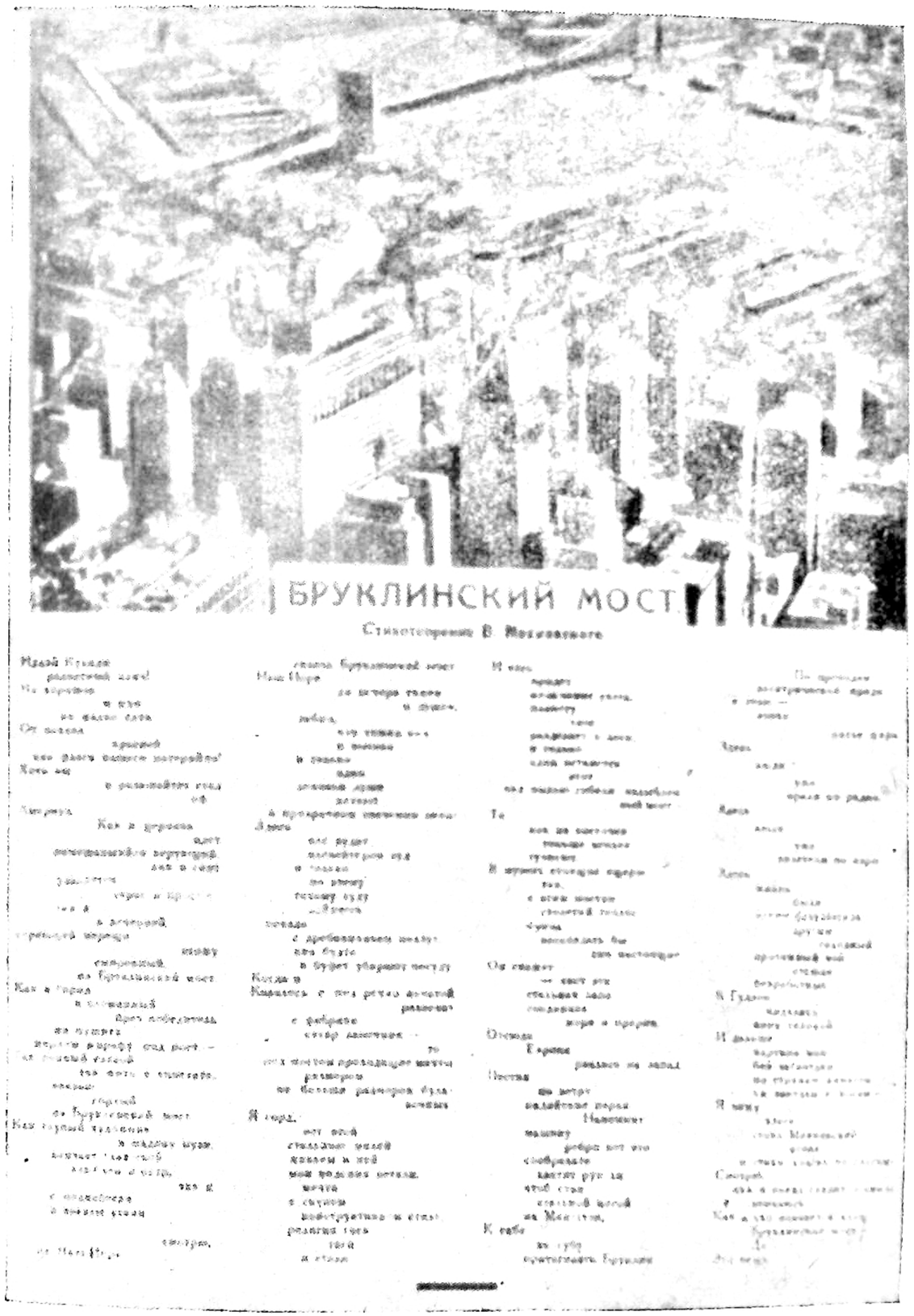
[3] Скит — уединённая оби́тель, жили́ще отше́льников, монасты́рь.

[4] Ме́рещь — неологи́зм от сло́ва «мере́щиться»: су́мрак, де́лающий очерта́ния предме́тов неясными, фантасти́ческими.

вхожу́,
смире́нный, на Бру́клинский мост.
Как в го́род
в сло́манный
прёт победи́тель
на пу́шках — жерло́м
жира́фу под рост, —
так пья́ный сла́вой,
так жить в аппети́те,
влеза́ю,
го́рдый,
на Бру́клинский мост.
Как глу́пый худо́жник
в мадо́нну музе́я
вонза́ет глаз свой,
влюблён и остр,
так я,
с поднебе́сья,
в звёзды усе́ян,
смотрю́
на Нью-Йо́рк
сквозь Бру́клинский мост.
Нью-Йо́рк
до ве́чера тя́жек
и ду́шен,
забы́л,
что тя́жко ему́
и высо́ко,
и то́лько одни́
домо́вьи ду́ши
встаю́т
в прозра́чном свече́нии о́кон.
Здесь
е́ле зуди́т
элеве́йтеров зуд [1].
И то́лько
по э́тому
ти́хому зу́ду

[1] Элеве́йтер — надзе́мная (на столба́х над у́лицей) желе́зная доро́га в Нью-Йо́рке. Зуд — здесь: шум, дребезжа́ние.

поймёшь —
поезда́
с дребезжа́ньем ползу́т,
как бу́дто
в буфе́т убира́ют посу́ду.
Когда́ ж,
каза́лось, с-под ре́чки на́чатой
развози́т
с фа́брики
са́хар ла́вочник, —
то
под мосто́м проходя́щие ма́чты
разме́ром
не бо́льше разме́ров була́вочных.
Я горд
вот э́той
стально́ю ми́лей,
живьём в ней
мои́ виде́ния вста́ли —
борьба́
за конструкции
вме́сто сти́лей,
расчёт суро́вый
га́ек
и ста́ли.
Если
придёт
оконча́ние све́та —
плане́ту
ха́ос
разде́лает в лоск
и то́лько
оди́н оста́нется
э́тот
над пы́лью ги́бели вздыбленный мост,
то,
как из ко́сточек
то́ньше иго́лок,
тучне́ют
в музе́ях стоя́щие
я́щеры,


БРУКЛИНСКИЙ МОСТ

Стихотворение В. Маяковского

Страни́ца журна́ла «Проже́ктор» от 31 декабря́ 1925 го́да. Пе́рвая публика́ция стихотворе́ния.

так
с э́тим мостО́м
столе́тний гео́лог
суме́л
воссозда́ть бы
дни настоя́щие.
Он ска́жет:
— Вот э́та
стальна́я ла́па
соединя́ла
моря́ и пре́рии [1],
отсю́да
Евро́па
рвала́сь на За́пад,
пусти́в
по ве́тру
инде́йские пе́рья [2].
Напо́мнит
маши́ну
ребро́ вот э́то —
сообрази́те,
хва́тит рук ли,
чтоб, став
стально́й ного́й
на Мангете́н,
к себе́
за губу́
притя́гивать Бру́клин?
По провода́м
электри́ческой пря́ди —
я зна́ю —
эпо́ха
по́сле па́ра —
здесь
лю́ди
уже́
ора́ли по ра́дио,

[1] Пре́рии — обши́рные равни́нные сте́пи в Се́верной Аме́рике.
[2] Здесь речь идёт о покоре́нии инде́йцев (инде́йцы носи́ли головны́е убо́ры из пе́рьев) европе́йскими пересели́нцами, дви́гавшимися с восто́чного побере́жья Аме́рики на за́пад, в глубь материка́.

здесь
лю́ди
уже́
взлета́ли по а́эро.
Здесь
жизнь
была́
одни́м — беззабо́тная,
други́м —
голо́дный
протя́жный вой.
Отсю́да
безрабо́тные
в Гудзо́н
кида́лись
вниз голово́й.
И да́льше
карти́на моя́
без загво́здки [1]
по стру́нам-кана́там,
аж звёздам к нога́м.
Я ви́жу —
здесь
стоя́л Маяко́вский,
стоя́л
и стихи́ слага́л по слога́м. —
Смотрю́,
как в по́езд глядит эскимо́с,
впива́юсь,
как в у́хо впива́ется клещ.
Бру́клинский мост —
да...
Это вещь!

[1] Без загво́здки — без поме́х, без тру́дностей.

В сентябре́ 1925 го́да, когда́ Маяко́вский был в Нью-Йо́рке, он не́сколько раз выступа́л с чте́нием свои́х стихо́в в ла́гере, где жи́ли рабо́чие. Ла́герь был организо́ван под Нью-Йо́рком евре́йской коммунисти́ческой газе́той «Фре́йгайт». Реда́ктор газе́ты «Фре́йгайт» так опи́сывает в свои́х воспомина́ниях э́ти посеще́ния:

«Как ры́ба в воде́, почу́вствовал себя́ Маяко́вский в пролета́рском ла́гере «Нит геда́йге» («Не унывай»), явля́ющемся одни́м из лу́чших достиже́ний америка́нского революцио́нного движе́ния. Он неутоми́мо чита́л свои́ стихи́ перед внима́тельными рабо́чими слу́шателями. Его́ льви́ный го́лос ча́сто раздава́лся над гора́ми и над реко́й Гудзо́ном. Прочита́в на большо́й поля́не свою́ прекра́сную поэ́му о Ле́нине, он произвёл на аудито́рию колосса́льное впечатле́ние. Да́же те, кто не понима́л ру́сского языка́, ощуща́ли мощь э́той поэ́мы».

В связи́ с э́тими посеще́ниями рабо́чего ла́геря напи́сано стихотворе́ние ***„Кемп „Нит гедайге“.*** Его́ основна́я те́ма — междунаро́дная солида́рность трудя́щихся. Форма́льно э́та те́ма возника́ет лишь в са́мом конце́ стихотворе́ния (америка́нские комсомо́льцы, пою́щие сове́тскую пе́сню). Всё предше́ствующее — э́то размышле́ния, вне́шне как бу́дто не свя́занные с гла́вной те́мой, но эмоциона́льно её подгота́вливающие. Маяко́вский лежи́т по́здно ве́чером в одно́й из пала́ток ла́геря, в полудре́моте. Он ви́дит ночно́е не́бо, звёзды, слы́шит далёкие сире́ны парохо́дов. У него́ возника́ет соверше́нно конкре́тное, буква́льно материа́льное ощуще́ние вре́мени, его́ движе́ния, его́ безме́рности. Отсю́да о́браз: «Пря́мо перед мо́рдой пролета́ет ве́чность — бесконечноча́сый рас-

пусти́ла хвост». По ассоциа́ции вспомина́ется, очеви́дно, восходя́щее к гре́ческому ми́фу традицио́нное выраже́ние «нить вре́мени»... У челове́ка, лежа́щего в полузабыты́й, уста́лого, перегру́женного впечатле́ниями, причу́дливые ассоциа́ции порожда́ют вдруг фантасти́ческую мысль: хорошо́ бы́ло бы, е́сли б само́ вре́мя (ведь оно́ «идёт», «дви́жется»!) ста́ло дви́гателем, е́сли б оно́ дви́галось не вхолосту́ю, а при по́мощи како́го-нибудь там приводно́го ремня́ дви́гало... ну хотя́ бы тка́цкий стано́к! Очеви́дная нелепость э́той неожи́данно возни́кшей иде́и вызыва́ет вну́треннюю усме́шку (выраже́нием кото́рой явля́ется весь интонацио́нный строй соответствующей строфы́). От ве́чности, вре́мени мысль переска́кивает к вещам бо́лее бли́зким, к впечатле́ниям после́дних дней. Нью-Йо́рк... Америка́нцы... Те́хника у них, коне́чно, хороша́ и домо́в мно́го, но зато́ перспекти́вы жи́зни нет... У нас она́ есть: мы стро́им мост к коммуни́зму. Но ведь э́то поэти́ческое выраже́ние, возвы́шенная мета́фора! Кро́ме возвы́шенного «мо́ста к коммуни́зму», нужны́ и реа́льные дома́, в кото́рых мо́жно бы́ло бы жить. Вот согласи́лись бы капитали́сты добровольно сде́лать все нако́пленные капиталисти́ческим ми́ром материа́льные бла́га и те́хнику не сре́дством нажи́вы, а достоя́нием всех!..

Так подгота́вливается составля́ющий центра́льную часть стихотворе́ния мы́сленный разгово́р поэ́та с Фо́рдом (крупне́йший америка́нский капитали́ст, «автомоби́льный коро́ль»). Заче́м одному́ челове́ку име́ть со́тни ты́сяч автомоби́лей? Ведь для ли́чных потре́бностей нужна́ одна́ машина. С то́чки зре́ния просто́й челове́ческой ло́гики и с то́чки зре́ния обще́ственной целесообра́зности ну́жно остальны́е отда́ть в обще́ственное по́льзование, хотя́ бы в распоряже́ние МКХ (бу́квенное сокраще́ние: «Моско́вское коммуна́льное хозя́йство» — так в 20-х года́х называ́лся отде́л Моссове́та, ве́давший городски́м хозя́йством Москвы́). Но Форд не отда́ст, так как он руково́дствуется не разу́мностью, не норма́льной челове́ческой ло́гикой, а то́лько ло́гикой нажи́вы. Так ло́гике нажи́вы, то есть ло́гике капитали́зма, противопоста́влена ло́гика социали́зма.

И вот в моме́нт, когда́ в свои́х размышле́ниях Маяко́вский прихо́дит к вы́воду о несовмести́мости э́тих двух

ти́пов мышле́ния, он вдруг слы́шит сове́тскую пе́сню. Но ведь он в Аме́рике! Не сон ли э́то? Нет, и здесь Форд и ему́ подо́бные бесси́льны. Это поют комсомо́льцы рабо́чего ла́геря «Не унывай».

КЕМП „НИТ ГЕДАЙГЕ“

Запрети́ть совсе́м бы
но́чи-негодя́йке
выпуска́ть
из па́сти
сто́лько звёздных жал.
Я лежу́, —
пала́тка
в Ке́мпе «Нит геда́йге».
Не по мне всё э́то.
Не́ к чему...
и жаль...
Взво́ют
и замру́т сире́ны над Гудзо́ном,
бу́дто бы реша́ют:
выть и́ли не выть?
Лу́чше бы не вы́ли.
Пассажи́рам со́нным
на́до просыпа́ться,
ду́мать,
есть,
люби́ть...
Пря́мо
перед мо́рдой
пролета́ет ве́чность —
бесконечноча́сый распусти́ла хвост.
Бы́ли б все оде́ты,
и в белье́, коне́чно,
е́сли б вре́мя
тка́ло
не часы́,
а холст,

Впречь бы э́то
вре́мя
в приводно́й бы ре́мень [1], —
спу́стят
с холосто́го —
и чеши́ и сыпь! [2]
Что́бы
не часы́ пока́зывали вре́мя,
а чтоб вре́мя
че́стно
дви́гало часы́.
Ну, америка́нец...
то́же...
чем горди́тся.
Втёр очки́ Нью-Йо́рком.
Ви́дели его́.
Со́тня этажи́шек
в не́бо городи́тся.
Этажи́ и кры́ши —
то́лько и всего́.
На́ми
через про́пасть
пря́мо к коммуни́зму
переки́нут мост.
длино́ю —
во́ сто лет.
Что ж,
с мости́ща с э́того
глядим с презре́ньем
вниз мы?
Кве́рху нос задра́ли?
загорди́лись?
Нет.
Мы
ничье́й башки́
моста́ми не моро́чим.

---

[1] В совре́менном литату́рном языке́ ударе́ние — реме́нь. Р е́м е н ь, употребля́вшееся как просторе́чное, здесь обусло́влено ри́фмой (вре́мя — ре́мень).

[2] То есть де́йствуй, рабо́тай, производи́ вовсю́ (глаго́лы «чеса́ть» и «сы́пать» иногда́ в разгово́рной ре́чи употребля́ются для обозначе́ния де́йствия, выполня́емого с осо́бой си́лой, аза́ртностью).

Что тако́е мост?
Приспособле́нье для просту́д.
То́же...
без домо́в
не проживёте о́чень
на одно́м
тако́м
возвы́шенном мосту́.
В ми́ре социа́льном
те́ же непоря́дки:
три долла́ра за́ день,
на́ —
и отвяжи́сь.
А у Фо́рда ско́лько?
Что игра́ться в пря́тки!
Ну, скажи́те, Ку́лидж, —
ра́зве э́то жизнь?
Мно́го ль
челове́ку
(да́же Фо́рду)
на́до?
Форд
в мильо́нах фо́рдов,
сам же Форд —
в арши́н[1].
Ми́стер Форд,
для ва́шего
для вы́сохшего за́да
ра́зве ма́ло
двух
просто́рнейших маши́н?
Ли́шек —
в М. К. Х.
Пове́сим ваш портре́тик.
Монуме́нт
и то́ бы
вы́лепили с вас.

---

[1] То есть небольшо́го ро́ста; а р ш и́ н — ста́рая ру́сская ме́ра длины́ (71,1 сантиме́тра).

Кла́нялись бы де́тки,
вас
случа́йно встре́тив.
Ми́стер Форд —
отда́йте!
Даст он...
Че́рта с два!
За пала́ткой
мир
лежи́т угрю́м и тёмен.
Вдруг
раке́той сон
звени́т в уны́нье в э́то:
«Мы сме́ло в бой пойдём
за власть Сове́тов...»
Ну и сон присни́т вам
по́лночь-негодя́йка!
То́лько сон ли э́то?
Сли́шком гро́мок сон.
Это
комсомо́льцы
Ке́мпа «Нит геда́йге»
пе́сней
заставля́ют
плыть в Москву́ Гудзо́н.

27 декабря́ 1925 го́да сове́тских писа́телей и чита́телей потрясло́ изве́стие о том, что поко́нчил жизнь самоуби́йством тала́нтливый и о́чень популя́рный поэ́т Серге́й Есе́нин (род. в 1895 году́). Собы́тие име́ло тем бо́льший обще́ственный резона́нс, что в те го́ды, в обстано́вке нэ́па и ещё не ликвиди́рованной безрабо́тицы, мно́гие увлека́лись не лу́чшими произведе́ниями Есе́нина — о ро́дине, о ру́сской приро́де, а его́ упа́дочными стиха́ми, в кото́рых поэтизи́ровались тоска́, опустошённость, душе́вная сла́бость и распу́щенность чувств. Нездоро́вые, упа́дочные настрое́ния, распространи́вшиеся среди́ ча́сти рабо́чей и уча́щейся молодёжи и подде́рживавшиеся не́которыми враждебно относи́вшимися к сове́тской действи́тельности литера́торами, да́же называ́лись тогда́ «есе́нинщиной».

Маяко́вский знал Есе́нина, цени́л в нём я́ркого и тала́нтливого поэ́та и не отождествля́л его́ поэ́зию с «есе́нинщиной» как боле́зненным обще́ственным явле́нием.

Вме́сте с тем он понима́л, что смерть Есе́нина, в осо́бенности его́ предсме́ртное стихотворе́ние бу́дут спосо́бствовать усиле́нию «есе́нинщины», и счита́л свои́м до́лгом сове́тского поэ́та дать ей отпо́р. Три ме́сяца (янва́рь — март 1926 го́да) он рабо́тал над стихотворе́нием ***„Серге́ю Есе́нину“.***

Маяко́вский придава́л исключи́тельное значе́ние э́тому стихотворе́нию. Спустя́ не́сколько ме́сяцев в статье́ «Как де́лать стихи́?» он писа́л:

«Наибо́лее де́йственным из после́дних мои́х стихо́в я счита́ю — «Серге́ю Есе́нину».

Для него́ не пришло́сь иска́ть ни журна́ла, ни изда́теля, — его́ перепи́сывали до печа́ти, его́ тайко́м вы́таскивали из набо́ра и напеча́тали в провинциа́льной газе́те,

чте́ния его́ тре́бует сама́ аудито́рия, во вре́мя чте́ния слы́шны лета́ющие му́хи, по́сле чте́ния лю́ди жмут ла́пы, в кулуа́рах[1] бе́сятся и восхваля́ют, в день вы́хода появи́лась рецензия, состоя́щая одновре́менно из ру́гани и комплиме́нтов».

Рассказа́в о своём знако́мстве с Есе́ниным и своём отноше́нии к его́ тво́рчеству, Маяко́вский зате́м перехо́дит к тому́, что бы́ло по́водом к написа́нию стихотворе́ния.

«После́дняя встре́ча с ним (с Есе́ниным.—*В. Д.*) произвела́ на меня́ тяжёлое и большо́е впечатле́ние. Я встре́тил у ка́ссы Госизда́та ри́нувшегося ко мне челове́ка с опу́хшим лицо́м, со сворочённым га́лстуком, с ша́пкой, случа́йно держа́щейся, уцепи́вшись за ру́сую прядь. От него́ и двух его́ тёмных (для меня́, во вся́ком слу́чае) спу́тников несло́ спиртны́м перега́ром. Я буква́льно с трудо́м узна́л Есе́нина. С трудо́м увильну́л от неме́дленного тре́бования пить, подкрепля́емого пома́хиванием густы́ми червонцами[2]. Я весь день возвраща́лся к его́ тяжёлому ви́ду и ве́чером, разуме́ется, до́лго говори́л (к сожале́нию, у всех и всегда́ тако́е де́ло э́тим огранича́ется) с това́рищами, что на́до ка́к-то за Есе́нина взя́ться. Те и я руга́ли «среду́» и разошли́сь с убежде́нием, что за Есе́ниным смо́трят его́ друзья́-есе́нинцы.

Оказа́лось не так. Коне́ц Есе́нина огорчи́л, огорчи́л обыкнове́нно, по-челове́чески. Но сра́зу э́тот коне́ц показа́лся соверше́нно есте́ственным и логи́чным. Я узна́л об э́том но́чью, — огорче́ние, должно́ быть, так бы и оста́лось огорче́нием, должно́ быть, и подрассе́ялось бы к утру́, но у́тром газе́ты принесли́ предсме́ртные стро́ки:

> В э́той жи́зни умира́ть не но́во,
> Но и жить, коне́чно, не нове́й...

По́сле э́тих строк смерть Есе́нина ста́ла литерату́рным фа́ктом.

Сра́зу ста́ло я́сно, ско́льких коле́блющихся э́тот си́ль-

---

[1] К у л у а́ р ы — помеще́ния вне за́ла заседа́ния, собра́ния, где бесе́дуют, обме́ниваются мне́ниями.

[2] То есть кру́пной па́чкой де́нег (ч е р в о́ н е ц — де́сять рубле́й).

ный стих, и́менно — с т и х, подведёт под пе́тлю и револьве́р.

И никаки́ми, никаки́ми газе́тными ана́лизами и статья́ми э́тот стих не аннули́руешь.

С э́тим стихо́м мо́жно и на́до боро́ться стихо́м, и то́ л ь к о с т и х о́ м.

Так поэ́там СССР был дан социа́льный зака́з написа́ть стихи́ об Есе́нине. Зака́з исключи́тельный, ва́жный и сро́чный, так как есе́нинские стро́ки на́чали де́йствовать бы́стро и без про́маха...»

Ре́зко и справедли́во осуди́в появи́вшиеся в пе́рвой полови́не 1926 го́да многочи́сленные стихи́ и статьи́, посвящённые Есе́нину, Маяко́вский формули́рует иде́йно-худо́жественную зада́чу, стоя́вшую перед ним в рабо́те над стихотворе́нием «Серге́ю Есе́нину»:

«Что же и как написа́ть об Есе́нине?

Осма́тривая со всех сторо́н э́ту смерть и перетря́хивая чужо́й материа́л, я сформули́ровал и поста́вил себе́ зада́чу.

Целева́я устано́вка: обду́манно парализова́ть де́йствие после́дних есе́нинских стихо́в, сде́лать есе́нинский коне́ц неинтере́сным, вы́ставить вме́сто лёгкой краси́вости сме́рти другу́ю красоту́, так как все си́лы нужны́ рабо́чему челове́честву для на́чатой револю́ции, и оно́, несмотря́ на тя́жесть пути́, на тяжёлые контра́сты нэ́па, тре́бует, что́бы мы сла́вили ра́дость жи́зни, весе́лье труднейшего ма́рша в коммуни́зм.

Сейча́с, име́я стих под руко́й, легко́ формули́ровать, но как тру́дно бы́ло тогда́ его́ начина́ть».

Стихотворе́ние «Серге́ю Есе́нину» соде́ржит мно́го упомина́ний имён и фа́ктов, относя́щихся к литературной жи́зни того́ вре́мени и сейча́с не совсе́м поня́тных без поясне́ний. В газе́тах сообща́лось, что Есе́нин пове́сился в но́мере гости́ницы «Англете́р» в Ленингра́де. За отсу́тствием черни́л он написа́л предсме́ртную запи́ску со́бственной кро́вью из вскры́той ве́ны («...взре́занной руко́й поме́шкав...», «...окажи́сь черни́ла в «Англете́ре»...»).

В стро́чках «к вам приста́вить бы кого́ из напосто́в» подразумева́ются кри́тики, группирова́вшиеся в журна́ле «На посту́» и́ли (с 1926 го́да) «На литературном посту́». «Напосто́вцы» («Налитпосто́вцы»), извраща́я,

искажа́я поли́тику па́ртии в о́бласти худо́жественной литерату́ры, подменя́ли полити́ческое воспита́ние писа́телей гру́бым о́криком и администри́рованием. Упомя́нутый в той же строке́ И. И. Доро́нин (род. в 1900 году́) — сове́тский поэ́т. Маяко́вский име́ет в виду́ его́ действи́тельно о́чень дли́нную поэ́му «Тра́кторный па́харь».

В январе́ 1926 го́да в помеще́нии Моско́вского Худо́жественного теа́тра состоя́лся ве́чер, посвящённый па́мяти Серге́я Есе́нина. На завершившем ве́чер концерте в числе́ други́х кру́пных арти́стов выступа́л знамени́тый те́нор Леони́д Вита́льевич Со́бинов (1872—1934), многокра́тно исполня́вший па́ртию Лоэнгри́на в популя́рной в те го́ды о́пере неме́цкого компози́тора Ри́харда Ва́гнера «Лоэнгри́н». На за́днике (декора́ция в глубине́ сце́ны), на фо́не кото́рого выступа́ли арти́сты, бы́ли нарисо́ваны плаку́чие берёзы, таки́е же, как и на обло́жке выходи́вшего тогда́ Собра́ния сочине́ний С. А. Есе́нина. Со́бинов испо́лнил рома́нс Чайко́вского на слова́ поэ́та второ́й полови́ны XIX ве́ка Плеще́ева «Ни сло́ва, о друг мой...» и рома́нсы на слова́ Есе́нина. Вы́бор репертуа́ра, мане́ра исполне́ния и оформле́ние сце́ны — всё вме́сте, очеви́дно, показа́лось Маяко́вскому слаща́во-сентиментальным, не соответствующим о́бразу Есе́нина. В выраже́нии «врассыпну́ю разбежа́лся Ко́ган» име́ется в виду́ изве́стный в те го́ды кри́тик П. С. Ко́ган (1872—1932), а́втор не́скольких статей о Есе́нине. К тому́ ти́пу статей, кото́рый был характе́рен для Ко́гана, Маяко́вский относи́лся иронически. Поэ́тому он превраща́ет его́ фами́лию в собира́тельное и́мя а́второв неопределённо-сентиментальных статей о Есе́нине.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Вы ушли́,
как говори́тся,
в мир в ино́й.
Пустота́...
Лети́те,
в звёзды вре́зываясь.

Ни тебе́ ава́нса,
ни пивно́й.
Тре́звость.
Нет, Есе́нин,
э́то
не насме́шка.
В го́рле
го́ре ко́мом —
не смешо́к.
Ви́жу —
взре́занной руко́й поме́шкав,
со́бственных
косте́й
кача́ете мешо́к.
— Прекрати́те!
Бро́сьте!
Вы в своём уме́ ли?
Дать,
чтоб щёки
залива́л
смерте́льный мел?!
Вы ж
тако́е
загиба́ть уме́ли,
что друго́й
на све́те
не уме́л.
Почему́?
Заче́м?
Недоуме́нье смя́ло.
Кри́тики бормо́чут:
— Этому вина́
то да сё...
а гла́вное,
что смы́чки ма́ло,
в результа́те
мно́го пи́ва и вина́. —
Де́скать,
замени́ть бы вам
богему
кла́ссом,

класс влия́л на вас,
и бы́ло б не до драк.
Ну, а кла́сс-то
жа́жду
залива́ет ква́сом?
Класс — он то́же
вы́пить не дура́к.
Де́скать,
к вам приста́вить бы
кого́ из напосто́в —
ста́ли б
содержа́нием
премно́го одарённей.
Вы бы
в день
писа́ли
строк по сто́,
утоми́тельно
и дли́нно,
как Доро́нин.
А по-мо́ему,
осуществи́сь
така́я бредь,
на себя́ бы
ра́ньше наложи́ли ру́ки.
Лу́чше уж
от во́дки умере́ть,
чем от ску́ки!
Не откро́ют
нам
причи́н поте́ри
ни петля́,
ни но́жик перочи́нный.
Мо́жет,
окажи́сь
черни́ла в «Англете́ре»,
ве́ны
ре́зать
не́ было б причи́ны.
Подража́тели обра́довались:
бис!

Над собо́ю
чуть не взвод
распра́ву учини́л.
Почему́ же
увели́чивать
число́ самоуби́йств?
Лу́чше
увели́чь
изготовле́ние черни́л!
Навсегда́
тепе́рь
язы́к
в зуба́х затво́рится.
Тяжело́
и неуме́стно
разводи́ть мисте́рии [1].
У наро́да,
у языкотво́рца,
у́мер
зво́нкий
забулды́га подмасте́рье.
И несу́т
стихо́в заупоко́йный лом,
с про́шлых
с похоро́н
не переде́лавши почти́.
В холм
тупы́е ри́фмы
загоня́ть коло́м —
ра́зве так
поэ́та
на́до бы почти́ть?
Вам
и па́мятник ещё не слит, —
где он,
бро́нзы звон
и́ли грани́та грань? —

[1] «Разводи́ть мисте́рии» — произноси́ть ложноглубокомы́сленные, театра́льно-высокопа́рные ре́чи. Мисте́рия — средневеко́вое религио́зное представле́ние. В широ́ком значе́нии — осо́бое театрализо́ванное представле́ние.

а к решёткам па́мяти
уже́
понанесли́
посвяще́ний
и воспомина́ний дрянь.
Ва́ше и́мя
в плато́чки рассо́плено,
ва́ше сло́во
слюня́вит Со́бинов
и выво́дит
под берёзкой до́хлой —
«Ни сло́ва, о дру-уг мой,
ни вздо́-о-о-о-ха».
Эх,
поговори́ть бы и́наче
с э́тим са́мым
с Леони́дом Лоэнгри́нычем!
Встать бы здесь
грема́щим скандали́стом:
— Не позво́лю
мя́млить стих
и мять! —
Оглуши́ть бы
их
трёхпа́лым сви́стом
в ба́бушку
и в бо́га ду́шу мать!
Что́бы разнесла́сь
безда́рнейшая по́гань,
раздува́я
темь
пиджа́чных парусо́в,
что́бы
врассыпну́ю
разбежа́лся Ко́ган,
встре́ченных
уве́ча
пи́ками усо́в.
Дрянь
пока́ что
ма́ло поредела.

Де́ла мно́го —
то́лько поспева́ть.
На́до
жизнь
снача́ла переде́лать,
переде́лав —
мо́жно воспева́ть.
Это вре́мя —
трудновато́ для пера́,
но скажи́те
вы,
кале́ки и кале́кши,
где,
когда́,
како́й вели́кий выбира́л
путь,
что́бы прото́птанней
и ле́гше?
Сло́во —
полково́дец
челове́чьей си́лы.
Марш!
Чтоб вре́мя
сза́ди
я́драми рвало́сь.
К ста́рым дням
чтоб ве́тром
относи́ло
то́лько пу́таницу воло́с.
Для весе́лия
плане́та на́ша
ма́ло обору́дована.
На́до
вы́рвать
ра́дость
у гряду́щих дней.
В э́той жи́зни
помере́ть
не тру́дно.
Сде́лать жизнь
значи́тельно трудне́й.

Стихотворе́ние «Серге́ю Есе́нину» бы́ло пе́рвым в ряду́ напи́санных Маяко́вским в 1926 году́ стихо́в на литерату́рные те́мы, из кото́рых год спустя́ он, подгота́вливая к изда́нию пя́тый том своего́ Собра́ния сочине́ний, соста́вил цикл «О поэ́зии». Обраще́ние Маяко́вского к э́той те́ме не́ было случа́йным. В сло́жной обстано́вке ожесточённой борьбы́ литерату́рных группиро́вок, когда́ и тво́рчество Маяко́вского продолжа́ло остава́ться объе́ктом ре́зких, ча́сто несправедли́вых напа́док, у поэ́та возни́кло жела́ние я́сне́е и определённее вы́сказать свои́ тво́рческие при́нципы. За стихотворе́нием «Серге́ю Есе́нину» и статьёй «Как де́лать стихи́?» после́довали полеми́ческие стихотворе́ния «Марксизм — ору́жие, огнестре́льный ме́тод. Применя́й уме́ючи ме́тод э́тот!», ***„Разгово́р с фининспе́ктором о поэ́зии“***. «Передава́я пере́дово́го», «Письмо́ писа́теля Влади́мира Влади́мировича Маяко́вского писа́телю Алексе́ю Макси́мовичу Го́рькому», «Посла́ние пролета́рским поэ́там». Все э́ти стихи́ ре́зко полеми́чны и в то же вре́мя содержат глубо́кие мы́сли о поэ́зии и иску́сстве.

Стихотворе́ние «Разгово́р с фининспе́ктором о поэ́зии» — одно́ из наибо́лее замеча́тельных по иде́йному за́мыслу и соверше́нных по худо́жественному исполне́нию произведе́ний Маяко́вского. Маяко́вский говори́т в нём о своём понима́нии су́щности поэ́зии и о ме́сте, кото́рое она́ должна́ занима́ть в социалисти́ческом о́бществе. Поэ́зия для Маяко́вского э́то не заба́ва, а труд, необходи́мый о́бществу так же, как и все други́е ви́ды труда́, и отлича́ющийся от них лишь тем, что э́то труд, тре́бующий не то́лько о́чень высо́кой, но и ре́дкой, осо́бенной квалифика́ции. Это труд, тре́бующий огро́много упо́рства и напряже́ния. Как для того́, что́бы добы́ть грамм ре́дкого мета́лла ра́дия, необходи́мо перераба́тать то́нны

руды́, так и для того́, чтоб вы́брать из бесконе́чного коли́чества возмо́жных слов еди́нственно ну́жное, незаменимое, необходи́мо затра́тить огро́мный труд. И поэ́т до́лжен вложи́ть в э́тот труд все си́лы своего́ ума́, се́рдца, тала́нта. Си́ла воздействия отобранного и обрабо́танного поэти́ческого сло́ва «испепеля́юща»: оно́ жжёт, тогда́ как сло́во необрабо́танное, сыро́е («сло́во-сыре́ц») то́лько тле́ет. На́йденное по́длинно поэти́ческое сло́во Маяко́вский называ́ет добы́тым «из артезиа́нских людски́х глуби́н». Артезиа́нские подзе́мные во́ды заключены́ в водоно́сных пласта́х земно́й коры́ ме́жду двумя́ водонепроница́емыми слоя́ми и потому́ (там, где они́ ни́же всего́) нахо́дятся под си́льным напо́ром. Когда́ буря́т артезиа́нские коло́дцы, то пробива́ют водонепроница́емые слои́ и лишь на большо́й глубине́ добира́ются до артезиа́нских вод, кото́рые, как то́лько им откро́ют вы́ход, са́ми поднима́ются вверх. Так и поэ́т до́лжен добира́ться до артезиа́нских глуби́н челове́ческой ли́чности, добыва́я «драгоце́нное сло́во». Тако́е сло́во бу́дет спосо́бно приводи́ть в движе́ние «ты́сячи лет миллио́нов сердца́». И оно́ же бу́дет служи́ть совреме́нникам в их повседне́вной жи́зни и борьбе́ («И сего́дня ри́фма поэ́та — ла́ска, и ло́зунг, и штык, и кнут»). Оно́ переда́ст вме́сте с тем бу́дущим пото́мкам правди́вую карти́ну на́шей жи́зни со все́ми её противоре́чиями («с бле́ском чуде́с и с во́нью черни́л»).

Долг поэ́та — как мо́жно полне́е, глу́бже и верне́е сказа́ть «о ми́ре и о челове́ке». Так как челове́к бесконе́чно сло́жен, а мир бесконе́чно многообра́зен, поэ́та сопровожда́ет созна́ние, что он не суме́л сказа́ть всё, что ну́жно, и обо всём, о чём ну́жно. Поэ́тому он «в непролазном долгу́» поэ́тому поэ́т — «должни́к Вселе́нной». Всё стихотворе́ние прони́кнуто ве́рой Маяко́вского в огро́мную си́лу воздействия по́длинной поэ́зии и её высо́кое обще́ственное назначе́ние.

Фо́рма обраще́ния к фининспе́ктору (так называ́лись рабо́тники фина́нсовых отде́лов, обя́занные следи́ть за пра́вильностью исчисле́ния и поступле́ния нало́гов) свя́зана с борьбо́й, кото́рую Маяко́вскому приходи́лось вести́ про́тив тех, кто не признава́л заня́тие поэ́зией обще́ственно поле́зным де́лом.

В го́ды нэ́па худо́жников и поэ́тов (так же как и име́ющих ча́стную пра́ктику врачей́, адвока́тов и т. п.)

называ́ли «ли́цами свобо́дных профе́ссий». По своему́ правово́му положе́нию таки́е ли́ца, в отли́чие от рабо́чих, слу́жащих и крестья́н, относи́лись к весьма́ пёстрой катего́рии «про́чих», в соста́в кото́рой входи́ли и ме́лкие хозя́йчики: торго́вцы, кустари́, владе́льцы ча́стных мастерски́х, ме́лких фа́брик и т. п. У Маяко́вского, сознава́вшего революцио́нное значе́ние свое́й поэ́зии, вызыва́ло ре́зкий проте́ст, что кто́-то мо́жет (пусть да́же то́лько форма́льно) ста́вить его́ в оди́н ряд с «име́ющими лаба́зы и уго́дья» (то есть ла́вки, торго́вые заведе́ния и земе́льные уча́стки), что он до́лжен выполня́ть форма́льные процеду́ры, установленные для наибо́лее далёкой от сове́тской вла́сти катего́рии гра́ждан. Эта борьба́ име́ла вполне́ реа́льный смысл и спосо́бствовала тому́, что со вре́менем правово́е положе́ние сове́тских писа́телей бы́ло урегули́ровано. Изве́стно, каки́м почёто́м в Сове́тском Сою́зе окружена́ профе́ссия писа́теля.

Фо́рма разгово́ра с фининспе́ктором позво́лила Маяко́вскому испо́льзовать в стихе́ никогда́ не применя́вшиеся в поэ́зии специа́льные фина́нсово-бухга́лтерские и юриди́ческие слова́ и выраже́ния, кото́рые, ре́зко контрасти́руя с серьёзной и далёкой от вся́кой бухгалте́рии те́мой, помога́ют ему́ заостри́ть свою́ мысль, а в отде́льных слу́чаях стано́вятся зерно́м неожи́данного, врезающегося в созна́ние о́браза и́ли формулиро́вки. Так, в анке́те, кото́рую Маяко́вский в числе́ други́х «клие́нтов» фининспе́ктора до́лжен был заполня́ть, был вопро́с: «Име́ете ли со́бственный вы́езд?» (то есть экипа́ж и упря́жку лошаде́й). Ирони́чески обы́грывая э́тот свя́занный с далёким ему́ буржуа́зным бы́том анке́тный вопро́с, Маяко́вский перефрази́рует осно́ванное на древнегре́ческом ми́фе распространённое иносказа́тельное выраже́ние «оседла́ть Пега́са» (означа́ющее «писа́ть стихи́») — крыла́того коня́ поэ́зии.

Не́которые из специа́льно фина́нсовых оборо́тов в на́ши дни уже́ не всем поня́тны: «И я обло́жен и до́лжен кара́ться» — я обло́жен нало́гами и до́лжен плати́ть штраф в наказа́ние «за непода́чу деклара́ций», то есть пи́сьменных сообще́ний о получа́емых дохо́дах. Объясня́я фининспе́ктору, что тако́е ри́фма, Маяко́вский говори́т ему́: «Говоря́ по-ва́шему, ри́фма — ве́ксель. Уче́сть через стро́чку! — вот распоряже́ние». Ве́ксель —

э́то определённым о́бразом офо́рмленное долгово́е обяза́тельство. Есть специа́льное выраже́ние «учёт векселе́й». Смысл соответствующей строки́ у Маяко́вского: по коли́честву рифм удо́бно (с то́чки зре́ния фининспе́ктора) вести́ счёт постро́чной пла́ты, получа́емой поэ́том за стихи́. Сло́во «амортиза́ция» применя́ется как техни́ческий и экономи́ческий те́рмин (постепе́нное сна́шивание маши́н, станко́в, заводски́х зда́ний). Говоря́ об «амортиза́ции се́рдца и души́», Маяко́вский име́ет в виду́ ослабле́ние душе́вных сил челове́ка. Бала́нс (в бухгалте́рии) — э́то соотноше́ние дохо́дов и расхо́дов. Маяко́вский про́сит по́сле его́ сме́рти определи́ть объекти́вную реа́льную це́нность того́, что им сде́лано.

РАЗГОВОР С ФИНИНСПЕКТОРОМ О ПОЭЗИИ

Граждани́н фининспе́ктор!
Прости́те за беспоко́йство.
Спаси́бо...
не трево́жьтесь...
я постою́...
У меня́ к вам
де́ло
деликатного [1] сво́йства:
о ме́сте
поэ́та
в рабо́чем строю́.
В ряду́
име́ющих
лаба́зы и уго́дья
и я обло́жен
и до́лжен кара́ться.

[1] Делика́тный — чу́ткий, тре́бующий осторо́жного и такти́чного отноше́ния.

Вы тре́буете
с меня́
пятьсо́т в полуго́дие
и два́дцать пять
за непода́чу деклара́ций.
Труд мой
любо́му
труду́
ро́дствен.
Взгляни́те —
ско́лько я потеря́л,
каки́е
издержки
в моём произво́дстве
и ско́лько тра́тится
на материа́л.
Вам,
коне́чно, изве́стно
явле́ние «ри́фмы».
Ска́жем,
стро́чка
око́нчилась сло́вом
«отца́»,
и тогда́
через стро́чку,
слога́ повтори́в, мы
ста́вим
како́е-нибудь:
л а м ц а д р и ц а - ц а́.
Говоря́ по-ва́шему,
ри́фма —
ве́ксель.
Учёсть через стро́чку! —
вот распоряже́ние.
И и́щешь
мелочи́шку су́ффиксов и фле́ксий [1]
в пусту́ющей ка́ссе
склоне́ний
и спряже́ний.

[1] Фле́ксия — изменя́емое оконча́ние сло́ва.

Начнёшь э́то
сло́во
в стро́чку всо́вывать,
а оно́ не ле́зет —
нажа́л и слома́л.
Граждани́н фининспе́ктор,
че́стное сло́во,
поэ́ту
в копе́ечку влета́ют слова́.
Говоря́ по-на́шему,
ри́фма —
бо́чка.
Бо́чка с динами́том.
Стро́чка —
фити́ль.
Строка́ додыми́т,
взрыва́ется стро́чка, —
и го́род
на во́здух
строфо́й лети́т.
Где найдёшь,
на како́й тари́ф [1],
ри́фмы,
чтоб враз убива́ли, нацеля́сь?
Мо́жет,
пято́к
небыва́лых рифм
то́лько и оста́лся,
что в Венецуэ́ле [2].
И тя́нет
меня́
в холода́ и в зной.
Броса́юсь,
опу́тан в ава́нсы и в за́ймы я.
Граждани́н,
учти́те биле́т проездно́й!

---

[1] «На како́й тари́ф» — здесь: по како́й цене́.

[2] То есть но́вые выразительные ри́фмы найти́ нелегко́, до них тру́дно добра́ться. Венецуэ́ла, тепе́рь Венесуэ́ла, — небольшо́е госуда́рство в се́верной ча́сти Южной Аме́рики.

— Поэ́зия
— вся! —
езда́ в незна́емое.
Поэ́зия —
та же добы́ча ра́дия.
В грамм добы́ча,
в год труды́.
Изво́дишь
еди́ного сло́ва ра́ди
ты́сячи тонн
словесной руды́.
Но как
испепеля́юще
слов э́тих жже́ние
ря́дом
с тле́нием
сло́ва-сырца́.
Эти слова́
приво́дят в движе́ние
ты́сячи лет
миллио́нов сердца́.
Коне́чно,
разли́чны поэ́тов сорта́.
У ско́льких поэ́тов
лёгкость руки́!
Тя́нет,
как фо́кусник,
стро́чку изо рта́
и у себя́
и у други́х.
Что говори́ть
о лири́ческих кастра́тах?!
Стро́чку
чужу́ю
вста́вит — и рад.
Это
обы́чное
воровство́ и растра́та
среди́ охвати́вших страну́ растра́т.
Эти
сего́дня
стихи́ и о́ды,

в аплодисме́нтах
ревомые ревмя́ [1],
войду́т
в исто́рию
как накладны́е расхо́ды
на сде́ланное
на́ми —
двумя́ и́ли тремя́.
Пуд,
как говори́тся,
со́ли столо́вой
съешь
и со́тней папиро́с клуби́,
что́бы
добы́ть
драгоце́нное сло́во
из артезиа́нских
людски́х глуби́н.
И сра́зу
ни́же
нало́га рост.
Ски́ньте
с обложе́нья
нуля́ колесо́! [2]
Рубль девяно́сто
со́тня папиро́с,
рубль шестьдеся́т
столо́вая соль.
В ва́шей анке́те
вопро́сов ма́сса:
— Бы́ли вы́езды?
Или вы́ездов нет? —
А что,
е́сли я
деся́ток пега́сов
загна́л
за после́дние
15 лет?!

[1] Здесь речь идёт о плохи́х, фальши́во славосло́вящих стиха́х, рассчи́танных на лёгкий успе́х. «Ревомые ревмя́» — от глаго́ла «реве́ть», гро́мко крича́ть.

[2] То есть уме́ньшите ци́фру нало́га в де́сять раз.

У вас —
в моё положе́ние войди́те —
про слуг
и иму́щество
с э́того угла́.
А что,
е́сли я
наро́да води́тель
и одновреме́нно —
наро́дный слуга́?
Класс
гласи́т
из сло́ва из на́шего,
а мы,
пролета́рии,
дви́гатели пера́.
Маши́ну
души́
с года́ми изна́шиваешь.
Говоря́т:
— в архи́в,
исписа́лся,
пора́! —
Всё ме́ньше лю́бится,
всё ме́ньше дерза́ется [1],
и лоб мой
вре́мя
с разбе́га круши́т.
Прихо́дит
страшне́йшая из амортиза́ций —
амортиза́ция
се́рдца и души́.
И когда́
э́то со́лнце
разжире́вшим бо́ровом
взойдёт
над грядущим
без ни́щих и кале́к, —

[1] Дерза́ется — неологи́зм от глаго́ла «дерза́ть»: отва́живаться, реша́ться на что́-либо ва́жное.

я
уже́
сгнию́,
уме́рший под забо́ром,
ря́дом
с десятком
мои́х колле́г.
Подведи́те
мой
посме́ртный бала́нс!
Я утвержда́ю
и — зна́ю — не налгу́:
на фо́не
сего́дняшних
дельцо́в и прола́з
я бу́ду
— оди́н! —
в непрола́зном долгу́.
Долг наш —
реве́ть
медного́рлой сире́ной
в тума́не меща́нья,
у бурь в кипе́нье.
Поэ́т
всегда́
должни́к Вселе́нной,
платя́щий
на го́ре
проце́нты
и пе́ни [1].
Я
в долгу́
перед Бродве́йской лампио́нией [2],
перед ва́ми,
багда́дские небеса́ [3],

[1] П е́ н и — штраф, начисля́емый за просро́чку платежа́.
[2] Бродве́й (одна́ из гла́вных у́лиц Нью-Йо́рка) порази́л Маяко́вского оби́лием электри́ческих ламп, све́та. Л а м п и о́ н и я — неологи́зм от сло́ва «ла́мпа».
[3] То есть перед небеса́ми, под кото́рыми роди́лся поэ́т (подразумева́ется село́ Багда́ды).

перед Кра́сной Армией,
перед ви́шнями Япо́нии —
перед всем,
про что
не успе́л написа́ть.
А заче́м
вообще́
э́та ша́пка Се́не? [1]
Что́бы — це́лься ри́фмой
и ри́тмом яри́сь?
Сло́во поэ́та —
ва́ше воскресе́ние,
ва́ше бессме́ртие,
граждани́н канцеляри́ст.
Через столе́тья
в бума́жной ра́ме
возьми́ строку́
и вре́мя верни́!
И вста́нет
день э́тот
с фининспекторами́,
с бле́ском чуде́с
и с во́нью черни́л.
Сего́дняшних дней убеждённый жи́тель,
вы́правьте
в энкапеэ́с [2]
на бессме́ртье биле́т
и, вы́считав
де́йствие стихо́в,
разложи́те
за́работок мой
на три́ста лет!
Но си́ла поэ́та
не то́лько в э́том,

[1] Изменённая посло́вица «По Се́ньке и ша́пка». Общий смысл строфы: заче́м ну́жно призва́ние поэ́та? То́лько для того́, что́бы удивля́ть стиха́ми? Нет, для того́, что́бы запечатле́ть своё вре́мя, свою́ эпо́ху.
[2] Э н к а п е э́ с — НКПС, Наро́дный комиссариа́т путе́й сообще́ния; так до 1946 го́да называ́лось Министе́рство путе́й сообще́ния.

что, вас
вспомина́я,
в грядущем икну́т.
Нет!
И сего́дня
ри́фма поэ́та —
ла́ска
и ло́зунг,
и штык,
и кнут.
Граждани́н фининспе́ктор,
я вы́плачу пять,
все
нули́
у ци́фры скрестя́!
Я
по пра́ву
тре́бую пядь
в ряду́
беднейших
рабо́чих и крестья́н.
А е́сли
вам ка́жется,
что всего́ дело́в —
э́то по́льзоваться
чужи́ми словеса́ми,
то вот вам,
това́рищи,
моё стило́ [1],
и мо́жете
писа́ть
са́ми!

[1] Стило́ — перо́-каранда́ш, авторучка.

Маяко́вскому бы́ли кро́вно до́роги интере́сы сове́тской литературы, поэ́тому он был нетерпи́м ко всему́, что счита́л в ней вре́дным, отрица́тельным, был ре́зок в свои́х оце́нках и литературной поле́мике. В осо́бенности его́ волнова́ло всё, что относи́лось к сове́тской поэ́зии, за успе́хи и неуда́чи кото́рой он как бы чу́вствовал себя́ ли́чно ответственным. Зло высме́ивая тех, кто пыта́лся в сове́тских усло́виях стать в по́зу жреца́ «чи́стого иску́сства», он с те́ми, кто, несмотря́ на оши́бки и сла́бости, бы́ли бойца́ми одного́ с ним ла́геря, уме́л говори́ть как тре́бовательный и в то же вре́мя благожела́тельный и внима́тельный ста́рший това́рищ. Это чу́вство ответственности не то́лько за себя́, но и за рабо́ту това́рищей определя́ет резкова́тую и одновреме́нно дружелю́бную интона́цию стихотворе́ния ***„Посла́ние пролетарским поэ́там“***. А. И. Безыме́нский (род. в 1898 году́), М. А. Светло́в (1903—1964) и И. П. Уткин (1903—1944), к кото́рым обращено́ стихотворе́ние, бы́ли в середи́не 20-х годо́в наибо́лее популя́рными молоды́ми сове́тскими поэ́тами. Все тро́е входи́ли в так называ́емую Росси́йскую ассоциа́цию пролета́рских писа́телей (РАПП), возглавля́вшуюся гру́ппой кри́тиков из журна́ла «На литературном посту́». Напосто́вцы и вообще́ ра́пповцы счита́ли себя́ «пролета́рскими писа́телями» (то есть са́мыми передовы́ми, веду́щими и т. п.), а всех остальны́х сове́тских писа́телей называ́ли «попу́тчиками». К «попу́тчикам» относи́ли тогда́ ряд кру́пных сове́тских писа́телей и поэ́тов, в том числе́ и Маяко́вского. Маяко́вский, напро́тив, справедли́во утвержда́л, что «ли́ния литературных наименова́ний не совпада́ет с ли́нией литературного существа́», и реши́тельно возража́л про́тив примене́ния к нему́ сло́ва «попу́тчик».

В стихотворе́нии «Посла́ние пролета́рским поэ́там»

Маяко́вский высме́ивает подогрева́емое напосто́вской кри́тикой необосно́ванное групповóе самодово́льство ра́пповских поэ́тов, кото́рые испо́льзуют в це́лях рекла́мы да́же возни́кшие внутри́ напосто́вской гру́ппы спóры и сопе́рничество («по́льзуются напосто́вской тря́сси́ной»). Он с насме́шкой напомина́ет о том, что в крити́ческих статья́х напосто́вцев Светло́в сра́внивается с ли́ким неме́цким поэ́том Ге́нрихом Ге́йне (1797—1856), а Уткин — с вели́ким англи́йским поэ́том Джо́рджем Ба́йроном (1788—1824). Пароди́руя нере́дко безгра́мотные оборóты кри́тиков э́той гру́ппы, Маяко́вский наро́чи́то непра́вильно склоня́ет несклоня́емую неме́цкую фами́лию Ге́йне.

Высме́ивая привы́чку ра́пповских поэ́тов «накле́ивать ярлычки́» «попу́тчик» на всех, кто не вхóдит в их литерату́рную гру́ппу, Маяко́вский в то же вре́мя обраща́ется к Безыме́нскому, Светло́ву и Уткину в дру́жеском то́не. Что́бы разгово́р не звуча́л как назо́йливое поуче́ние, он отпуска́ет шу́тки и остри́т не то́лько по их а́дресу, но и по своему́. «Оди́н, мол, я жрец поэ́зий непрола́зных» (то есть непреодоли́мых, тру́дных), говори́т он о себе́, как бы гля́дя со стороны́ (глаза́ми поэ́тов, к кото́рым обращено́ стихотворе́ние). Нарочи́тое «поэ́зий» (фóрма мно́жественного числа́, почти́ не употребля́емая) вме́сто «поэ́зии» и сло́во «жрец» (священнослужи́тель), кото́рое Маяко́вский в примене́нии к себе́ не мог употреби́ть всерьёз, не оставля́ют сомне́ний в том, что иро́ния Маяко́вского здесь нарочи́то обращена́ на него́ самого́.

Шутли́во предлага́я за весёлым обе́дом расстели́ть вме́сто ковро́в взаи́мные комплиме́нты, разре́зать на ра́вные куски́ «о́бщую ку́рицу сла́вы» (то есть не счита́ться с тем, кто из них бо́лее знамени́т и заслу́жен), Маяко́вский попу́тно доброду́шно подсме́ивается над Луначáрским. А. В. Луначáрский (1875—1933), ви́дный сове́тский госуда́рственный и обще́ственный де́ятель, пе́рвый наро́дный комисса́р просвеще́ния, был широко́ образо́ванным исто́риком литерату́ры и иску́сства, блестя́щим ора́тором и литерату́рным кри́тиком. Благожела́тельный и увлека́ющийся, Луначáрский иногда́ с изли́шней и не всегда́ опра́вданной ще́дростью хвали́л мно́гих сове́тских писа́телей, в осо́бенности молодёжь

(незадо́лго до стихотворе́ния Маяко́вского вы́шло не́сколько пе́рвых книг молоды́х поэ́тов с хвале́бными предисло́виями Луначáрского). Уподобля́я э́ти похвалы́ венка́м из ли́стьев ла́вра, кото́рыми в Дре́вней Гре́ции уве́нчивали геро́ев, поэ́тов, худо́жников в знак выдаю́щихся успе́хов, Маяко́вский с доброду́шно-шутли́вой иро́нией предлага́ет испо́льзовать э́ти лавро́вые ли́стья для. . . о́бщего това́рищеского су́па.

Как и в други́х литерату́рно-полеми́ческих стиха́х, соста́вивших цикл «О поэ́зии», в стихотворе́нии «Посла́ние пролета́рским поэ́там» Маяко́вский выска́зывает дороги́е ему́ мы́сли о назначе́нии сове́тского поэ́та, о су́щности поэ́зии, осо́бенно о худо́жественном мастерстве́. Он призыва́ет поэ́тов проверя́ть ка́чество поэ́зии («стихо́в сорта́») высо́ким идеа́лом коммуни́зма («комму́ны») и неуста́нно совершéнствовать приёмы поэти́ческой обрабóтки сло́ва. Никаки́е похвалы́ литерату́рных прия́телей, никако́е покрови́тельство («протéкция») влия́тельных лиц не мóгут возмести́ть пролета́рскому (как и вся́кому другóму) поэ́ту недоста́точности уме́ния ка́крепко свя́зывать стрóки стиха́ ма́стерской ри́фмой. Квалифика́ция нужна́ во вся́ком де́ле: да́же для того́, что́бы сплести́ из лы́ка ла́пти, ну́жно уме́ние; во ско́лько же раз бóльше его́ ну́жно для того́, что́бы «связа́ть» кре́пкий стих. Это гру́стно-ирони́ческое сопоставле́ние (подразумева́ющееся в строке́ «по протéкции не свя́жешь рифм лы́чки») очеви́дно подска́зано двумя́ употреби́тельными погово́рками: «Не вся́кое лы́ко в строку́» и «Не вя́жет лык». «Лы́ки, и́ли (уменьши́тельно-ласка́тельно) «лы́чки», — э́то на́дранные с молоды́х ли́ственных дере́вьев по́лосы коры́, точне́е — её ни́жнего (прилега́ющего к древеси́не) волокни́стого сло́я. При плете́нии лапте́й ка́ждое лы́ко образу́ет «строку́», а так как не́которые лы́ки ока́зываются неро́вными, со́дранными неуда́чно, то их отбра́сывают: «Не вся́кое лы́ко в строку́», то есть не вся́кое лы́ко годи́тся для де́ла. Подска́зываемая сло́вом «строка́» паралле́ль со стихóм подкрепля́ется погово́ркой: «лы́ка не вя́жет» (так говоря́т о челове́ке, кото́рый спья́на и́ли по друго́й причи́не говори́т невня́тным заплета́ющимся языкóм). Выраже́ние «связа́ть рифм лы́чки» здесь, таки́м óбразом, зна́чит — суме́ть сде́лать кре́пкий, хоро́ший стих.

ПОСЛАНИЕ ПРОЛЕТАРСКИМ ПОЭТАМ

Това́рищи,
позво́льте
без по́зы,
без ма́ски —
как ста́рший това́рищ,
неглу́пый и чу́ткий,
поразгова́риваю с ва́ми,
това́рищ Безыме́нский,
това́рищ Светло́в,
това́рищ Уткин.
Мы спо́рим,
аж гло́тки про́сят лужа́ния [1],
мы
задыха́емся
от эстра́дных побе́д,
а у меня́ к вам, това́рищи,
деловóе предложе́ние:
дава́йте
устро́им
весёлый обе́д!
Расстели́м внизу́
комплиме́нты ковро́вые,
е́сли зуб на кого́ [2] —
отпи́лим зуб;
ро́зданные
Луначáрским
венки́ лавро́вые —
сло́жим
в о́бщий
това́рищеский суп.

Реши́м,
что все
по-сво́ему пра́вы.
Ка́ждый поёт
по своему́
голоску́!
Разре́жем
о́бщую ку́рицу сла́вы
и ка́ждому
вы́дадим
по ра́вному куску́.
Бро́сим
друг дру́гу
шпи́льки подсо́вывать [1],
разведём
изы́сканный
слове́сный ажу́р [2].
А когда́ мне
това́рищи
предоста́вят сло́во —
я э́то сло́во возьму́
и скажу́:
— Я кажу́сь вам
акаде́миком
с больши́м за́дом,
оди́н, мол, я
жрец
поэ́зий непрола́зных.
А мне
в действи́тельности
еди́нственное на́до —
чтоб бóльше поэ́тов
хоро́ших
и ра́зных.

---

[1] То есть спóрим до того́, что го́лос сдаёт, что гло́тки не выде́рживают. Л у ж е́ н и е (от глагóла «луди́ть») — покрыва́ть полу́дой (то́нким сло́ем о́лова) изде́лия из ме́ди с це́лью предохрани́ть их от окисле́ния. Отсю́да разгово́рно-просторе́чное выраже́ние «лужёная гло́тка», то есть гло́тка, подóбная лужёной ме́дной трубе́. Так говоря́т о челове́ке, спосóбном дóлго и без у́стали гро́мко разгова́ривать, крича́ть, петь.

[2] «Если зуб на кого́» — изменённое выраже́ние «име́ть на кого́-нибудь зуб», то есть име́ть зло, зли́ться, серди́ться на э́того челове́ка.

[1] «Шпи́льки подсóвывать» — то есть говори́ть кóлкости, де́лать непри́я́тные намёки

[2] То есть бу́дем друг с дру́гом чрезвыча́йно ве́жливы (шутли́во-ирони́чески). А ж у́ р — иску́сное плете́ние из то́нких ни́тей.

Мно́гие
по́льзуются
напосто́вской тря́скою,
с тем
чтоб себя́
обозва́ть полу́чше.
— Мы, мол, еди́нственные,
мы пролета́рские... —
А я, по-ва́шему, что —
валю́тчик? [1]
Я
по существу́
мастерово́й, бра́тцы,
не люблю́ я
э́той
филосо́фии ну́довой [2].
Засучу́ рука́вчики:
рабо́тать?
дра́ться?
Сде́лай одолже́ние,
а ну́, дава́й!
Есть
перед на́ми
огро́мная рабо́та —
ка́ждому челове́ку
ну́жное стиха́чество.
Дава́йте рабо́тать
до седьмо́го по́та
над подня́тием коли́чества,
над улучше́нием ка́чества.
Я ме́ряю
по комму́не
стихо́в сорта́,
в комму́ну
душа́
потому́ влюблена́,

---

[1] В а л ю́ т ч и к — челове́к, спекули́рующий валю́той (зо́лотом, иностра́нными деньга́ми и т. п.); здесь: вообще́ нетрудово́й элеме́нт, буржу́й.

[2] Н у́ д о в о й (неологи́зм) — ну́дной, ску́чной, мни́мо глубокомы́сленной.

что комму́на,
по-мо́ему,
огро́мная высота́,
что комму́на,
по-мо́ему,
глубоча́йшая глубина́.
А в поэ́зии
нет
ни друзе́й,
ни родны́х,
по проте́кции
не свя́жешь
рифм лычки́.
Оста́вим
распределе́ние
орденов и наградны́х,
бро́сим, това́рищи,
накле́ивать ярлычки́.
Не хочу́
похва́стать
мы́слью но́венькой,
но по-мо́ему —
утвержда́ю без а́вторской спе́си,—
комму́на —
э́то ме́сто,
где исче́знут чино́вники
и где бу́дет
мно́го
стихо́в и пе́сен.
Сто́ит
изуми́ться
ри́фмочек па́рой нам —
мы
почита́ем поэ́тика ге́нием.
Одного́
называ́ют
кра́сным Ба́йроном,
друго́го —
са́мым кра́сным Ге́йнем.
Одного́ боюсь —
за вас и сам, —

чтоб не обмеле́ли
на́ши ду́ши,
чтоб мы
не возвели́
в коммунисти́ческий сан
пло́скость раёшников [1]
и ерунду́ часту́шек.
Мы ду́хом одно́,
понима́ете са́ми:
по ли́нии се́рдца
нет разде́ла.
Если
вы не за нас,
а мы
не с ва́ми,
то чёрта ль
нам
остаётся де́лать?
А е́сли я
вас
когда́-нибудь кро́ю
и на вас
замáхивается
перо́-рука́,
то я, как говори́тся,
добы́л э́то кро́вью,
я
бо́льше ва́шего
ри́фмы строга́л.
Това́рищи,
бро́сим
зама́шки торга́шьи
— моя́, мол, поэ́зия —
мой лаба́з! —
всё, что я сде́лал,
всё э́то ва́ше —
ри́фмы,
те́мы,
ди́кция,
бас!

[1] Р а ё ш н и к — здесь: грубова́тые, развлека́тельные стихи́.

Что мо́жет быть
капри́зней сла́вы
и пе́пельней?
В гроб, что ли,
брать,
когда́ умру́?
Наплева́ть мне, това́рищи,
в вы́сшей сте́пени
на де́ньги,
на сла́ву
и на про́чую муру́!
Чем нам
дели́ть
поэти́ческую власть,
сгруди́м [1]
не́жность слов
и слова́-бичи́,
и дава́йте
без за́вистей
и без фами́лий
класть
в комму́нову стро́йку
слова́-кирпичи́ [2].
Дава́йте,
това́рищи,
шага́ть в но́гу.
Нам не на́до
брюзжа́щего
лы́сого парика́!
А руга́ться захо́чется —
враго́в мно́го
по другу́ю сто́рону
кра́сных баррика́д.

[1] С г р у д и́ м (сгру́дить) — объедини́м, сло́жим в одну́ о́бщую гру́ду.

[2] То есть свои́м поэти́ческим сло́вом помога́ть строи́тельству коммуни́зма.

кого в «Изве́стиях» продол-
да в газе́те бы́ло напеча́-
ние *„Протёкция“*, в кото́-
из тех доста́вшихся сове́т-
ство от дореволюцио́нной
твенных привы́чек, борьба́
одолжа́ет остава́ться акту-
рови́тельство (буква́льно—
ия́тельного лица́. «Иска́ть
свя́зей и знако́мства, что́-
ла́ («У тёти Фели́ции лицо́
ции есть знако́мое влия́тель-
Обывателиа́да в 3-х частя́х»
протёкция неразры́вно свя́-

кция

в 3-х частя́х

Ми́хин —
ичи́хин [1].
лу́жбин
й в дру́жбе.
ли́ции
ли́ции.

» с фами́лией «Ми́хин», то есть
ильно: дво́рничихин), Маяко́вский
т почу́вствовать свое́ ирони́ческое
ды» и опи́сываемых в ней «со-

Квартхо́з мили́ции [1]
Фёд
име́ет
в сове́те
ну́жного ч
Чин лица́
не упо́мнишь
главшвейца́р
и́ли поми
А э́тому чи́ну
дома́ми з
мама́ша
машини́стки се
У до́чки её
больша́ущие
друг во ВЦИКе
(шофё
а Петро́в, говоря́т,
разв
о кото́ром
все говоря́т
ма́ленького ро́ста,
огро́
Сло́вом —
он...
Не реш

2

Ти́хий Ми́хин
пойдёт к дворничи́хе:
«Прошу́ поко́рненько,
попроси́те дво́рника».
Дво́рник сту́кнется
к тётке засту́пнице.
Тётка Фели́ция
шушу́кнет в мили́ции.

---

[1] Квартхо́з мили́ции — т
уполномо́ченный мили́ции. При́ня
(квартхо́з — то есть отве́тствен
коммуна́льное хозя́йство кварта́ла)

Квартхо́з Ове́чко
замо́лвит слове́чко.
А главшвейца́р —
да Ви́нчи с лица́,
весь в бороде́,
— как карти́на в ра́ме, —
пря́мо
пойдёт
к машини́сткиной ма́ме.
Про́сьбу
дочь
преда́ст огла́ске [1]:
гла́зки да ла́ски,
ла́ски да гла́зки...
Кого́ не лови́ли на таку́ю афе́ру?
Куда́ ж удержа́ться простаку́-шофе́ру!
Петро́в подождёт,
пока́мест,
как со́лнце,
персо́нье лицо́ весно́й расперсо́нится [2]:
— Прости́те, това́рищ,
извине́ний ты́сячка... —
И про́сит
и мо́лит, ла́сковей ла́ни.
И чин снисхо́дит:
— Вот вам запи́сочка. —
А в запи́ске —
исполне́ние всех жела́ний.

3

А попро́буй —
пола́зий
без ро́дственных свя́зей!
Покро́ют дво́рники
сло́вом чёрненьким.

---

[1] То есть ска́жет, сообщи́т своему́ дру́гу шофёру. Маяко́вский нарочи́то, для усиле́ния сатири́ческого эффе́кта употребля́ет канцеля́рское чино́вничье выраже́ние «преда́ст огла́ске» — сообщи́т, ска́жет.

[2] То есть пока́ лицо́ ва́жного нача́льника не расцветёт в самодово́льной, благоду́шной улы́бке. Персо́на — ва́жный челове́к, осо́ба.

В стихотворе́нии употреблены́ слова́ «хохо́л» (украи́нец) и «кацап» (ру́сский). Тепе́рь они́ име́ют полушутли́вый хара́ктер, но ра́ньше э́то бы́ли презри́тельно-уничижи́тельные кли́чки, возни́кшие на по́чве национа́льной вражды́, разжига́вшейся ещё до револю́ции с одно́й стороны́ реакцио́нными «обруси́телями» Украи́ны, с друго́й — украи́нскими национали́стами.

НАШЕМУ ЮНОШЕСТВУ

На со́тни эстра́д броса́ет меня́,
на ты́сячу глаз молодёжи.
Как ра́зны земли́ мое́й племена́,
и ра́зен язы́к
и одёжи!
Наси́лу,
пот стира́я с виска́,
сквозь го́рло тонне́ля у́зкого
проле́з.
И, глуша́ проща́ньем свистка́,
рвану́лся
курье́рский
с Ку́рского! [1]
Заво́ды.
Берёзы от ле́са до хат
бегу́т,
листка́ми воро́чая,
и чист,
как бу́дто слу́шаешь МХАТ,
моско́вский говоро́чек [2].
Из-за горизо́нтов,
леса́ми сло́манных,
толпа́ надвига́ется
ма́занок [3].

---

[1] Ку́рский вокза́л в Москве́.

[2] МХАТ — Моско́вский Худо́жественный академи́ческий теа́тр. Произноше́ние арти́стов МХАТа и Моско́вского Ма́лого теа́тра счита́лось образцо́во пра́вильным ру́сским произноше́нием.

[3] М а́ з а н к и — и́збы с обма́занными гли́ной стена́ми (ча́ще на Украи́не).

Цветúсты бочка́
из-под крыш соло́менных,
окра́шенные ра́зно.
Стихо́в навези́те це́лый мешо́к,
с тала́нта
мо́жете ло́паться —
в отве́т
снисходи́тельно це́дят смешо́к [1]
уста́
украи́нца хло́пца.
Простра́нства бегу́т,
с хвоста́ нара́став [2],
их жа́рит
со́лнце-куха́рка.
И по́езд
уже́
бежи́т на Росто́в,
далёко за ды́мный Ха́рьков.
Поля́ —
на мильо́ны хле́бных тонн —
как бу́дто
их гла́дят руба́нки,
а в хле́бной о́хре
сере́бряный Дон
блести́т
позуме́нтом куба́нки [3].
Ревём парово́зом до хрипоты́,
и вот
начало́сь кавка́зское —
то го́ловы са́хара вы́сят хребты́ [4],
то в со́лнце —
пожа́рной ка́скою.

---

[1] «Це́дят смешо́к» — усмеха́ются.

[2] То есть позади́ («с хвоста́») по́езда нараста́ет (де́лается всё бо́льше) про́йденное им простра́нство.

[3] Смысл фра́зы: в спе́лых жёлтых хлеба́х река́ Дон ка́жется блестя́щей поло́ской. О х р а — жёлтая кра́ска. П о з у м е́ н т — блестя́щая тесьма́ (у́зкая ле́нта), кото́рой отде́лывают на Куба́ни бара́шковые ша́пки — куба́нки.

[4] Смысл фра́зы: сне́жные верши́ны го́рных хребто́в возвыша́ются на фо́не си́него не́ба (ра́ньше са́хар продава́лся нако́лотым, в ви́де голо́в-ко́нусов, верши́нки кото́рых высо́вывались из пло́тной тёмно-си́ней бума́ги).

Лечу́
ущéльями, свист приглуши́в.
Снего́в и папа́х седи́ны.
Сжима́я кинжа́лы, стоя́т ингуши́,
следя́т
из седла́
осети́ны.
Верх
гор —
лёд,
низ —
жар
пьёт,
и со́лнце льёт йод.
Тифли́сцев
узна́ешь и ме́тров за́ сто:
гуля́ют часа́ми жа́ркими,
в модне́йших шля́пах,
в боти́нках носа́стых,
э́такими парижа́ками.
По-сво́ему
вся́кий
зубри́т азы́,
аж ци́фры по-сво́ему ся́тся им.
У ка́ждого тре́тьего —
свой язы́к
и со́бственная на́ция.
Одна́жды,
забро́сив в гости́ницу хлам,
забы́л,
где я ночу́ю.
Я
а́дрес
по-ру́сски
спроси́л у хохла́,
хохо́л отвеча́л:
— Нэ чу́ю [1]. —
Когда́ же перехо́дят
к нау́чной те́ме,

---

[1] Н э ч у́ ю (укр.) — не слы́шу.

им
рáмки рýсского
уз́ки;
с Тифли́сской
Казáнская акадéмия
перепи́сывается по-францу́зски.
И я
Пари́ж люблю́ сверх мер
(краси́вы бульвáры нóчью!).
Ну мáло ли что —
Бодлéр,
Малармé [1]
и э́дакое прóчее!
Но нам ли,
шагáвшим в огнé и водé
годáми
борьбóй прожжёнными,
расти́ть
на смéну себé
бульвардьé [2]
францу́зистыми пижóнами!
Испóльзуй,
кто был безъязы́к и гол,
свобóду совéтской влáсти.
Ищи́те свой кóрень
и свой глагóл,
во тьму филолóгии влáзьте [3].
Смотри́те на жизнь
без очкóв и шор [4],
глазáми жáдными цáпайте
всё то,
что у вáшей земли́ хорошó
и что хорошó на Зáпаде.

---

[1] Ш а р л ь Б о д л е́ р (1821—1867) и С т е ф а́ н М а л л а р м е́ (1842—1898) — францу́зские поэ́ты-символи́сты.

[2] Б у л ь в а р д ь е́ (франц.) — безде́льники, праздношата́ющиеся.

[3] «Во тьму филолóгии влáзьте» — изучáйте своеобрáзие своегó языкá и культу́ры. Ф и л о л о́ г и я — совокýпность нáучных знáний о языке́ и литерату́ре какóго-либо нарóда.

[4] То есть старáйтесь ви́деть жизнь во всей её полноте́, без искýсственных ограниче́ний, без предубежде́ния. Ш о́ р ы — наглáзники у лóшади, не позволя́ющие ей смотре́ть по сторонáм.

Но нéту мéста
злóбы мазкý,
не мáжьте крáсные дýши! [1]
Товáрищи ю́ноши,
взгляд — на Москвý,
на рýсский востри́те ýши!
Да будь я
и нéгром преклóнных годóв,
и то,
без уны́нья и лéни,
я рýсский бы вы́учил
тóлько за то,
что им
разговáривал Лéнин.
Когдá
Октя́брь орудúйных бурь
по ýлицам
крóвью лúлся,
я знáю,
в Москвé решáли судьбý
и Кúевов
и Тифли́сов.
Москвá
для нас
не держáвный аркáн,
ведýщий зéмли за нáми.
Москвá
не как рýсскому мне дорогá,
а как огневóе знáмя!
Три
рáзных истóка
во мне
речевы́х.
Я
не из кацáпов-разúнь.
Я —
дéдом казáк,
другúм —
сечевúк [2],

---

[1] «Не мáжьте крáсные дýши» — не пáчкайте, не пятнáйте чистотý вáших революцио́нных душ.

[2] С е ч е в и́ к — казáк Запорóжской Сéчи.

а по рожде́нью
грузи́н.
Три
ра́зных ка́пли
в себе́ совмеща́в,
беру́ я
пра́во вот э́то —
покры́ть
всесою́зных совмеща́н.
И ва́ших
и русопе́тов [1].

[1] Русопе́т — ру́сский, нетерпи́мо относя́щийся к лю́дям друго́й национа́льности.

Пое́здки по Сою́зу Маяко́вский счита́л о́чень ва́жной и ну́жной рабо́той и уделя́л им мно́го вре́мени и сил. То́лько за 1926—1930 го́ды он соверши́л два́дцать две таки́е пое́здки и вы́ступил с ле́кциями и чте́нием стихо́в в пяти́десяти двух города́х, перед аудито́рией о́бщей чи́сленностью о́коло трёхсо́т ты́сяч челове́к.

Усло́вия э́тих пое́здок бы́ли о́чень нелёгкими. П. И. Лаву́т, сопровожда́вший Маяко́вского во всех пое́здках, расска́зывает, что одна́жды он предложи́л Маяко́вскому отложи́ть пое́здку по во́лжским города́м до нача́ла навига́ции. Маяко́вский не согласи́лся:

«— Это ведь не прогу́лка, а рабо́та с засу́ченными рукава́ми.

Отгова́риваю его́: моро́зы, неудо́бства, лише́ния, ночны́е переса́дки...

Он неумоли́м.

В Ни́жнем [1] при тридцатигра́дусном моро́зе и ре́зком, ре́жущем ве́тре переезжа́ем на саня́х реку́. Маяко́вский ёжится, но крепи́тся».

Пое́здку, о кото́рой расска́зывает П. И. Лаву́т, Маяко́вский соверши́л в январе́ — феврале́ 1927 го́да. Впечатле́ния от неё легли́ в осно́ву стихотворе́ния ***„По города́м Сою́за“.***

Общая те́ма стихотворе́ния — многообра́зие и противоречи́вость о́блика ро́дины, в кото́ром но́вое причу́дливо переплета́ется со ста́рым. Оно́ состои́т как бы из отде́льных карти́н, отде́льных путевы́х зарисо́вок: переезд в Арзама́с в вагоне е́ле ползу́щего по́езда, в о́бществе «торго́вого мужчи́ны» и двух крестья́н, обсужда́ющих свои́ дела́, Пе́нза, Сама́ра, Каза́нский университе́т и т. д.

[1] Ни́жний Но́вгород — тепе́рь го́род Го́рький.

ПО ГОРОДАМ СОЮЗА

Росси́я — всё:
и комму́на,
и во́лки,
и да́вка столи́ц,
и пусты́рьная ширь,
стово́дная у́даль безу́держной Во́лги,
обдо́рская темь [1]
и сия́нье Каши́р [2].

Лёд за при́станью за бли́жней,
окова́ла Во́лга рот,
э́то кра́сный,
э́то Ни́жний,
э́то зи́мний Новгоро́д.
По пе́рвой реке́ в росси́йском сторе́чье
скользи́м...
цепене́ем...
зацапаны ве́тром...
А за во́лжским доисто́ричьем
кресты́ да тре́сты,
да ра́зные «це́нтро» [3].
Сумя́тица то́рга кипи́т и клоко́чет,
клочки́ разгово́ров
и ды́мные кло́чья,
а к но́чи
не бро́сится го́вор,
не скри́пнут поло́зья,
столе́тняя зе́лень зигза́гов Кремля́,
да под луно́й
разметавшей воло́сья,
замерза́ющая земля́.

[1] О б д о́ р с к а я т е м ь — здесь: глушь, глухома́нь (темь, тьма, темнота́). О б д о́ р с к и й к р а й — в то вре́мя малонаселённая террито́рия в низо́вьях реки́ Обь.

[2] К а ш и́ р а — го́род в Моско́вской о́бласти. Маяко́вский вспомина́ет Каши́рскую электроста́нцию, одну́ из пе́рвых электроста́нций, постро́енных по ле́нинскому пла́ну электрифика́ции Росси́и.

[3] Т р е́ с т ы — объедине́ние не́скольких промы́шленных предприя́тий, име́ющих о́бщее управле́ние. «Ц е́ н т р о» — сокращённое сло́во «центра́льный» в назва́ниях сове́тских учрежде́ний (наприме́р, «Центропеча́ть», «Центросою́з» и т. п.).

Огро́мная пло́щадь,
проре́зав вкривь её,
неслы́шную по́ступь дика́рских лап
сквозь се́верную Ски́фию [1]
я направля́ю
в ме́стный ВАПП [2].

За вёрсты,
за со́тни,
за ты́щи,
за ма́ссу
за э́то вре́мя зае́дешь, мчась,
а мы
ползли́ и ползли́ к Арзама́су
со ско́ростью вёрст четы́рнадцать в час.
Напро́тив
се́ли два мужчи́ны:
кра́сные бо́роды,
се́рые ро́жи.
Презри́тельно бу́ркнул торго́вый мужчи́на:
— Серёжи! —
Оди́н из Серёжей
поле́з в карма́н,
доста́л пироги́,
запахну́л оде́жду
и всю доро́гу жева́л корма́,
лени́вые фра́зы цедя́ проме́жду.
— Коне́шно...
и к Петрову́...
и в Покро́в... [3]
за то и за э́то пожа́лте про́цент... [4]
а то́лку нет...
не доро́га, а кровь...
с теле́гой тони́, как ведро́ в коло́дце...

[1] С к и́ ф и я — дре́вняя страна́, существова́вшая на ча́сти совре́менной террито́рии СССР; здесь: глухи́е, пусты́нные просто́ры.

[2] ВАПП — Всероссийская ассоциа́ция пролета́рских писа́телей.

[3] «И к Петрову́... и в Покро́в». — Крестья́не вели́ счёт вре́мени по церко́вным пра́здникам: П е т р о́ в д е н ь — 12 ию́ля, П о к р о́ в — 14 октября́.

[4] Пра́вильно: проце́нт.

На што мой конь — крепы́ш,
аж и он
слома́л по я́ме но́гу...
Раз ты́
прави́тельство,
ты и должо́н [1]
чини́ть на всех доро́гах мосты́. —
Тогда́
на него́
второ́й из Серёж
прищу́рил глаз, в морщи́ны опра́вленный.
— Нало́г-то руга́шь [2],
а пиро́г-то жрёшь... —
И пе́рвый Серёжа отве́тил:
— Пра́вильно!
Полу́чше двадца́того,
что толкова́ть,
не голода́ем,
еди́м пироги́.
Мука́, дай бог...
хороша́ такова́...
Но што насчёт лоша́жьей ноги́...
взыска́ли про́цент,
а мост не проло́жать [3]... —
Баю́чит [4] езда́ дребезжа́ньем зво́нким.
Сквозь дрёму
всё вре́мя
про мост и про ло́шадь
до ста́нции с назва́ньем «Зимёнки».
На ка́ждом до́ме
сове́тский ве́нзель [5]
зовёт,
сия́ет,
ре́жет глаза́.
А под вензеля́ми
в ста́ренькой Пе́нзе
стару́шьим шёпотом ды́шит база́р.

[1] Пра́вильно: до́лжен.
[2] Пра́вильно: руга́ешь.
[3] Пра́вильно: проло́жат.
[4] Баю́чит (просторе́ч.) — убаю́кивает.
[5] Сове́тский ве́нзель — здесь: сове́тский герб.

Перед нэпа́чкой [1] ба́ба седа́
отторго́вывает копе́ек три́дцать.
— Купи́те плато́чек!
У нас
завсегда́
зака́зывала
сама́ цари́ца... —

Моро́зным днём отмелька́ла Сама́ра,
за ней
начали́сь азиа́ты.
Верблю́дина
се́но
прово́зит, замара́н,
в упря́жку лоша́жью взя́тый.

Университе́т —
горделя́вость Каза́ни,
и сте́ны его́
и доны́не
хранят
любо́внейшее воспомина́ние
о вели́ком своём граждани́не [2].
Далёко
за го́ды
мысль катя́,
за ле́кции университе́та,
он ду́мал про би́твы
и кра́сный Октя́брь,
идя́ по ле́стнице э́той.
Смотрю́ в зати́хший и за́мерший зал [3]:
здесь
ка́ждые де́сять на́ сто

[1] Нэпача́ми и нэпа́чками называ́ли представи́телей но́вой буржуази́и, разбогате́вших в усло́виях нэ́па.
[2] Здесь Маяко́вский говори́т о В. И. Ле́нине, кото́рый в 1887 году́ учи́лся в Каза́нском университе́те.
[3] Маяко́вский выступа́л перед студе́нтами Каза́нского университе́та 21 января́ 1927 го́да, в тре́тью годовщи́ну со дня сме́рти В. И. Ле́нина, с чте́нием заключи́тельной ча́сти поэ́мы «Влади́мир Ильи́ч Ле́нин».

его́ пова́дкой щу́рят глаза́
и так же, как он,
скула́сты.
И сме́рти
косну́ться его́
не посме́ть,
стои́т
у грядущего в сме́те!
Внима́ют
ю́ноши
стро́фам про смерть,
а се́рдцем слы́шат:
бессме́ртье.

Вчера́шний день
убо́г и ни́змен,
старья́
премно́го оста́лось,
но се́рдце кла́сса
гори́т в коммуни́зме,
и кла́сса грудь
не разби́ть о ста́рость.

Одни́м из наибо́лее я́рких образцо́в полити́ческой ли́рики Маяко́вского, появи́вшихся на страни́цах сове́тских газе́т и журна́лов во второ́й полови́не 20-х годо́в, явля́ется наряду́ со стихотворе́нием «Това́рищу Не́тте— парохо́ду и челове́ку» стихотворе́ние ***„Лу́чший стих“.*** Оно́ свя́зано с мгнове́нно обоше́дшим все стра́ны ми́ра изве́стием о кру́пном вое́нно-полити́ческом собы́тии того́ вре́мени.

В 1927 году́ в Кита́е бушева́ла граждан́ская война́. В Се́верном и За́падном Кита́е хозя́йничали контрреволюцио́нные генера́лы. В го́роде Канто́не (Южный Кита́й) существова́ло опира́вшееся на блок рабо́чих, крестья́н, буржуа́зной интеллиге́нции и национа́льной буржуази́и левогоминда́новское прави́тельство, кото́рое в то вре́мя подде́рживали коммуни́сты. Нача́вшийся ещё в ию́ле 1926 го́да так называ́емый «Се́верный похо́д канто́нской национа́льно-революцио́нной а́рмии» заверши́лся взя́тием Шанха́я — крупне́йшего промы́шленного це́нтра и морско́го по́рта Кита́я. Освобожде́ние го́рода начало́сь изнутри́. 21 ма́рта 1927 го́да рабо́чие Шанха́я све́ргли власть контроли́ровавшего го́род реакцио́нного генера́ла Сунь Чуа́нь-фа́на, и 22 ма́рта в освобождённый Шанха́й вступи́ли войска́ канто́нцев.

Стихотворе́ние «Лу́чший стих» напи́сано 22 ма́рта 1927 го́да, на друго́й день по́сле ве́чера, кото́рый Маяко́вский проводи́л в Ярослáвле. В газе́тном отчёте об э́том ве́чере говори́тся: «... По́сле одного́ из переры́вов Влади́мир Маяко́вский сообщи́л радиогра́мму «Се́верного рабо́чего» (назва́ние ярослáвской газе́ты — *В. Д.*) о взя́тии Шанха́я, встре́ченную гро́мом аплодисме́нтов».

ЛУЧШИЙ СТИХ

Аудито́рия
сы́плет
вопро́сы колю́чие,
стара́ется озада́чить
в запи́сочном рве́нии [1].
— Това́рищ Маяко́вский,
прочти́те
лу́чшее
ва́ше
стихотворе́ние. —
Како́му
стиху́
отда́ть честь?
Ду́маю,
упершись в стол.
Мо́жет быть,
э́то им проче́сть,
а мо́жет,
проче́сть то?
Пока́
перетря́хиваю
стихотво́рную старь
и нем
ждёт
зал,
газе́ты
«Се́верный рабо́чий»
секрета́рь
ти́хо
мне
сказа́л...
И га́ркнул я,
сби́вшись
с поэти́ческого то́на,

[1] На вечера́х Маяко́вского слу́шатели всегда́ присыла́ли ему́ мно́жество запи́сок с са́мыми разнообра́зными вопро́сами. Часть запи́сок принадлежа́ла полити́ческим и литерату́рным проти́вникам поэ́та, кото́рые иногда́ наро́чно стара́лись озада́чить его́, поста́вить в затрудни́тельное положе́ние.

гро́мче
иерихо́нских хайл [1]:
— Това́рищи!
Рабо́чими
и войска́ми Канто́на
взят
Шанха́й! —
Как бу́дто
жесть
в ладо́нях мнут,
ова́ций си́ла
росла́ и росла́.
Пять,
де́сять,
пятна́дцать мину́т
рукоплеска́л Ярославль.
Каза́лось,
бу́ря
вёрсты кры́ла,
в отве́т
на все
чемберле́ньи но́ты [2]
кати́лась в Кита́й, —
и стальны́е ры́ла
отвора́чивали
от Шанха́я
дредно́уты [3].
Не приравня́ю
всю
поэти́ческую сля́коть,

[1] «Гро́мче иерихо́нских хайл» — о́чень гро́мко. Х а й л о́ (просторе́ч.) — гло́тка, го́рло. Прилага́тельное «иерихо́нский» восхо́дит к библе́йской леге́нде о том, как сте́ны дре́внего го́рода Иерихо́на в Палести́не па́ли от зву́ка труб и гро́мкого кри́ка врагов, осажда́вших го́род. В ру́сском языке́ употребля́ется выраже́ние «труба́ иерихо́нская» в смы́сле: о́чень гро́мкий го́лос.

[2] Име́ются в виду́ но́ты тогда́шнего мини́стра иностра́нных дел Англии Остина Чемберле́на, угрожа́вшего революцио́нным си́лам Кита́я вое́нным вмеша́тельством.

[3] Д р е д н о́ у т ы — устаре́вшее назва́ние кру́пных боевы́х корабле́й, вы́тесненное тепе́рь те́рмином «лине́йный кора́бль», «линко́р».

любу́ю
из лу́чших поэти́ческих слав,
не приравня́ю
к просто́му
газе́тному фа́кту,
е́сли
так
ему́
рукоплещет Ярослáвль.
О, есть ли
привя́занность
бо́льшей си́лищи,
чем солида́рность,
прессу́ющая
рабо́чий у́лей?!
Рукоплещи́, ярослáвец,
маслобо́й и тексти́льщик,
незна́емым
и родны́м
кита́йским ку́ли! [1]

[1] К у́ л и — так называ́ли ра́ньше в Кита́е низкоопла́чиваемых рабо́чих.

7 ию́ня 1927 го́да в Варша́ве (По́льша тогда́ ещё была́ буржуа́зной) белогварде́йцем, свя́занным с англи́йской контрразве́дкой, был уби́т полномо́чный представи́тель СССР в По́льше П. Л. Во́йков. С 10 по 17 ию́ля в СССР по всей стране́ была́ проведена́ «Неде́ля оборо́ны». В связи́ с подгото́вкой к э́той неде́ле Маяко́вский написа́л не́сколько оборо́нных стихотворе́ний. Одно́ из них называ́ется ***„Ну что ж!“***. Так же как и не́которые други́е («Да и́ли нет?», «Слу́шай, наво́дчик!»), оно́ бы́ло напеча́тано в «Комсомо́льской пра́вде».

НУ ЧТО ЖЕ!

Раскры́л я
с ти́хим шо́рохом
глаза́ страни́ц...
И потяну́ло
по́рохом
от всех грани́ц.
Не вновь,
кото́рым за́ двадцать [1],
в грозе́ расти́.
Нам не́ с чего
ра́доваться,
но не́чего
грусти́ть.
Бурна́ вода́ исто́рии.

[1] Ударе́ние за́ двадцать подска́зано ри́фмой ра́доваться.

Угро́зы
и войну́
мы взре́жем
на просто́ре,
как ре́жет
киль волну́.

Стихи́ Маяко́вского к «Неде́ле обороны» не случа́йно бы́ли почти́ все напеча́таны в «Комсомо́льской пра́вде». Маяко́вский сотру́дничал в о́чень мно́гих газе́тах и журна́лах, но в автобиогра́фии, в гла́вке «1927 год», он писа́л: «Основна́я рабо́та в «Комсомо́льской пра́вде».

«Комсомо́льская пра́вда», центра́льный о́рган ЦК ВЛКСМ, ста́ла издава́ться с ма́я 1925 го́да. Уже́ с весны́ 1926 го́да снача́ла и́зредка, а зате́м всё ча́ще на её страни́цах ста́ли появля́ться стихи́ Маяко́вского. За три го́да их бы́ло помещено́ о́коло 80. В «Комсомо́льской пра́вде» Маяко́вский сотру́дничал систематически как её постоя́нный корреспонде́нт. Он был в ку́рсе редакцио́нных пла́нов, чита́л приходи́вшие в реда́кцию пи́сьма чита́телей, люба́я ну́жная газе́те те́ма никогда́ не была́ для него́ неожи́данностью. Когда́ реда́ктор зака́зывал Маяко́вскому стихи́, свя́занные с каки́м-нибудь актуа́льным вопро́сом и́ли полити́ческим собы́тием, ча́сто ока́зывалось, что тако́е стихотворе́ние у Маяко́вского уже́ есть и́ли вчерне́ подгото́влено. В стиха́х Маяко́вского отража́лось реши́тельно всё, что могло́ интересова́ть и волнова́ть молодо́го чита́теля: и больши́е собы́тия междунаро́дной жи́зни, социалисти́ческая стро́йка, оборо́на ро́дины, и литерату́рные вопро́сы, и вопро́сы бы́та, культу́ры поведе́ния, организа́ции комсомо́льской жи́зни, воспита́ния молодо́й сме́ны.

Большо́е ме́сто в рабо́те Маяко́вского в «Комсомо́льской пра́вде» занима́ла сати́ра. Именно в «Комсомо́льской пра́вде» сложи́лся тот тип сатири́ческого стихотворе́ния Маяко́вского, кото́рый в кри́тике при́нято называ́ть стихотво́рным фельето́ном. Одни́м из таки́х фельето́нов явля́ется сатири́ческое стихотворе́ние ***„Общее руковóдство для начинáющих подхали́м“,*** напеча́танное в «Комсомо́льской пра́вде» в ию́не 1927 го́да.

ОБЩЕЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ПОДХАЛИМ[1]

В любо́м учрежде́нии
есть подхали́м.
Живу́т подхали́мы,
и непло́хо им.
Подча́с молодёжи,
на них гля́дя,
хо́чется
устро́иться —
как устро́ился дя́дя.
Но как
в дове́рие к нача́льству влезть?
Отве́тственного
не возьмёшь на ни́зкую лесть.
Наприме́р,
распа́хивать перед нача́льством
две́ри —
не́ к чему.
Нача́льство тебе́ не пове́рит,
не оценит
эне́ргии
изли́шнюю тра́ту —
поду́мает,
что э́то
ты —
по шта́ту[2].
Или вот ещё
спо́соб
о́чень гру́бый:
трубы́ть
нача́льству
в пионе́рские тру́бы.

---

[1] «Для... подхали́м» — роди́тельный паде́ж мно́жественного числа́. Именительный паде́ж еди́нственного числа́ — «подхали́ма» (сравни́: мужчи́на), а не «подхали́м», как говоря́т тепе́рь. Фо́рма «подхали́ма» вы́шла из употребле́ния. Маяко́вский, очеви́дно, по́льзовался на ра́вных права́х и той и друго́й (см. во второ́й строке́: «подхали́м» — именительный паде́ж).

[2] По шта́ту — здесь: по до́лгу слу́жбы.

Ещё рассе́рдится:
— Чего́, мол, ра́ди
ежесеку́ндные
пра́здники
у нас
в отря́де? —
На́до
льстить
уме́ло и то́нко.
Но отку́да
то́нкость
у подро́стка и ребёнка?!
И мы,
жела́нием помо́чь пали́мы[1],
выпуска́ем
«Руково́дство
для молодо́го подхали́мы».
Наприме́р,
нача́льство
де́лает докла́д —
выкла́дывает канцеля́рской прему́дрости
клад.
Стака́н
ко рту
поднесёт руко́й
и опя́ть
докла́дывает час-друго́й.
И вдруг
вопль посреди́не докла́да:
— Вре́мя
докла́дчику
ограни́чить на́до! —
Тогда́
ты,
сотряса́я зда́ние,
тре́буй:
— Сло́во
к поря́дку заседа́ния!

---

[1] «Жела́нием помо́чь пали́мы» — горя́ жела́нием помо́чь. Пали́мы — прича́стие от глаго́ла «пали́ть» (жечь).

Докла́д —
звезда́ средь мра́ка и те́мени.
Тре́бую
продолжа́ть
без ограниче́ния вре́мени! —
И будь уве́рен —
за слова́ за э́ти
нача́льство запо́мнит тебя́
и заме́тит.
Узна́в,
что у нача́льства
сочине́ния есть,
спеши́
печа́тный отчётишко проче́сть.
При встре́че
с нача́льством,
зака́тывая гла́зки,
скажи́ ему́
го́лосом,
по́лным ла́ски:
— Прочёл отчёт.
Не отчёт, а рома́н!
У вас
стихи́ бы
вы́шли задарма́!
Скажи́те,
не вы ли
а́втор «Антидю́ринга»? [1]
То́же
напи́сан
о́чень недю́рненько. —
Уве́рен будь —
за оце́нки за э́ти
и нача́льство
оце́нит тебя́ и заме́тит.
Уви́дишь:
нача́льство
е́дет пья́ненький
в казённой маши́не —
и в да́мской компа́нийке.

[1] «Анти-Дю́ринг» — кни́га Фри́дриха Энгельса (1820—1895).

Пиши́
в стенгазе́ту,
возмущённый насквозь:
«Эконо́мия эконо́мии рознь.
Таку́ю эконо́мию —
вы́смейте смешко́м!
На что́ э́то похо́же?!
Еле-е́ле
со слу́жбы
и на слу́жбу,
таска́ясь пешко́м,
начка́нц [1]
волочи́т свои́ портфе́ли».
И ты
преуспе́ешь на жи́зненной сце́не —
нача́льство
заме́тит тебя́
и оце́нит.
А е́сли
не хоти́те
быть подхали́мой,
са́ми
себе́
не зажима́йте рот:
уви́дев
безобра́зие,
не проходи́те ми́мо
и поступа́йте
не по стиху́,
а наоборо́т.

[1] Начка́нц — нача́льник канцеля́рии.

В ию́не 1927 го́да Маяко́вский присла́л из Кры́ма в «Комсомо́льскую пра́вду» стихотворе́ние ***„Крым“***. Это напи́санный с шутли́вым благоду́шием пейза́ж, заме́тки отдыха́ющего, кото́рый любу́ется глици́ниями, вдыха́ет за́пах магно́лий (глици́ния и магно́лия — ю́жные цвету́щие расте́ния), а на́ ночь («в сия́нье лу́нных чар»), как поло́жено в санато́рии, пьёт вме́сто привы́чного ча́я молоко́. Но и здесь Маяко́вский не забыва́ет отме́тить то, что принесла́ в Крым револю́ция: кры́мские дворцы́ царя́ и чле́нов ца́рской семьи́ (так называ́емых «вели́ких князе́й») превати́лись в санато́рии и дома́ о́тдыха для трудя́щихся.

КРЫМ

Хожу́,
гляжу́ в окно́ ли я —
цветы́
да не́бо си́нее,
то в нос тебе́
магно́лия,
то в глаз тебе́ глици́ния.

На молоко́
смени́л
чаи́
в сия́нье
лу́нных чар.
И днём
и но́чью
на Чайр[1]
вода́
бежи́т рыча́.

[1] Ч а й р — парк в Крыму́.

Под стра́шной
стра́жей
волн-борцо́в
глуби́ны вод гноя́т
повы́брошенных
из дворцо́в
трито́нов и ная́д[1].

А во дворца́х
друга́я жизнь:
насы́тясь
во́дной бла́жью,
иди́, рабо́чий,
и ложи́сь
в крова́ть
великокня́жью.

Пыла́ют го́ры-го́рны,
и мо́ре синеблу́зится.
Люде́й
ремо́нт уско́ренный
в огро́мной
кры́мской ку́знице.

[1] «Трито́нов и ная́д». — Здесь речь идёт о скульпту́рах Трито́на — морско́го бо́га с челове́ческим ту́ловищем и ры́бьим хвосто́м и Ная́ды — боги́ни вод (из гре́ческой мифоло́гии).

22 а́вгуста 1927 го́да Маяко́вский выступа́л в Лива́дии (бли́з Ялты) в санато́рии для крестья́н, размещённом во дворце́ бы́вшего царя́ Никола́я II. Вско́ре в газе́те «Рабо́чая Москва́» появи́лось стихотворе́ние *„Чудеса́!“*.

ЧУДЕСА!

Как дни́ще бо́чки,
пра́вильным ди́ском
стоя́ла
луна́
над дворцо́м Ливади́йским.
Взошла́ над землёй
и пошла́ залива́ть её
и льётся на мо́ре,
на мир,
на Лива́дию.
В царёвых дворца́х —
мужики́-санато́рники.
Луна́, как ду́ра,
почти́ в исступле́нии,
гляде́т
глаза́
блинаро́жия пло́ского
в афи́шу на сте́нах дворца́:
«Во вто́рник
выступле́ние
това́рища Маяко́вского».
Сам самоде́ржец
здесь же,
ря́дом,

гоня́л по за́лам
и по биллиа́рдам.
И вот,
где Рома́нов
ду́лся с маркёрами[1],
шары́
ложа́
под сви́тское ржа́ние[2],
чита́ю я
крестья́нам
о фо́рме
стихо́в
и о содержа́нии.
Звоно́к.
Луна́
отодви́нулась ту́склая,
и я,
в электри́честве,
стою́ на эстра́де.
Сидя́т предо мно́ю
рязанские,
ту́льские,
почёсывают бо́роды ру́сские,
еро́шат па́льцами
ру́сые пря́ди.
Их ли́ца ясны́,
ясне́е, чем блю́дце,
где на́до — хмуре́ют,
где на́до —
смею́тся.
Пусть тот,
кто Сове́там
не зна́ет це́ну,
со мно́ю ста́нет
от ра́дости пья́ным:

---

[1] М а р к ё р — челове́к кото́рый обслу́живает бильа́рдный зал, игра́ет с посети́телями, е́сли не хвата́ет партнёров.

[2] То есть игра́я в бильа́рд под подобостра́стный смех придво́рных, сви́ты. Л о ж а́ — деепричастие от «ложи́ть» (просторе́чие, соответствует литературному «класть»). С в и́ т с к о е — неологизм от сло́ва «сви́та».

где мо́жно
ещё
чита́ть во дворце́ —
что?
Стихи́!
Кому́?
Крестья́нам!
Таку́ю страну́
и сра́внивать не́ с чем, —
где ещё
мы́слимы
подо́бные ве́щи?!
И ду́маю я
обо всём,
как о чу́де.
Тако́е наста́ло,
а что ещё бу́дет!
Ви́жу:
выхо́дят
по́сле ле́кции
два мужика́
слоно́вьей компле́кции [1].
Усе́лись
вдвоём
под стекля́нный шар,
и пе́рвый
второ́му
заме́тил:
— Ми́шка,
о́ченно хор ша́ —
э́та
после́дняя
была́ рифми́шка. —

И до́лго ещё
гудя́т ливади́йцы
на жёлтых доро́жках,
у си́ней води́цы.

[1] К о м п л е́ к ц и я — телосложе́ние.

В январе́ 1928 го́да Маяко́вский был в Свердло́вске. Из воспомина́ний, напеча́танных впосле́дствии в ме́стной областно́й газе́те «Ура́льский рабо́чий», мы зна́ем, что как раз в дни пребыва́ния Маяко́вского в э́том го́роде на у́лице Ле́нина заселя́ли но́вый дом.

«Рабо́чие Верхне-Исе́тского заво́да, — писа́ла газе́та, — переезжа́ли из ма́леньких екатеринбу́ргских [1] хиба́рок в но́вые, просто́рные и све́тлые кварти́ры».

Там же, в Свердло́вске, 28 января́ 1928 го́да Маяко́вский написа́л стихотворе́ние ***„Расска́з лите́йщика Ива́на Ко́зырева о всели́нии в но́вую кварти́ру“.*** Оно́ бы́ло напеча́тано 18 февраля́ того́ же го́да в газе́те «Пра́вда».

В 1928 году́ жили́щное строи́тельство ещё то́лько начина́лось. Всели́ние рабо́чего в но́вую кварти́ру с ва́нной поэ́т впра́ве был оцени́ть как нача́ло большо́го, полити́чески значи́тельного де́ла. Но опи́сывать э́то (всё же жите́йское) собы́тие с па́фосом и́ли умиле́нием — зна́чило бы впасть в фальши́вый, не соответствующий содержа́нию тон. У Маяко́вского Ива́н Ко́зырев расска́зывает о ре́дкостном по тому́ вре́мени сча́стье, кото́рое ему́ вы́пало (но́вых кварти́р тогда́ бы́ло ещё ничто́жно ма́ло), в то́не ра́достного изумле́ния и одновреме́нно с добродушной усме́шкой. Рабо́чий челове́к, вы́росший до револю́ции, по-ви́димому не вполне́ гра́мотный, он говори́т «захва́тывает дых» вме́сто «захва́тывает дух» и́ли «захва́тывает дыха́ние»; «проме́жду» вме́сто «ме́жду», «влазь» и «вла́жу» вме́сто «влезай» и «влезаю». Возмо́жно, что Ко́зырев ни ра́зу в жи́зни не по́льзовался ва́нной, поэ́тому он по-де́тски удивлён и обра́дован. Но вме́сте с тем, челове́к немолодо́й, вероя́тно уважа́емый

[1] Е к а т е́ р и н б у́ р г — пре́жнее назва́ние го́рода Свердло́вска.

ма́стер, он немно́го стесня́ется свое́й ра́дости и как бы снисходи́тельно усмеха́ется сам себе́. Надева́я чи́стую руба́ху, он заду́мывается о том, как измени́лась его́ жизнь, и в его́ душе́ родя́тся серьёзные и ве́ские слова́ о родно́й сове́тской вла́сти. В э́том сочета́нии серьёзности с усме́шкой в слова́х Ко́зырева мы слы́шим го́лос самого́ Маяко́вского.

РАССКАЗ ЛИТЕЙЩИКА ИВАНА КОЗЫРЕВА О ВСЕЛЕНИИ В НОВУЮ КВАРТИРУ

Я пролета́рий.
Объясня́ться ли́шне.
Жил,
как мать произвела́, роди́в.
И вот мне
кварти́ру
даёт жили́щный,
мой,
рабо́чий,
кооперати́в.
Во — ширина́!
Высота́ — во́!
Прове́трена,
освещена́
и согре́та.
Всё хорошо́
Но бо́льше всего́
мне
понра́вилось —
э́то:
э́то
боле́е лу́нного све́та,
удо́бней,
чем земля́ обетова́нная,

э́то —
да что говори́ть об э́том,
э́то —
ва́нная.
Вода́ в кра́не —
холо́дная кра́йне.
Кран
друго́й
не тро́нешь руко́й.
Мо́жешь
холо́дной
мыть хохо́л,
горя́чей —
пот пор.
На кра́не
одно́м
напи́сано:
«Хол.»,
на кра́не друго́м —
«Гор.».
Придёшь уста́лый,
ве́шаться хо́чется.
Ни щи не ра́дуют,
ни ча́я клокота́нье.
А ча́йкой попле́щешься —
и мёртвый расхохо́чется
от э́того
пле́щущего щекота́ния.
Как бу́дто
пришёл
к социали́зму в го́сти,
от удово́льствия —
захва́тывает дых.
Брю́ки на крюк,
блу́зу на гво́здик,
мы́ло в ру́ку
и . .
бултых!
Ся́дешь
и мо́ешься
до́лго, до́лго.

Сло́вом,
сиди́шь,
пока́ охо́та.
Про́сто
в ко́мнате
ле́то и Во́лга —
то́лько что не́ту
рыб и парохо́дов.
Хоть грязь
на тебе́
десятиле́тнего ста́жа,
с тебя́,
коро́ю с де́рева,
чуть не лы́ком,
схо́дит са́жа,
смыва́ется, сте́рва.
И уж распа́ришься,
разжа́ришься уж!
Тут —
верта́й ру́чки:
и ка́плет
прохла́дный
до́ждик-душ
из ды́рчатой
желе́зной ту́чки.
Ну ж и ла́сковость в э́том ду́ше!
Тебя́
никако́й
не возьмёт упа́док;
погла́дит во́лосы,
потре́плет у́ши
и течёт
по жёлобу
проме́жду лопа́ток.
Во́ду
стира́ешь
с мо́крого те́льца
полоте́нцем,
как зверь, мохна́тым.
Что́бы су́ше пя́ткам —
пол
сте́лется,

извиня́юсь за выраже́ние,
про́бковым ма́том.
Себя́ разгляде́вши
в зе́ркало впра́вленное,
в руба́ху
в чи́стую —
влазь.
Вла́жу и ду́маю:
— Очень пра́вильная
э́та
на́ша
сове́тская власть.

Стихотворе́ние ***„Каза́нь“*** свя́зано с той же пое́здкой по города́м Каза́нь, Свердло́вск, Пермь, Ки́ров, что и стихотворе́ние «Расска́з литей́щика...». По-ви́димому, оно́ бы́ло на́чато во вре́мя пребыва́ния в Каза́ни, но зако́нчено позднее́, в Москве́.

Отправля́ясь от ча́стного жи́зненного фа́кта, Маяко́вский суме́л дать обобща́ющую, по́лную глубоко́ значи́тельного смы́сла карти́ну и с поэти́ческой убеди́тельностью сказа́ть об одно́й из важне́йших осо́бенностей сове́тской жи́зни — дру́жбе и взаимоде́йствии культу́р наро́дностей Сове́тского Сою́за.

Маяко́вского уже́ зна́ли в Каза́ни — он уже́ выступа́л в э́том го́роде (см. стихотворе́ние «По города́м Сою́за»). Тепе́рь, по́сле о́чень уда́чного ве́чера в перепо́лненном помеще́нии Оперного теа́тра, он верну́лся к себе́ в но́мер гости́ницы «Каза́нское подво́рье». Вот что расска́зывает об э́том П. И. Лаву́т: «В но́мер стари́нного «Каза́нского подво́рья» начало́сь настоя́щее пало́мничество. Журнали́стов и студе́нтов смени́ли ме́стные и прие́зжие поэ́ты. Совсе́м молодо́й па́рень засте́нчиво вошёл и по́сле до́лгих, ро́бких предисло́вий прочёл «Ле́вый марш» по-чува́шски. У Маяко́вского в рука́х — чья́-то тетра́дь стихо́в. Сно́ва раздаётся «Ле́вый марш» — на э́тот раз по-тата́рски. Маяко́вский одина́ково приве́тлив со все́ми, выслу́шивает всех, всем отвеча́ет. В тре́тий раз «Ле́вый марш» — уже́ по-мари́йски. А круго́м всё вре́мя но́вые и но́вые лю́ди, все хотя́т ви́деть Маяко́вского, все хотя́т узна́ть его́ мне́ние о свои́х стиха́х, о литерату́ре, о бы́те, о газе́тной рабо́те...»

Стихотворе́ние «Каза́нь» напи́сано под впечатле́нием э́того ве́чера. Ростки́ но́вой культу́ры, с кото́рой Маяко́вский так бли́зко соприкосну́лся, созна́тельно пока́заны им на фо́не ста́рой, вне́шне почти́ не измени́вшейся с дорево-

люцио́нных времён Каза́ни. Ка́жется, что да́же буру́н (Маяко́вский име́ет в виду́ ве́тер, сне́жную вью́гу) лишь повторя́ет знако́мый дореволюцио́нным москвича́м крик расха́живавших по Москве́ каза́нских тата́р-старьёвщиков: «шуру́м-буру́м» («старьё берём»). Строфа́, обрамля́ющая стихотворе́ние, звучи́т мя́гкой насме́шкой над сами́м собо́й и над все́ми, для кого́ э́тим во́згласом ограни́чиваются све́дения о вы́ходцах из Каза́ни. А в э́той на пе́рвый взгляд всё тако́й же ста́рой и покриви́вшейся Каза́ни на са́мом де́ле уже́ растёт но́вая культу́ра.

КАЗАНЬ

Стара́,
коса́
стои́т
Каза́нь.
Шуми́т
буру́н:
«Шуру́м...
буру́м...»
По-родно́му
тарато́ря,
сне́гом
лу́жи
намара́в,
у подво́рья
в коридо́ре
лю́ди
смо́трят номера́.
Ка́шляя
в рукава́,
вхо́дит
робкова́т,
глаза́ тара́щит.
Приве́тствую това́рища.

Я
в языка́х
не о́чень ната́скан —
что норве́жским,
что шве́дским мажь[1].
Вхо́дит тата́рин:
«Я
на тата́рском
вам
прочита́ю
«Ле́вый марш».
Вхо́дит второ́й.
Косо́й в скуле́.
И говори́т,
в карма́нах порыскав:
«Я —
мари́ец.
Твой —
«Ле́вый»
дай
тебе́
прочту́ по-мари́йски».
Эти вы́шли.
Ше́дших э́тих
в ни́зкой две́ри
встре́тил тре́тий.
«Марш
ваш —
наш марш.
Я —
чува́ш,
послу́шай,
ува́жь.
Марш
ва́шинский
так по-чува́шски...»
Как бу́дто
го́ды
взял за чу́б я —
— Ста́ньте
и не пыли́те-ка! —

[1] М а ж ь — здесь: болта́й, говори́.

руко́ю
свое́ю со́бственной
щу́паю
бесте́лое сло́во
«поли́тика».
Наро́ды,
жи́вшие въя́мясь в нужду́[1],
притёршись
Ура́лу ко льду́,
ворва́лись в дверь,
идя́
на штурм,
на ка́мень,
на кре́пость культу́р.
Крива́,
коса́
стои́т
Каза́нь.
Шуми́т
буру́н:
«Шуру́м...
буру́м...»

[1] «Жи́вшие въя́мясь в нужду́» — жи́вшие в большо́й нужде́, кто не мог вы́браться из нужды́. В ъ я́ м я с ь — неологи́зм от сло́ва «я́ма».

Весно́й 1928 го́да в связи́ с подгото́вкой к наме́ченному на май VIII съе́зду ВЛКСМ «Комсомо́льская пра́вда» уделя́ла о́чень мно́го внима́ния вопро́сам организа́ции комсомо́льской рабо́ты. На э́ту те́му печа́тались статьи́, корреспонде́нции, пи́сьма в реда́кцию, отчёты о комсомо́льских собра́ниях. В ча́стности, о́чень боле́зненным был тогда́ вопро́с о «мёртвых ду́шах» в комсомо́ле, то есть о комсомо́льцах, кото́рые то́лько чи́слятся комсомо́льцами. В пи́сьмах с мест и на комсомо́льских собра́ниях ука́зывалось, что «мёртвыми ду́шами» иногда́ стано́вятся и неплохи́е комсомо́льцы и что в таки́х слу́чаях вино́вниками явля́ются плохи́е руководи́тели пе́рвичных комсомо́льских организа́ций (и́ли, как тогда́ говори́ли, ячёек), кото́рые распределя́ют поруче́ния («нагру́зки») форма́льно, не счита́ясь со скло́нностями и спосо́бностями рядовы́х комсомо́льцев.

Маяко́вский то́же при́нял уча́стие в обсужде́нии э́того волнова́вшего мно́гих вопро́са. 1 апре́ля 1928 го́да в «Комсомо́льской пра́вде» под «ша́пкой» — заголо́вком — «Накану́не VIII съе́зда ВЛКСМ» появи́лось сатири́ческое стихотворе́ние Маяко́вского ***„Фа́брика мёртвых душ“,*** вы́звавшее нема́ло чита́тельских о́тликов.

Фра́за «И наро́д, как верблюды́, разбежа́лся кто куды́» со смешно́й переста́новкой ударе́ния явля́ется не́сколько изменённой стро́чкой из популя́рной в те го́ды шу́точной часту́шки (ай да ми́лка — семь пудо́в не бои́тся верблюдо́в, от неё все верблюды́ разбежа́лись кто куды́). Переде́лка и испо́льзование в стиха́х у́личных пе́сенок, часту́шек, остро́т, посло́виц — оди́н из люби́мых поэти́ческих приёмов Маяко́вского.

ФАБРИКА МЕРТВЫХ ДУШ

Тов. Бу́хов. Рабо́тал по погру́зке у́гля. Да́ли распространя́ть вое́нную литерату́ру, — не понра́вилось. Бро́сил.

Тов. Дро́фман. Был сбо́рщиком чле́нских взно́сов. Перешёл рабо́тать на паровоз — рабо́ту не мог выполня́ть. Рабо́тал бы сейча́с по ра́дио.

Тов. Юхо́вич. Удовлетворя́юсь тем, что купи́л гита́ру и игра́ю до́ма.

Из рече́й комсомо́льцев на проведённых собра́ниях «мёртвых душ» тра́нспортной и до́менной ячёек. Днепропетро́вск.

Де́ло ва́жное творя́,
бле́щет
ум секретаря́.
«Ко мне,
това́рищи-друзья́!
Пошлю́,
рабо́той нагрузя́.
Ва́нька здесь,
а Ма́нька —
там!
Вся ячёйка по места́м».
Чи́сто,
ти́хо,
ско́ро,
ми́ло...
Аж нагру́зок не хвати́ло!!!
От удово́льствия горя́,
блестя́т
глаза́
секретаря́.
В бюро́
провёл
докла́дов ряд.

Райко́м
надул при слу́чае.
«Моя́
ячейка —
лу́чшая».
Райко́м с бюро́
и горд
и рад —
одно́ благополу́чие!
Ива́н Петро́в
уша́ми хвор,
мыча́нье
пу́тал с му́зыкой,
а на него́
фабри́чный хор
навыючили нагру́зкой.
По се́рдцу
Ма́ше
«друг дете́й» [1],
ей —
де́тям
петь о гусельках,
а по нагру́зке
вы́шло
ей —
боро́ться
про́тив су́сликов.
Попо́в —
сила́ч.
Испу́стит чих —
держу́сь на ме́сте е́ле я.
(Ведёт
нагру́зку
у ткачи́х
по ча́сти рукоде́лия.)
Ося Фиш —
глиста́ нару́жно,
то́щи
му́скулов нача́тки.

[1] «Друг детей» — назва́ние всесою́зного добровóльного общества, существова́вшего в 20-х года́х.

Что
на то́щего
нагру́жено?
Он —
инстру́ктор спортплоща́дки.
Гру́за
мно́го
на верблю́де
по пусты́ням
во́зят лю́ди.
И, живо́тное блюдя́ [1],
зря
не му́чат верблюдья́ [2].
Не заста́вите
верблю́да
подава́ть
в нарпи́те [3]
блю́да.
Что во вред
горба́м верблю́дьим,
то
и мы
таска́ть не бу́дем.
И наро́д,
как верблюды́,
разбежа́лся
кто куды́.
Заплати́вши
чле́нский взнос,
не пока́зывают
нос.
Где же
«мёртвые ду́ши»
окола́чивают гру́ши?
Колбаси́на ча́йная,
во́дка
и а́рии.

[1] Блюдя́ — дееприча́стие от «блюсти́»: соблюда́ть, бере́чь.

[2] Верблюдья́ — роди́тельный паде́ж от собира́тельного существи́тельного «верблюдьё» (неологи́зм).

[3] Нарпи́т — сокращённое назва́ние тре́ста, объединя́вшего предприя́тия наро́дного пита́ния. Здесь: столо́вая.

Па́рень
отча́янно
игра́ет на гита́ре.
От во́дки
льёт
четы́ре по́та,
а пе́нье
ка́тится само́:
«Про-о-ща́-а-й,
акти́вная рабо́та,
про-ща́-ай,
люби́мый комсомо́-о-л!»

5 апре́ля в «Комсомо́льской пра́вде» появи́лось второ́е стихотворе́ние Маяко́вского, свя́занное с подгото́вкой к VIII съе́зду ВЛКСМ, — ***„Нагру́зка по маку́шку“.*** Высме́ивая в э́том стихотворе́нии тип форма́льно акти́вного, а по су́ти бестолко́вого секретаря́ первичной комсомо́льской организа́ции и сатири́чески заостря́я э́тот о́браз, Маяко́вский заставля́ет своего́ Пе́тю Куку́шкина говори́ть «кла́ссово вы́держанную» чепуху́ о ша́хматах, интере́с к кото́рым был в то вре́мя исключи́тельно обострён в связи́ с состоя́вшимся незадо́лго до э́того ма́тчем ме́жду Капабла́нкой и Алёхиным. Хосе́ Ра́уль Капабла́нка (1888—1942) — изве́стный куби́нский шахмати́ст, с 1921 го́да был чемпио́ном ми́ра. Алекса́ндр Алекса́ндрович Алёхин (1892—1946) — ру́сский шахмати́ст, сильне́йший в ми́ре за всю исто́рию ша́хматных соревнова́ний. Вы́играв матч с Капабла́нкой, Алёхин завоева́л в 1927 году́ зва́ние чемпио́на ми́ра по ша́хматам.

Пётр Куку́шкин счита́ет себя́ о́чень организо́ванным и деловы́м, он «расписа́л себя́ на го́д, хоть вводи́ в рабо́ту НОТ». В 1923 году́ была́ организо́вана Всесою́зная ли́га (то есть о́бщество), под назва́нием «Вре́мя», ста́вившая це́лью борьбу́ за проду́манно целесообра́зное испо́льзование вре́мени и пропага́нду нове́йших ме́тодов нау́чной организа́ции труда́ (сокращённо «НОТ»). Во главе́ э́той ли́ги (с 1924 го́да она́ называ́лась «Ли́га НОТ») стоя́л ста́рый коммуни́ст и сове́тский госуда́рственный де́ятель, бы́вший дире́ктор Ро́ста, П. М. Ке́рженцев (1881—1940). Упомя́нутый ря́дом с ним А. К. Га́стев (1882—1941), изве́стный в своё вре́мя поэ́т и обще́ственный де́ятель, в 1928 году́ был дире́ктором Институ́та труда́.

НАГРУЗКА ПО МАКУШКУ

Комсомо́лец
Пётр Куку́шкин
прёт
в рабо́те
на рожо́н [1], —
он от пя́ток
до маку́шки
в сто нагру́зок нагружён.
Пообе́дав,
бо́дрой ры́сью
Пе́тя
мчит
на культкоми́ссью.
По́сле
Пе́тю ви́дели
у радиолюби́телей.
Не прошёл
ми́мо
и Осоавиахи́ма [2].
С хи́мии
в оди́н прыжо́к
пры́гнул
в ша́хматный кружо́к.
Игра́ть с Куку́шкиным
нельзя́:
он
пу́тал
пе́шку и ферзя́. —
(Малю́сенький зато́р!)
Но... Пе́тя
знал,
врагов разя́,
тео́рию зато́.

[1] Выраже́ние «лезть на рожо́н» и́ли «пере́ть на рожо́н» означа́ет: добива́ться своего́, ни с чем не счита́ясь, де́йствовать неосмотри́тельно, риско́ванно. Рожо́н (устар.) — заострённый торча́щий кол

[2] Осоавиахи́м — Общество содействия оборо́не, авиацио́нному и хими́ческому строи́тельству.

Этот Пе́тя
мо́жет
вскачь
критикну́ть
всеми́рный матч.
— Я счита́ю:
о́ба пло́хи —
Капабла́нка и Алёхин,
о́ба-два,
в игре́ юля́,
охраня́ли короля́.
Ви́ден
в хо́де
в э́том вот
немаркси́стский подхо́д.
Я
и ча́са не поме́шкаю —
монархи́змы
е́шьте пе́шкою! —
Заседа́ния
и ре́чи,
хо́дит у́тро,
хо́дит ве́чер,
от трудо́в
едва́ дыша́,
и торча́т
в карма́не фре́нча [1]
три́дцать три карандаша́.
Просиде́л
собра́ний две́сти.
Дни летя́т,
неде́ли та́ют...
Аж мозо́ль
натёр
на ме́сте,
на кото́ром заседа́ют.
Мозг мути́тся,
пу́хнет па́рень,

[1] Френч — мужска́я оде́жда полувое́нного покро́я (вро́де ки́теля, но с нару́жными нашивны́ми карма́нами).

те́ло
мéньше головы́,
беготнёй своéй упáрен,
сам
себя́
считáет пáрень —
разужáсно деловы́м.
Расписáл
себя́
на гóд,
хоть вводи́
в рабóту НОТ!
Гдé вы, Гáстев с Кéрженцевым?!
С большинствóм —
проголоснёт,
С большинствóм —
воздéржится.
Год прошёл.
Отчёт недóлог.
Обрати́лись к Пéте:
— Где ж
рабóты
смысл и толк
от нагрýзок э́тих? —
Глаз
в презрéнье
щýрит Петь,
всех
оки́нул
глáзомýзким:
— Где ж
рабóтать мне поспéть
при такóй нагрýзке?

5 мáя 1928 гóда на торжéственном откры́тии VIII съéзда ВЛКСМ Центрáльному Комитéту ВЛКСМ был вручён óрден Боевóго Крáсного Знáмени. На слéдующий день, 6 мáя, в «Комсомóльской прáвде» на пéрвой полосé, посвящённой откры́тию съéзда, бы́ло напечáтано стихотворéние ***„Добýдь второ́й!“***.

ДОБУДЬ ВТОРОЙ!

Рабóчая
ро́дина ро́дин —
трудóм
непокóрным
гуди́!
Мы здесь,
мы на стрáже,
и óрден
привúнчен
к мильóнной груди́.
Стой,
миллиóнный,
незы́блемый мол [1] —
краснознамённый
грани́т-комсомóл.
От пéрвых боёв
до послéдних
мы шли
без хлебóв и без снов —

[1] М о л — сооружéние у вхóда в порт для защи́ты судóв от морски́х волн. Здесь: защи́та от врагóв.

сою́з
восемнадцатиле́тних
рабо́че-крестья́нских сыно́в.
В бой, мильо́ны!
Бе́лых —
в помо́л! [1]
Краснознамённый,
горди́сь, комсомо́л!
Дово́льство —
нева́жное зре́лище.
Комсомо́льский хара́ктер
крут.
Комсомо́лец —
э́то застре́льщик
в борьбе́
за чи́стку и труд.
Чтоб ве́ник
мильо́нный
ста́рое смёл —
краснознамённый,
мети́, комсомо́л!
Кра́сным
отча́янным чёртом
и в бу́дущих
би́твах
крой!
Зажги́сь
рабо́чим почётом!
На зна́мя —
о́рден второ́й!
С ма́ссой
мильо́нной
се́рдце само́ —
краснознамённый,
вперёд, комсомо́л!

[1] В помо́л — перемоло́ть, истоло́чь в порошо́к, уничто́жить.

Вопро́с о том, каки́м до́лжен быть комсомо́лец, продолжа́л обсужда́ться и по́сле VIII съе́зда ВЛКСМ. 19 ию́ня 1928 го́да в «Комсомо́льской пра́вде» была́ напеча́тана больша́я подбо́рка корреспонде́нций и чита́тельских пи́сем под сле́дующим заголо́вком-те́зисом:

«Да́йте о́тпуск от револю́ции!» — э́того тре́бует сего́дня узколо́бый деля́га, «прикладно́й» челове́к. Коммунисти́ческая иде́я для него́ не зна́мя, не цель жи́зни, а вы́игрышная облига́ция, принося́щая проце́нты ка́ждое 1-е и 15-е число́... Всей си́лой большеви́стского огня́ обру́шимся мы на таки́х служби́стов с партбиле́том в кармане».

В стихотворе́нии *„Служа́ка“*, напеча́танном среди́ други́х материа́лов э́той подбо́рки, Маяко́вский с трево́гой и гне́вом пи́шет о появи́вшемся в те го́ды ти́пе комсомо́льца, утра́тившего революцио́нный энтузиа́зм и полити́ческую перспекти́ву и превраща́ющегося в служби́ста-чино́вника. Форма́льно никако́й ревизо́р из МКК (то есть Моско́вской контро́льной коми́ссии — так называ́лся в те го́ды о́рган парти́йного контро́ля в Коммунисти́ческой па́ртии) «не подто́чит па́рню но́са» — то есть не смо́жет ни к чему́ придра́ться, так как вне́шне он исполни́телен и у него́ «всё в поря́дке» (таково́ значе́ние употребля́емого в разгово́рном языке́ и переина́ченного здесь Маяко́вским выраже́ния «кома́р но́са не подто́чит»). Комсомо́лец-служа́ка исполня́ет всё, что от него́ тре́буют вышестоя́щие инста́нции. Он да́же зубри́т обще́ственные нау́ки, но су́щность вели́кого уче́ния коммуни́зма, тре́бующего инициати́вного и отве́тственного отноше́ния к жи́зни, остаётся ему́ чу́ждой. Усло́вия нэ́па, когда́ ещё существу́ет ча́стная торго́вля, когда́ буржуа́зные элеме́нты все́ми спо́собами стара́ются разложи́ть

наш аппара́т, его́ о́чень устра́ивают — ле́гче и удо́бней себя́ обеспе́чить. Поэ́тому нэп для него́ и есть «са́мый рассоциали́зм» и боро́ться за бу́дущее ему́ не́зачем. Портре́т Ма́ркса он ве́шает у себя́ то́лько для ви́ду («на сте́нке декора́цией Ка́рлы-ма́рлы борода́»), о марксизме он не ду́мает. Таки́е лю́ди прино́сят огро́мный вред де́лу коммуни́зма свои́м равноду́шием и безынициати́вностью. Маяко́вский с ни́ми беспоща́дно бо́рется, так как для него́ «быть коммуни́стом — зна́чит дерза́ть, ду́мать, хоте́ть, сметь».

СЛУЖАКА

Появи́лись
молоды́е
превоспи́танные лю́ди —
Мо́пров [1]
зна́ки золоты́е
им
увенчивают гру́ди.
Парт-кома́р
из МКК
не подто́чит
па́рню
но́са:
к сро́ку
впи́сана
строка́
проф-
и парт-
и про́чих взно́сов.
Че́стен он,
как че́стен вол.
В ме́сто
в со́бственное
вро́сся

[1] М О П Р — Междунаро́дное о́бщество по́мощи революционе́рам.

и не ви́дит
ничего́
да́льше
со́бственного но́са.
Коммуни́зм
по кни́ге сдав,
перевы́зубривши «и́змы»,
он
поко́нчил навсегда́
с мы́слями
о коммуни́зме.
Что загля́дывать дале́че?!
Циркуля́р [1]
сиди́
и жди.
— Нам, мол,
с ва́ми
ду́мать не́ча,
е́сли
ду́мают вожди́. —
Ме́лких де́льцев
па́ру шор [2]
он
наде́л
на гла́за о́ба,
чтоб служи́лось
хорошо́,
безмяте́жно,
узколо́бо.
День — эта́п
растра́т и ле́сти,
день,
когда́
просто́р подли́зам, —
э́то
для него́
и есть
са́мый
рассоциали́зм.

[1] Ц и р к у л я́ р — прика́з, распоряже́ние.
[2] См. сно́ску 4 на стр. 213.

До комму́ны
перего́н
не покры́ть
на э́той кля́че,
как наро́чно,
со́здан
он
для чино́вничьих деля́честв.
Бле́щут
зна́ки золоты́е,
го́рдо
вы́пячены
гру́ди,
хо́дят
ти́хо
молоды́е
приспосо́бленные лю́ди.
О коря́ги
якоря́тся [1]
там,
где ти́хая вода́...
А на сте́нке
декора́цией
Ка́рлы-ма́рлы борода́.

Мы томи́мся неизве́стностью,
что нам де́лать
с и́хней че́стностью?

Комсомо́лец,
живя́
в твои́ лета́,
октя́брьским
озо́ном
дыша́,
по́мни,
что ка́ждый день —
эта́п,
к це́ли
наме́ченной
шаг.
Не на́ши —
кото́рые
вре́мени в зад
упёрли
лбов
медь;
быть коммуни́стом —
зна́чит держа́ть,
ду́мать,
хоте́ть,
сметь.
У нас
ещё
не Эде́м [1] и рай —
меща́нская
ти́на с цве́лью [2].
Рабо́тая,
ме́лочи соразмеря́й
с огро́мной
поста́вленной це́лью.

---

[1] Я к о р я́ т с я — неологи́зм от сло́ва «я́корь»: зацепля́ются, броса́ют я́корь в ти́хом ме́сте.

[1] То есть у нас не всё ещё хорошо́. Э д е́ м (по библе́йской легенде) — прекра́сный сад, в кото́ром бу́дто бы жи́ли пе́рвые лю́ди Ада́м и Ева.

[2] Ц в е л ь — пле́сень.

До 1943 го́да ВЛКСМ входи́л в соста́в Коммунисти́ческого Интернациона́ла Молодёжи (сокращённо КИМ) — междунаро́дной организа́ции, рабо́тавшей под идеологи́ческим и организацио́нным руково́дством Коминте́рна. Междунаро́дный ю́ношеский день (МЮД) — пра́здник прогресси́вной молодёжи (был устано́влен в 1915 году́ Бе́рнской конфере́нцией социалисти́ческой молодёжи с це́лью мобилиза́ции сил для борьбы́ про́тив империалисти́ческой войны́) отмеча́лся ежего́дно.

В 20-х года́х МЮД факти́чески стал пра́здником молодёжи, входя́щей в КИМ, и широко́ отмеча́лся в СССР. С 1945 го́да, когда́ была́ создана́ Всеми́рная федера́ция демократи́ческой молодёжи, пра́зднуется Всеми́рный день молодёжи.

2 сентября́ 1928 го́да в однодне́вной газе́те «Иду́т легио́ны», вы́пущенной Моско́вским комите́том ВЛКСМ к XIV МЮДу, бы́ло напеча́тано стихотворе́ние Маяко́вского «Пе́сня бо́дрости» (позднее́ Маяко́вский дал ему́ друго́е загла́вие: ***„Секре́т мо́лодости“).***

СЕКРЕТ МОЛОДОСТИ

Нет,
не те «молодёжь»,
кто, забы́вшись
в лужа́йку да в ло́дку,
начина́ет
под визг и галдёж
прополаскивать
во́дкой гло́тку.

Нет,
не те «молодёжь»,
кто весно́й
ноча́ми хоро́шими,
раскривля́вшись
мо́дой одёж,
подмета́ют
бульва́ры клёшами.

Нет,
не те «молодёжь»,
кто восхо́да
жи́зни за́рево,
услыха́в в крови́
зудёж,
на рома́ны
разбаза́ривает.

Ра́зве
э́то мо́лодость?
Нет!
Ма́ло
быть
восемна́дцати лет.

Молоды́е —
э́то те,
кто бойцо́вым
ряда́м пореде́лым
ска́жет
и́менем
всех дете́й:
«Мы
земну́ю жизнь переде́лаем!»

Молодёжь —
э́то и́мя —
дар
тем,
кто влит в боево́й КИМ,
тем,
кто бьётся,
чтоб дни труда́
бы́ли ра́достны
и легки́!

1 октября́ 1928 го́да сове́тский наро́д приступи́л к выполне́нию пе́рвого пятиле́тнего пла́на разви́тия наро́дного хозя́йства СССР. Под руково́дством Коммунисти́ческой па́ртии рабо́чий класс и трудово́е крестья́нство на́чали гига́нтскую рабо́ту по переустро́йству страны́ на социалисти́ческих нача́лах.

Маяко́вский, как и весь сове́тский наро́д, ви́дел в строи́тельстве социали́зма воплоще́ние в жизнь заве́тов В. И. Ле́нина. Поэ́тому геро́ика пе́рвой пятиле́тки неразры́вно свя́зывалась в его́ се́рдце с о́бразом Влади́мира Ильича́.

20 января́ 1929 го́да, то есть в кану́н пя́той годовщи́ны со дня сме́рти Влади́мира Ильича́, в «Комсомо́льской пра́вде» бы́ло напеча́тано стихотворе́ние Маяко́вского ***„Разгово́р с това́рищем Ле́ниным“***. Фотогра́фия Ле́нина, о кото́рой говори́тся в стихотворе́нии, всегда́ виселá в ко́мнате поэ́та. Её и сейча́с мо́жно ви́деть в музе́е Маяко́вского в Москве́.

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Гру́дой дел,
суматóхой явле́ний
день отошёл,
постепе́нно стемне́в.
Дво́е в ко́мнате.
Я
и Ле́нин —
фотогра́фией
на бе́лой стене́.

Рот откры́т
в напряжённой ре́чи,
усóв
щети́нка
вздёрнулась ввысь,
в скла́дках лба
зажа́та
челове́чья,
в огро́мный лоб
огро́мная мысль.
Должно́ быть,
под ним
прохо́дят ты́сячи...
Лес фла́гов...
рук трава́...
Я встал со сту́ла,
ра́достью вы́свечен[1],—
хо́чется
идти́,
приве́тствовать,
рапортова́ть!
«Това́рищ Ле́нин,
я вам докла́дываю
не по слу́жбе,
а по душе́.
Това́рищ Ле́нин,
рабо́та а́довая
бу́дет
сде́лана
и де́лается уже́.
Освеща́ем,
одева́ем нищь и о́голь[2],
ши́рится
добы́ча
угля́ и руды́...

---

[1] «Ра́достью вы́свечен» — сия́я ра́достью. Вы́свечен — неологи́зм от сло́ва «свет».

[2] «Одева́ем нищь и о́голь» — одева́ем ни́щих и го́лых. Маяко́вский по́льзуется здесь устаре́вшими существи́тельными собира́тельного значе́ния.

А ря́дом с э́тим,
коне́шно,
мно́го,
мно́го
ра́зной
дря́ни и ерунды́.
Устаёшь
отбива́ться и отгрыза́ться.
Мно́гие
без вас
отби́лись от рук.
Очень
мно́го
ра́зных мерза́вцев
хо́дят
по на́шей земле́
и вокру́г.
Не́ту
им
ни числа́,
ни кли́чки,
це́лая
ле́нта ти́пов
тя́нется.
Кулаки́
и волоки́тчики,
подхали́мы,
секта́нты [1]
и пья́ницы, —
хо́дят,
го́рдо
вы́пятив гру́ди,
в ру́чках сплошь
и в значка́х нагру́дных...
Мы их
всех,
коне́шно, скру́тим,

---

[1] Секта́нты — чле́ны за́мкнутых религио́зных групп. Религио́зное секта́нтское движе́ние бы́ло в те го́ды одно́й из форм борьбы́ кулако́в про́тив сове́тской вла́сти.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
1924
21 января
1929
ПЯТЬ ЛЕТ ИДЕТ ВПЕРЕД РАБОЧИЙ КЛАСС БЕЗ СВОЕГО ВОЖДЯ НО ВЕРНЫЙ ЕГО ЗАВЕТАМ, ЕГО УЧЕНИЮ
Дело Ленина победит во всем мире!
По пути ленинизма
ЛЕНИНСКАЯ КУЛЬТУРА
ПО ПУТИ ИЛЬИЧА

Пе́рвая страни́ца газе́ты «Комсомо́льская пра́вда» от 20 января́ 1929 го́да с стихотворе́нием В. В. Маяко́вского «Разгово́р с това́рищем Ле́ниным».

но всех
скрути́ть
ужа́сно тру́дно.
Това́рищ Ле́нин,
по фа́брикам ды́мным,
по зе́млям,
покры́тым
и сне́гом
и жнивьём,
ва́шим,
това́рищ,
се́рдцем
и и́менем
ду́маем,
ды́шим,
бо́ремся
и живём!..»

Гру́дой дел,
сумато́хой явле́ний
день отошёл,
постепе́нно стемне́в.
Дво́е в ко́мнате.
Я
и Ле́нин —
фотогра́фией
на бе́лой стене́.

Го́ды пе́рвой пятиле́тки бы́ли геро́ическим и нелёгким вре́менем. Передовы́е рабо́чие развёртывали социалисти́ческое соревнова́ние, добива́ясь выполне́ния пятиле́тки в четы́ре го́да. Наряду́ с э́тим из дере́вни на произво́дство пришли́ мно́гие ты́сячи но́вых рабо́чих, не привы́кших ещё ни к обраще́нию с маши́ной, ни к дисципли́не заводско́го коллекти́ва. В э́той обстано́вке Маяко́вский, как в го́ды граждáнской войны́, счёл свои́м до́лгом вновь обрати́ться к фо́рмам стиха́, специа́льно рассчи́танным на тех, кто ещё не успе́л приобрести́ элементáрные культу́рные на́выки, кто ещё не привы́к к кни́ге, журна́лу, а иногда́ и к газе́те.

Он пи́шет ***ло́зунги для пла́ка́тов*** о необходи́мости соблюда́ть чистоту́, о трудово́й дисципли́не, о пятиле́тке, о борьбе́ с поте́рями на произво́дстве. Он знал, что стихотво́рная речь лу́чше запомина́ется и бо́льше впечатля́ет, чем прозаи́ческая, и, сле́довательно, его́ рабо́та над стихотво́рными ло́зунгами бу́дет прямо́й по́мощью в де́ле организа́ции борьбы́ за пятиле́тку. О том, как Маяко́вский относи́лся к э́той рабо́те, рассказа́ли в письме́ в реда́кцию «Пра́вды» (опублико́ванном 16 апре́ля 1930 го́да) рабо́чие Моско́вского электрозаво́да:

«Электрозаво́дцы в январе́ э́того го́да реши́ли нача́ть рационализа́торский похо́д десятидне́вником борьбы́ с поте́рями. Це́лый ряд то́лстых журна́лов на про́сьбу заво́да помо́чь худо́жественно офо́рмить десятидне́вник отве́тил молча́нием. Но доста́точно бы́ло одного́ звонка́ к Маяко́вскому, что́бы получи́ть отве́т: «С удово́льствием приду́ на по́мощь заво́ду. Не смотри́те на мой о́тдых и́ли сон, тяни́те с посте́ли». Пе́рвая в СССР кампа́ния борьбы́ с поте́рями прошла́ под ло́зунгами, да́нными Маяко́вским».

ЛОЗУНГИ ДЛЯ САНИТАРНЫХ ПЛАКАТОВ

*

Мо́йте о́кна,
запо́мните э́то:
о́кна — исто́чник
жи́зни и све́та.

*

Това́рищи,
мы́лом и водо́й
мо́йте ру́ки
перед едо́й.

*

Нельзя́ челове́ка
заку́порить в я́щик,
жили́ще прове́тривай
лу́чше и ча́ще.

*

Вы́трите но́ги!!!
Забы́ли ра́зве, —
несёте с у́лицы
ра́зную грязь вы.

*

Боле́зни и грязь
проника́ют всю́ду.
Держи́ в чистоте́
свою́ посу́ду.

*

Убира́йте ко́мнату,
чтоб она́ блесте́ла.
В чи́стой ко́мнате —
чи́стое те́ло.

*

Воды́
не бо́йся.
Мо́йся ежедне́вно
хотя́ бы до по́яса.

*

Зу́бы
чисть два́жды,
ка́ждое у́тро
и ве́чер ка́ждый.

*

Кури́ть —
бро́сим.
Яд в папиро́се.

*

Культу́рная привы́чка,
приобрети́ её —
ходи́ еженеде́льно в ба́ню
и меня́й бельё.

*

Не пе́йте
спиртны́х напи́тков.
Пью́щим — яд,
окружа́ющим — пы́тка.

*

Запо́мните —
на́до спать
в прове́тренной ко́мнате.

ЛОЗУНГИ ДЛЯ ПЛАКАТОВ О ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

*

В о́бщей рабо́те
к дисципли́не привы́кни.
Симуля́нта
разоблачи́
и вы́кинь!

*

Болтли́вость —
растра́та
рабо́чих часо́в!
В рабо́чее вре́мя —
язы́к на засо́в!

*

Уви́дел недоста́тки —
про себя́ не тай.
Недоста́тки това́рища —
недоста́тки твои́.

Дру́жбу — так
понима́ть ну́жно:
о́бщие недоста́тки
испра́вим дру́жно.

*

Вперёд
непреры́вным по́лным хо́дом!
Вы́полним пятиле́тку
в четы́ре го́да!

ЛОЗУНГИ О БОРЬБЕ С ПОТЕРЯМИ НА ПРОИЗВОДСТВЕ ДЛЯ МОСКОВСКОГО ЭЛЕКТРОЗАВОДА

*

Следи́ за вре́менем,
за материа́лом,
за собо́й!
На всё —
эконо́мии о́тсвет.
И э́то бу́дет
после́дний и реши́тельный бой
с поте́рями в произво́дстве.

*

Лентя́ев и разгильдя́ев
смета́йте на́чисто!
Даёшь
рабо́ту
вы́сшего ка́чества!

*

Того́,
кто лю́бит во́дкой нализа́ться,
не проймёт
никака́я рационализа́ция.

*

Смотри́,
чтоб вре́мя
болтовнёй не тра́тили.
По́сле рабо́ты
наговори́шься с прия́телем.

В а́вгусте 1929 го́да в связи́ с происходи́вшим в Москве́ I Всесою́зным слётом пионе́ров Маяко́вский написа́л стихотворе́ние ***„Пе́сня-мо́лния“.*** Оно́ бы́ло напеча́тано под загла́вием «Вперёд» 25 а́вгуста в газе́те «Пионе́рская пра́вда». В тот же день Маяко́вский вы́ступил с чте́нием э́того стихотворе́ния на стадио́не «Дина́мо», на торже́ственном закры́тии слёта. (См. вступи́тельную статью́ — стр. 5.) Тогда́ же он измени́л его́ загла́вие на «Пе́сня-мо́лния».

ПЕСНЯ-МОЛНИЯ

За мо́ре синево́лное,
за сто земе́ль
и вод
разле́йся, пе́сня-мо́лния,
про пионе́рский слёт.
Иди́те,
слов не тра́тя,
на кра́сный
наш костёр!
Сюда́,
миллио́ны бра́тьев!
Сюда́,
миллио́н сестёр!
Кита́йские аку́лы,
уме́рьте
ва́шу прыть, —
мы
с китайчо́нком-кули

пойдём
акýлу крыть [1].
Веди́
светло́ и пря́мо
к рабо́те
и к боя́м,
моя́
больша́я ма́ма —
респу́блика моя́.
Растём от го́да к го́ду мы,
смотри́,
земля́-стари́к, —
сада́ми
и заво́дами
смени́ли пустыри́.
Везде́
родны́е на́ши,
куда́ ни бро́сишь глаз.
У нас большо́й папа́ша —
стально́й рабо́чий класс.
Иди́
учи́ться ря́дышком,
безгра́мотная старь.
Пора́,
това́рищ ба́бушка,
сади́ться за буква́рь.
Вперёд,
отря́ды сжа́тые,
по ле́нинской тропе́!
У нас
оди́н вожа́тый —
това́рищ ВКП.

[1] В конце́ 20-х годо́в в Кита́е шла граждáнская войнá (см. поясне́ния к стихотворе́нию «Лу́чший стих», стр. 223). Трудя́щиеся Кита́я боро́лись за изгна́ние из страны́ иностра́нных империали́стов и их посо́бников. Великобрита́ния, пози́ции кото́рой в Кита́е бы́ли осо́бенно си́льными, пыта́лась удéрживать их воéнной си́лой.

В середи́не 1929 го́да Маяко́вский написа́л сатири́ческое и ре́зко полеми́ческое стихотворе́ние ***„Пти́чка бо́жия“.*** Он знал, что мно́гие молоды́е поэ́ты сторо́нятся полити́ческой тема́тики, подража́ют дореволюцио́нным декаде́нтам и поэ́там «чи́стого иску́сства». Среди́ э́той молодёжи бы́ли и спосо́бные лю́ди и про́сто прима́завшиеся к литерату́ре «пижо́ны» (э́то сло́во в 20-х года́х употребля́лось для обозначе́ния приме́рно того́ же ти́па молоды́х люде́й, кото́рых тепе́рь называ́ют «стиля́ги»). В свои́х вне́шне гла́дких, но соверше́нно бессодержа́тельных стиха́х таки́е литерату́рные «пижо́ны» механи́чески нани́зывали оди́н за други́м стёртые, трафаре́тные о́бразы и со́тни раз испо́льзованные, я́кобы «поэти́ческие», о́бщие места́ («луна́, мол, над доли́ной, мчит руче́й, мол, по ущéлью»). При э́том они́ счита́ли себя́ «и́збранными», стоя́щими над толпо́й «поэти́ческими» натýрами, ча́сто и́скренне не понима́я и не замеча́я, что их стихотво́рные изде́лия не име́ют никако́го отноше́ния к тру́дному иску́сству поэ́зии. На таки́х вот отóрванных от пра́ктики, от жи́зненной по́чвы, улета́ющих в поднебе́сье «пти́чек бо́жьих» и обру́шивается в своём стихотворе́нии Маяко́вский. Он тре́бует, что́бы ка́ждый совреме́нный писа́тель приноси́л по́льзу строи́тельству но́вого о́бщества.

Сле́дует учéсть, что э́то справедли́вое тре́бование Маяко́вский формули́рует заострённо-полеми́чески («писа́тель тот, кто напи́шет марш и ло́зунг»). В го́ды пе́рвой пятиле́тки Маяко́вский вновь обраща́ется к тем фо́рмам поэ́зии, кото́рые я́рко прояви́лись в его́ тво́рчестве в пе́рвые го́ды револю́ции. Он пи́шет призы́вные стихотворе́ния-ма́рши («Марш уда́рных брига́д», «Урожа́йный марш», «Марш двадцати́ пяти́ ты́сяч»), то есть

произведе́ния, непосре́дственно свя́занные с нача́вшимся социалисти́ческим наступле́нием. Одна́ко тре́бование, полеми́чески сформули́рованное в после́дней строфе́ стихотворе́ния «Пти́чка бо́жия», не сле́дует понима́ть сли́шком букваль но. В бога́том и разнообра́зном тво́рчестве Маяко́вского ма́рши и ло́зунги занима́ют в коне́чном счёте не столь уж большо́е ме́сто, и бы́ло бы гру́бым упроще́нием счита́ть, что для Маяко́вского назначе́ние поэ́та исче́рпывается тем, что́бы путём писа́ния ма́ршей и ло́зунгов соде́йствовать подво́зу хле́ба из дере́вни. Про́сто Маяко́вский хоте́л подчеркну́ть, что в да́нный моме́нт осо́бенно сты́дно быть литера́тором, пи́шущим то́лько для себя́. Ну́жно писа́ть так, что́бы помога́ть па́ртии и всему́ наро́ду в нача́вшейся гига́нтской рабо́те по социалисти́ческому переустро́йству страны́.

ПТИЧКА БОЖИЯ

Он вошёл,
склоня́сь учти́во.
Ру́ку жму.
— Това́рищ,
ся́дьте!
Что вам дать?
Авто́граф? [1]
Чти́во? [2]
— Нет.
Мерси́ вас.
Я —
писа́тель.
— Вы?
Писа́тель?
Извини́те.
Ду́мал —
вы пижо́н.
А вы...

[1] А в т о́ г р а ф — собственнору́чная по́дпись. Есть люби́тели собира́ть авто́графы знамени́тых люде́й.
[2] Ч т и́ в о (разгово́рн.) — несерьёзное, развлека́тельное чте́ние.

Что ж,
прочти́те,
зазвени́те
гро́зным
ма́ршем
боевы́м.
Вихрь иде́й
у вас,
должно́ быть.
Новосте́й
у вас
ваго́н.
Что ж,
пожа́лте в у́ха в о́ба.
Рад това́рищу. —
А он:
— Я писа́тель.
Не проза́ик.
Нет.
Я с му́зами в связи́. —
Слог
изы́скан, как борза́я.
Сконапе́ль
ля поэзи́ [1].
На затылок
не́жным же́стом
он
кудре́й
заки́нул шёлк,
стал
бара́шком златошёрстым
и заблея́л,
и пошёл.
Что луна́, мол,
над доли́ной,

[1] Францу́зское выраже́ние ce qu'on appele la poésie, напи́санное ру́сскими бу́квами; буква́льный перево́д: то, что зовётся (именуется) поэ́зией.

мчит
ручёй, мол,
по ущéлью.
Тинтидлúкал
мандолúной,
дундудéл виолончéлью.
Нимб[1]
обвúл
волóсьев кóпны.
Лоб
горéл от благорóдства.
Я терпéл,
терпéл,
и лóпнул
и удáрил
лáпой
óб стол.
— Попрошý вас
покорóче.
Брóсьте вы
поэ́та кóрчить!
Посмотрю́
с лица́ ли,
сза́ди ль —
вы тюльпáн,
а не писáтель.
Вы,
над облакáми рéя,
птúца
в человéчий рост.
Вы, мусьé,
из канарéек,
чúжик вы, мусьé,
и дрозд.
В испытáнье
битв
и бед
с вáми,
што ли,
мы полéзем?
В нáше врéмя
тот —
поэ́т,
тот —
писáтель,
кто полéзен.
Убери́те э́тот торт!
Стих даёшь —
хлебóв подвóзу.
В нáши дни
писáтель тот,
кто напúшет
марш
и лóзунг!

[1] Н и м б — в религиóзной жúвописи изображéние сиянúя вокрýг головы́ святóго. Здесь: иронúчески.

Одно́й из важне́йших стро́ек пе́рвой пятиле́тки бы́ло строи́тельство у́гольно-металлурги́ческого комбина́та в За́падной Сиби́ри близ Кузне́цка (позднее называ́лся Новокузне́цк). Случа́йно познако́мившись с кру́пным парти́йным рабо́тником Сиби́ри това́рищем Хрено́вым и разговори́вшись с ним, Маяко́вский со́здал на материа́ле э́того о́чень заинтересова́вшего его́ разгово́ра одно́ из свои́х лу́чших стихотворе́ний — ***„Расска́з Хрено́ва о Кузнецкстро́е и о лю́дях Кузне́цка“.***

В э́том стихотворе́нии Маяко́вский прекра́сно пе́редал геро́ическую атмосфе́ру пе́рвой пятиле́тки и со́здал положи́тельный о́браз челове́ка сове́тской эпо́хи.

РАССКАЗ ХРЕНОВА О КУЗНЕЦКСТРОЕ И О ЛЮДЯХ КУЗНЕЦКА

К э́тому ме́сту бу́дет подвезено́ в пятиле́тку 1 000 000 ваго́нов строи́тельных материа́лов. Здесь бу́дет гига́нт металлурги́и, у́гольный гига́нт и го́род в со́тни ты́сяч люде́й.

Из разгово́ра

По не́бу
ту́чи бе́гают,
дождя́ми
су́мрак сжат,
под ста́рою
теле́гою

рабо́чие лежа́т.
И слы́шит
шёпот го́рдый
вода́
и под
и над:
«Через четы́ре
го́да
здесь
бу́дет
го́род-сад!»
Темно́ свинцовоно́чие[1],
и до́ждик
то́лст, как жгут;
сидя́т
в грязи́
рабо́чие,
сидя́т,
лучи́ну жгут.
Сливе́ют
гу́бы
с хо́лода[2],
но гу́бы
ше́пчут в лад:
«Через четы́ре
го́да
здесь
бу́дет
го́род-сад!»
Свела́
промо́зглость
ко́рчею[3] —
нева́жный
мокр
ую́т,

---

[1] То есть дождли́вая ночь осо́бенно темна́ от тяжёлых свинцо́вых туч.

[2] «Сливе́ют гу́бы с хо́лода» — гу́бы от хо́лода стано́вятся си́ними, как сли́вы. С л и в е́ ю т — неологи́зм.

[3] «Свела́ промо́зглость ко́рчею» — от сы́рости и си́льного хо́лода рабо́чие сидя́т ско́рчившись, сжа́вшись.

сидя́т
впотьма́х
рабо́чие,
подмо́кший хлеб
жую́т.
Но шёпот
гро́мче го́лода —
он кро́ет
ка́пель
спад:
«Через четы́ре
го́да
здесь
бу́дет
го́род-сад!
Здесь
взры́вы закуда́хтают
в разго́н
медве́жьих банд,
и взро́ет
не́дра
ша́хтою
стоу́гольный
«Гига́нт».
Здесь
вста́нут
стро́йки
сте́нами.
Гудка́ми,
пар,
сипи́ [1].
Мы
в со́тню солнц
марте́нами
воспламени́м
Сиби́рь.
Здесь дом
даду́т
хоро́ший нам

[1] С и п и́ — повели́тельная фо́рма от с и п е́ т ь, то есть издава́ть си́плые, хрипя́ще-свисте́ящие зву́ки.

и си́тный
без пайка́ [1],
аж за Байка́л
отбро́шенная
попя́тится тайга́».
Рос
шепото́к рабо́чего
над те́мью
ту́чных стад,
а да́льше
неразбо́рчиво,
лишь слы́шно —
«го́род-сад».

Я зна́ю —
го́род
бу́дет,
я зна́ю —
са́ду
цвесть,
когда́
таки́е лю́ди
в стране́
в сове́тской
есть!

[1] «Си́тный без пайка́» — бу́дет мно́го, ско́лько захо́чешь, хоро́шего хле́ба. С и́ т н ы й — хлеб из высококаче́ственной пшени́чной муки́. В го́ды пе́рвой пятиле́тки хлеб и други́е проду́кты (паёк) выдава́ли по ка́рточкам, по определённой но́рме.

Вскóре пóсле смéрти Маякóвского, в апрéльском нóмере журнáла «Огонёк», средú другúх материáлов, посвящённых пáмяти поэ́та, бы́ли напечáтаны стáвшие всемúрно извéстными *„Стихú о совéтском пáспорте“*. Стихотворéние бы́ло напúсано Маякóвским в нóябре 1929 гóда в связú с егó послéдней поéздкой во Фрáнцию (веснóй тогó же гóда). Маякóвский с огрóмной сúлой вы́разил в нём чу́вство совéтского патриотúзма, гóрдость совéтского гражданúна и живóй интерéс ко всемý совéтскому у трудя́щихся другúх стран.

В пéрвой и послéдней строфáх словáми «к мандáтам почтéния нéту» Маякóвский подчёркивает свою́ нéнависть ко вся́кой вообщé официáльности и канцеля́рщине. В слéдующей за тéм сцéне провéрки паспортóв сатирúчески оттенены́ нáглость и трýсость полицéйских чинóвников, поведéние котóрых рéзко меня́ется в завúсимости от тогó, с кем онú имéют дéло. США — сáмая богáтая и сúльная капиталистúческая странá. Поэ́тому американ́ский пáспорт чинóвники берýт подобострáстно, как подáчку, англúйский — лишь «с почтéнием», а паспортá Дáнии, Швéции и другúх небольши́х государ́ств — равнодýшно. Пóльша, территóрия котóрой ещё в концé XVIII вéка былá разделенá мéжду Россúей, Германúей (Прýссией) и Австро-Вéнгрией, лишь пóсле пéрвой мировóй войны́ появúлась на географúческих кáртах как самостоя́тельное государ́ство (до второ́й мировóй войны́ Пóльша былá буржуáзной парламентáрной респýбликой). Поэ́тому на пóльский пáспорт чинóвники смóтрят тýпо-непонимáюще («в тугóй полицéйской слонóвости»).

Затó крáсный переплёт совéтского загранúчного пáспорта с изображéнием серпá и мóлота вызывáет у них бессúльную я́рость.

СТИХИ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ

Я вóлком бы
выгрыз
бюрократúзм.
К мандáтам [1]
почтéния нéту.
К любы́м
чертя́м с матеря́ми
катúсь
любáя бумáжка.
Но э́ту...
По длúнному фрóнту
купé
и каю́т
чинóвник
учтúвый
двúжется.
Сдаю́т паспортá,
и я
сдаю́
мою́
пурпýрную книжицу.
К одни́м паспортáм —
улы́бка у рта.
К другúм —
отношéние плёвое.
С почтéньем
берýт, напримéр,
паспортá
с двухспáльным
áнглийским лёвою [2].
Глазáми
дóброго дя́дю вы́ев,
не переставáя
клáняться,

[1] Мандáт — официáльный докумéнт, удостоверя́ющий те йли ны́е правá предъявúтеля.

[2] На гербé Великобритáнии изображены два звéря. лев и единорóг.

беру́т,
как бу́дто беру́т чаевы́е,
па́спорт
америка́нца.
На по́льский —
глядя́т,
как в афи́шу коза́.
На по́льский —
выня́ливают глаза́
в тугóй
полице́йской слоно́вости —
отку́да, мол,
и что э́то за́
географи́ческие но́вости?
И, не поверну́в
головы́ коча́н
и чувств
никаки́х
не изве́дав,
беру́т,
не моргну́в,
паспорта датчан
и ра́зных
про́чих
шве́дов.
И вдру́г,
как бу́дто
ожо́гом,
рот
скриви́ло
господи́ну.
Это
господи́н чино́вник
берёт
мою́
красноко́жую паспорти́ну.
Берёт —
как бо́мбу,
берёт —
как ежа́,
как бри́тву
обоюдоо́струю,

берёт,
как грему́чую
в 20 жал
змею́
двухметрово́рстую.
Моргну́л
многозна́чаще
глаз носи́льщика,
хоть ве́щи
снесёт зада́ром вам.
Жанда́рм
вопроси́тельно
смо́трит на сы́щика,
сы́щик
на жанда́рма.
С каки́м наслажде́ньем
жанда́рмской ка́стой [1]
я был бы
исхлёстан и ра́спят
за то,
что в рука́х у меня́
молотка́стый,
серпа́стый
сове́тский па́спорт.
Я во́лком бы
вы́грыз
бюрократи́зм.
К манда́там
почте́ния не́ту.
К любы́м
чертя́м с матеря́ми
кати́сь
люба́я бума́жка.
Но э́ту...

[1] К а́ с т а — за́мкнутая, недосту́пная для про́чих обще́ственная гру́ппа, стро́го оберега́ющая свою́ за́мкнутость. Здесь презри́тельно: «кли́кой», «ба́ндой».

Я
достаю́
из широ́ких штани́н
дубликáтом [1]
бесце́нного гру́за.
Читáйте,
зави́дуйте,
я —
граждани́н
Сове́тского Сою́за.

[1] Д у б л и к а́ т — второ́й экземпля́р докуме́нта, ко́пия, заменя́ющая по́длинник.

ПОЭМЫ

Поэ́ма ***„Влади́мир Ильи́ч Ле́нин“*** была́ заду́мана Маяко́вским ещё в середи́не 1923 го́да. Впечатле́ния тра́урных дней 1924 го́да — по́хороны Ле́нина — да́ли толчо́к к худо́жественному воплоще́нию за́мысла.

«С похоро́н Маяко́вский возвраща́ется потрясённый, — расска́зывает в свои́х воспомина́ниях писа́тельница Н. Ка́льма.—Он ду́ет на онеме́вшие от моро́за па́льцы, ка́к-то весь криви́тся и молчи́т. Не́сколько дней он бро́дит о́чень хму́рый, почти́ ни с кем не разгова́ривая. Пото́м набра́сывается на кни́ги Ле́нина, Кру́пской. Он чита́ет о семье́ Ульяно́вых, воспомина́ния о де́тстве Ильича́, он разы́скивает люде́й, с кото́рыми встреча́лся и говори́л, кото́рым помога́л Ле́нин».

В мемуа́рах и бесе́дах с людьми́, ли́чно зна́вшими Ле́нина, Маяко́вский иска́л живы́е черты́, конкре́тные дета́ли Ле́нина-челове́ка. Изуча́я ле́нинские сочине́ния, вду́мываясь в ле́нинское осмысле́ние исто́рии челове́ческого о́бщества, он стреми́лся полне́й охвати́ть всеми́рно-истори́ческое значе́ние Ле́нина. Изуче́ние сочине́ний Ле́нина определи́ло не то́лько о́бщую тракто́вку истори́ческих пробле́м в поэ́ме, но и мно́гие дета́ли. Текст поэ́мы прони́зан поэти́чески претворёнными ле́нинскими формулиро́вками.

Осенью 1924 го́да поэ́ма была́ зако́нчена. 18 октября́ Маяко́вский чита́л её акти́ву Моско́вской парти́йной организа́ции.

«Зако́нчил поэ́му «Ле́нин», — вспомина́ет Маяко́вский в автобиогра́фии «Я сам». — Чита́л во мно́гих рабо́чих собра́ниях. Я о́чень боя́лся э́той поэ́мы, так как легко́ бы́ло сни́зиться до просто́го полити́ческого переска́за. Отноше́ние рабо́чей аудито́рии обра́довало и утверди́ло в уве́ренности ну́жности поэ́мы».

Ле́нин был для Маяко́вского одновреме́нно и живо́й

индивидуа́льностью, реа́льным челове́ческим хара́ктером и идеа́льным воплоще́нием челове́чности, высо́ким образцо́м челове́ка. Поэ́тому, воссоздава́я в свое́й поэ́ме о́браз Ле́нина, поэ́т суме́л сочета́ть конкре́тность, жи́зненную правди́вость дета́лей с обобщённостью, с глубо́ким социа́льно-филосо́фским осмысле́нием всеми́рно-истори́ческого значе́ния де́ятельности вожда́. Все худо́жественные сре́дства — компози́ция, строй мета́фор, слова́рь, — всё подчинено́ в поэ́ме зада́че сде́лать возмо́жно бо́лее правди́вым, значи́тельным и впечатля́ющим о́браз Ле́нина. Образ самого́ поэ́та, кото́рый та́кже прису́тствует в поэ́ме «Влади́мир Ильи́ч Ле́нин», не занима́ет в ней (в отли́чие от ра́нних поэ́м) центра́льного ме́ста.

Нача́ло пе́рвой главы́ поэ́мы (пе́рвые 337 строк) — э́то как бы лири́ческое вступле́ние, точне́е — три лири́ческих вступле́ния, ка́ждое из кото́рых по-сво́ему отвеча́ет на о́бщий для всех трёх вопро́с: почему́ и как на́до писа́ть о Ле́нине?

Пе́рвым вступле́нием мо́жно счита́ть нача́льные две строфы́. В них вы́ражена глубо́кая убеждённость поэ́та в том, что поэ́ма, к кото́рой он приступа́ет, нужна́ лю́дям, что поэти́чески воссозда́ть о́браз Ле́нина необходи́мо: э́того тре́бует сама́ исто́рия, само́ вре́мя.

Писа́ть о Ле́нине Маяко́вского заставля́ет и вну́тренняя необходи́мость. Об э́том говори́тся в сле́дующих шести́ строфа́х (до слов «по манда́ту до́лга»), кото́рые составля́ют как бы второ́е вступле́ние. Оно́ начина́ется о́бразом ло́дки, плыву́щей по бу́рному мо́рю жи́зни. Как на борта́ и на дно ло́дки налипа́ет слизь, во́доросли и раку́шки, так и к челове́ку на протяже́нии его́ жи́зни неизбе́жно прилипа́ет мно́го плохо́го: возника́ют дурны́е, себялюби́вые ка́чества и привы́чки, грозя́щие перейти́ в равноду́шие к о́бщему де́лу и к други́м лю́дям. Маяко́вский хо́чет очи́стить себя́ от тако́й жите́йской «сли́зи» под я́рким со́лнцем вели́кой ле́нинской иде́и, с тем что́бы уве́реннее продолжа́ть свой путь.

Но путь Маяко́вского — э́то не про́сто путь одного́ из совреме́нников Влади́мира Ильича́, а путь худо́жника, поэ́та, чу́вствующего на себе́ огро́мную ответственность за то, что́бы для совреме́нников и пото́мков сохрани́лся ве́рный о́браз Ле́нина. Поэ́та трево́жит, как бы э́тот о́браз не был искажён, как бы «поклоне́ний установ́лен-

ный стату́т» (то есть установи́вшийся поря́док тра́урных ми́тингов, речей и т. п.) не привнёс в дорого́й о́браз так несво́йственную ему́ фальшь: сладкоре́чие и пы́шность церко́вных обря́дов («рассия́ют голово́ю ве́нчик»[1] и «не зали́ли б при́торным еле́ем[2]») и́ли дешёвенькую краси́вость «наря́дной» конфе́тной обёртки («чтоб конфе́тной не был красото́й обо́лган»).

Что́бы не допусти́ть э́того, Маяко́вский по веле́нию се́рдца, с созна́нием своего́ пра́ва и свое́й обя́занности взя́ться за столь отве́тственное де́ло приступа́ет к поэ́ме о Ле́нине («голосу́ет се́рдце — я писа́ть обя́зан по манда́ту до́лга»).

Сле́дующие не́сколько страни́ц (24 строфы́) составля́ют как бы тре́тье лири́ческое вступле́ние. В Маяко́вском ожива́ет неда́внее, потря́сшее его́ пережива́ние — незабыва́емая карти́на похоро́н Ле́нина. Одна́ко, напо́мнив э́ту карти́ну всего́ в не́скольких слова́х («Вся Москва́. Промёрзшая земля́ дрожи́т от гу́да. Над костра́ми обморо́женные с но́чи»), он зате́м как бы остана́вливается, что́бы осмы́слить пережито́е. Он заду́мывается над тем, почему́ смерть Ле́нина так потрясла́ люде́й: «Что он сде́лал? Кто он и отку́да? Почему́ ему́ така́я по́честь?» Как поэ́т, он хо́чет отве́тить на э́ти вопро́сы не то́лько логи́чески, но с поэти́ческой, худо́жественной убеди́тельностью. Реши́тельно отка́зываясь от тради́ции говори́ть о гениа́льном истори́ческом де́ятеле то́лько «высо́кими» (уже́ омертве́вшими), торже́ственными слова́ми («проро́к», «ге́ний», «эпо́ха», «э́ра», «ми́лостью бо́жьей» и т. п.), Маяко́вский противопоставля́ет э́тому традицио́нному о́бразу «геро́я», «проро́ка» о́браз реа́льного, земно́го Ле́нина, вели́кого и неповтори́мого и́менно в свое́й челове́чности и простоте́.

Одна́ко «просто́й», «земно́й» отню́дь не зна́чит у Маяко́вского «жите́йский», «обы́денный». Прилага́тельное «земно́й» Маяко́вский произво́дит не то́лько от «земля́» (по́чва, по кото́рой мы хо́дим), но и от «Земля́» — земно́й шар, плане́та, на кото́рой живёт челове́чество. Ле́нин

---

[1] Золоты́м ве́нчиком окружа́ют изображе́ние на ико́нах.

[2] Е л е́ й — оли́вковое ма́сло с при́месью вина́; применя́ется при церко́вных обря́дах. Сло́во «еле́йный» тепе́рь обы́чно употребля́ется в перено́сном значе́нии: слаща́вый, фальши́во-ла́сковый в обраще́нии.

«земно́й» не то́лько в том смы́сле, что он кре́пко свя́зан с наро́дной по́чвой, но и как принадлежа́щий всей Земле́, всему́ Челове́честву. Столь же ёмко по смы́слу проходя́щее через всю поэ́му сло́во «челове́чий», «челове́чный». Оно́ означа́ет не то́лько — облада́ющий все́ми ка́чествами, прису́щими обыкнове́нным просты́м лю́дям, но и — с наибо́льшей полното́й вы́разившим су́щность челове́ка, каки́м он до́лжен быть.

Эти два смы́сла, скры́тые в одно́м сло́ве, Маяко́вский мастерски́ раскрыва́ет в сло́жной и одновреме́нно о́чень я́сной развёрнутой мета́форе, свя́занной с назва́ниями фигу́р в ша́хматах (Ле́нин, как изве́стно, люби́л игра́ть в ша́хматы). «Пе́шка» — э́то назва́ние са́мой ма́ленькой, са́мой сла́бой фигу́ры в ша́хматной игре́. В перено́сном смы́сле э́то сло́во применя́ется к лю́дям подчинённым, занима́ющим зави́симое положе́ние. Дойдя́ до кра́я доски́, пе́шка мо́жет «вы́йти в короле́вы». В ру́сском языке́ есть име́ющее отте́нок меща́нской «му́дрости» выраже́ние «вы́йти в лю́ди», означа́ющее «доби́ться бога́тства, почёта, положе́ния в о́бществе». Отсю́да и «вы́вести в лю́ди» кого́-нибудь. В стро́чках «И, от ша́хмат перейдя́ к врагу́ нату́рой, в лю́ди вы́ведя вчера́шних пе́шек строй...» выраже́ние «в лю́ди вы́ведя» означа́ет, что Ле́нин сде́лал полноце́нными людьми́, помо́г обрести́ челове́ческое досто́инство трудя́щимся и угнетённым, кото́рых «власть иму́щие» счита́ли пе́шками.

Тура́, напро́тив,—одна́ из сильне́йших фигу́р в ша́хматах. В соответствии со свои́м назва́нием (по-францу́зски la tour — ба́шня) она́ похо́жа на крепостну́ю ба́шню, а сло́во «кре́пость» в дореволюцио́нной Росси́и, в осо́бенности для революционе́ра, означа́ло ча́ще всего́ «тюрьма́». Тюрьмо́й челове́чества явля́ется для Маяко́вского капитали́зм. Что́бы те, кого́ капитали́зм превраща́л в ничто́жных пе́шек, почу́вствовали себя́ людьми́, Ле́нин до́лжен был «рабо́чей, челове́чьей диктату́рой» подави́ть гнету́щую си́лу капита́ла. Очень характе́рно, что слова́ «рабо́чей» и «челове́чьей» стоя́т в поэ́ме ря́дом, как сино́нимы.

Так уже́ в лири́ческом вступле́нии Маяко́вский раскры́л гуманисти́ческий смысл де́ятельности Ле́нина, основну́ю гуманисти́ческую иде́ю поэ́мы в це́лом.

Эта иде́я зате́м раскрыва́ется в поэ́ме эпи́чески (по-

вествова́тельно). Но в осно́ве повествова́ния лежи́т не вы́мышленный сюже́т, а исто́рия челове́ческого о́бщества за не́сколько столе́тий. Маяко́вский пока́зывает закономе́рность, обусло́вленность появле́ния на аре́не мирово́й исто́рии тако́го де́ятеля, как Ле́нин, и конкре́тное содержа́ние де́ятельности Ле́нина. Не случа́йно вопро́с, открыва́ющий тре́тье лири́ческое вступле́ние («Что он сде́лал? Кто он и отку́да? Почему́ ему́ така́я по́честь?»), повторя́ется в не́сколько изменённом ви́де в его́ после́дней строфе́: «Что он сде́лал, кто он и отку́да — э́тот са́мый челове́чный челове́к?» Весь дальне́йший текст поэ́мы явля́ется как бы отве́том на э́ти вопро́сы: «Кто он и отку́да?» «Вождь всех трудя́щихся, воплоще́ние вековы́х наде́жд угнетённых всего́ ми́ра», — отвеча́ет Маяко́вский пе́рвой главо́й поэ́мы. «Что он сде́лал?» Об э́том говори́тся во второ́й главе́: со́здал в Росси́и па́ртию коммуни́стов, возгла́вил социалисти́ческую револю́цию и утверди́л Сове́тское госуда́рство. Таки́м о́бразом, лири́ческие вступле́ния не то́лько эмоциона́льно мотиви́руют (подгота́вливают, обусла́вливают) включе́ние в поэ́му эпи́ческого (повествова́тельного, истори́ческого) материа́ла, но и содержит как бы «завя́зку» поэ́мы.

Со строфы́ «Коротка́ и до после́дних мгнове́ний...» начина́ется повествова́ние. Противопоставле́нием Ле́нина — Улья́нову Маяко́вский подчёркивает, что сюже́том поэ́мы явля́ется сама́ исто́рия. Биогра́фия Влади́мира Ильича́ Улья́нова начина́ется днём его́ рожде́ния, в 1870 году́. «Биогра́фия» Ле́нина как истори́ческого де́ятеля (то есть о́бщие истори́ческие предпосы́лки социалисти́ческой револю́ции, борьбе́ за кото́рую он посвяти́л свою́ жизнь) восхо́дит ко вре́мени возникнове́ния кла́сса капитали́стов и кла́сса рабо́чих. В э́том смысл строк «годо́в за две́сти пе́рвые про Ле́нина восхо́дят ве́сти». Маяко́вский отмеча́ет всё са́мое суще́ственное в исто́рии капитали́зма и зре́ющих в его́ не́драх революцио́нных сил. Внима́тельно чита́я поэ́му, нетру́дно заме́тить, что в преде́лах ка́ждой главы́ текст члени́тся на сравни́тельно небольши́е, облада́ющие не́которой интонацио́нной самостоя́тельностью отре́зки (из не́скольких строф), в ка́ждом из кото́рых есть своя́ ча́стная те́ма. Так, Маяко́вский говори́т снача́ла о противоре́чии ме́жду капита́лом и трудо́м («Го́род гра́бил, грёб, граба́стал...»),

зате́м о противоре́чии ме́жду империалисти́ческими держа́вами и угнетёнными наро́дами коло́ний (о́браз засе́ченного на планта́циях не́гра), пото́м рису́ет «капитали́зма портре́т родово́й», о́бразно выража́я разрабо́танную в труда́х Ма́ркса, Энгельса, Ле́нина нау́чную конце́пцию (систе́му, тео́рию) разви́тия челове́ческого о́бщества за после́дние две́сти — три́ста лет.

При своём возникнове́нии капитали́зм был явле́нием прогресси́вным; утвержда́я своё госпо́дство, он ликвиди́ровал феода́льные пережи́тки («ца́рства и гра́фства сжева́л») и при э́том был да́же не чужд революцио́нности («подпева́л «Марсельёзу»). Капитали́зм спосо́бствовал увеличе́нию производи́тельности труда́, разви́тию те́хники, но, развива́я те́хнику лишь ра́ди нажи́вы, подчиня́л челове́ка маши́не («Маши́ну он заду́мал и вы́думал. Лю́ди и те — ей!»). Капитали́зм вы́работал наибо́лее утончённые ме́тоды эксплуата́ции, подчини́в це́лям обогаще́ния госпо́дствующего кла́сса всё: госуда́рство, «полити́ческие свобо́ды», це́рковь, нау́ку, да́же иску́сство, нра́вственность («И кра́ске и пе́сне душа́ глуха́...» и т. д.).

Нетру́дно ви́деть, что о вопро́сах, кото́рых каса́ется Маяко́вский, нельзя́ говори́ть, не опери́руя нау́чными и полити́ческими поня́тиями. Несмотря́ на э́то, расска́з Маяко́вского о капитали́зме явля́ется о́чень конкре́тным и о́бразным. Широко́ по́льзуясь мета́форой, Маяко́вский в я́де слу́чаев персонифици́рует (олицетворя́ет) отвлеченные поня́тия и зате́м развива́ет тако́й о́браз-олицетворе́ние.

Наприме́р, е́сли о прогресси́вном значе́нии капитали́зма на ра́нней ступе́ни его́ разви́тия говори́тся: «капитали́зм в молоды́е года́ был ничего́, делово́й парни́шка», то о том, что на э́том эта́пе капитали́зм спосо́бствовал бу́рному ро́сту производи́тельных сил, мо́жно сказа́ть, подразумева́я уже́ конкре́тный о́браз («парни́шка»), а не отвлечённое поня́тие («капитали́зм»): «не боя́лся тогда́, что у него́ от рабо́ты заса́лится мани́шка». Бе́лая мани́шка (то есть жёстко накрахма́ленная грудь бе́лой мужско́й соро́чки), выгля́дывающая из-под чёрного пиджака́, сюртука́ и́ли фра́ка, была́ характе́рной черто́й вне́шности совреме́нной Маяко́вскому «чи́стой», буржуа́зной пу́блики нача́ла XX ве́ка. Упомяну́в о мани́шке,

Маяко́вский тем са́мым противопоста́вил совреме́нную ему́ «соли́дную» (о ней нельзя́ сказа́ть «парни́шка») паразити́ческую буржуази́ю её бо́лее энерги́чным и делови́тым пре́дкам.

Да́лее, с о́бразом «парни́шки» (молодо́го капитали́зма) свя́зана и фра́за «трико́ феода́льное ему́ тесно́». Трико́ — э́то у́зкая, стя́гивающая те́ло оде́жда, обы́чно из вя́заной мате́рии (таку́ю оде́жду носи́ли аристокра́ты в феода́льной Евро́пе). Как изве́стно, до буржуа́зных революций XVII и XVIII веко́в — нача́ла XIX ве́ка государственный строй ста́рых феода́льно-сосло́вных мона́рхий ско́вывал мно́жеством бессмы́сленных, устаре́вших ограниче́ний акти́вность капитали́стов-предпринима́телей, стесня́л «свобо́ду движе́ний» капитали́зма и его́ рост (как сли́шком у́зкая оде́жда стесня́ет молодо́го челове́ка, ста́вшего взро́слым).

Так ка́ждая строка́-мета́фора, раскрыва́я каку́ю-то определённую черту́ капитали́зма, спосо́бствует тому́, что отвлечённое поня́тие, остава́ясь истори́чески то́чным, стано́вится конкре́тным, живы́м о́бразом. Кро́ме того́, мета́форы Маяко́вского о́чень эмоциона́льны и поэ́тому помога́ют не то́лько предста́вить себе́, но и оцени́ть глаза́ми челове́ка социалисти́ческой эпо́хи то, о чём пи́шет поэ́т. Осо́бенно ре́зко оце́ночной явля́ется мета́фора, заключа́ющая в себе́ вы́вод: капитали́зм уже́ стал паразити́ческим и превати́лся в препя́тствие для дальне́йшего прогре́сса челове́чества («лёг у исто́рии на пути́...», «Его́ не объе́хать, не обойти́...» и т. д.).

В э́том ме́сте повествова́ние прерыва́ется прямы́м выска́зыванием поэ́та, кото́рое, одна́ко, явля́ется не про́сто лири́ческим отступле́нием, но и как бы эмоциона́льной кульмина́цией (то́чкой наивы́сшего подъёма, наибо́льшего напряже́ния) всей пе́рвой главы́. Маяко́вский зна́ет, что его́ нова́торская поэ́ма вы́зовет напа́дки мно́гих закостене́вших в усло́вных, трафаре́тных фо́рмах собра́тьев по перу́, уме́ющих ви́деть поэ́зию то́лько там, где есть солове́й, ро́за и́ли что́-нибудь подо́бное («Зна́ю, ли́рик скриви́тся го́рько, кри́тик ри́нется хлы́стиком выстегать...» и т. д.). Защища́я свои́ литературно-эстети́ческие пози́ции, он перехо́дит в ата́ку. Поэ́т тако́й вели́кой эпо́хи, как на́ша, не впра́ве ограни́чивать себя́ у́зеньким кру́гом тем, о́бразов, поня́тий, жи́зненных явле́ний (а сле-

дова́тельно, и слов), по тради́ции счита́ющихся «поэти́ческими». Сло́во «пролетариа́т» звучи́т «неукли́же и у́зко» то́лько для тех, кто не суме́л уви́деть вели́кой красоты́ иде́и коммуни́зма. Если поэ́т живёт вели́кими иде́ями своего́ вре́мени, е́сли он отдаёт де́лу передово́го революцио́нного кла́сса всего́ себя́, «всю свою́ зво́нкую си́лу поэ́та», то любо́е по ста́рой ме́рке «неизя́щное» сло́во зазвучи́т в его́ поэ́зии эмоциона́льно, бу́дет лири́чески впечатля́ющим, спосо́бным поднима́ть на по́двиги.

Во второ́й полови́не главы́, по́сле лири́ческого отступле́ния, повествова́ние продолжа́ется в бо́лее припо́днятом эмоциона́льном то́не, чем до него́. Здесь Маяко́вский говори́т о вековой мечте́ угнетённых об освободи́теле, кото́рый распла́тится с угнета́телями за все оби́ды — за нищету́ городски́х трущо́б, за сме́рти и уве́чья, полу́ченные в зате́янных капитали́стами империалисти́ческих во́йнах («он распла́тится, придёт он и объя́вит вам и ва́шинской войне́ войну́!»), — и об истори́ческих корня́х ленини́зма в социа́льных тео́риях и революцио́нной пра́ктике XIX столе́тия: об утопи́ческом социали́зме («Го́лову об жизнь разби́ли филантро́пы...» и т. д.), о смы́сле де́ятельности Ма́ркса («гра́бящих приба́вочную сто́имость за́ руку пойма́л с поли́чным...», «раскры́л исто́рии зако́ны, пролетариа́т поста́вил у руля́...» и т. д.) и, наконе́ц, о назрева́ющей пролета́рской револю́ции и её пе́рвом воплоще́нии — Пари́жской комму́не 1871 го́да. Почти́ одновре́менно с Пари́жской комму́ной (всего́ го́дом ра́нее) роди́лся Ле́нин. Противоре́чия капитали́зма, восста́ния, наде́жды угнетённых, де́ятельность Ма́ркса — всё э́то подгота́вливало появле́ние ещё небыва́лого в исто́рии вожля́ но́вого ти́па, вожля́ трудя́щихся всех стран, каки́м яви́лся Ле́нин. Истори́ческий и полити́ческий материа́л в поэ́ме подчинён и организо́ван марксисткой концепцией разви́тия челове́ческого о́бщества, то есть тем стро́ем мы́сли, кото́рый был для Ле́нина как бы ча́стью его́ со́бственной ли́чности. Таки́м о́бразом, э́тот материа́л помога́ет лу́чше поня́ть су́щность Ле́нина и вели́кое значе́ние его́ де́ятельности.

Во второ́й главе́ о́браз Ле́нина раскрыва́ется уже́ по-другому́. Здесь Маяко́вский говори́т о ближа́йших предпосы́лках де́ятельности Ле́нина, о его́ ю́ности, о его́ революцио́нной рабо́те и её вели́ких результа́тах — сло́-

вом, расска́зывает реа́льный жи́зненный путь Ле́нина. В нача́ле главы́ поэ́т как бы с пти́чьего полёта огля́дывает исте́рзанную царём, поме́щиками и купца́ми страну́ («Све́рху взгляд на Росси́ю брось...» и т. д.). Образ угнетённой ро́дины явля́ется мотивиро́вкой для повествова́ния о ру́сских революционе́рах («И беру́тся бунтовщики́-одино́чки за бо́мбу и за револьве́р»). Стро́ки о народово́льцах, с кото́рыми был свя́зан брат Ле́нина, Алекса́ндр Улья́нов, слу́жат перехо́дом к расска́зу о нача́ле де́ятельности Влади́мира Ильича́.

Биогра́фию Ле́нина Маяко́вский суме́л рассказа́ть так, что она воспринима́ется как неотъе́млемая часть исто́рии наро́да. Борьба́ народово́льцев с царём, возникнове́ние пе́рвых маркси́стских кружко́в, агита́ция на заво́дах, «Сою́з борьбы́ за освобожде́ние рабо́чего кла́сса», борьба́ с уже́ вырожда́вшимся наро́дничеством и с буржуа́зным либерали́змом, созда́ние маркси́стской рабо́чей па́ртии — все э́ти фа́кты исто́рии революцио́нного движе́ния в Росси́и пе́реданы в поэ́ме не то́лько как истори́ческие собы́тия, но и как ве́хи биогра́фии Ле́нина («И тогда́ сказа́л Ильи́ч семнадцатигодо́вый...», «Ле́нина не ви́дно, но он близ», «Ильи́ч уже́ здесь» и т. д.). Изве́стные стро́фы о па́ртии явля́ются здесь эмоциона́льной кульмина́цией расска́за о рабо́те Ле́нина над созда́нием и укрепле́нием па́ртии. Сжа́то и в то же вре́мя о́чень о́бразно говоря́ обо всех важне́йших моме́нтах борьбы́, руководи́мого большевика́ми рабо́чего кла́сса до Октя́брьской револю́ции (1905 год, мирова́я война́, низверже́ние самодержа́вия, ке́ренщина, ию́льские собы́тия) и о созда́нии пролета́рского госуда́рства, о побе́де Сове́тской респу́блики над интерве́нтами и нача́ле ми́рного строи́тельства, Маяко́вский пока́зывает Ле́нина о́чень разносторо́нне: как пропаганди́ста, организа́тора па́ртии, теоре́тика, главу́ госуда́рства, вожля́ трудя́щихся всего́ ми́ра. Отбира́я гла́вное, всё вре́мя пока́зывая уча́стие Ле́нина в опи́сываемых собы́тиях и то́чность ле́нинских полити́ческих оце́нок, Маяко́вский по-ле́нински раскрыва́ет смысл собы́тий и тем са́мым де́лает для чита́теля бо́лее я́сным вели́кое истори́ческое значе́ние Ле́нина.

Осо́бенно суще́ственна в поэ́ме сце́на в Смо́льном. 25 октября́ 1917 го́да — э́то поворо́тный день в мирово́й исто́рии, в исто́рии Росси́и, исто́рии па́ртии и в био-

графии Ленина. Это самый напряжённый момент повествования, и вместе с тем это единственное место в поэме, где Маяковский, рассказывая об исторических событиях, выступает как их прямой свидетель и участник («Когда я итожу...», «роюсь в днях...», «я вспоминаю...» и т. д.). Биографии народа, вождя и поэта здесь как бы сливаются. Коридор Смольного в решающий день революции, пулемётчики, опоясанные патронными лентами, парень в обмотках, матросы и красногвардейцы, спешащие по вызовам, — вся эта картина написана человеком, для которого день 25 Октября — не только великий день истории, но и самый радостный день в его личной биографии. В строфах о Смольном невозможно разграничить рассказ о событиях (повествовательное, эпическое начало) и прямое выражение переживаний поэта (элемент лирики). Эти строфы являются кульминацией поэмы в целом. В них намечен тот характер изображения великих событий, который позднее, в поэме «Хорошо!», станет основным.

В последующих после сцены в Смольном строфах Ленин выступает как создатель и глава пролетарского государства, организующий волю и энергию всего многомиллионного народа. Факты, о которых здесь идёт речь (выход революционной России из империалистической войны, организация Красной Армии, оборона Советской республики от интервентов и т. п.), — это уже не только история революционной партии, борющейся в условиях жестокого гнёта, но и история целого народа и создаваемого им государства.

С большой изобразительной силой передаёт Маяковский переход Советского государства к мирному строительству и связанные с этим трудности. Советская власть победила в гражданской войне, опираясь на союз рабочего класса с основной массой крестьянства. Но, как неоднократно разъяснял Ленин, крестьянин совмещает в себе труженика и собственника. Советская власть в 1917 году дала крестьянину землю, но затем, в условиях гражданской войны и интервенции, вынуждена была отбирать часть хлеба в виде так называемой продразвёрстки [1] не только у кулаков, но и у середняков. Пока шла гражданская война и существовала угроза возвращения

[1] См. об этом слове на стр. 93.

помещиков, основная масса крестьянства мирилась с продразвёрсткой, но в 1921 году, когда эта угроза миновала, в ряде мест вспыхнули восстания, организованные кулаками, в которые им удавалось втянуть и часть крестьян-середняков. Союз рабочего класса и крестьянства оказался частично нарушенным, и это угрожало самому существованию советской власти. Мудрый ленинский манёвр — переход к нэпу — дал возможность партии и советской власти разрешить нараставшее политическое напряжение, успокоить деревню, улучшить положение с продовольствием в городах и приступить к ликвидации тяжёлых последствий войны и разрухи, используя и инициативу буржуазных элементов. Однако в 1922 году Ленин уже писал о начавшемся широком экономическом наступлении на капиталистические элементы (о сущности нэпа см. во вступительной статье, стр. 24).

Весь этот сложный комплекс (сумма) исторических фактов и политических идей впечатляюще передан в поэме, как наглядная, живая картина. Судно, потрёпанное в тяжёлых бурях, кренится на правый [1] борт и находится почти на краю гибели. Но вот крутой поворот, и капитан или рулевой (штурман) вводит его в глубокий залив, ставит в док, организует ремонт повреждений и через некоторое время подготавливает команду к новому длительному походу.

Эта метафора, мастерски развёрнутая на нескольких страницах, выясняется постепенно. Уже в строчке «Мы победили, но мы в пробоинах» слово «пробоина» вызывает образ судна. Слово «мы» связывает этот образ с Советской страной (Советским государством). Угрожающий аварией груз на правом борту — это сила собственнических традиций деревни. В следующей строфе благодаря упоминанию об остановившейся машине, изорванной в лохмотья обшивке и поломанном маяке образ проясняется, конкретизируется: это большой морской или океанский корабль. Оба ряда значений — реальный (политический) и переносный (метафорический) — как бы «накладываются» один на другой, совмещаются и, не переставая существовать самостоятельно, как бы «просвечивают» друг через друга.

[1] О значении этого слова как политического термина см. в пояснении к стихотворению «Левый марш» на стр. 75.

Рассмо́трим, наприме́р, фра́зу: «и пла́вно в мир, строи́тельству в до́ки, вошла́ Сове́тских респу́блик грома́дина». Ясно, что «войти́ в док» мо́жет то́лько кора́бль, а отню́дь не страна́. Поэ́тому сло́во «грома́дина», грамати́чески согласо́ванное со слова́ми «Сове́тских респу́блик», а по смы́слу одина́ково уме́стное для определе́ния и большо́го океа́нского корабля́ и огро́мной Сове́тской страны́, как бы подде́рживает в на́шем созна́нии о́браз корабля́. Но о́браз страны́ не вытесня́ется оконча́тельно: «грома́дина» вошла́ не про́сто «в до́ки», а «в мир, строи́тельству в до́ки». Для страны́, для Сове́тских респу́блик, мир, перехо́д к ми́рному строи́тельству по́сле ря́да лет войны́ так же целе́бен, как вхожде́ние в док для потрёпанного бу́рей корабля́. В обы́чной ре́чи (вне мета́форы) нельзя́ сказа́ть о стране́, что она́ «вошла́ в мир». Но у Маяко́вского о́браз корабля́ и о́браз страны́ сбли́жены насто́лько, что о стране́ есте́ственно сказа́ть то, что в делово́й ре́чи говори́тся то́лько о корабле́, и наоборо́т.

При всём том мета́фора «кора́бль — Сове́тская страна́», бу́дучи о́чень нагля́дной, нигде́ не стано́вится самодовле́ющей: чита́тель ни на мину́ту не забыва́ет, что речь идёт не о корабле́, бу́ре, зали́ве и т. п., а об истори́ческих собы́тиях, что Ле́нин не шту́рман корабля́, а руководи́тель Сове́тского госуда́рства, руководи́тель огро́мной страны́.

Заключи́тельные стро́фы второ́й главы́, в кото́рых говори́тся о междунаро́дном призна́нии социалисти́ческой держа́вы («...цили́ндры и коро́ны кла́няются Ильичёвой респу́блике сове́тов»), перекликаются по контра́сту с да́нным в нача́ле главы́ о́бразом крепостно́й Руси́. Са́мая после́дняя строфа́ подгота́вливает возвраще́ние в тре́тьей главе́ к те́ме Ле́нина-челове́ка, Ильича́. Она́ постро́ена на ре́зком контра́сте. В двух пе́рвых строфа́х говори́тся о торжестве́ ле́нинского де́ла («Нам не стра́шно уси́лье ничьё, мчим вперёд парово́зом труда́...»). Но Ле́нин не то́лько воплоще́ние во́ли миллио́нов, но и «челове́к до конца́ челове́чьего». Слова́ о торжестве́ ле́нинского де́ла ре́зко обрыва́ются. Ритми́ческий перебо́й в двух заключи́тельных строка́х подчёркивает неожи́данность изве́стия: «...и вдруг стопудо́вая весть — с Ильичём [здесь дли́тельная па́уза] уда́р».

Эти стро́ки возвраща́ют нас к нача́лу поэ́мы. Там

(в после́дней, тре́тьей, ча́сти вступле́ния) о́браз наро́да, проща́ющегося с вождём, вызыва́ет у Маяко́вского стремле́ние осмы́слить вели́кий путь, про́йденный Ле́ниным, уясни́ть себе́: «Что он сде́лал? Кто он и отку́да — э́тот са́мый челове́чный челове́к?» Тепе́рь чита́тель уже́ получи́л на э́ти вопро́сы отве́т. В пла́не истори́ческом и логи́ческом те́ма «значе́ние Ле́нина» по́лностью завершена́.

Но поэ́ма не завершена́ — она́ тре́бует ещё эмоциона́льного, лири́ческого заверше́ния. Концо́вка второ́й главы́ явля́ется с э́той то́чки зре́ния как бы но́вой завя́зкой.

Таки́м эмоциона́льным заверше́нием явля́ется тре́тья глава́ — целико́м лири́ческая. Композицио́нно э́та глава́ перекли́кается с нача́лом поэ́мы, с лири́ческими вступле́ниями. В пе́рвой полови́не главы́ после́довательно сменя́ющиеся карти́ны го́ря, кото́рое, как во́лны, расхо́дится по стране́ и всему́ земно́му ша́ру, создаю́т от строфы́ к строфе́ нараста́ние траги́ческой напряжённости, кото́рая, дости́гнув преде́ла, разреша́ется в противополо́жное (строфа́ «Я сча́стлив, что я э́той си́лы части́ца...», см. вступи́тельную статью́, стр. 28). В э́той строфе́ — то, что дре́вние гре́ки называ́ли «ка́тарсис» (буква́льно — очище́ние): разреше́ние траги́ческой те́мы через высо́кое и прекра́сное. Огро́мность пережито́го вызыва́ет преде́льное ощуще́ние полноты́ бытия́, остроту́ ви́дения ми́ра и созна́ние свое́й ответственности перед исто́рией и челове́чеством как совреме́нника Ле́нина — сове́тского челове́ка и поэ́та («У гро́ба мы — люде́й представи́тели...» и т. д.). Перехо́д от тра́урных страни́ц к пате́тике и призы́вам заключи́тельных строф опра́вдан, сле́довательно, вну́тренней ло́гикой пережива́ния. Бо́дрый ма́ршевый ритм концо́вки («Этого прика́за и не ну́жно да́же...» и да́лее) удиви́тельно соответствует и описываемому конкре́тному моме́нту («с пло́щади вниз вбива́ем шаг»), и вну́треннему смы́слу происходя́щего: рабо́чий класс, си́лы кото́рого умно́жены вели́кими иде́ями Ле́нина, спла́чивает ряды́ вокру́г Коммунисти́ческой па́ртии («Ка́ждое зна́мя твёрдыми рука́ми вновь над голово́ю взви́то ввысь...» и после́дующие стро́фы). Таки́м о́бразом, поэ́ма зака́нчивается утвержде́нием вели́кой де́йственной си́лы ле́нинских иде́й.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

Росси́йской
Коммунисти́ческой па́ртии
посвяща́ю

Вре́мя —
начина́ю
про Ле́нина расска́з.
Но не потому́,
что го́ря
не́ту бо́лее,
вре́мя
потому́,
что ре́зкая тоска́
ста́ла я́сною,
осо́знанною бо́лью.
Вре́мя,
сно́ва
ле́нинские ло́зунги развихрь[1].
Нам ли
растека́ться
слёзной лу́жею, —
Ле́нин
и тепе́рь
живе́е всех живы́х.
На́ше зна́нье —
си́ла
и ору́жие.
Лю́ди — ло́дки.
Хотя́ и на су́ше.
Проживёшь
своё
пока́,
мно́го вся́ких
гря́зных раку́шек
налипа́ет
нам
на бока́.
А пото́м,
проби́вши
бу́рю разозлённую,

[1] Р а з в и́ х р ь (неологи́зм от сло́ва «вихрь») — разнеси́ по всему́ ми́ру.

ся́дешь,
что́бы со́лнца близ,
и счища́ешь
во́дорослей
бо́роду зелёную
и медуз мали́новую слизь.
Я
себя́
под Ле́ниным чи́щу,
что́бы плыть
в револю́цию да́льше.
Я бою́сь
э́тих стро́чек ты́щи,
как мальчи́шкой
бои́шься фа́льши.
Рассия́ют голово́ю ве́нчик,
я трево́жусь,
не закры́ли чтоб
настоя́щий,
му́дрый,
челове́чий
ле́нинский
огро́мный лоб.
Я бою́сь,
чтоб ше́ствия
и мавзоле́и,
поклоне́ний
установленный статут
не зали́ли б
при́торным еле́ем
ле́нинскую
простоту́.
За него́ дрожу́,
как за зени́цу гла́за[1],
чтоб конфе́тной
не был
красото́й обо́лган.
Голосу́ет се́рдце —
я писа́ть обя́зан
по манда́ту до́лга.

[1] Изменённое выраже́ние «зени́ца о́ка», то есть наибо́лее сберега́емое. (З е н и́ ц а — зрачо́к).

Вся Москва́.
Промёрзшая земля́
дрожи́т от гу́да.
Над костра́ми
.обмороже́нные с но́чи.
Что он сде́лал?
Кто он
и отку́да?
Почему́
ему́
така́я по́честь?
Сло́во за́ словом
из па́мяти таска́я,
не скажу́
ни одному́ —
на ме́сто сядь.
Как бедна́
у ми́ра
сло́ва мастерска́я!
Подходя́щее
отку́да взять?
У нас
семь дней,
у нас
часо́в — двена́дцать.
Не прожи́ть
себя́ длинне́й [1].
Смерть
не уме́ет извиня́ться.
Если ж
с часа́ми пло́хо,
мала́
календа́рная ме́ра,
мы говори́м —
«эпо́ха»,
мы говори́м —
«э́ра».
Мы
спим
ночь.

[1] То есть не прожи́ть до́льше своего́ ве́ка, свое́й жи́зни.

Днём
совершаем посту́пки.
Лю́бим
свою́ толо́чь
во́ду
в свое́й ступе́ [1].
А е́сли
за всех смог
направля́ть
пото́ки явле́ний,
мы говори́м —
«проро́к»,
мы говори́м —
«ге́ний».
У нас
прете́нзий нет —
не зову́т —
мы и не ле́зем;
нра́вимся
свое́й жене́,
и то
дово́льны доне́льзя.
Если ж,
те́лом и ду́хом слит,
прёт
на нас не похо́жий,
шпи́лим [2]
«ца́рственный вид»,
удивля́емся —
«дар бо́жий».

[1] О бесце́льном, бесполе́зном заня́тии, пусто́м времяпрепровожде́нии говоря́т: «толо́чь во́ду в ступе́». Здесь э́то выраже́ние не́сколько переосмы́сленно: лю́бим, привы́кли де́лать лишь своё ли́чное, ме́лкое, то́лько нас каса́ющееся.

[2] Ш п и́ л и м (неологи́зм) — то есть пришпи́ливаем, прика́лываем, наве́шиваем ярлы́к. Стремя́сь найти́ для расска́за о Ле́нине живы́е, от се́рдца иду́щие слова́, Маяко́вский иронизи́рует над привы́чкой говори́ть об истори́ческих де́ятелях «возвы́шенными», но не доходя́щими до се́рдца слова́ми.

Ска́жут так —
и вы́шло
ни умно́, ни глу́по.
Повися́т слова́
и уплыву́т, как ды́мы.
Ничего́
не вы́колупишь
из таки́х скорлу́пок.
Ни рука́м,
ни голове́ не ощути́мы.
Как же
Ле́нина
таки́м арши́ном ме́рить! [1]
Ведь глаза́ми
ви́дел
ка́ждый, всяк —
«э́ра» э́та
проходи́ла в две́ри,
да́же
голово́й
не задева́я о кося́к.
Неуже́ли
про Ле́нина то́же:
«вождь
ми́лостью бо́жьей»? [2]
Если б
был он
ца́рствен и боже́ствен,
я б
от я́рости
себя́ не поберёг,
я бы
стал бы
в переко́ре ше́ствий,

[1] «Таки́м арши́ном ме́рить» — изменённое выраже́ние «ме́рить на свой арши́н», то есть оце́нивать, руково́дствуясь то́лько своим ли́чным, ограни́ченным о́пытом.

[2] Здесь име́ется в виду́ фра́за, кото́рой начина́лись манифе́сты росси́йских царе́й: «Бо́жьей ми́лостью мы, Никола́й Вто́рый (и́ли ра́нее друго́е и́мя), госуда́рь-импера́тор и самоде́ржец всероссий-ский. . .» и т. д.

поклоне́ниям
и то́лпам поперёк.
Я б
нашёл
слова́
прокля́тья громоу́стого,
и, пока́
расто́птан
я
и вы́крик мой,
я броса́л бы
в не́бо
богоху́льства,
по Кремлю́ бы
бо́мбами
мета́л:
д о л о́ й!
Но тверды́
шаги́ Дзержи́нского
у гро́ба.
Ны́нче бы
могла
с посто́в сойти́ Чека́ [1].
Сквозь мильо́ны глаз,
и у меня́
сквозь о́ба,
лишь сосу́льки слёз,
примёрзшие
к щека́м.
Бо́гу
по́чести казённые
не но́вость.
Нет! —
Сего́дня
настоя́щей бо́лью,
се́рдце, холоде́й!

[1] Ч е к а́ (и́ли Вечека́) — Всероссийская чрезвыча́йная комиссия. Так называ́лся со́зданный в декабре́ 1917 го́да и возглавля́вшийся Ф. Э. Дзержи́нским о́рган диктату́ры пролетариа́та по защи́те госуда́рственной безопа́сности, борьбе́ с контрреволю́цией, сабота́жем и спекуля́цией.

Мы
хоро́ним
са́мого земно́го
изо всех
проше́дших
по земле́ люде́й.
Он земно́й,
но не из тех,
кто гла́зом
упира́ется
в своё коры́то.
Зе́млю
всю
охва́тывая ра́зом,
ви́дел
то,
что вре́менем закры́то.
Он, как вы
и я,
совсе́м тако́й же,
то́лько,
мо́жет быть,
у са́мых глаз
мы́сли
бо́льше на́шего
морщи́нят ко́жей
да насме́шливей
и твёрже гу́бы,
чем у нас.
Не сатра́пья твёрдость,
триумфа́торской коля́ской
мну́щая
тебя́,
подёргивая во́жжи [1].

[1] В госуда́рствах дре́внего Восто́ка военача́льник (триумфа́тор), возвраща́вшийся из победоно́сного похо́да, торже́ственно проезжа́л на колесни́це сквозь толпу́ по́дданных, встреча́вших его́. С а т р а́ п — в дре́вней Пе́рсии наме́стник, прави́тель о́бласти (сатра́пии), по́льзовавшийся неограни́ченной вла́стью.

Он
к това́рищу
миле́л
людско́ю ла́ской.
Он
к врагу́
встава́л
желе́за твёрже.
Знал он
сла́бости,
знако́мые у нас,
как и мы,
перемога́л боле́зни.
Ска́жем,
мне биль я́рд —
отра́щиваю глаз,
ша́хматы ему́ —
они́ вождя́м
поле́зней.
И, от ша́хмат
перейдя́
к врагу́ нату́рой,
в лю́ди
вы́ведя
вчера́шних пе́шек строй,
станови́л
рабо́чей челове́чьей диктату́рой
над тюре́мной
капита́ловой туро́й.
И ему́
и нам
одно́ и то же до́рого.
Отчего́ ж,
стоя́щий
от него́ пода́ль,
я бы
жизнь свою́,
глупе́я от восто́рга,
за одно́ б
его́ дыха́нье
о́тдал?!

Да не я оди́н!
Да что я,
лу́чше, что ли?!
Да́же не позва́ть,
раскры́ть бы то́лько рот —
кто из вас
из сёл,
из ко́жи вон,
из што́лен[1]
не шагнёт вперёд?!
В ка́чке —
бу́дто бы хвати́л
вина́ и го́ря ли́шку —
инстинкти́вно
хорони́ось
трамва́йной се́ти.
Кто
сейча́с
опла́кал бы
мою́ смерти́шку
в тра́уре
вот э́той
безграни́чной сме́рти!
Со знамёнами иду́т
и так.
Похо́же —
ста́ла
вновь
Росси́я кочево́й.
И Коло́нный зал
дрожи́т,
насквозь прохо́жен.
Почему́?
Заче́м
и отчего́?
Телегра́ф
охри́п
от тра́урного гу́да.
Слёзы сне́га
с фла́жьих
покрасне́вших век.

[1] Што́льня — горизонта́льный подзе́мный ход в ша́хте.

Что он сде́лал,
кто он
и отку́да —
э́тот
са́мый челове́чный челове́к?

Коротка́
и до после́дних мгнове́ний
нам
изве́стна
жизнь Улья́нова.
Но до́лгую жизнь
това́рища Ле́нина
на́до писа́ть
и опи́сывать за́ново.
Далеко́ давны́м,
годо́в за две́сти,
пе́рвые
про Ле́нина
восхо́дят ве́сти.
Слы́шите —
желе́зный
и лужёный,
прореза́я
дре́вние века́,—
го́лос
пра́деда
Бромле́я и Гужо́на —
пе́рвого паровика́?[1]
Капита́л[2]
его́ вели́чество,
некороно́ванный,
неве́нчанный,

[1] То есть гро́хот и гудки́ паровы́х маши́н, пе́рвых индустриа́льных предприя́тий, осно́ванных зачина́телями капиталисти́ческого спо́соба произво́дства. Бромле́й и Гужо́н — владе́льцы изве́стных в Москве́ металлурги́ческих заво́дов (по́сле Октября́ из э́тих заво́дов вы́росли крупне́йшие социалисти́ческие предприя́тия «Кра́сный пролета́рий» и «Серп и мо́лот»). Здесь Маяко́вский напомина́ет, что исто́рия рабо́чего кла́сса свя́зана с исто́рией маши́нного произво́дства.

[2] Капита́л — здесь: капитали́зм.

объявля́ет
покорённой
си́лу деревёнщины.
Го́род гра́бил,
грёб,
граба́стал,
глы́бил
пу́за касс [1],
а у станко́в,
худо́й и горба́стый,
встал
рабо́чий класс.
И уже́
грози́л,
взрива́я тру́бы за́ небо:
— На́ми
к зо́лоту
пути́ мости́те.
Мы роди́м,
пошлём,
придёт когда́-нибудь
челове́к,
боре́ц,
кара́тель,
мсти́тель! —
И уже́
смеша́лись
облака́ и ды́мы,
бу́дто
рядовы́е
одного́ полка́.
Небеса́
стано́вятся двойны́ми,
ды́мы
забива́ют облака́.
Това́ры
расту́т,
меж ни́щими вы́сясь.

[1] То есть капиталисти́ческий го́род набива́л награ́бленными деньга́ми ка́ссы. Г л ы б и л — неологи́зм от сло́ва «глы́ба».

Дире́ктор,
лы́сый чёрт,
пошёлкал счётами,
бу́ркнул:
«кри́зис!»
и вы́весил сло́во
«расчёт».
Кра́пило
сла́сти
муши́ное се́ево [1],
хлеба́
зерно́м
в элева́торах по́ртятся,
а под витри́нами
всех Елисе́евых [2],
живо́т подведя́,
плела́сь безрабо́тица.
И бурча́ло
у трущо́б в утро́бе,
покрыва́я
детвори́ный пла́чик:
— Под рабо́ту,
под винто́вку ль,
на́ —
ладо́ни о́бе!

Приходи́,
засту́пник
и распла́тчик! —
Эй,
верблю́д,
открыва́тель коло́ний!
Эй,
коло́нны стальны́х корабле́й!
Марш
в пусты́ни,
огня́ раскалённей!

[1] То есть кра́пинки (следы́) мух усе́ивали проду́кты, до́лго лежа́вшие во вре́мя обы́чных при капитали́зме кри́зисов перепроизво́дства. С е́ е в о — неологи́зм от сло́ва «се́ять».

[2] Е л и с е́ е в — фами́лия владе́льца изве́стных гастрономи́ческих магази́нов в Москве́ и Петербу́рге.

Пе́ньте пе́ну
бума́ги беле́й!
Начина́ют
чёрным лата́ться
оа́зисы
па́льмовых нег[1].
Вон
среди́
золоти́стых планта́ций
засе́ченный
вы́мычал негр:
— У-у-у-у-у,
у-у-у!
Нил мой, Нил!
Приплещи́
и вы́плещи
чёрные дни!
Чтоб черне́е бы́ли,
чем я во сне,
и пожа́р чтоб
кро́ви вот э́той красне́й.
Чтоб во всём э́том ко́фе,
враз вскипе́лом,
вари́ться пуза́тым —
чёрным и бе́лым.
Ка́ждый
добы́тый
слоно́вый клык —
ты́к его́ в мя́со,
в се́рдце ты́к.
Хоть для пра́внуков,
не зря чтоб
кро́вью ли́ться,
вы́плыви,
засту́пник солнцели́цый.
Я конча́юсь, —
бог смерте́й
пришёл и помани́л.

[1] То есть гру́ппы не́гров, рабо́тающих на капитали́стов, выделя́ются на фо́не я́рко-зелёных, располага́ющих к не́ге (к жи́зни без нужды́ и забо́т) оа́зисов подо́бно чёрным запла́там.

По́мни
э́то заклина́нье,
Нил,
мой Нил! —
В снега́х Росси́и,
в бреду́ Патаго́нии[1]
расста́вило
вре́мя
станки́ потого́нные[2].
У Ива́нова уже́
у Вознесе́нска
ка́менные ту́ши[3]
будора́жат
вы́крики часту́шек:
«Эх, заво́д ты мой, заво́д,
желтогла́зина.
Вре́мя но́вого зовёт
Сте́ньку Ра́зина».
Вну́ки
спро́сят:
— Что тако́е капитали́ст? —
Как де́ти
тепе́рь:
— Что э́то
г-о-р-о-д-о-в-о́-й? . . —
Для вну́ков
пишу́
в оди́н лист
капитали́зма
портре́т родово́й.
Капитали́зм
в молоды́е года́
был ничего́,
делово́й парни́шка:
пе́рвый рабо́тал —
не боя́лся тогда́,

[1] П а т а г о́ н и я — о́бласть в Южной Аме́рике.
[2] П о т о г о́ н н ы е — кра́йне утомля́ющие, выма́тывающие си́лы (от выраже́ния «гнать пот»).
[3] К а́ м е н н ы е т у́ ш и — здесь: ка́менные корпуса́ заво́дов.

что у него́
от рабо́т
заса́лится мани́шка.
Трико́ феода́льное
ему́ тесно́!
Лез
не ху́же,
чем ны́нче ле́зут.
Капитали́зм
револю́циями
свое́й весно́й
расцвёл
и да́же
подпева́л «Марселье́зу» [1].
Маши́ну
он
заду́мал и вы́думал.
Лю́ди
и те — е́й!
Он
по вселе́нной
ви́димо-неви́димо
рабо́чих расплоди́л
дете́й.
Он враз
и ца́рства
и гра́фства сжева́л
с коро́нами их
и с орла́ми.
Встучне́л [2],
как библе́йская коро́ва
и́ли вол,
обли́зывается.
Язы́к — парла́мент.

---

[1] «Марсельеза» — знамени́тая революцио́нная пе́сня, со́зданная в 1792 году́. Автор те́кста и му́зыки Руже́ де Лиль. Назва́ние «Марсельеза» свя́зано с тем, что пе́сня была́ принесена́ в Пари́ж революцио́нными добровольцами из Марсе́ля. Позднее пе́сня ста́ла госуда́рственным ги́мном Фра́нции.

[2] Встучне́л — стал ту́чным, то́лстым, жи́рным.

С года́ми
осла́бла
му́скулов сталь,
он раздобре́л
и распу́х,
тако́й же
с тече́нием вре́мени
стал,
как и его́ гроссбу́х [1].
Дворе́ц возвёл —
не уви́дишь тако́го!
Худо́жник
— не оди́н! —
по сте́нам поёрзал.
Пол ампи́ристый,
потоло́к рококо́вый,
сте́нки —
Людо́вика XIV,
Като́рза [2].
Вокру́г,
с лицо́м,
что ра́вно годи́тся
быть и лицо́м
и ягоди́цей,
задоли́цая
поли́ция.
И кра́ске
и пе́сне
душа́ глуха́,

---

[1] Гроссбу́х — гла́вная кни́га за́писей прихо́да и расхо́дов в бухгалте́рии.

[2] Здесь Маяко́вский издева́ется над безвку́сием и ни́зкой культу́рой буржуази́и конца́ XIX ве́ка, кото́рая, стро́я для себя́ роскошные дворцы́, механи́чески сме́шивала разли́чные сти́ли, так как пло́хо их зна́ла. Ампи́ристый и рококо́вый — иронически звуча́щие прилага́тельные, образо́ванные Маяко́вским от францу́зских назва́ний худо́жественных сти́лей ампи́р и рококо́. Ампи́р — архитекту́рный стиль эпо́хи импе́рии Наполео́на I, отлича́ющийся стро́гостью и простото́й ли́ний; рококо́ — стиль в архитекту́ре, отлича́ющийся сло́жностью форм и причу́дливостью орна́мента. Като́рза — напи́санное ру́сскими бу́квами францу́зское числи́тельное quatorze — четы́рнадцать с ру́сским паде́жным оконча́нием. Изве́стен осо́бый стиль вну́треннего оформле́ния дворцо́в во времена́ ца́рствования францу́зского короля́ Людо́вика XIV.

как коро́ве
цветы́
среди́ лу́га.
Этика, эсте́тика
и про́чая чепуха́ —
про́сто —
его́
же́нская прислу́га [1].
Его́
и рай
и преиспо́дняя [2] —
распродаёт
стару́хам
ды́рки
от гвозде́й
креста́ госпо́дня
и перо́
хвоста́
свято́го ду́ха.
Наконе́ц
и он
перерос себя́,
за него́
рабо́тает раб.
Лишь наживая́,
жря
и спя,
капитали́зм разбу́х
и обдря́б.
Обдря́б
и лёг
у исто́рии на пути́
в мир,
как в свою́ крова́ть.
Его́ не объе́хать,
не обойти́,

[1] Общий смысл: капитали́зм превраща́ет да́же высо́кие духо́вные це́нности в предме́т ку́пли-прода́жи. Э т и к а — уче́ние о нра́вственности; э с т е́ т и к а — уче́ние о зако́нах прекра́сного и его́ проявле́ниях в жи́зни и иску́сстве. Здесь в смы́сле: нра́вственность и красота́.

[2] П р е и с п о́ д н я я — ад.

еди́нственный вы́ход —
взорва́ть!
Зна́ю,
ли́рик
скриви́тся го́рько,
кри́тик
ри́нется
хлы́стиком вы́стегать:
— А где ж душа́?!
Да э́то ж — рито́рика! [1]
Поэ́зия где ж?
Одна́ публици́стика!! [2] —
Капитали́зм —
неизя́щное сло́во,
куда́ изя́щней звучи́т —
«солове́й»,
но я
возвращу́сь к нему́
сно́ва и сно́ва.
Строку́
агита́торским ло́зунгом взвей!
Я бу́ду писа́ть
и про то́
и про э́то,
но ны́нче
не вре́мя
любо́вных ляс [3].
Я
всю свою́
зво́нкую си́лу поэ́та

[1] Р и т о́ р и к а — нау́ка о красноре́чии. Здесь: высокола́рные непоэти́ческие, сухи́е слова́.

[2] П у б л и ц и́ с т и к а — статьи́ (в газе́тах, журна́лах), брошю́ры, кни́жки на остросовреме́нные полити́ческие те́мы. Часть кри́тики, вражде́бная интере́сам сове́тской поэ́зии и́ли про́сто ко́сная, не понима́ющая но́вого, боря́сь про́тив характе́рного для тво́рчества Маяко́вского введе́ния полити́ческих тем в поэ́зию, называ́ла полити́ческую ли́рику Маяко́вского «публици́стикой», вкла́дывая в э́то сло́во уничижи́тельный смысл. Маяко́вский, напро́тив, стра́стно утвержда́л высо́кую поэти́чность полити́ческих тем и правоме́рность в поэ́зии свя́занных с ни́ми деловы́х, «непоэти́ческих» слов.

[3] То есть не вре́мя разгово́ров о любви́ (от выраже́ния «точи́ть ля́сы» — болта́ть).

тебе́ отдаю́,
атаку́ющий класс.
Пролетариа́т —
неукло́же и у́зко
тому́,
кому́
коммуни́зм — западня́.
Для нас
э́то сло́во —
могу́чая му́зыка,
могу́щая
мёртвых
сража́ться подня́ть.
Этажи́
уже́
заёжились, дрожа́ [1],
клич подва́лов
подыма́ется по этажа́м:
— Мы прорвёмся
небеса́м
в распа́хнутую синь.
Мы пройдём
сквозь ка́менный коло́дец.
Бу́дет.
С э́тих нар
рабо́чий сын —
пролетариатово́дец. —
Им
уже́
земно́го ша́ра ма́ло.
И руко́й,
отяжеле́вшей
от коле́ц,
тя́нется
упи́танная
ту́ша капита́ла
ухвати́ть
чужо́й горле́ц [2].

[1] То есть испуга́лась буржуази́я. (Бедняки́ до револю́ции жи́ли преиму́щественно в подва́лах.)

[2] Г о р л е́ ц (неологи́зм) — уменьши́тельное от «го́рло».

Иду́т,
желе́зом
кла́цая и ла́цкая [1].
— Убива́йте!
Двум буржу́ям те́сно! —
Ка́ждое село́ —
моги́ла бра́тская,
города́ —
заво́д протезный.
Ко́нчилось —
столы́
накры́ли ча́йные.
Пирого́м
побе́да на столе́.
— Слу́шайте
моги́л чревовеща́ние,
кастаньеты костыле́й! [2]
Сно́ва
нас
уви́дите
в вое́нной я́ви [3].
Эту
вре́мя
не прости́т вину́.
Он распла́тится,
придёт он
и объя́вит
вам
и ва́шинской войне́
войну́! —
Вырастаю́т
на земле́
слезы́ озёра,
сли́шком
непрола́зны
кро́ви то́пи.

[1] К л а́ ц а я и л а́ ц к а я (неологи́змы) — звеня́, греми́, громыха́я желе́зом.

[2] Смысл фра́зы: слу́шайте голоса́ уби́тых во вре́мя войн, кото́рые вела́ буржуази́я, и стук костыле́й инвали́дов э́тих войн.

[3] Я в ь — реа́льная действи́тельность.

И клони́лись
одино́чки фантазёры
над реше́нием
немы́слимых уто́пий.
Го́лову
об жизнь
разби́ли филантро́пы.
Ра́зве
путь миллио́нам —
филантро́пов тро́пы?[1]
И уже́
бесси́лен
сам капитали́ст,
так
его́
маши́на размаха́лась, —
строй его́
несёт,
как пожелте́лый лист,
кри́зисов
и забасто́вок ха́ос.
— В чей карма́н
стека́ем
золото́ю ла́вой?
С кем идти́
и на кого́ пеня́ть? —
Класс миллионогла́вый
напряга́ет глаз —
себя́ поня́ть.

Вре́мя
часы́
капита́ла
кра́ло.

[1] В двух после́дних строфа́х Маяко́вский име́ет в виду́ уче́ние социали́стов-утопи́стов нача́ла XIX ве́ка Сен-Симо́на, Оуэна и Фурье́, кото́рые, критику́я капитали́зм, не могли́ указа́ть действи́тельный вы́ход из его́ противоре́чий. Они́ учи́ли, что обще́ственный строй мо́жно измени́ть, убеди́в эксплуата́торов напра́вить свои́ капита́лы на подде́ржку комму́н, организу́емых (в усло́виях капиталисти́ческого о́бщества) на социалисти́ческих нача́лах. Филантро́п — челове́к, кото́рый пыта́ется путём мора́льной про́поведи, по́мощи бе́дным и т. п. доби́ться смягче́ния эксплуата́ции.

Побива́я
проже́кторов я́ркость,
вре́мя
роди́ло
бра́та Ка́рла —
ста́рший
ле́нинский брат,
Маркс.
Маркс!
Встаёт глаза́м
седи́н портре́тных ра́ма.
Как же
жизнь его́
от представле́ний далека́!
Лю́ди
ви́дят
замуро́ванного в мра́мор,
ги́псом
холоде́ющего старика́.
Но когда́
революцио́нной тро́пкой
пе́рвый
де́лали
рабо́чие
шажо́к,
о, како́й
невероя́тной то́пкой
се́рдце Маркс
и мысль свою́ зажёг!
Бу́дто сам
в заво́де ка́ждом
сто́я сто́ймя,
бу́дто
ка́ждый труд
размозо́ливая ли́чно[1],
гра́бящих
приба́вочную сто́имость

[1] То есть е́сли бы он сам был рабо́чим всех специа́льностей одновреме́нно. Размозо́ливая — неологи́зм от сло́ва «мозо́ль».

за́ руку
поймáл с полúчным [1].
Где дрожáли тéльцем,
не вздымáя глаз свой
дáже
до пупá
биржевикá-дельцá,
Маркс
повёл
разúть
войнóю клáссовой
золотóго,
до быкá
дорóсшего тельцá [2].
Нам казáлось —
в коммунúзмовы затóны
тóлько
вóлны слýчая
закúнут
нас,
юлú.
Маркс
раскры́л
истóрии закóны,
пролетариáт
постáвил у руля́.
Книги Мáркса
не набóра грáнки [3],
не сухúе
цифр столбцы́ —

---

[1] П о й м á т ь с п о л и́ ч н ы м — застáть на мéсте преступлéния, разоблачúть престýпника так, чтóбы егó винá стáла видна́ всем.

[2] З о л о т о́ й т е л е́ ц — изображéние тельцá (телёнка), сдéланного из зóлота, то есть úдол, божóк (библéйский óбраз). Иноскáзательно: власть зóлота, богáтства, дéнег. Ирони́чески развивáя э́тот óбраз, Маякóвский говорúт, что власть капитáла в современном óбществе огрóмна — э́то ужé не «телéц», а здоровéнный бык.

[3] Н а б о́ р и г р á н к и — типографúческие тéрмины; н а б о́ р — совокýпность лúтер — букв, воспроизводя́щих текст, г р á н к и — óттиски печáтного набóра. Общúй смысл всей строфы́: марксúзм — не мёртвая бýква, а руковóдство к революцúóнному дéйствию.

Маркс
рабóчего
постáвил нá ноги
и повёл
колóннами
стройнéе цифр.
Вёл
и говорúл:
сражáясь ля́гте,
дéло —
корректýра
вы́кладкам умá [1].
Он придёт,
придёт,
велúкий прáктик,
поведёт
поля́ми битв,
а не бумáг!
Жернóвами дум
послéднее меля́
и рукóй
допúсывая
восковóй,
знáю,
Мáрксу
вúделось
видéние Кремля́
и коммýны
флаг
над крáсною Москвóй.
Назревáли,
зрéли дни,
как ды́ни,
пролетариáт
взрослéл
и вы́рос из ребя́т.
Капитáловы
отвéсные твердыни

---

[1] То есть революцúóнная прáктика являéтся провéркой революцúóнной теóрии (к о р р е к т ý р а — исправлéние ошúбок, допýщенных в типографúческом набóре).

ва́лом размыва́ют
и дробя́т.
У каки́х-нибудь
годо́в
на расстоя́нии
ско́лько гроз
гуди́т
от нараста́ний.
Завершае́тся
восста́нием
гне́ва нараста́ние,
нараста́ют
револю́ции
за вспы́шками восста́ний.
Крут
буржу́ев
озвере́вший но́ров.
Тьерами расте́рзанные,
во́я и стена́я,
те́ни пра́дедов,
пари́жских коммуна́ров,
и сейча́с
вопя́т
пари́жскою стено́ю [1]:
— Слу́шайте, това́рищи!
Смотри́те, бра́тья!
Го́ре одино́чкам —
вы́учьтесь на нас!
Сообща́ взрыва́йте!
Бе́йте па́ртией!
Кулако́м
одни́м
собра́в
рабо́чий класс. —

[1] Здесь Маяко́вский говори́т о Пари́жской комму́не (1871). Несмотря́ на кратковре́менность, Пари́жская комму́на име́ла огро́мное значе́ние как пе́рвый о́пыт госуда́рства диктату́ры пролетариа́та. Реакцио́нному правительству Тье́ра удало́сь раздави́ть комму́ну. У стены́ кла́дбища Пер-Лаше́з бы́ли расстре́ляны после́дние защи́тники Комму́ны.

Ска́жут:
«Мы вожди́»,
а са́ми —
шаркуна́ми?
За реча́ми
шку́ру
распозна́ть уме́й!
Бу́дет вождь
тако́й,
что мелоча́ми с на́ми —
хле́ба про́ще,
рельс пряме́й.
Сме́сью кла́ссов,
вер,
сосло́вий
и наре́чий
на рубля́х колёс
земли́ща дви́галась.
Капита́л
ежо́м противоре́чий
рос вовсю́
и креп,
штыка́ми и́глясь.
Коммуни́зма
при́зрак
по Евро́пе ры́скал [1],
уходи́л
и вновь
маячил в отдале́ньи...
По всему́ поэ́тому
в глуши́ Симби́рска
родился́
обыкнове́нный ма́льчик
Ле́нин.

Я знал рабо́чего.
Он был безгра́мотный.

[1] Изменённая фра́за из произведе́ния К. Ма́ркса и Ф. Энгельса «Манифе́ст Коммунисти́ческой па́ртии» (1848). «При́зрак бро́дит по Евро́пе — при́зрак коммуни́зма» — так начина́ется э́то всеми́рно изве́стное произведе́ние.

Не разжева́л
да́же а́збуки соль.
Но он слы́шал,
как говори́л Ле́нин,
и он
знал — всё.
Я слы́шал
расска́з
крестья́нина-сиби́рца.
Отобра́ли,
отстоя́ли винто́вками
и ра́ем
разде́лали селе́ньице.
Они́ не чита́ли
и не слы́шали Ле́нина,
но э́то
бы́ли ле́нинцы.
Я ви́дел го́ры —
на них
и куст не рос.
То́лько
тучи
на ска́лы
упа́ли ничко́м.
И на сто вёрст
у еди́нственного го́рца
лохмо́тья
сия́ли
ле́нинским значко́м.
Ска́жут —
э́то
о була́вках а́хи.
Ба́рышни их
вка́лывают
из коке́тливых причу́д.
Не була́вка вко́лота —
значко́м
прожгло́ руба́хи
се́рдце,
по́лное
любо́вью к Ильичу́.

Этого
не объясни́шь
церко́вными славя́нскими
крюка́ми,
и не бог
ему́
веле́л —
избра́нник будь!
Ша́гом челове́ческим,
рабо́чими рука́ми,
со́бственною голово́й
прошёл он
э́тот путь.
Све́рху
взгляд
на Росси́ю брось —
рассине́лась ре́чками,
сло́вно
разгуля́лась
ты́сяча розг,
сло́вно
пле́тью исполосо́вана.
Но синей,
чем вода́ весно́й,
синяки́
Руси́ крепостно́й.
Ты
с боко́в
на Росси́ю глянь —
и куда́
гла́за ни кинь,
упира́ются
не́бу в склянь[1]
го́ры,
ка́торги
и рудники́.
Но и ка́торг
больне́е была́
у фабри́чных станко́в
кабала́.

[1] То есть упира́ются в не́бо, прозра́чное, как стекло́. С к л я н ь — стекло́ (от устаре́вшего «скло» и «сткло»).

Бы́ли стра́ны
бога́тые бо́лее,
краси́вее вида́л
и умне́й.
Но земли́
с ещё бо́льшей бо́лью
не дови́делось
ви́деть
мне.
Да, не ка́ждый
уда́р
сотрёшь со щеки́.
Крик крепча́л:
— Подыма́йтесь
за зе́млю и во́лю вы! —
И беру́тся
бунтовщики́-
одино́чки
за бо́мбу
и за рево́львер [1].
Хорошо́
в царя́
вогна́ть обо́йму!
Ну, а е́сли
то́лько пыль
взметнёшь у колеса́?!
Подгото́вщиком
цареуби́йства
по́йман
брат Улья́нова,
народово́лец
Алекса́ндр [2].
Одного́ убьёшь —
друго́й
во весь свой пыл

[1] Здесь Маяко́вский име́ет в виду́ народово́льцев, то есть революционе́ров 70-х — нача́ла 80-х годо́в, уча́стников па́ртии «Наро́дная во́ля», вы́делившейся из наро́днического движе́ния. Народово́льцы соверша́ли террористи́ческие а́кты про́тив ви́дных представи́телей ца́рской вла́сти (1 ма́рта 1881 го́да и́ми был уби́т царь Алекса́ндр II).

[2] Алекса́ндр Ильи́ч Улья́нов, ста́рший брат В. И. Улья́нова-Ле́нина, 1 ма́рта 1887 го́да был аресто́ван за уча́стие в подгото́вке покуше́ния на царя́ Алекса́ндра III и 8 ма́я 1887 го́да казнён.

пы́тками
уше́дших
переплю́нуть ту́жится [1].
И Улья́нов
Алекса́ндр
пове́шен был
ты́сячным из шлиссельбу́ржцев [2].
И тогда́
сказа́л
Ильи́ч семнадцатигодо́вый —
э́то сло́во
кре́пче клятв
солда́том по́днятой руки́:
— Брат,
мы здесь
тебя́ смени́ть гото́вы,
победи́м,
но мы
пойдём путём другим! —
Оглядите па́мятники —
ви́дите
геро́ев род вы?
Ста́нет Го́голем [3],
а ты венко́м его́ вели́чь.
Не тако́й —
чернорабо́чий,
ежедне́вный по́двиг
на́ плечи себе́
взвали́л Ильи́ч.
Он вме́сте
у́чит в ку́зничной па́сти,

[1] Т у́ ж и т с я — си́лится, стара́ется.

[2] Ш л и с с е л ь б у́ р ж ц ы — революционе́ры, у́зники Шлиссельбу́ргской кре́пости, одно́й из наибо́лее стра́шных тю́рем царизма. (Кре́пость стои́т на о́строве в за́падной ча́сти Ла́дожского о́зера, у исто́ков Невы́. Совре́менное назва́ние — Петрокре́пость.)

[3] Здесь игра́ слов. Перефрази́ровано выраже́ние «ходи́ть го́голем», означа́ющее: ходи́ть фра́нтом (г о́ г о л ь — краси́вая пти́ца из поро́ды у́ток). В то же вре́мя здесь подразумева́ется выраже́ние «ста́нет как па́мятник». Вско́ре по́сле прие́зда Маяко́вского в Москву́ был установлен па́мятник Го́голю (к столе́тию со дня его́ рожде́ния).

как быть,
чтоб зарпла́та
взросла́ пятако́м.
Что де́лать,
е́сли
дерётся ма́стер.
Как быть,
чтоб хозя́ин
пои́л кипятко́м.
Но не ме́лочь це́лью в конце́:
победи́в,
не стой так
над одно́й
сметённой лу́жею.
Социали́зм — цель.
Капитали́зм — враг.
Не ве́ник —
винто́вка ору́жие.
Ты́сячи раз
одно́ и то́ же
он вбива́ет
в тугой слух,
а наза́втра
друг в дру́га вло́жит
ру́ки
поня́вших двух.
Вчера́ — четы́ре,
сего́дня — четы́реста.
Таи́мся,
а за́втра
в откры́тую вста́нем,
и э́ти
четы́реста
в ты́сячи вы́растут.
Трудя́щихся ми́ра
поды́мем восста́нием.
Мы уже́
не ти́ше вод,
трави́нок ни́же —

гнев
трудя́щихся
густи́тся в ту́чи.
Ре́жет
мо́лниями
Ильичёвых кни́жек.
Сы́пет
гра́дом
прокла́маций и лету́чек.
Би́лся
об Ле́нина
тёмный класс,
тёк
от него́
в просветле́ньи,
и, о́бданный
си́лой
и мы́слями масс,
с кла́ссом
рос
Ле́нин.
И уже́
превраща́ется в быль
то,
в чём ю́ношей
Ле́нин кля́лся:
— Мы
не одино́чки,
мы —
сою́з борьбы́
за освобожде́ние
рабо́чего кла́сса [1]. —
Лениниизм идёт
всё да́лее
и бо́лее
вширь
ученика́ми
Ильичёвой вы́верки.

[1] В 1895 году́ по инициати́ве В. И. Ле́нина в Петербу́рге был со́здан «Сою́з борьбы́ за освобожде́ние рабо́чего кла́сса».

Кро́вью
вписан
героизм подпо́лья
в пыль
и в сля́коть
бесконе́чной Володи́мирки[1].
Ны́нче
на́ми
шар земно́й заве́рчен.
Да́же
мы
в кремлёвских кре́слах е́сли, —
ско́льким
вдруг
из-за декре́тов Не́рчинск
кандала́ми
раззвени́тся в кре́сле!
Вам
опя́ть
напо́мню пти́чий путь я.
За волчко́м —
трамва́ев
электри́ческая рысь.
Кто
из вас
решётчатые пру́тья
не цара́пал
и не грыз?!
Лоб
разбе́й
о ка́мень сте́нки те́сноїі —
за тобо́ю
смы́ли ка́меру
и замели́.
«Служи́л ты недо́лго, но че́стно
на бла́го роди́мой земли́».

[1] Володи́мирка, и́ли Влади́мирка, — наро́дное назва́ние доро́ги из Москвы́ на Влади́мир и да́льше на восто́к, в Сиби́рь. По э́той доро́ге гна́ли на ка́торгу и в ссы́лку осуждённых за революцио́нную де́ятельность. В настоя́щее вре́мя в па́мять о шага́вших по ней борца́х за наро́дное де́ло ближа́йшая к Москве́ часть э́той доро́ги называ́ется шоссе́ Энтузиа́стов.

Полюби́лась Ле́нину
в како́й из ссы́лок
э́той пе́сни
тра́урная си́ла?
Говори́ли —
мужичо́к
свое́й пойдёт доро́гой,
заведёт
социали́зм,
бесхи́тростен и прост.
Нет,
и Русь
от труб
стано́вится сторо́гой[1].
Го́род
ды́мной бородо́й обро́с.
Не попро́сят в рай —
пожа́луйста, войди́те, —
через труп буржуази́и
коммуни́зма шаг.
Ста крестья́нским миллио́нам
пролетариа́т води́тель.
Ле́нин —
пролета́риев вожа́к.
Понаобеща́ет либера́л
и́ли эсе́рик[2] пры́ткий,
сам охо́чий до рабо́чих шей, —

[1] То есть тру́бы возника́ющих повсю́ду фа́брик и заво́дов торча́т, как со́тни рого́в.

[2] Э с е́ р и к — уменьши́тельно-уничижи́тельное от сло́ва «эсе́р», то есть член па́ртии социали́стов-революционе́ров (с.-р.). Эсе́ры счита́ли себя́ насле́дниками наро́дников, но на де́ле бы́ли па́ртией лишь кула́цкой верху́шки дере́вни. До 1917 го́да они́ принима́ли уча́стие в борьбе́ про́тив самодержа́вия, но отрица́ли кла́ссовую борьбу́ и руководя́щую роль в ней рабо́чего кла́сса. Чётким ло́зунгам большевико́в они́ противопоставля́ли о́бщие фра́зы о «свобо́де», кото́рая я́кобы мо́жет быть завоёвана не сами́ми ма́ссами, а для них «исключи́тельными ли́чностями», кото́рые при по́мощи террористи́ческих а́ктов вы́нудят власть пойти́ на полити́ческие усту́пки. По́сле Октя́брьской револю́ции эсе́ры преврати́лись в контрреволюцио́нную кула́цкую па́ртию, соверша́ли убийства коммуни́стов, организо́вывали восста́ния про́тив сове́тской вла́сти, сотру́дничали с иностра́нными интерве́нтами.

Ле́нин
фра́зочки
с него́
пооборвёт до ни́тки,
чтоб из книг
сия́л
в дворя́нском нагише́ [1].
И нам
уже́
не разгово́рцы досу́жие,
что́-де свобо́да,
что лю́ди бра́тья,—
мы
в Ма́рксовом всеору́жии
одна́
на мир
большеви́стская па́ртия.
Аме́рику
пересека́ешь
в экспре́ссном купе́ [2],
идёшь Чухломо́й —
тебе́
в глаза́
вонза́ется тепе́рь
РКП
и в ско́бках
ма́ленькое «б» [3].
Тепе́рь
на Ма́рсов
охо́тится Пу́лково [4],

[1] В нагише́, нагишо́м — го́ло, неприкры́то, обнажённо.
[2] «В экспре́ссном купе́» — в купе́ экспре́сса, ско́рого по́езда.
[3] Общий смысл строфы: об РКП(б), о Коммунисти́ческой па́ртии, зна́ют и в стра́нах капитали́зма, и в са́мых отдалённых угола́х на́шей ро́дины. Чухлома́ — ма́ленький городо́к Ива́новской о́бласти.
[4] То есть Пу́лковская обсервато́рия под Ленингра́дом. Упомина́ние о Ма́рсе свя́зано с тем, что в 1924 году́ бы́ло вели́кое противостоя́ние Ма́рса (то есть наибо́льшее приближе́ние э́той плане́ты к Земле́), кото́рое быва́ет через 15—17 лет.

перебира́я
небе́сный ла́рчик.
Но ми́ру
э́та
строчна́я бу́ква
в сто крат красне́й,
грандио́зней и я́рче.
Слова́
у нас,
до ва́жного са́мого,
в привы́чку вхо́дят,
ветша́ют, как пла́тье.
Хочу́
сия́ть заста́вить за́ново
вели́чественнейшее сло́во —
«ПАРТИЯ».
Едини́ца!
Кому́ она́ нужна́?!
Го́лос едини́цы
то́ньше пи́ска.
Кто её услы́шит? —
Ра́зве жена́!
И то
если не на база́ре,
а бли́зко.
Па́ртия —
э́то
еди́ный урага́н,
из голосо́в спрессо́ванный
ти́хих и то́нких,
от него́
ло́паются
укрепле́ния врага́,
как в канона́ду
от пу́шек —
перепо́нки.
Пло́хо челове́ку,
когда́ он оди́н.
Го́ре одному́,
оди́н не во́ин —

ка́ждый дю́жий [1]
ему́ господи́н
и да́же сла́бые,
е́сли дво́е.
А е́сли
в па́ртию
сгру́дились ма́лые, —
сда́йся, враг,
замри́
и ляг!
Па́ртия —
рука́ миллионопа́лая,
сжа́тая
в оди́н
громя́щий кула́к.
Едини́ца — вздор,
едини́ца — ноль,
оди́н —
да́же е́сли
о́чень ва́жный —
не подыме́т
просто́е
пятивершко́вое бревно́ [2],
тем бо́лее
дом пятиэта́жный.
Па́ртия —
э́то
миллио́нов пле́чи,
друг к дру́гу
прижа́тые ту́го.
Па́ртией
стро́йки
в не́бо взме́чем,
держа́
и вздыма́я друг дру́га.

---

[1] Дю́жий (простоpе́ч.) — си́льный.

[2] Пятивершко́вое бревно́ — бревно́ толщино́й в 5 вершко́в. Вершо́к — ста́рая ру́сская ме́ра длины́, ра́вная 4,4 сантиме́тра.

Па́ртия —
спинно́й хребе́т рабо́чего кла́сса.
Па́ртия —
бессме́ртие на́шего де́ла.
Па́ртия —
еди́нственное,
что мне не изме́нит.

Сего́дня прика́зчик,
а за́втра
ца́рства стира́ю в ка́рте я.
Мозг кла́сса,
де́ло кла́сса,
си́ла кла́сса,
сла́ва кла́сса —
вот что тако́е па́ртия.

Па́ртия и Ле́нин —
близнецы́-бра́тья —
кто бо́лее
ма́тери-исто́рии це́нен?
Мы говори́м Ле́нин,
подразумева́ем —
па́ртия,
мы говори́м
па́ртия,
подразумева́ем —
Ле́нин.

Ещё
горо́й
короно́ванные гла́вы,
и буржу́и
черне́ют,
как во́роны в зиме́,
но уже́
горе́ние
рабо́чей ла́вы
по кра́теру па́ртии
рвётся из-под земе́ль.
Девя́тое января́.
Коне́ц гапо́нщины.

Па́даем,
ца́рским свинцо́м коси́мы.

Бре́дня
о ми́лости ца́рской
прико́нчена
с бо́йней Мукде́нской,
с тре́ском Цуси́мы [1].
Дово́льно!
Не ве́рим
разгово́рам посторо́нним!
Са́ми
с ору́жием
вста́ли пре́сненцы [2].
Каза́лось —
сейча́с
поко́нчим с тро́ном,
за ним
и буржу́ево
кре́сло тре́снется.
Ильи́ч уже́ здесь.
Он и́зо дня на́ день
прово́дит
с рабо́чими
пя́тый год [3].
Он ря́дом
на ка́ждой стои́т баррика́де,
ведёт
всего́ восста́ния ход.
Но ско́ро
прошла́
лука́вая ве́стийка —
«свобо́да».
Ба́нтики лю́ди наде́ли,

---

[1] Гапо́новщина и Крова́вое воскресе́нье, а та́кже пораже́ние ру́сской а́рмии в многодне́вной би́тве под Мукде́ном и разгро́м ру́сского фло́та япо́нцами близ о́строва Цуси́ма оконча́тельно уби́ли ве́ру в царя́.

[2] В декабре́ 1905 го́да в Москве́ рабо́чие по́дняли вооружённое восста́ние. С осо́бенным упо́рством боро́лись рабо́чие Пре́сни (оди́н из райо́нов Москвы́); их сопротивле́ние продолжа́лось о́коло двух неде́ль.

[3] В ноябре́ 1905 го́да Ле́нин верну́лся в Росси́ю из-за грани́цы. Он принима́л непосре́дственное уча́стие в подгото́вке дека́брьского вооружённого восста́ния.

царь
на балко́н
выходи́л с манифе́стом [1].
А по́сле
«свобо́дной»
медо́вой неде́ли
ре́чи,
ба́нты
и пе́ния пла́вные
пу́шечный рёв
покрыва́ет ба́сом:
по кро́ви рабо́чей
пусти́лся в пла́вание
царёв адмира́л,
кара́тель Дуба́сов [2].
Плю́нем в лицо́
той бе́лой сля́коти,
сюсю́кающей
о зве́рствах Чека́!
Смотри́те,
как здесь,
связа́вши за́ локти,
рабо́чих на́смерть
секли́ по щека́м.
Звере́ла реа́кция.
Интеллиге́нтчики
ушли́ от всего́
и всё изга́дили.
За́перлись до́ма,
доста́ли све́чки,
ла́дан ку́рят —
богоиска́тели [3].

---

[1] 17 октября́ 1905 го́да царь Никола́й II с це́лью осла́бить наста́ние револю́ции изда́л манифе́ст, в кото́ром наро́ду бы́ли лицеме́рно обе́щаны «незы́блемые осно́вы граждански́х свобо́д». Царь хоте́л вы́играть вре́мя, что́бы, собра́вшись с си́лами, нанести́ уда́р револю́ции.

[2] Дуба́сов — моско́вский генера́л-губерна́тор; руководи́л жесто́ким подавле́нием дека́брьского вооружённого восста́ния.

[3] Богоиска́телями называ́ли не́которых интеллиге́нтов, кото́рые по́сле пораже́ния револю́ции 1905 го́да вы́ступили с про́поведью необходи́мости созда́ния но́вой рели́гии.

Сам заскули́л
товáрищ Плехáнов [1]:
— Вáша винá,
запýтали, брáтцы!
Вот и пусти́ли
крóви лохáни!
Нéчего
зря
за орýжье брáться. —
Лéнин
в э́тот скулёж недýжный [2]
врéзал гóлос
бóдрый и зы́чный:
— Нет,
за орýжие
брáться нýжно,
тóлько бóлее
реши́тельно и энерги́чно.
Нóвых восстáний ви́жу день я.
Снóва поды́мется
рабóчий класс.
Не защи́та —
нападéние
стать должнó
лóзунгом масс [3]. —

---

[1] Плехáнов Г. В. (1856—1918) — одúн из старéйших рýсских марксúстов и зачинáтелей социáл-демократúческого движéния в Россúи. Рабóты Плехáнова, в котóрых он, борясь прóтив народникóв, защищáл и развивáл философское и социáльно-экономúческое учéние Мáркса, высокó ценúл Лéнин. Пóсле раскóла социáл-демократии на большевикóв и меньшевикóв (1903 год) Плехáнов примкнýл к меньшевикáм. Пытáясь возложúть винý за пораженúе восстáния 1905 гóда на большевикóв, он писáл: «Сúла пролетариáта оказáлась недостáточной для побéды... А потомý не нýжно бы́ло брáться за орýжие».

[2] «Скулёж недýжный» — жáлобно-плаксúвые сéтования, нарекáния. Скулёж — существúтельное от «скулúть»; недýжный (книжн.; устар.) — от «недýг» (болéзнь).

[3] В. И. Лéнин в статьé «Урóки Москóвского восстáния» гнéвно ответúл Плехáнову: «Напрóтив, нýжно бы́ло бóлее решúтельно, энергúчно и наступáтельно брáться за орýжие... Наступлéние на врагá должнó быть сáмое энергúчное; нападéние, а не защúта, должнó стать лóзунгом масс...»

И э́тот год
в крова́вой пе́не,
и э́ти ра́ны
в рабо́чем ста́не
пока́жутся
шко́лой
пе́рвой ступе́ни
в грозе́ и бу́ре
грядýщих восста́ний.
И Ле́нин
сно́ва
в своём изгна́нии [1]
гото́вит
нас
перед но́вой би́твой.
Он у́чит
и сам вбира́ет зна́ние,
он па́ртию
вновь
собира́ет разби́тую.
Смотри́ —
забасто́вки
вздыма́ют год [2]
ещё —
и к восста́нью суме́ешь сдви́нуться ты.
Но во́т
из лет
подыма́ется
стра́шный четы́рнадцатый.
Так пи́шут —
солда́т-де
раскýрит трýбку,
бала́кать пойдёт
о похо́дах дре́вних, —

---

[1] В конце́ 1907 го́да В. И. Ле́нин, спаса́ясь от пресле́дований ца́рского прави́тельства, был вы́нужден вторúчно уе́хать за грани́цу (в Женéву).

[2] В 1912—1914 года́х, вплоть до нача́ла пе́рвой мирово́й войны́, непреры́вно росло́ число́ забасто́вок и число́ уча́ствовавших в них рабо́чих. Ле́том 1914 го́да политúческая обстано́вка в стране́ напомина́ла нача́ло революúции 1905 го́да.

но э́ту
всеми́рнейшую мясору́бку
к како́й приравня́ть
к Полта́ве,
к Плёвне?!
Империали́зм
во всём оголе́нии —
живо́т нару́жу,
с вставны́ми зуба́ми,
и мо́ре кро́ви
ему́ по коле́ни —
сжира́ет стра́ны,
вздыма́я штыка́ми.
Вокру́г него́
его́ подхали́мы —
патрио́ты —
приспосо́бились Во́вы [1] —
пи́шут,
ру́ки преда́вшие вы́мыв:
— Рабо́чий,
дери́сь
до после́дней кро́ви! —
Земля́ —
горо́й
желе́зного ло́ма,
а в ней
челове́чья
рвань и рваль.
Среди́
всего́ сумасше́дшего до́ма
тре́звый
встал
оди́н Циммерва́льд [2].

[1] В го́ды пе́рвой мирово́й войны́ был популя́рен водеви́ль Е. Миро́вича «Во́ва приспосо́бился». Гла́вное де́йствующее лицо́ водеви́ля, изне́женный буржуа́зный сыно́к, по хо́ду де́йствия приспоса́бливается к войне́, стано́вится «лихи́м воя́кой».

[2] В Циммерва́льде (селе́ние в Швейца́рии) в 1915 году́ состоя́лась междунаро́дная конфере́нция интернационали́стов. В. И. Ле́нин называ́л э́ту конфере́нцию «пе́рвым ша́гом» в интернациона́льном движе́нии про́тив империалисти́ческой войны́.

Отсю́да
Ле́нин
с го́рсточкой това́рищей
встал над ми́ром
и по́днял на́д —
мы́сли
я́рче
вся́кого пожа́рища,
го́лос
гро́мче
всех канона́д.
Отту́да —
миллио́ны
канона́дою в у́ши,
стотысячеса́бельной
ко́нницы бег,
отсю́да,
про́тив
и са́бель и пу́шек, —
скула́стый
и лы́сый
оди́н челове́к.
— Солда́ты!
Буржу́и,
преда́в и про́дав,
к ту́ркам шлют,
за Верде́н,
на Двину́ [1].
Дово́льно!
Превати́м
войну́ наро́дов
в граждáнскую войну́!
Дово́льно
разгро́мов,
смерте́й и ран, —

[1] Под Верде́ном (го́род и укреплённый райо́н в се́веро-восто́чной Фра́нции) в 1916 году́ шли кровопроли́тные бои́ ме́жду францу́зскими и герма́нскими войска́ми, кото́рые так и не смогли́ прорва́ть францу́зские укрепле́ния. На За́падной Двине́ шли бои́ ме́жду войска́ми Росси́и и Герма́нии. Ту́рция уча́ствовала в войне́ на стороне́ Герма́нии.

у на́ций
нет
никако́й вины́.
Про́тив
буржуази́и всех стран
подыме́м
зна́мя
граждáнской войны́![1] —
Ду́малось:
сра́зу
пу́шка-пе́чка
чихнёт огнём
и сду́нет гни́лью,
пото́м поди́
ищи́ челове́чка,
поди́
вспомина́й его́ фами́лию.
Гло́ткой ору́дий,
шипе́вших и вы́вших,
друг дру́гу
стра́ны
ору́т —
на коле́ни!
Додра́лись,
и вот
никаки́х победи́вших —
оди́н победи́л
това́рищ Ле́нин.
Империали́зма про́рва!
Мы
истощи́ли
терпе́нье а́нгельское.
Ты
восста́вшею
Росси́ей про́рвана
от Таври́за
и до Арха́нгельска.

[1] Во вре́мя пе́рвой мирово́й войны́ большевики́ (в отли́чие от эсе́ров и меньшевико́в, кото́рые призыва́ли к отрече́нию от револю́ции во и́мя сохране́ния «граждáнского ми́ра») вы́двинули ло́зунг «превраще́ния империалисти́ческой войны́ в войну́ граждáнскую», то есть в войну́ рабо́чего кла́сса про́тив эксплуата́торов.

Импе́рия —
э́то тебе́ не ку́ра!
Клюва́стый орёл
с двугла́вою вла́стью[1].
А мы,
как доку́ренный оку́рок,
про́сто
сплю́нули
их дина́стью.
Огро́мный,
покры́тый крова́вою ржо́ю,
наро́д,
голо́дный и голошта́нный,
к Сове́там пойдёт
и́ли бу́дет
буржу́ю
таска́ть,
как и встарь,
из огня́ каштáны?
— Наро́д
разорва́л
оковы царьи,
Росси́я в бу́ре,
Росси́я в грозе́, —
чита́л
Влади́мир Ильи́ч
в Швейца́рии,
дрожа́,
волну́ясь
над ки́пой газе́т.
Но что
по газе́тным узна́ешь кло́чьям?
На аэропла́не
прорва́ться б ввысь,
туда́,
на по́мощь
к восста́вшим рабо́чим, —

[1] То есть импера́торская власть — э́то не безоби́дная ку́рица, а хи́щная пти́ца орёл (двугла́вый орёл был гербо́м Росси́йской импе́рии).

одно́ жела́нье,
еди́ная мысль.
Пое́хал,
поко́рный парти́йной во́ле,
в неме́цком ваго́не,
неме́цкая пло́мба.
О, е́сли бы
знал
тогда́ Гогенцо́ллерн [1],
что Ле́нин
и в их мона́рхию бо́мба!
Пи́терцы
всё ещё
всем на ра́дость
лобза́лись,
скака́ли дети́шками ма́лыми,
но в кра́сной ле́нточке,
слегка́ припара́дясь,
Не́вский
уже́
кише́л генера́лами.
За ша́гом шаг —
и дойду́т до то́чки [2],
дойду́т
и до полице́йского сви́ста.
Уже́
начина́ют
каза́ть когото́чки
буржу́и
из ла́пок свои́х пуши́стых.
Снача́ла ме́лочь —
вро́де малько́в.
Пото́м повзросле́е —
от шпро́тов до ки́лечек.
Пото́м Дардане́льский,
в деви́честве Милюко́в,

[1] Гогенцо́ллерн — Вильге́льм II, из дина́стии Гогенцо́ллернов, после́дний ка́йзер (импера́тор) Герма́нии, све́ргнутый ноя́брьской буржуа́зной револю́цией 1918 го́да.

[2] «Дойду́т до то́чки» (разгово́рн.) — дойду́т до кра́йности, до преде́ла

за ним
с корона́цией
прёт Михаи́льчик [1].
Премье́р [2]
не власть —
вышива́ние гла́дью!
Это
тебе́
не гру́бый нарко́м.
Пря́мо де́вушка —
иди́ и гладь её!
Исте́рики зака́тывает,
поёт тенорко́м.
Ещё
не попа́ло
нам
и роси́нки
от э́тих са́мых
февра́льских свобо́д,
а у оборо́нцев —
уже́ хворости́нки —
«Марш, марш на фронт,
рабо́чий наро́д» [3].

[1] Милюко́в — глава́ па́ртии каде́тов (о па́ртии каде́тов см. поясне́ния к стихотворе́нию «Ска́зка о кра́сной ша́почке», стр. 66). Каде́ты стоя́ли за сохране́ние заключённых ру́сским царём с империали́стами Англии и Фра́нции та́йных граби́тельских догово́ров, согла́сно кото́рым к Росси́и должны́ бы́ли отойти́ проли́вы Босфо́р и Дардане́ллы (в связи́ с чем Милюко́в и получи́л про́звище «Дардане́льский»). В дни Февра́льской революции Милюко́в де́лал попы́тки сохрани́ть мона́рхию, заменив Никола́я II его́ бра́том Михаи́лом.

[2] Здесь подразумева́ется Ке́ренский.

[3] То есть рабо́чий класс ещё не успе́л воспо́льзоваться граждани́скими свобо́дами, завоёванными Февра́льской революцией 1917 го́да, а его́ уже́ опя́ть го́нят воева́ть. В э́той строфе́ име́ется в виду́ неуда́чное наступле́ние ру́сской а́рмии, на́чатое 18 ию́ня 1917 го́да по прика́зу Ке́ренского, рассчи́тывавшего завоева́ть э́тим подде́ржку «сою́зных» прави́тельств Англии и Фра́нции и одновреме́нно отвле́чь ма́ссы от большевико́в. Оборо́нцы — так в 1917 году́ большеви́ки называ́ли меньшевико́в и эсе́ров, а та́кже пра́вых социали́стов зарубе́жных стран, кото́рые отста́ивали еди́нство со свои́м буржуа́зным прави́тельством, прикрыва́ясь ло́зунгом «оборо́ны оте́чества». В. И. Ле́нин ука́зывал, что «оборо́нцы» отста́ивали не оборо́ну оте́чества в смы́сле борьбы́ с чуженациона́льным гнётом, а «пра́во» «вели́ких» держа́в гра́бить коло́нии и угнета́ть чужи́е наро́ды.

И в довершéние
пейзáжа слáвненького,
нас предавáвшие
и до
и потóм,
вокрýг
сторожáми
эсéры да Сáвинковы,
меньшевики́ —
учёным котóм.
И в гóрод,
уже́
заплывáющий сáлом [1],
вдруг оттýда,
из-за Невы́,
с Финля́ндского вокзáла
по Вы́боргской
загрохотáл броневи́к.
И снóва
вéтер
свéжий, крéпкий
валы́
революции
пóднял в пéне.
Литéйный [2]
зáлили
блýзы и кéпки.
«Лéнин с нáми!
Да здрáвствует Лéнин!»
— Товáрищи! —
и над головáми
пéрвых сóтен

[1] Уже́ чéрез мéсяц пóсле Феврáльской революции (к моменту возвращéния Лéнина из-за грани́цы) Петрогрáд вновь при́нял прéжний óблик буржуáзного «благополýчия». Имýщие клáссы убеди́лись, что Врéменное правúтельство охраня́ет их интерéсы, и могли́ снóва споко́йно «заплывáть сáлом», «обрастáть жирко́м».

[2] Литéйный проспéкт — большáя ýлица в Петрогрáде (Ленингрáде), по котóрой 3 (16) апрéля 1917 гóда проéхал броневи́к с вернýвшимся из-за грани́цы В. И. Лéниным.

вперёд
ведýщую
рýку вы́ставил. —
Сбрóсим
эсдéчества
обветшáвшие лохмóтья! [1]
Долóй
власть
соглашáтелей и капиталúстов!
Мы —
гóлос
вóли нúза,
рабóчего нúза
всегó свéта.
Да здрáвствует
пáртия,
стрóящая коммунúзм,
да здрáвствует
восстáние
за власть Совéтов! —
Впервы́е
перед толпóй обалдéлой
здесь же,
перед тобóю,
близ,
встáло,
как простóе
дéлаемое дéло,
недосягáемое слóво —
«социалúзм».
Здесь же,
из-за завóдов гудя́щих,
сия́я горизóнтом
во весь свод,

[1] «Сбрóсим эсдéчества обветшáвшие лохмóтья». — Эсдéчество — от слóва «эсдéки», то есть социáл-демократы (с.-д.). В. И. Лéнин в статье́ «Задáчи пролетариáта в нáшей революции» (апрéль 1917 гóда), предлагáя замени́ть стáрое назва́ние «Россúйская социáл-демократúческая рабóчая пáртия (большевикóв)» назва́нием «Россúйская Коммунистúческая пáртия (большевикóв)», писáл: «Порá сбрóсить грязную рубáху, порá надéть чúстое бельё».

вста́ла
за́втрашняя
коммýна трудя́щихся —
без буржýев,
без пролета́риев,
без рабóв и госпóд.
На толщь
окрути́вших
соглаша́тельских верёвок
слова́ Ильича́
уда́рами топора́.
И речь
прерыва́ло
обва́лами рёва:
«Пра́вильно, Ле́нин!
Ве́рно!
Пора́!»
Дом
Кшеси́нской,
за дрыгоно́жество
пода́ренный,
ны́нче —
рабóчая блýзница [1].
Сюда́ течёт
фабри́чное мно́жество,
здесь
закаля́ется
в ле́нинской кýзнице.
«Ешь ананáсы,
ря́бчиков жуй,
день твой после́дний
прихóдит, буржýй» [2].

---

[1] В до́ме, пода́ренном Никола́ем II придво́рной балери́не Кшеси́нской (поэ́тому «дрыгоно́жество» — так Маяко́вский иронически называ́ет та́нцы) и зате́м, в дни Февра́льской револю́ции, захва́ченном революцио́нными солда́тами, с ма́рта 1917 го́да помеща́лся Центра́льный Петрогра́дский комите́т большевико́в, солда́тский клуб и други́е революцио́нные организа́ции рабóчих и солда́т. «Рабóчая блýзница» — ме́сто, где постоя́нно собира́лись рабóчие. Блýзница — неологи́зм от сло́ва «блýза» (мужска́я ве́рхняя рабóчая оде́жда в ви́де широ́кой руба́хи без по́яса).

[2] Об э́том двусти́шии см. на стр. 71.

Уж ле́зет
к сидя́щим
в хозя́йском стýле —
как живёте
да что жуёте?
Приме́риваясь,
в ию́ле
за го́рло потро́гали
и за живо́тик.
Буржýевы зýбья
ощéрились [1] ра́зом.
— Раб взбунтова́лся!
Плетя́ми,
да в кровь его́! [2] —
И рýчку
Керéнского
во́дят прика́зом —
на мýшку Ле́нина! [3]
И па́ртия
сно́ва
ушла́ в подпóлье.
Ильи́ч на Разли́ве,
Ильи́ч в Финля́ндии.
Но ни черда́к,
ни шала́ш,
ни по́ле
вождя́
не дадýт
озвере́лой ба́нде их [4].

---

[1] О щ é р и л и с ь (разгово́рн.) — оска́лились, показа́ли зýбы, то есть буржýи приготóвились к наступле́нию на револю́цию, к попы́тке распра́виться с Ле́ниным.

[2] «Взбунтова́вшимися раба́ми» Ке́ренский назва́л рабóчих и солда́т, вы́шедших 3—4 ию́ля 1917 го́да на демонстра́цию под ло́зунгом «Вся власть Сове́там».

[3] «На мýшку Ле́нина» — 7 ию́ля 1917 го́да Вре́менное прави́тельство изда́ло прика́з об аре́сте Ле́нина. На мýшку — на прице́л, к расстре́лу.

[4] В связи́ с прика́зом Вре́менного прави́тельства об аре́сте Ле́нина па́ртия укры́ла своего́ вождя́ в глубóком подпóлье. В. И. Ле́нин скрыва́лся на черда́ке в до́ме рабóчего Н. А. Емелья́нова на ста́нции Разли́в; через не́сколько дней он посели́лся в шалаше́ за о́зером Разли́в. В конце́ а́вгуста Ле́нин переéхал в Финля́ндию.

Ле́нина не ви́дно,
но он близ.
По тому́,
рабо́та дви́жется как,
видна́
направля́ющая
ле́нинская мысль,
видна́
веду́щая
ле́нинская рука́.
Слова́м Ильичёвым —
лу́чшая по́чва:
па́дают,
сейча́с же
де́ло растя́,
и ря́дом
уже́
с плечо́м рабо́чего —
плéчи
миллио́нов крестья́н.
И когда́
оста́лось
на баррика́ды вы́йти,
день
наме́тив
в ряду́ неде́ль,
Ле́нин
сам
яви́лся в Пи́тер:
— Това́рищи,
дово́льно тяну́ть каните́ль!
Гнёт капита́ла,
го́лод-уро́дина,
войн бандити́зм,
интерве́нция во́рья —
бу́дет! —
пока́жутся
беле́е ро́динок
на те́ле ба́бушки,
дре́вней исто́рии. —

И отту́да,
на дни
огля́дываясь э́ти,
го́лову
Ле́нина
взви́дишь сперва́.
Это
от ра́бства
десяти́ тысячеле́тий
к века́м
комму́ны
сия́ющий перева́л.

Пройду́т
года́
сего́дняшних тя́гот,
ле́том комму́ны
согре́ет лета́,
и сча́стье
сла́стью
огро́мных я́год
дозре́ет
на кра́сных
октя́брьских цвета́х.
И тогда́
у чита́ющих
ле́нинские веле́ния,
пожелте́вших
декре́тов
перебира́я листки́,
вы́ступят
слёзы,
вы́веденные из употребле́ния,
и кровь
волне́нием
уда́рит в виски́.
Когда́ я
ито́жу [1]
то, что про́жил,

---

[1] И т о́ ж у — подвожу́ ито́ги.

и ро́юсь в днях —
ярча́йший где,
я вспомина́ю
одно́ и то́ же —
два́дцать пя́тое,
пе́рвый день.
Штыка́ми
ты́чется
чи́рканье мо́лний,
матро́сы
в бо́мбы
игра́ют, как в мя́чики.
От гу́да
дрожи́т
взбудора́женный Смо́льный [1].
В патро́нных ле́нтах
внизу́ пулемётчики.
— Вас
вызыва́ет
това́рищ Ста́лин.
Напра́во
тре́тья,
он
там. —
— Това́рищи,
не остана́вливаться!
Чего́ ста́ли?
В броневики́
и на почта́мт! —
— Есть! —
поверну́лся
и скры́лся ско́ро,
и то́лько
на ле́нте
у фло́тского

[1] Смо́льный — зда́ние бы́вшего Институ́та для благоро́дных деви́ц. В октябре́ 1917 го́да оно́ бы́ло шта́бом социалисти́ческой революции. В нём помеща́лся Вое́нно-революцио́нный комите́т и заседа́л II Всеросси́йский съезд Сове́тов. (Назва́ние зда́ния сохрани́лось со времён Петра́ I, когда́ на э́том ме́сте помеща́лся Смоляно́й двор, в кото́ром была́ сло́жена смола́ для нужд фло́та.)

под ла́мпой
блесну́ло —
«Авро́ра».
Кто мчит с прика́зом,
кто в ку́че спо́рящих,
кто щёлкал
затво́ром
на ле́вом коле́не.
Сюда́
с того́ конца́ коридо́рища
бочко́м
пошёл
незаме́тный Ле́нин.
Уже́
Ильичём
поведённые в би́твы,
ещё
не зна́я
его́ по портре́там,
толка́лись,
ора́ли,
остре́е бри́твы
солда́ты друг дру́га
кры́ли при э́том.
И в э́той жела́нной
желе́зной бу́ре
Ильи́ч,
как бу́дто
да́же за́спанный,
шага́л,
станови́лся
и глаз, сощу́ря,
вонза́л,
заложи́вши
ру́ки за́ спину.
В како́го-то па́рня
в обмо́тках,
лохма́того,
уста́вил
без про́маха бью́щий глаз,

как бу́дто
се́рдце
с-под слов выма́тывал,
как бу́дто
ду́шу
тащи́л из-под фраз.
И знал я,
что всё
раскры́то и по́нято
и э́тим
гла́зом
наве́рное вы́ловится —
и крик крестья́нский,
и во́пли фро́нта,
и во́ля но́бельца,
и во́ля пути́ловца [1].
Он
в че́репе
со́тней губе́рний воро́чал,
люде́й
носи́л
до миллиа́рдов полу́тора.
Он
взве́шивал
мир
в тече́ние но́чи,
а у́тром:
— Всем!
Всем!
Всем э́то —
фронта́м,
кро́вью пья́ным,
раба́м
вся́кого ро́да,
в ра́бство
бога́тым о́тданным. —
Власть Сове́там!
Земля́ крестья́нам!
Мир наро́дам!

[1] То есть во́ля рабо́чих петрогра́дских заво́дов: заво́да Но́беля и заво́да Пути́лова.

Хлеб голо́дным! [1]
Буржу́и
прочли́
— погоди́те,
вы́ловим, —
живо́тики пя́тят
до́водом ве́ским —
ужо́ им пока́жут
Духо́нин с Корни́ловым,
пока́жут ужо́ им
Гучко́в [2] с Кере́нским.
Но фронт
без бо́я
слова́ э́ти взя́ли —
дере́вня
и го́род
декре́тами за́лит,
и да́же
безгра́мотным
се́рдце прожёг.
Мы зна́ем,
не нам,
а им показа́ли,
како́е тако́е быва́ет
«ужо́».

[1] 1 октября́ 1917 го́да в «Письме́ в ЦК, МК, ПК и чле́нам Сове́тов Пи́тера и Москвы́ большевика́м» Ле́нин писа́л: «Большевики́... должны́ *взять власть то́тчас*... Ло́зунг: власть Сове́там, земля́ крестья́нам, мир наро́дам, хлеб голо́дным». 26 октября́ (8 ноября́) в осуществле́ние э́тих ло́зунгов II Всеросси́йский съезд Сове́тов при́нял истори́ческие декре́ты о ми́ре и о земле́.

[2] Д у х о́ н и н — в ноябре́ 1917 го́да был верхо́вным главноко́мандующим. Оди́н из уча́стников преда́тельского за́говора, це́лью кото́рого бы́ло сдать революцио́нный Петрогра́д не́мцам. К о р н и́ л о в — верхо́вный главноко́мандующий при Вре́менном прави́тельстве; в а́вгусте 1917 го́да — руководи́тель контрреволюцио́нного мятежа́. Г у ч к о́ в — капитали́ст, вое́нный и морско́й мини́стр Вре́менного прави́тельства. Возглавля́л контрреволюцио́нную па́ртию «октябри́стов», объединя́вшую кру́пную торго́во-промы́шленную буржуази́ю и кру́пных поме́щиков.

Переходи́ло
от бли́зких к бли́жним,
от бли́жних
да́льним взрыва́ло сердца́:
«Мир хи́жинам,
война́,
война́,
война́ дворца́м!»
Драли́сь
в любо́м заво́де и це́хе,
горо́хом
из городо́в вытряха́ли,
а сза́ди
шага́нье октя́брьское
ме́тило ве́хи
пыла́ющих
дворя́нских уса́деб.
Земля́ —
подсти́лка под и́хними по́рками,
и вдруг
её,
как хле́бище в у́зел,
со все́ми ручья́ми её
и приго́рками
крестья́нин взял
и зажа́л, закору́зел [1].
В очка́х
манже́тщики,
зло́бой поха́ркав,
ползли́ туда́,
где ца́рство да гра́фство [2].
Доро́жка ска́тертью!
Мы и куха́рку
ка́ждую
вы́учим
управля́ть госуда́рством!
Мы жи́ли
пока́
произво́дством рота́ций [1].
С око́пов
лете́ло в неме́цкие у́ши:
— Пора́ конча́ть!
Выходи́те брата́ться! —
И фронт
располза́лся
в ули́тки теплу́шек.
Таку́ю ли
течь
загоро́дите го́рстью?
Каза́лось,
на́ша лодчо́нка крени́тся —
Вильге́льмов сапо́г,
Никола́ева шпо́ристей [2],
сотрёт
Сове́тской страны́ грани́цы.
Пошли́ эсе́ры
в плаща́х распашо́нкой,
лови́ли бегу́щих
в своё словоблу́дьище [3],
тащи́ли
по-ры́царски
глу́пой шпажо́нкой

---

[1] З а к о р у́ з е л — кра́ткая фо́рма прилага́тельного «закору́злый»: шерша́вый, загрубе́вший.

[2] Общий смысл строфы: озло́бленные богачи́ скрыва́лись за рубе́ж, где не́ было револю́ции. М а н ж е́ т щ и к и — от сло́ва «манже́ты».

[1] «Произво́дством рота́ций» — то есть печа́танием бы́стро обесце́нивавшихся бума́жных де́нежных зна́ков. Р о т а́ ц и я — маши́на для печа́тания больши́м тиражо́м. Позднее (в 1922—1924 года́х) сове́тское прави́тельство провело́ де́нежную рефо́рму и установи́ло твёрдый курс рубля́.

[2] Ш п о́ р и с т е й (неологи́зм) — прилага́тельное сравни́тельной сте́пени от сло́ва «шпо́ра». Смысл строки́: Герма́ния ка́йзера Вильге́льма сильне́е, опа́снее, чем мона́рхия Никола́я II.

[3] С л о в о б л у́ д ь и щ е — неологи́зм от существи́тельного «словоблу́дие» — безотве́тственная болтовня́, пусты́е фра́зы. Эсе́ры пыта́лись увле́чь наро́д за собо́й и вновь втяну́ть его́ в бессмы́сленную войну́ с не́мцами.

краси́во
срази́ть
броневы́е чу́дища!
Ильи́ч
петуши́вшимся
кри́кнул:
— Ни с ме́ста!
Пусть па́ртия
взва́лит
и э́то бре́мя.
Возьмём
переды́шку поха́бного Бре́ста.
Поте́ря — простра́нство,
вы́игрыш — вре́мя [1]. —
Чтоб не передо́хнуть
нам
в переды́шку,
чтоб знал —
запо́мнят уда́ры мои́,
себя́
не муштро́вкой —
созна́нием вы́школи [2],
стро́йся
рядами
Кра́сной Армии.
Исто́рики
с ги́дрой плака́ты вы́дерут
— чи э́та ги́дра была́,
чи нет? [3] —

[1] В э́той строфе́ речь идёт о ми́рном догово́ре, кото́рый Сове́тская Росси́я была́ вы́нуждена заключи́ть с Герма́нией и её сою́зниками в ма́рте 1918 го́да. Усло́вия догово́ра бы́ли о́чень тяжёлыми, граби́тельскими. В. И. Ле́нин назвал Бре́стский мир «поха́бным» (непристо́йным, позо́рным) и в то же вре́мя настоя́л на его́ подписа́нии, что́бы получи́ть переды́шку для укрепле́ния социалисти́ческого госуда́рства и созда́ния Кра́сной Армии. В докла́де на VII съе́зде РКП(б) В. И. Ле́нин сказа́л: «Лови́те переды́шку, хотя́ бы на час, раз вам её да́ли» — и в заключи́тельном слове на том же съе́зде: «...уступи́ть простра́нство факти́ческому победи́телю, что́бы вы́играть вре́мя. В э́том вся суть, и то́лько в э́том»

[2] В ы́ ш к о л и — вы́учи, подгото́вь.

[3] В го́ды граждан ской войны́ контрреволю́цию изобража́ли на плака́тах в ви́де многоголо́вой ги́дры (ска́зочного чудо́вища). Ги́дра контрреволю́ции есть и на одно́м из «о́кон Ро́ста» Маяко́вского.

а мы
знава́ли
вот э́ту ги́дру
в её
натура́льной величине́.
«Мы сме́ло в бой пойдём
за власть Сове́тов
и как оди́н умрём
в борьбе́ за э́то»! [1]
Дени́кин идёт.
Дени́кина вы́кинут,
обру́шенный пу́шкой
подымут оча́г.
Тут Вра́нгель вам —
на сме́ну Дени́кину.
Баро́на уро́нят —
уже́ Колча́к.
Мы жра́ли кору́,
ночёвка — боло́тце,
но шли
миллио́нами кра́сных звёзд,
и в ка́ждом — Ильи́ч,
и о ка́ждом забо́тится
на фро́нте
в оди́ннадцать ты́сяч вёрст.
Оди́ннадцать ты́сяч вёрст
окру́жность,
а ско́лько
вдоль да поперёк!
Ведь ка́ждый дом
атако́вывать ну́жно,
ка́ждый
врага́
в подворо́тнях берёг.
Эсе́р с монархи́стом
шпио́нят бессо́нно —
где жа́лят змеёй,
где ру́бят сплеча́.
Ты зна́ешь
путь
на заво́д Михельсо́на?

[1] Не́сколько изменённый припе́в изве́стной революцио́нной пе́сни.

Найдёшь
по кро́ви
из ран Ильича́ [1].
Эсе́ры
це́лят
не о́чень ве́рно —
други́м конце́м
да себя́ же
в бровь.
Но бомб страшне́е
и пуль револьве́рных
оса́да го́лода,
оса́да тифо́в.
Смотри́те —
кружа́т
над кро́шками му́шки,
сытне́й им,
чем нам
в осьмна́дцатом году́, —
проста́ивали
из-за осьму́шки
су́тки
в у́лице
на холоду́.
Хоти́те сажа́йте,
хоти́те трави́те, —
заво́д за карто́шку —
кому́ он не жа́лок!
И десятико́рпусный
судострои́тель
пыхте́л
и визжа́л
из-за зажига́лок.
А у кулако́в
и ма́сло и пы́шки.
Расчёт кулако́в
просто́й и ве́рненький —

[1] 30 а́вгуста 1918 го́да В. И. Ле́нин выступа́л в Москве́ на ми́тинге рабо́чих на заво́де Михельсо́на (тепе́рь э́то заво́д и́мени Влади́мира Ильича́). По́сле ми́тинга контрреволюцио́нная террори́стка Капла́н, де́йствовавшая по поруче́нию ЦК па́ртии пра́вых эсе́ров, не́сколькими вы́стрелами из револьве́ра тяжело́ ра́нила Ле́нина.

запря́чь хлеба́
да заро́й в кубы́шки
никола́евки
да ке́ренки [1].
Мы зна́ем —
го́лод
сметает на́чисто,
тут ну́жен зажи́м,
а не ла́сковость во́ска,
и Ле́нин
встаёт
сража́ться с кула́чеством
и продотря́дами
и продразвёрсткой [2].
Ра́зве
в э́такое вре́мя
сло́во «демокра́т»
набредёт
како́й голо́вке ду́рьей?!
Если бить,
так чтоб под ним
пане́ль была́ мокра́:
ключ побе́д —
в желе́зной диктату́ре.
Мы победи́ли,
но мы
в пробо́инах:
маши́на ста́ла,
обши́вка —
лохмо́тья.
Валы́ обло́мков!
Лохмо́тьев обо́йных!
Иди́те зале́йте!
Возьми́те и смо́йте!
Где порт?
Маяки́
поломали́сь в порту́,

[1] Никола́евки, ке́ренки — бума́жные де́ньги, вы́пущенные при царе́ Николае II и при Ке́ренском.

[2] Продразвёрстку собира́ли специа́льные вооружённые отря́ды из рабо́чих — продотря́ды (о продразвёрстке см. объясне́ние на стр. 93).

креня́мся,
ма́чтами
во́лны крестя́!
Нас опроки́нет —
на пра́вом борту́
в сто миллио́нов
груз крестья́н.
В восто́рге враги́
залива́ются, во́я,
но так
лишь Ильи́ч уме́л и мог —
он вдруг
поверну́л
колесо́ рулево́е
сра́зу
на два́дцать ру́мбов [1] вбок.
И сра́зу тишь,
дивя́щая да́же;
крестья́не
подво́зят
к при́стани хлеб.
Обы́чные вы́вески
— ку́пля —
— прода́жа —
— нэп [2].
Прищу́рился Ле́нин:
— Чини́тесь пока́ чего́,
арши́ну учи́сь [3],
не нау́чишься —
плох. —
Кома́нду
уста́лую
бе́рег пока́чивал.
Мы к бу́ре привы́кли,
что за подво́х?

[1] Р у́ м б ы — деле́ния на ко́мпасе. Поворо́т на два́дцать ру́мбов — круто́й поворо́т.

[2] О су́щности нэ́па см. вступи́тельную статью́, стр. 24.

[3] «Арши́ну учи́сь» — здесь: учи́сь торгова́ть, вести́ счёт (деревя́нным арши́ном отме́ривали при прода́же тка́ни). Вопро́с об организа́ции сове́тской торго́вли был одни́м из важне́йших вопро́сов но́вой экономи́ческой поли́тики.

Зали́в
Ильичём
ука́зан глубо́кий
и то́чка
смы́чки-причала́
на́йдена [1],
и пла́вно
в мир,
строи́тельству в до́ки [2],
вошла́
Сове́тских респу́блик грома́дина.
И Ле́нин
сам
где желе́зо,
где де́рево
носи́л
чини́ть
проби́тое ме́сто.
Стальны́ми листа́ми
вздыма́л
и приме́ривал
кооперати́вы,
ла́вки
и тре́сты.
И сно́ва
стано́вится
Ле́нин шту́рман,
огни́ по борта́м,
впереди́ и сза́ди.
Тепе́рь
от аборда́жей [3] и шту́рма
мы
перейдём
к трудово́й оса́де.

[1] В 1922 году́ па́ртия вы́двинула ло́зунг «смы́чки го́рода с дере́вней», то есть укрепле́ние сою́за рабо́чего кла́сса и крестья́нства.

[2] Д о́ к и — порто́вые сооруже́ния, в кото́рых ремонти́руют и́ли стро́ят суда́.

[3] А б о р д а́ ж — стари́нный приём ата́ки неприя́тельского су́дна в морско́м сраже́нии; к вра́жескому су́дну подхо́дят вплотну́ю, сцепля́ются с ним и деру́тся врукопа́шную.

Мы
отошли́,
рассчита́вши то́чно.
Кто разложи́лся —
на бе́рег
за во́рот.
Тепе́рь вперёд!
Отступле́нье око́нчено.
РКП,
кома́нду на бо́рт!
Комму́на — столе́тия,
что де́сять ле́т для ней?
Вперёд —
и в про́шлом
скро́ется нэ́пчик.
Мы дви́немся
во сто раз ме́дленней,
зато́
в миллио́н
прочне́й и кре́пче [1].
Вот э́той
мелкобуржуа́зной стихи́и
ещё
колы́шется
мёртвая зыбь,
но, ти́хие
ту́чи
мо́лнией вы́ев,
уже́ —
нараста́нье
всеми́рной грозы́.
Враг
сменя́ет
врага́ пореде́лого,

[1] В э́той строфе́ Маяко́вский испо́льзует по́длинные слова́ В. И. Ле́нина. В ма́рте 1922 го́да, выступа́я на XI съе́зде Росси́йской Коммунисти́ческой па́ртии (большевико́в), Ле́нин сказа́л: «...е́сли мы капитали́зм побье́м и смы́чку с крестья́нской эконо́микой создади́м, тогда́ бу́дем абсолю́тно непобеди́мой си́лой... тогда́ рядово́й крестья́нин бу́дет ви́деть: они́ мне помога́ют; и он тогда́ пойдёт за на́ми так, что, е́сли э́та по́ступь и бу́дет в сто раз ме́дленнее, зато́ бу́дет в миллио́н раз прочне́е и кре́пче».

но бу́дет —
над ми́ром
зажжём небеса́.
Но э́то
уже́
поле́зней проде́лывать,
чем
об э́том писа́ть [1].
Тепе́рь,
е́сли пьёте
и е́сли еди́те,
на о́бщий заво́д ли
идём
с обе́да,
мы зна́ем —
пролетариа́т — победи́тель,
и Ле́нин —
организа́тор побе́ды.
От Комите́рна
до зво́нких копе́ек,
серпо́м и мо́лотом
в но́вой ме́ди,
одна́
непи́саная эпопе́я —
шаго́в Ильича́
от побе́ды к побе́де.
Револю́ции —
тяжёлые ве́щи,
оди́н не поды́мешь —
согнётся нога́.
Но Ле́нин
меж ра́вными
был первейший
по си́ле во́ли,
ума́ рычага́м.
Подыма́ются стра́ны
одна́ за одно́й —

[1] Не́сколько изменённые слова́ В. И. Ле́нина. Вы́нужденный революцио́нной обстано́вкой прерва́ть в сентябре́ 1917 го́да рабо́ту над свое́й кни́гой «Госуда́рство и револю́ция», Ле́нин в послесло́вии к ней с удовлетворе́нием написа́л: «...прия́тнее и поле́знее «о́пыт револю́ции» проде́лывать, чем о нём писа́ть».

рука́ Ильича́
указывала ве́рно:
наро́ды —
чёрный,
бе́лый
и цветно́й —
стано́вятся
под зна́мя Комингерна.
Столпо́в империали́зма
непрекло́нные коло́нны —
буржу́и
пяти́ часте́й све́та,
ве́жливо
приподыма́я
цили́ндры и коро́ны,
кла́няются
Ильичёвой респу́блике сове́тов [1].
Нам
не стра́шно
уси́лие ничьё,
мчим
вперёд
парово́зом труда́...
и вдруг
стопудо́вая весть —
с Ильичём
уда́р.

Если бы
вы́ставить в музе́е
пла́чущего большевика́,
весь день бы
в музе́е
торча́ли ротозе́и.
Ещё бы —
тако́е
не уви́дишь и в века́!

[1] Здесь говори́тся о том, что в 1924 году́ прави́тельства основны́х капиталисти́ческих держа́в бы́ли вы́нуждены призна́ть официа́льно прави́тельство СССР. Со мно́гими стра́нами бы́ли заключены́ торго́вые догово́ры.

Пятиконе́чные звёзды
выжига́ли на на́ших спи́нах
па́нские воево́ды.
Живьём,
по го́лову в зе́млю,
зака́пывали нас ба́нды
Ма́монтова.
В паровозных то́пках
сжига́ли нас япо́нцы [1],
рот залива́ли свинцо́м и о́ловом,
отреки́тесь! — реве́ли,
но и́з
горя́щих гло́ток
лишь три сло́ва:
— Да здра́вствует коммуни́зм! —
Кре́сло за кре́слом,
ряд в ряд
э́та сталь,
желе́зо э́то
ва́ливалось
два́дцать второ́го января́
в пятиэта́жное зда́ние
Съе́зда Сове́тов [2].
Уса́живались,
кида́лись усме́шкою,
реша́ли
по́ходя [3]
ме́лочь дел.
Пора́ открыва́ть!
Чего́ они́ ме́шкают? [4]

[1] В апре́ле 1920 го́да во Владивосто́ке япо́нские интерве́нты преда́тельски захвати́ли одного́ из ви́дных коммуни́стов Сиби́ри и Да́льнего Восто́ка, организа́тора красногвардейских и партиза́нских отря́дов С. Г. Лазо́. По́сле пы́ток това́рищ Лазо́ был живьём сожжён в то́пке парово́за.

[2] XI Всероссийский съезд Сове́тов заседа́л 9—29 января́ 1924 го́да в Большо́м теа́тре в Москве́. На у́треннем заседа́нии съе́зда 22 января́ 1924 го́да М. И. Кали́нин сообщи́л о сме́рти Ле́нина.

[3] По́ходя (разгово́рн.) — на ходу́, мимохо́дом, ме́жду про́чим.

[4] Ме́шкают (разгово́рн.) — ждут, ме́длят.

Чего́
президиум,
как вы́рубленный, поредéл?
Отчего́
глаза́
краснéе ло́жи? [1]
Что с Калúниным?
Дéржится éле.
Несчáстье?
Какóе?
Быть не мóжет!
А éсли с ним?
Нет!
Неужéли?
Потолóк
на нас
пошёл снижáться вóроном.
Опустúли гóловы —
ещё нагнú!
Задрожáли вдруг
и стáли чёрными
люстр расплы́вшихся огнú.
Захлебну́лся
колоко́льчика нену́жный щёлк.
Превозмóг себя́
и встал Калúнин.
Слёзы не сжуёшь
с усóв и щёк.
Вы́дали.
Блестя́т у бороды́ на клúне.
Мы́сли смешáлись,
гóлову мнут.
Кровь в виски́,
клокóчет в вéне:
— Вчерá
в шесть часóв пятьдеся́т минýт
скончáлся товáрищ Лéнин! —
Этот год
видáл,
чего́ не взвúдят сто.

[1] Крéсла в Большóм теáтре отдéланы крáсным бáрхатом.

День
векáм
войдёт
в тоскли́вое предáнье.
Ужас
из желéза
вы́жал стон.
По большевикáм
прошлó рыдáнье.
Тя́жесть страшная!
Самúх себя́ же
выволáкивали
вóлоком [1].
Разузнáть —
когдá и как?
Чего́ тая́т!
В у́лицы
и в переу́лки
катафáлком [2]
плыл
Большóй теáтр.
Рáдость
ползёт улúткой.
У гóря
бéшеный бег.
Ни сóлнца,
ни льдúны слúтка —
всё
сквозь газéтное сúтко
чёрный
засéял снег.
На рабóчего
у станкá
весть набрóсилась.
Пу́лей в умé.
И как бу́дто
слезы́ стакáн
опрокúнули на инструмéнт.
И мужичóнко,
видáвший вúды,

[1] То есть éле шли, éле двúгались.
[2] Катафáлк — погребáльная колесни́ца, повóзка для грóба.

сме́рти
в глаза́
смотре́вший не раз,
отверну́лся от баб,
но вы́дала
кулако́м
растёртая грязь.
Бы́ли лю́ди — креме́нь,
и э́ти
прикуси́лись,
губу́ уро́дуя.
Старика́ми
рассерьёзничались де́ти,
и, как де́ти,
пла́кали седоборо́дые.
Ве́тер
всей земле́
бессо́нницею выл,
и ника́к
восста́вшей
не додума́ть до конца́,
что вот гроб
в моро́зной
комнатёночке Москвы́
револю́ции
и сы́на и отца́.
Коне́ц,
коне́ц,
коне́ц.
Кого́
уверя́ть!
Стекло́ —
и ви́дите по́д...
Это
его́
несу́т с Павеле́цкого [1]
по го́роду,
взя́тому им у госпо́д.
Улица,
бу́дто ра́на сквозна́я —

[1] 23 января́ 1924 го́да на Павеле́цкий вокза́л в Москве́ при́был тра́урный по́езд из Го́рок.

так боли́т
и сто́нет так.
Здесь
ка́ждый ка́мень
Ле́нина зна́ет
по то́поту
пе́рвых
октя́брьских ата́к.
Здесь
всё,
что ка́ждое зна́мя
вы́шило,
заду́мано им
и ве́лено им.
Здесь
ка́ждая ба́шня
Ле́нина слы́шала,
за ним
пошла́ бы
в ого́нь и в дым.
Здесь
Ле́нина
зна́ет
ка́ждый рабо́чий,
сердца́ ему́
ве́тками ёлок стели́.
Он в би́тву вёл,
побе́ду проро́чил,
и вот
пролета́рий —
всего́ властели́н.
Здесь
ка́ждый крестья́нин
Ле́нина и́мя
в се́рдце
вписа́л
любо́вней, чем в свя́тцы.
Он зе́мли
вел
назва́ть свои́ми,

что де́дам
в гроба́х,
засе́ченным, сня́тся.
И коммуна́ры
с-под пло́щади Кра́сной [1],
каза́лось,
ше́пчут:
— Люби́мый и ми́лый!
Живи́,
и не на́до
судьбы́ прекра́сней —
сто раз сразимся
и ля́жем в моги́лы! —
Сейча́с
прозвуча́ли б
слова́ чудотво́рца,
чтоб нам умере́ть
и его́ разбу́дят, —
плоти́на у́лиц
враспа́шку раство́рится,
и с пе́сней
на смерть
ри́нутся лю́ди.
Но не́ту чуде́с,
и мечта́ть о них не́чего.
Есть Ле́нин,
гроб
и согну́тые пле́чи.
Он был челове́к
до конца́ челове́чьего —
неси́
и казни́сь
тоско́й челове́чьей.
Вове́к
тако́го
бесце́нного гру́за
ещё
не несли́
океа́ны на́ши,

[1] На Кра́сной пло́щади у Кремлёвской стены́ похоро́нены борцы́ револю́ции, поги́бшие во вре́мя октя́брьских боёв 1917 го́да в Москве́.

как гроб э́тот кра́сный,
к До́му сою́зов
плыву́ший
на спи́нах рыда́ний и ма́ршей.
Ещё
в карау́л
встава́ла в почётный
суро́вая гва́рдия
ле́нинской вы́правки,
а лю́ди
уже́
прожида́ют, впеча́таны
во всю длину́
и Тверско́й
и Дими́тровки [1].
В семна́дцатом
бы́ло —
в о́чередь до́чери
за хле́бом не вы́шлешь —
за́втра съем!
Но в э́ту
холо́дную,
стра́шную о́чередь
с детьми́ и с больны́ми
вста́ли все.
Дере́вни
стро́ились
с го́родом ря́дом.
То му́жеством го́ре,
то де́тскими вы́звенит.
Земля́ труда́
проходи́ла пара́дом —
живы́м
ито́гом
ле́нинской жи́зни.
Жёлтое со́лнце,
косо́е и ла́ковое,

[1] Очередь пришедших проститься с те́лом В. И. Ле́нина растяну́лась вдоль прилега́ющих к зда́нию До́ма сою́зов у́лиц — Тверско́й (ны́не у́лица Го́рького) и Большо́й Дими́тровки (ны́не у́лица Пу́шкина).

взойдёт,
лучáми к подножью кидáется.
Как бýдто
забúтые,
надéжду оплáкивая,
склоняясь в гóре,
проходят китáйцы.
Вплывáли
нóчи
на спúнах дней,
часы́ меня́я,
пýтая дáты.
Как бýдто
не ночь
и не звёзды на ней,
а плáчут
над Лéниным
негры из Штáтов.
Морóз небывáлый
жáрил подóшвы.
А лю́ди
днюю́т
дáвкою тéсной.
Дáже
от хóлода
бить в ладóши
никтó не решáется —
нельзя́,
неумéстно.
Морóз хватáет
и тáщит,
как бýдто
пытáет,
наскóлько в любви́ закалённые.
Врывáется в тóлпы.
В дáвку запýтан,
вступáет
вмéсте с толпóй за колóнны.
Ступéни растýт,
разрастáются в риф! [1]

[1] Р и ф — скалá.

Но вот
затихáет
дыхáнье и пéнье,
и стрáшно ступúть —
под ногóю обры́в —
бездóнный обры́в
в четы́ре ступéни.
Обры́в
от рáбства в сто поколéний,
где знáют
лишь зóлота звóнкий резóн [1].
Обры́в
и край —
э́то гроб и Лéнин,
а дáльше —
коммýна
во весь горизóнт.
Что увúдишь?!
Тóлько лоб егó лишь,
и Надéжда Константúновна [2]
в тумáне
зá...
Мóжет быть,
в глазá без слёз
увúдеть мóжно бóльше!
Не в такúе
я
смотрéл глазá.
Знамён
плывýщих
склоня́ется шёлк
послéдней
пóчестью óтданной:

[1] Р е з о́ н — разýмное основáние, смысл. Идя́ прощáться с Лéниным, Маякóвский дýмает о всемúрно-историческом перелóме, свя́занном с жúзнью и дéятельностью вождя́.

[2] К р у́ п с к а я Н. К. (1869—1939) — женá, друг и ближáйший помóщник В. И. Лéнина, однá из старéйших дéятельниц Коммунистúческой пáртии.

«Прощáй же, товáрищ,
ты чéстно прошёл
свой дóблестный путь благорóдный» [1].
Страх.
Закрóй глазá
и не глядú —
как бýдто
идёшь
по прóволоке прóвода.
Как бýдто
минýту
одúн на одúн
остáлся
с огрóмноü
едúнственной прáвдоü.
Я счáстлив.
Звенящего мáрша водá
относит
тéло моё невесóмое.
Я знáю —
отнынe
и навсегдá
во мне
минýта
э́та вот сáмая.
Я счáстлив,
что я
э́той сúлы частúца,
что óбщие
дáже слёзы из глаз.
Сильнéе
и чúще
нельзя́ причастúться [2]
велúкому чýвству
по úмени —
класс!

[1] Строки из трáурноü пéсни на слова́ В. Г. Архáнгельского «Вы жéртвою пáли...»

[2] То есть приобщúться, слúться, стать чáстью.

Знамённые
снóва
склоня́ются крылья,
чтоб зáвтра
опя́ть
подня́ться в бой —
«Мы сáми, родúмый, закрылú
орлúные óчи твоú» [1].
Тóлько б не упáсть,
к плечý плечó,
флáги вычернив
и вéками алéя,
на послéднее
прощáнье с Ильичём
шли
и мéдлили у мавзолéя.
Выполня́ют церемониáл [2].
Говорúли рéчи.
Говоря́т — и лáдно.
Гóре вот,
что срок минýты
мал —
рáзве
весь
охвáтишь ненагля́дный!
Пройдýт
и нáверх
смóтрят с опáскоü,
на чёрный,
посы́панный снéгом кружóк [3].
Как бéшено
скáчут
стрéлки на Спáсскоü!
В минýту —
к послéдней четвёрке прыжóк.
Замрúте
минýту
от э́тоü вéсти!

[1] Строки из любúмоü Владúмиром Ильичём пéсни на слова́ Г. А. Мачтéта «Замýчен тяжёлой невóлей,...».

[2] Церемониáл — официáльно прúнятый распоря́док.

[3] То есть на циферблáт часóв Спáсскоü бáшни Кремля́.

Останови́сь,
движе́нье и жизнь![1]
Подня́вшие мо́лот,
сты́ньте на ме́сте.
Земля́, замри́,
ложи́сь и лежи́!
Безмо́лвие.
Путь велича́йший око́нчен.
Стреля́ли из пу́шки,
а мо́жет, из ты́щи.
И э́та
пальба́
каза́лась не гро́мче,
чем ме́лочь,
в карма́не бренча́щая —
в ни́щем.
До бо́ли
раскры́в
убо́гое зре́нье,
почти́ замороже́н,
стою́ не дыша́.
Встаёт
предо мной
у знамён в озаре́нии
тёмный
земно́й
неподви́жный шар.
Над ми́ром гроб,
неподви́жен и нем.
У гро́ба —
мы,
люде́й представи́тели,
чтоб бу́рей восста́ний,
дел и поэ́м
размно́жить то,
что сего́дня ви́дели.

---

[1] 27 января́ 1924 го́да в 4 часа́ дня, в моме́нт, когда́ гроб с те́лом В. И. Ле́нина был установлен во вре́менном Мавзоле́е, по всей стране́ бы́ло на пять мину́т прекращено́ вся́кое движе́ние.

Но вот
издалёка,
отту́да,
из а́лого,
в моро́з,
в карау́л умо́лкнувший наш,
че́й-то го́лос:
«Ша́гом марш».
Этого прика́за
и не ну́жно да́же —
ре́же,
ровне́е,
твёрже дыша́,
с трудо́м
отрыва́я
те́ло-тя́жесть,
с пло́щади
вниз
вбива́ем шаг.
Ка́ждое зна́мя
твёрдыми рука́ми
вновь
над голово́ю
взви́то ввысь.
То́пота пото́п,
си́ла круга́ми,
ши́рясь,
расхо́дится
ми́ру в мысль[1].
Общая мысль
воеди́но созве́ньена[2]
рабо́чих,
крестья́н
и солда́т-руба́к:
— Тру́дно
бу́дет
респу́блике без Ле́нина.

---

[1] Общий смысл строфы́: си́ла революцио́нного поры́ва люде́й, как круги́ по воде́, расхо́дится по ми́ру, внедря́я в созна́ние, в мысль челове́чества вели́кие иде́и Ле́нина.

[2] Созве́ньена (неологи́зм) — объединена́, свя́зана воеди́но, как звенья одно́й це́пи.

На́до заменя́ть его́ —
кем?
И как?
Дово́льно
валя́ться
на перйне клопо́вой!
Това́рищ секрета́рь!
На́ тебе́ —
вот, —
про́сим приписа́ть
к ячёйке еркапо́вой [1]
сра́зу,
коллекти́вно,
весь заво́д .. —
Смо́трят
буржу́и,
гла́зки раскоря́ча,
дрожа́т
от то́пота кре́пких ног.
Четы́реста ты́сяч
от станка́
горя́чих —
Ле́нину
пе́рвый
парти́йный вено́к.
— Това́рищ секрета́рь,
бери́ ру́чку...
Говоря́т — заме́ним...
На́до, мол...
Я уже́ стар —
бери́те вну́чика,
не отстаёт —
пода́й комсомо́л. —
Подше́фный флот,
подыма́й якоря́,

[1] «К ячёйке еркапо́вой» — к парти́йной организа́ции. По́сле сме́рти Ле́нина за четы́ре ме́сяца в ряды́ Коммунисти́ческой па́ртии вступи́ло свы́ше двухсо́т сорока́ ты́сяч рабо́чих. Мно́гие из них, лю́ди уже́ не молоды́е, не могли́ при ста́ром стро́е получи́ть образова́ние и говори́ли непра́вильно, поэ́тому Маяко́вский употребля́ет сло́во «еркапо́вой» — непра́вильное прилага́тельное от «эркапе́» (РКП — Росси́йская Коммунисти́ческая па́ртия).

в мо́ре
пора́
подво́дным крота́м.
«По моря́м,
по моря́м,
ны́нче здесь,
за́втра там» [1].
Вы́ше, со́лнце!
Бу́дешь свиде́тель —
скоре́й
разгла́живай тра́ур у рта.
В но́гу
взро́слым
вступа́ют де́ти —
тра́-та-та-та́-та,
та́-та-та-та́.
«Раз,
два,
три!
Пионе́ры мы.
Мы фаши́стов не боймся,
пойдём на штыки́» [2].
Напра́сно
кула́к Евро́пы за́дран.
Кро́ем их гро́хотом.
Наза́д!
Не сметь!
Ста́ла
велича́йшим
коммуни́стом-организа́тором
да́же
сама́
Ильичёва смерть.
Уже́
над тру́бами
чудо́вищной ро́щи,

[1] Припе́в о́чень популя́рной в 20-х года́х пе́сни на слова́ В. Межве́вина: «Ты, моря́к, краси́вый сам собо́ю. Тебе́ от ро́ду два́дцать лет».
[2] Стро́ки из популя́рной пионе́рской пе́сни того́ вре́мени.

ру́ки
миллио́нов
сложи́в в древко́,
кра́сным зна́менем
Кра́сная пло́щадь
вверх
вздыма́ется
стра́шным рывко́м.
С э́того зна́мени,
с ка́ждой скла́дки,
сно́ва
живо́й
взыва́ет Ле́нин:
— Пролета́рии,
стро́йтесь
к после́дней схва́тке!
Рабы́,
разгиба́йте
спи́ны и коле́ни!
Армия пролета́риев,
стань стройна́!
Да здра́вствует револю́ция,
ра́достная и ско́рая!
Это —
еди́нственная
вели́кая война́
из всех,
каки́е зна́ла исто́рия.

К 10-й годовщи́не Вели́кой Октя́брьской социалисти́ческой револю́ции вы́шла в свет после́дняя из зако́нченных поэ́м Маяко́вского — ***„Хорошо!“***.

Поэ́ма об Октябре́ была́ заду́мана ещё в 1926 году́. В конце́ го́да Маяко́вский взя́лся написа́ть пье́су-сцена́рий для юбиле́йного спекта́кля и весно́й 1927 го́да её зако́нчил. Она́ называ́лась «Октя́брь». Факти́чески э́то был текст 2—8-й глав бу́дущей поэ́мы. В ма́е — ию́ле, уже́ безотноси́тельно к постано́вке, бы́ли напи́саны 9—17-я гла́вы и 1-я, а две заключи́тельные (18—19-я гла́вы) — не́сколько по́зже, во вре́мя пое́здки по Кры́му (5 а́вгуста Маяко́вский присла́л их Госизда́ту из Ялты). Но́вая поэ́ма называ́лась «25 октября́ 1917 го́да» и дели́лась на ча́сти: вступле́ние (1-я глава́), пе́рвая часть (2—8-я гла́вы), втора́я часть (9—17-я гла́вы) и тре́тья часть (18—19-я гла́вы). В корректу́ре Маяко́вский уничто́жил деле́ние на ча́сти, уточни́л нумера́цию глав и дал оконча́тельное назва́ние: «Хорошо́! Октя́брьская поэ́ма».

Одно́ из пе́рвых чте́ний поэ́мы состоя́лось 18 октября́ 1927 го́да в Кра́сном за́ле МК ВКП(б) для акти́ва Моско́вской парти́йной организа́ции. Вслед за э́тим публи́чные чте́ния «Хорошо́!» состоя́лись в Москве́ в Большо́й аудито́рии Политехни́ческого музе́я, в До́ме печа́ти, в Коло́нном за́ле До́ма сою́зов, а зате́м в конце́ 1927 го́да — нача́ле 1928 го́да в Ленингра́де и мно́гих города́х Украи́ны, Закавка́зья, Повóлжья, Ура́ла.

Назва́ние «Хорошо́!» — э́то проду́манная и одновре́менно стра́стная, от се́рдца иду́щая о ц е́ н к а вели́ких собы́тий, совре́менником кото́рых довело́сь быть поэ́ту.

В зако́нченной год спустя́ (1928) автобиогра́фии Маяко́вский назва́л поэ́му «Хорошо́!» «програ́ммной ве́щью». Там же он указа́л на применённый им в поэ́ме худо́жественный приём: «введе́ние, для переби́вки пла́нов, фа́к-

тов разли́чного истори́ческого кали́бра, зако́нных то́лько в поря́дке ли́чных ассоциа́ций».

Э́тот приём действи́тельно мно́гое определя́ет в худо́жественной структу́ре поэ́мы, потому́ что для Маяко́вского *вели́кие истори́ческие собы́тия ста́ли содержа́нием лири́ческого пережива́ния*. «Ли́чные ассоциа́ции» не то́лько не помеша́ли, но помо́гли́ поэ́ту донести́ до чита́теля истори́ческую пра́вду в её конкре́тности и многообра́зии.

В литерату́рном произведе́нии всегда́ существу́ет не́кое усло́вное соотноше́ние ме́жду а́втором, действи́тельностью, кото́рая отражена́ в его́ произведе́нии, и чита́телем. Ча́ще всего́ а́втор как бы прису́тствует одновре́менно во мно́гих места́х, зна́ет, что ду́мают и чу́вствуют все его́ геро́и, и т. п. Он вездесу́щ и всеве́дущ. В поэ́ме «Хорошо́!» э́то усло́вное соотноше́ние неоднокра́тно меня́ется. Маяко́вский выступа́ет в ней не то́лько как традицио́нно всеве́дущий а́втор-повествова́тель (10-я глава́) и как поэ́т, пою́щий сла́ву революции и социалисти́ческой ро́дине (17-я глава́), — он, кро́ме того́, ста́вит себя́ в положе́ние непосре́дственного очеви́дца, а иногда́ и прямо́го уча́стника собы́тий. При э́том, переходя́ от главы́ к главе́, он в ря́де слу́чаев ре́зко меня́ет та́кже и масшта́б изображе́ния: то даёт о́бщую карти́ну, то выделя́ет «кру́пным пла́ном» (как в кино́) отде́льную сце́ну, лицо́, дета́ль. Так, наприме́р, в 10-й главе́ Маяко́вский как бы сра́зу ви́дит всю охва́ченную граждан ской войно́й Росси́ю: тут и Юде́нич, и Колча́к, и Вра́нгель в Крыму́, и англи́йские интерве́нты в Арха́нгельске — то есть сраже́ния, развёртывавшиеся на всём простра́нстве страны́, и притом́ на протяже́нии почти́ трёх лет. Ина́че («кру́пным пла́ном») даны́ сце́на с Кусько́вой, разгово́р пья́ных офице́ров и та́йное собра́ние рабо́чих в 4-й и 5-й гла́вах. Одна́ко, несмотря́ на друго́й масшта́б, Маяко́вский в э́тих гла́вах, как и в 10-й главе́, всё же смо́трит со стороны́, как неви́димый наблюда́тель. Напро́тив, штурм Зи́мнего дворца́ (6-я глава́) опи́сан так, как бу́дто поэ́т сам был его́ прямы́м уча́стником («Ворвали́сь. На ковры́! Под разоло́ченный кров!..», «За две́сти шаго́в... за три́дцать... за два́дцать...»). В 11-й, 14-й и отча́сти 15-й гла́вах Маяко́вский — персона́ж поэ́мы, рядово́й жи́тель голо́дной и холо́дной Москвы́ 1919—1920 годо́в. В 16-й главе́ своеобра́зный у́гол зре́ния достига́ется ссы́лкой на расска́з Лаву́та («зако́нной в поря́дке ли́чных ассоциа́ций») и т. п. Все соотноше́ния, кото́рые возника́ют ме́жду а́втором, действи́тельностью и чита́телем в поэ́ме «Хорошо́!», порожда́ют и все отте́нки поэти́ческих интона́ций её девятна́дцати глав.

Ка́ждая глава́ поэ́мы явля́ется как бы самостоя́тельным стихотво́рным произведе́нием, це́лостным и индивидуа́льным не то́лько по своей те́ме (*что и́ли о чём говори́тся*), но и по своеобра́зию а́вторской интона́ции (*как говори́тся*).

Это многообра́зие, одна́ко, не создаёт пестроты́: како́го бы «истори́ческого кали́бра» фа́кты ни опи́сывал в свое́й поэ́ме Маяко́вский, каки́е бы он ни де́лал неожи́данные перехо́ды, чита́тель всегда́ чу́вствует огро́мный «кали́бр» его́ ли́чности — гениа́льного поэ́та вели́кой эпо́хи, по пра́ву сознающего себя́ её ру́пором. Ря́дом с о́бразом поэ́та, *лири́ческого геро́я*, воплоти́вшего в себе́ лу́чшие черты́ сове́тского челове́ка, и в неразры́вной свя́зи с э́тим о́бразом в поэ́ме вырисо́вывается *эпи́ческий собира́тельный о́браз* наро́да, страны́ в це́лом.

«Хорошо́!» нере́дко называ́ют ли́ро-эпи́ческой поэ́мой. Не бу́дучи неве́рным, э́то определе́ние не́сколько скра́дывает нова́торское своеобра́зие произведе́ния Маяко́вского, его́ отли́чие от поэ́м XIX ве́ка. Когда́ ли́ро-эпи́ческой поэ́мой называ́ют «Ме́дный вса́дник» Пу́шкина, «Мцы́ри» Ле́рмонтова и́ли «Моро́з, Кра́сный нос» Некра́сова, то обы́чно име́ют в виду́, что э́то — стихотво́рные произведе́ния, в кото́рых *сочета́ются* элеме́нты э́поса и ли́рики, что композицио́нным сте́ржнем в них явля́ется сюже́тное *повествова́ние* и в то же вре́мя большо́е значе́ние име́ют прерыва́ющие э́то повествова́ние разнообра́зные *лири́ческие отступле́ния*. В поэ́ме «Хорошо́!» соотноше́ние ме́жду ли́рикой и э́посом ино́е: эпи́ческое не *сочета́ется* с лири́ческим, а неразры́вно *сли́то* с ним и подчинено́ ему́. Ре́зкость тематíческих жа́нрово-интонацио́нных и ритми́ческих перехо́дов не наруша́ет худо́жественной це́лостности поэ́мы, так как э́та це́лостность определя́ется не ни́тью сюже́тного повествова́ния и о́бщим для всей поэ́мы стихотво́рным разме́ром, а о́бразом поэ́та — еди́ным при всей своей

многогра́нности. Поэ́тому, несмотря́ на стилисти́ческое и ри́тмико-интонацио́нное многообра́зие, поэ́ма «Хорошо́!» произво́дит впечатле́ние еди́нства, монумента́льности. «Это Октя́брьская револю́ция, отли́тая в бро́нзу», — сказа́л о ней А. В. Лунача́рский.

В худо́жественной тка́ни поэ́мы «Хорошо́!» сказа́лся весь нова́торский о́пыт Маяко́вского, испо́льзованы сде́ланные им ра́нее откры́тия в о́бласти худо́жественной фо́рмы и на́йдено мно́го но́вого. В ней есть то еди́нство всех элеме́нтов фо́рмы и содержа́ния, кото́рое достига́ется лишь на са́мых высо́ких ступеня́х худо́жественного мастерства́. Компози́ция, о́бразная систе́ма (тро́пы), многообра́зие интона́ций и ри́тмов, виртуо́зная звукова́я организа́ция стиха́ — всё нахо́дится в ней в органи́ческой взаимосвя́зи, ни оди́н элеме́нт фо́рмы не ощуща́ется сам по себе́, вне це́лого.

Рассмо́трим в отде́льности ка́ждую из девятна́дцати глав поэ́мы.

1-я глава́, небольша́я по разме́ру, исключи́тельно важна́ для понима́ния не то́лько поэ́мы, но и тво́рчества Маяко́вского в це́лом. Бу́дучи по отноше́нию к поэ́ме вступи́тельной главо́й, она́ в то же вре́мя явля́ется одно́й из наибо́лее глубо́ких тво́рческих деклара́ций поэ́та. Первонача́льно э́та глава́ начина́лась так:

Эпос — времена́ и лю́ди,
дни и со́лнце — э́пос.
Эпоса не ви́деть
сле́по.

Сло́во «э́пос» употреблено́ здесь не в о́бщем значе́нии «повествова́ние», а в бо́лее ча́стном — наро́дная геро́ическая поэ́ма, наро́дный э́пос. Наро́дным э́посом называ́ют таки́е произведе́ния, как «Илиа́да» дре́вних гре́ков, ру́сские были́ны, древнегерма́нская «Песнь о Нибелу́нгах», каре́ло-фи́нская «Ка́левала» и други́е подо́бные произведе́ния, в кото́рых излага́ются преда́ния наро́да о далёком про́шлом, опи́сываются легенда́рные по́двиги его́ геро́ев.

Употреби́в сло́во «э́пос», Маяко́вский, очеви́дно, хоте́л с пе́рвых же строк оттени́ть вели́чие, историческую значительность те́мы «Октя́брьская револю́ция». Но свя́занное с э́тим сло́вом представле́ние

о неторопли́вом и нейтра́льном по то́ну изложе́нии собы́тий да́вних, баснослове́сных времён противоре́чило бы за́мыслу стра́стной, парти́йной поэ́мы о вели́ких собы́тиях совреме́нной эпо́хи. По-ви́димому, э́то и заста́вило Маяко́вского отказа́ться от хоро́шей строфы́. В оконча́тельном те́ксте сло́во «вре́мя» и вся пе́рвая строка́ поэ́мы («Вре́мя — вещь необыча́йно дли́нная») настра́ивает чита́теля на то, что речь пойдёт о вели́ких, истори́ческого масшта́ба собы́тиях, но тут же (во второ́й и сле́дующих строка́х) пря́мо оговорено́, что а́втора волну́ет отню́дь не далёкое про́шлое («...бы́ли времена́ — прошли́ были́нные»), а совреме́нность. Воссоздава́я геро́ику совреме́нной эпо́хи, не́зачем возрожда́ть стари́нные фо́рмы эпи́ческой поэ́зии, поко́йно и медли́тельно повествова́вшей о легенда́рном про́шлом («Ни были́н, ни э́посов, ни эпопе́й»). На́до создава́ть но́вый стих, спосо́бный переда́ть стреми́тельное движе́ние вре́мени («Телегра́ммой лети́, строфа́!»). На́до напои́ть э́тот но́вый стих живо́й совреме́нностью («Воспалённой губо́й припади́ и попе́й из реки́, по и́мени — «Факт»).

О неразры́вном еди́нстве ли́рики и э́поса, горя́чей заинтересо́ванности и истори́ческой объекти́вности, стра́стной парти́йности и реалисти́ческой то́чности Маяко́вский говори́т и в дальне́йших строфа́х 1-й главы́. Как бы сплета́ющиеся ме́жду собо́й неожи́данные, эмоциона́льно насы́щенные мета́форы в совоку́пности о́чень то́чно переда́ют «чу́вствуемую мысль»[1] поэ́та. Удиви́тельно ёмок здесь о́браз гудя́щих телегра́фных проводо́в. В жите́йском обихо́де, а нере́дко и в литерату́ре звук, кото́рый почти́ всегда́ мо́жно услы́шать, прибли́зившись к столбу́ телегра́фной ли́нии, обы́чно свя́зывают с тем, что по провода́м в э́то вре́мя передаю́тся телегра́ммы. У Маяко́вского в строке́ «Это вре́мя гуди́т телегра́фной струно́й» ходово́е (хотя́ и нево́рное с то́чки зре́ния те́хники) жите́йское представле́ние осложнено́. Ведь и́менно телегра́фный про́вод разноси́л по всему́ ми́ру ве́сти о бы́стро сменя́вших друг дру́га бу́рных собы́тиях революцио́нных

[1] Это выраже́ние употреби́л Маяко́вский, говоря́ о Пу́шкине. В своём выступле́нии на ди́спуте «О зада́чах литерату́ры и драматурги́и» 26 ма́я 1924 го́да он призыва́л учи́ться у Пу́шкина «...при́ёмам, кото́рые даю́т бесконе́чное удовлетворе́ние, ве́рную формулиро́вку взя́той, диктуемой, чу́вствуемой мы́сли».

лет, а в ка́ждой тако́й ве́сти, в ка́ждом фа́кте совреме́нности поэ́т уме́л ощуща́ть вре́мя, эпо́ху, исто́рию. Поэ́тому у Маяко́вского не про́сто телегра́ммы, а вре́мя «гуди́т телегра́фной струно́й». Сло́во «струно́й», вызыва́я в па́мяти традицио́нную «ли́ру», напомина́ет о стихе́. Гуде́ние телегра́фной струны́ — э́то и гул вре́мени, и иду́щий от се́рдца стих поэ́та. Ведь поэ́ма об Октябре́ — «э́то се́рдце с пра́вдой вдвоём», лири́зм и ве́рность истори́ческой пра́вде в ней взаи́мно уси́ливают друг дру́га (см. вступи́тельную статью́, стр. 33—34) и слу́жат еди́ной це́ли.

А цель поэ́та (см. три после́дние строфы́ 1-й главы́, от «Я хочу́, что́бы, с э́тою кни́гой побы́в...» до конца́) — воссозда́ть го́ды революции так, что́бы чита́тель, за́ново переживая вме́сте с поэ́том незабыва́емую геро́ику тех лет, почу́вствовал бы прили́в сил и ра́достной эне́ргии для дальне́йшей борьбы́ и стро́йки.

Несмотря́ на то, что форма́льно Маяко́вский уничто́жил деле́ние на ча́сти, оно́ всё же ощуща́ется в композицио́нной структу́ре поэ́мы: 2—8-я гла́вы до изве́стной сте́пени обосо́блены от после́дующих. В них о́чень си́лен драмати́ческий элеме́нт — мно́го де́йствия, мно́го персона́жей. Большу́ю роль игра́ет прямая́ речь. Это ряд динами́чных жи́зненных сцен, в кото́рых (в ра́зном масшта́бе и в ра́зной эмоциона́льной тона́льности) удиви́тельно нагля́дно пока́зана Октя́брьская революция, её непосре́дственные предпосы́лки (2-я глава́), её враги́ и её творцы́ (3-я, 4-я, 5-я гла́вы), её сла́вная побе́да (6-я глава́), её всенаро́дный разма́х и её высо́кий челове́ческий смысл (7-я и 8-я гла́вы).

Во **2-й главе́** Маяко́вский с пе́рвых же строк вво́дит чита́теля в обстано́вку бу́рного 1917 го́да. Уже́ све́ргнут цари́зм. Буржуа́зное Вре́менное прави́тельство тще́тно пыта́ется сдержа́ть всё нараста́ющую революцио́нную акти́вность масс, затума́нивая их созна́ние зво́нкими фра́зами о «свобо́де», «народовла́стии» и т. п. («Вра́ли: «наро́да — свобо́да, вперёд, эпо́ха, заря́...» — и зря»). Рабо́чие, крестья́не, солда́ты насто́йчиво тре́буют неме́дленного реше́ния наибо́лее насу́щных для миллио́нов трудя́щихся жи́зненных вопро́сов: о ми́ре («Конча́йте войну́! Дово́льно! Бу́дет!»), о переда́че поме́щичьей земли́ крестья́нам («...где зако́н, что́бы зе́млю вы́дать к ле́ту?»), об отстране́нии от вла́сти представи́телей контрреволюцио́нной буржуази́и («Власть к бога́тым ры́ло воро́тит...»). Ке́ренский со свои́м ста́рым чино́вничьим и полице́йским аппара́том уже́ бесси́лен: волну́ наро́дного недово́льства нельзя́ сдержа́ть тюре́мной решёткой, как нельзя́ удержа́ть во́ду решето́м («...ро́пот сполза́л из кере́нской тюрьмы́-решета́). Не то́лько в го́роде, но и на фро́нте и в дере́вне ма́ссы, стихи́йно чу́вствуя пра́вду, тя́нутся к большевика́м (коммуни́стам).

В трёх после́дующих гла́вах кру́пным пла́ном даны́ сатири́ческие портре́ты врагов нараста́ющей револю́ции и как бы в отдале́нии, как гро́зный для них фон, — гото́вящиеся к реши́тельному бо́ю революцио́нные рабо́чие.

В **3-й главе́** речь идёт об А. Ф. Ке́ренском, кото́рый, одна́ко, пря́мо не на́зван ни ра́зу. В ирони́чески-сатири́ческом портре́те э́того мелкобуржуа́зного поли́тика, случа́йно вознесённого волно́й наро́дной не́нависти к цари́зму на высо́кий пост главы́ прави́тельства, мастерски́ испо́льзованы широкоизве́стные в 1917 году́ черты́ его́ хара́ктера и дета́ли биогра́фии. Ке́ренский, по профе́ссии присяжный пове́ренный (так в дореволюцио́нной Росси́и называ́лись адвока́ты) и изве́стный свои́м красноре́чием «оппозицио́нный» депута́т ца́рской Государственной ду́мы, во вре́мя Февра́льской револю́ции вошёл в соста́в Вре́менного прави́тельства как мини́стр юсти́ции. Вско́ре он за́нял пост вое́нного и морско́го мини́стра, а в конце́ ле́та — премье́р-мини́стра. Местопребыва́нием Вре́менного прави́тельства был Зи́мний дворе́ц, причём Ке́ренский и жил в нём. Сатири́чески обыгра́в почти́ все основны́е фа́кты биогра́фии неуда́чливого кандида́та в дикта́торы, Маяко́вский зате́м (в строфе́ «Забы́вши и кла́ссы и па́ртии...») ната́лкивает чита́теля на ирони́ческое сопоставле́ние Ке́ренского с Наполео́ном, испо́льзуя в э́тих це́лях ритм стихотворе́ния Ле́рмонтова о Наполео́не — «Возду́шный кора́бль». Вспо́мним у Ле́рмонтова:

Из гро́ба тогда́ импера́тор,
Очну́вшись, явля́ется вдруг;
На нём треуго́льная шля́па
И се́рый похо́дный сюрту́к.

Благодаря́ э́тому приёму Ке́ренский превраща́ется как бы в карикату́ру на Наполео́на. Коми́чески по́дана и страсть Ке́ренского произноси́ть трескучие ре́чи («Слова́ и слова́...», «Идёт на дежу́рную речь» и т. д.), и его́ популя́рность в буржуа́зных и обыва́тельских круга́х («...да́мы и де́ти-пуза́нчики кида́ют цветы́ и роза́нчики»), и его́ тщесла́вное жела́ние пози́ровать знамени́тым худо́жникам.

Той же зада́че — сни́зить мни́мую значи́тельность, разоблачи́ть ду́тые, о́перно-театра́льные эффе́кты, кото́рыми в 1917 году́ пыта́лись маскирова́ться полити́ческие де́ятели буржуази́и и претендова́вшие на роль «вожде́й революцио́нной демокра́тии» отсту́пники от революцио́нного марксизма — слу́жит и пароди́йное испо́льзование в **4-й главе́** изве́стной сце́ны ме́жду Татья́ной и ня́ней из о́перы Чайко́вского «Евге́ний Оне́гин». В ро́ли ю́ной Татья́ны — чувстви́тельная стару́шка (на де́ле — бесстыдная политика́нтка) Кускова́. В ро́ли ня́ни — соли́дный профе́ссор Милюко́в. Эта иронична подстано́вка, де́лающая всю главу́ о́чень смешно́й, име́ет соверше́нно определённый полити́ческий смысл. Сатири́ческий уда́р здесь безупре́чно то́чен. Кускова́ — дово́льно изве́стная публици́стка, когда́-то, в конце́ 90-х годо́в, счита́ла себя́ марксисткой. В нача́ле 900-х годо́в она́ ста́ла пропове́довать так называ́емый экономи́зм — тече́ние, кото́рое бы́ло проводнико́м буржуа́зного влия́ния на рабо́чий класс.

Вско́ре Кускова́ оконча́тельно порвала́ с марксизмом. В 1917 году́ она́ по всем гла́вным полити́ческим вопро́сам примыка́ла к каде́там. Одна́ко форма́льно она́ в э́той па́ртии не состоя́ла, счита́я себя́ не́сколько «лево́е» и сочу́вствуя цвети́стой, мни́мореволюцио́нной фразеоло́гии Ке́ренского. Милюко́в, оди́н из организа́торов и руководи́телей па́ртии каде́тов, матёрый поли́тик империалисти́ческой буржуази́и, не случа́йно вы́веден как «ня́ня», то есть воспита́тель Кускова́. Он вначале не́сколько встрево́жен тем, что Кускова́ «влюблена́» в кого́-то, произнося́щего слова́ о свобо́де, о революции, но, услы́шав и́мя Ке́ренского, то́тчас успока́ивается, так как зна́ет, что, по существу́, Ке́ренский тако́й же слуга́ буржуази́и, как и он сам.

Но и Ке́ренский, и Кускова́, и да́же Милюко́в маскируют свою́ контрреволюцио́нность вне́шней интеллиге́нтностью. По́длинное, не приукра́шенное лицо́ контрреволю́ции Маяко́вский пока́зывает в **5-й главе́**, в разгово́ре, кото́рый веду́т в рестора́не «Селе́кт» два пья́ных ца́рских офице́ра. Штабс-капита́н Попо́в, строево́й каза́чий офице́р, бе́шено ненави́дит наро́д, революцию и большевико́в, кото́рых он, как все контрреволюционе́ры того́ вре́мени, отождествля́ет с евре́ями. Его́ еди́нственная «полити́ческая програ́мма» — плеть и каза́цкая нага́йка. Собесе́дник Попо́ва, адъюта́нт (по-ви́димому, из интеллиге́нтов: штабс-капита́н ирони́чески называ́ет его́ «профе́ссором» и «либера́лом»), выдаёт себя́ за уме́ренного социали́ста, но, по существу́, говори́т то же, что и Попо́в.

А тем вре́менем где́-то на друго́м конце́ той же у́лицы рабо́чий-большеви́к деловито́ распределя́ет ме́жду това́рищами боеприпа́сы. Речь рабо́чего, по́лная споко́йной уве́ренности в свое́й правоте́ и си́ле, ре́зко контрасти́рует не то́лько с болтовнёй отврати́тельных в свое́й тупо́й зло́бе пья́ных офице́ров, но и с мане́рными фра́зами и по́зами смешны́х в свое́й самонаде́янности и бесси́лии идео́логов контрреволю́ции—Ке́ренского, Кускова́, Милюкова́.

Неторопли́во, без па́ники и суеты́, рабо́чий сообща́ет това́рищам, что Вре́менное прави́тельство гото́вится к нападе́нию: оно́ уже́ дало́ распоряже́ние отпра́вить на фронт солда́т Петрогра́дского гарнизо́на, гото́вых поддержа́ть большевико́в, и собира́ется переброси́ть из Га́тчины во́инские ча́сти, на кото́рые рассчи́тывает опере́ться. Ну́жно опереди́ть врага́ и уда́рить пе́рвым — за́втра же, так как послеза́втра мо́жет быть по́здно — так говори́т Ле́нин.

О Ле́нине, то́лько что верну́вшемся в Петрогра́д из Финля́ндии (где он скрыва́лся от сы́щиков Ке́ренского), рабо́чий говори́т о́чень немногосло́вно, но в его́ дру́жеском, уважи́тельно-многозначи́тельном и одновреме́нно немно́го шутли́вом «С а м прие́хал» чу́вствуется глубо́кое дове́рие и серде́чная теплота́.

6-я глава́ явля́ется тематической и эмоциона́льной верши́ной пе́рвой ча́сти поэ́мы. В рабо́те над э́той главо́й, поми́мо ли́чных впечатле́ний (как изве́стно, в Октя́брьские дни Маяко́вский жил в Петрогра́де и 25-го

был в Смо́льном), большо́й материа́л да́ли поэ́ту бесе́ды с уча́стниками Октя́брьского восста́ния — в ча́стности, с В. А. Анто́новым-Овсе́енко и Н. И. Подво́йским[1], а та́кже замеча́тельная кни́га америка́нского коммуни́ста Джо́на Ри́да «Де́сять дней, кото́рые потрясли́ мир». Поэ́тому о взя́тии Зи́мнего дворца́ в ночь с 25 на 26 октября́ (с 7 на 8 ноября́) Маяко́вский расска́зывает то́чно, со зна́нием дета́лей. Реша́ющий эпизо́д Октя́брьского восста́ния не про́сто опи́сан, но пе́режит поэ́том так, что и чита́тель пережива́ет и ви́дит вели́кие собы́тия как бы глаза́ми их совреме́нника — очеви́дца и да́же уча́стника, ощуща́ет их истори́ческую значи́тельность и глубо́кий драмати́зм. Этот драмати́зм есть и в само́м постро́ении главы́, в непреры́вно нараста́ющем в ней (до сце́ны аре́ста Вре́менного прави́тельства) эмоциона́льном напряже́нии и интонацио́нной динами́чности, кото́рые чу́вствуются тем бо́лее си́льно, что вне́шне глава́ начина́ется эпи́чески споко́йно. Обы́чная петербу́ргская ночь. Как всегда́, ду́ют осе́нние ве́тры. По широ́кому Тро́ицкому (тепе́рь Ки́ровскому) мо́сту, что ря́дом с Зи́мним дворцо́м, мча́тся («ду́ют»), как обы́чно, автомоби́ли и трамва́и («авто́ и тра́мы»). Ме́жду тем в го́род стя́гиваются си́лы для реша́ющей би́твы. По Неве́ плыву́т кронштадтские матро́сы, по прилега́ющей к Зи́мнему у́лице уже́ шага́ют солда́ты Кексго́льмского пехо́тного полка́ («кексго́льмцы»). На дворе́ц, в кото́ром заседа́ет Вре́менное прави́тельство, со всех сторо́н надвига́ются отря́ды, де́йствующие по прика́зу Вое́нно-революцио́нного комите́та Петрогра́дского Сове́та.

Всё э́то ска́зано в трёх часту́шечного скла́да строфа́х, чередующихся с двумя́ ритми́чески с ни́ми контрасти́рующими строфа́ми, в кото́рых, как в перемежа́ющихся кинока́драх, на мгнове́ние возника́ют о́бразы представи́телей ка́ждого из двух вступа́ющих в борьбу́ ла́герей. Бе́шено мча́щийся автомоби́ль, унося́щий из Петрогра́да в Га́тчину на́смерть перепу́ганного Ке́ренского, и по контра́сту — Смо́льный, где делови́то шага́ет («ме́чет

[1] Анто́нов-Овсе́енко В. А. (1884—1938) и Подво́йский Н. И. (1880—1948) — ви́дные де́ятели Коммунисти́ческой па́ртии, в октябре́ 1917 го́да бы́ли чле́нами Вое́нно-революцио́нного комите́та Петрогра́дского Сове́та и принима́ли непосре́дственное уча́стие в вое́нно-операти́вном руково́дстве восста́нием.

шажки́»), обду́мывая очередны́е распоряже́ния, то́лько что вы́шедший из подпо́лья и уже́ взя́вший в свои́ ру́ки руково́дство восста́нием Влади́мир Ильи́ч. Драмати́зм ожида́ния уси́лен развёрнутой на це́лую строфу́ мета́форой («Две те́ни вста́ло...» и т. д.). Две «огро́мных и ша́тких» (то есть колы́шущихся) те́ни, кото́рые мо́жно воспринять как си́мволы двух бо́рющихся миро́в, — э́то подступи́вшие к Зи́мнему дворцу́ революцио́нные отря́ды и обороня́ющие его́ контрреволюцио́нные войска́, примыка́ющие к тёмной грома́де самого́ дворца́. Они́ сошли́сь вплотну́ю («Сдви́нулись. Лоб о лоб»). Лю́ди перепо́лнили дворцо́вый двор, и его́ решётчатая огра́да как бы сти́снула (сжа́ла) те́ло толпы́ («...двор дворцо́вый рука́ми решётки сти́снул торс толп»). Всё нараста́ющей си́ле восста́вших и делови́той уве́ренности большеви́стского руково́дства противопоста́влено бесси́лие Вре́менного прави́тельства, ряды́ защи́тников кото́рого бы́стро реде́ют. Это бесси́лие и одновреме́нно нараста́ющая трево́га пе́реданы через ряд вырази́тельных дета́лей. Мини́стры, пасси́вно ожида́ющие конца́ в одно́й из ко́мнат Зи́мнего, без вся́кой необходи́мости говоря́т ше́потом. Они́ сидя́т, втяну́в го́лову в пле́чи («Заби́лись под га́лстук»...). Гул нача́вшегося шту́рма и пу́шечный вы́стрел заставля́ет одного́ из них насторожённо подня́ть го́лову («...высоко́ над воротнико́м поднялось лицо́ Кова́лова...»), но и то́лько: ни он, ни его́ колле́ги не в состоя́нии что́-либо предприня́ть.

Сигна́л к нача́лу шту́рма («...над Петропа́вловкой взви́лся фона́рь...») разреша́ет напряжённое ожида́ние. Непреры́вно нагнета́емые патети́ческие стро́фы, передающие карти́ну би́твы, создаю́т но́вое, уже́ совсе́м друго́е напряже́ние, кото́рое в свою́ о́чередь перебива́ется удиви́тельно ёмкой по своему́ нра́вственному и полити́ческому смы́слу сце́нкой ме́жду пути́ловцем и парни́шкой, укра́вшим часы́. Пути́ловец, созна́тельный пролета́рий, в са́мый моме́нт взя́тия вла́сти рабо́чим кла́ссом разъясня́ет провини́вшемуся но́вое отноше́ние к государственному достоя́нию. Непра́вильности ре́чи («Выкладай» и «тепе́рича»), не́сколько слов от а́втора, характеризу́ющие покрови́тельственное отноше́ние пути́ловца к собесе́днику, и, наконе́ц, уве́ренная интона́ция после́дней строки́ (подчёркнутая выделе́нием ка́ждого сло́ва

и восклица́тельным зна́ком) позволя́ют чита́телю живо предста́вить себе́ молодо́го па́рня и пожило́го рабо́чего — они́ на мину́ту как бы вы́хвачены из толпы́ лучо́м проже́ктора.

Строфа́, в кото́рой дана́ э́та сце́нка, явля́ясь интонацио́нной переды́шкой, де́лает возмо́жным дальне́йшее интонацио́нное нараста́ние, кото́рое ведёт к кульмина́ции: оди́н из ворва́вшихся матро́сов объявля́ет о низложе́нии Вре́менного прави́тельства.

После́дние три строфы́ интонацио́нно перекликáются с нача́льной строфо́й главы́ и ре́зко контрасти́руют с описа́нием шту́рма. Мы как бы слы́шим тишину́, наступи́вшую по́сле бо́я: ночь, звёзды, часовы́е, умо́лкнувший пулемёт, уста́лый го́лос Подво́йского и го́род, кото́рый вне́шне продолжа́ет жить пре́жней жи́знью, хотя́ уже́ начала́сь но́вая э́ра в исто́рии челове́чества.

Повторе́ние в са́мой после́дней строфе́ о́браза из строфы́, начина́ющей главу́ (осе́нний ве́тер, мча́щиеся через мост трамва́и), создаёт как бы обрамле́ние, кото́рое придаёт всему́ опи́санному осо́бую эпи́ческую значи́тельность.

Заключи́тельные стро́фы 6-й главы́ подгота́вливают перехо́д к открыва́ющему **7-ю главу́** описа́нию ночно́го Петербу́рга. Это описа́ние постро́ено на развёрнутой мета́форе, при по́мощи кото́рой Маяко́вский одновреме́нно и воссоздаёт живо́й зри́тельный о́браз петербу́ргских у́лиц тех дней, и раскрыва́ет глубо́кий смысл происходя́щего. Образ-мета́фора здесь, как и во мно́гих други́х стиха́х Маяко́вского, осно́ван на обихо́дном метафори́ческом обороте, о́бразное содержа́ние кото́рого уже́ сте́рлось и в повседне́вной ре́чи не замеча́ется. Нере́дко говоря́т: «он пото́нул в су́мраке» (то есть скры́лся в темноте́), и́ли: «нахлы́нул су́мрак». Отсю́да — уподобле́ние су́мрака океа́ну. Петербу́рг утону́л в су́мраке-океа́не, он как бы на дне глубо́кого океа́на («безду́нна си́няя про́рва» — в смы́сле «глубь», «бе́здна»). С э́тим свя́заны и встреча́ющиеся да́лее бо́лее ча́стные сравне́ния и мета́форы: «. . . виде́ньем кита́ ту́ша Авро́рова» (ко́рпус кре́йсера «Авро́ра» уподо́блен киту́), и т. п. Эта же мета́фора (су́мрак-океа́н) игра́ет большу́ю роль в описа́нии встре́чи Маяко́вского с поэ́том А А. Бло́ком.

Встре́ча, опи́санная в 7-й главе́, име́ла ме́сто в действи́тельности. В 1921 году́ Маяко́вский рассказа́л о ней в статье́-некроло́ге «Умер Алекса́ндр Блок»:

«По́мню, в пе́рвые дни революции проходи́л я ми́мо худо́й, со́гнутой солда́тской фигу́ры, гре́ющейся у разло́женного перед Зи́мним костра́. Меня́ окли́кнули. Это был Блок. Мы дошли́ до Де́тского подъе́зда [1]. Спра́шиваю: «Нра́вится?» — «Хорошо́», — сказа́л Блок, а пото́м приба́вил: «У меня́ в дере́вне библиоте́ку сожгли́».

А. А. Блок и его́ поэ́зия — о́чень сло́жное явле́ние. Оди́н из крупне́йших ру́сских поэ́тов, Блок, ещё в ю́ные го́ды примкну́вший к са́мому значи́тельному из буржуа́зно-декаде́нтских направле́ний — символи́зму, был о́чень далёк от насу́щных вопро́сов своего́ вре́мени и вообще́ от реа́льной обще́ственной пра́ктики. Тем не ме́нее чутьём большо́го худо́жника он чу́вствовал социа́льное неблагополу́чие и в свои́х лу́чших произведе́ниях 1907—1916 годо́в (осо́бенно в поэ́ме «Возме́здие») предугада́л неотврати́мо приближа́ющиеся «неслы́ханные переме́ны, неви́данные мятежи́».

Октя́брьская революция яви́лась для Бло́ка одновреме́нно и катастро́фой, и ра́достным избавле́нием.

Маяко́вский о́чень то́нко пока́зывает э́ту противоречи́вость Бло́ка. Мета́фора «су́мрак-океа́н», наме́ченная уже́ в нача́ле главы́, в сце́не встре́чи с Бло́ком, перераста́ет в развёрнутый о́браз кораблекруше́ния, символизи́рующего круше́ние ста́рой дворя́нской России. Маяко́вский и Блок как бы на дне океа́на; о том, что океа́н бушу́ет, напомина́ют коле́блющиеся языки́ пла́мени; вокру́г возника́ют обло́мки разби́того бу́рей корабля́, и среди́ них «незнако́мки, дымки́ се́вера», то есть о́бразы стихо́в Бло́ка.

В то же вре́мя, как пи́шет в цити́рованной вы́ше статье́ Маяко́вский, «Блок че́стно и восто́рженно подошёл к на́шей вели́кой революции». Он ра́достно приве́тствовал её как очисти́тельную стихи́ю, стра́шную, но в то же вре́мя вели́кую и «святу́ю». Он и́скренне хо́чет её оправда́ть со свое́й, о́чень далёкой от по́длинного понима́ния действи́тельности, ми́стико-религио́зной то́чки зре́ния. Поэ́тому в после́дней главе́ поэ́мы «Двена́дцать», напи́санной всего́ три ме́сяца спустя́ по́сле Ок-

[1] Оди́н из подъе́здов Зи́мнего дворца́.

тя́брьской револю́ции, двена́дцать просты́х и гру́бых красногварде́йцев, проше́дших через страда́ния, борьбу́ и да́же преступле́ния, ви́дят, что впереди́ них с кра́сным фла́гом идёт сам Иису́с Христо́с. Этот неожи́данный коне́ц, подска́зывая толкова́ние о́бразов двена́дцати красногварде́йцев как двена́дцати апо́столов Христа́, де́лал неве́рным, антиисторичным и изображе́ние в поэ́ме Бло́ка само́й револю́ции.

Маяко́вский люби́л Бло́ка как поэ́та и высоко́ цени́л его́ поэ́му «Двена́дцать», возде́йствие кото́рой на чита́телей и писа́телей пе́рвого десятиле́тия сове́тской вла́сти бы́ло исключи́тельно си́льным. Но бло́ковскому понима́нию револю́ции он противопоставля́ет своё, осно́ванное на ве́рной оце́нке её реа́льных дви́жущих сил. Поэ́тому в 7-й главе́ поэ́мы «Хорошо́!» есть прямая́ перекли́чка с не́которыми места́ми бло́ковской поэ́мы и поле́мика с ней. В останови́вшемся взгля́де Бло́ка Маяко́вский ви́дит ожида́ние «шага́ющего Христа́». Но э́то мисти́ческое ожида́ние не опра́вдывается: появля́ются «живы́е, с пе́сней вме́сто Христа́, лю́ди из-за угла́». Это — отве́т Маяко́вского, поэ́та-гумани́ста, на бло́ковскую мисти́ческую тоску́. Рабо́чая пе́сня, а зате́м лихи́е крестья́нские расту́шки переда́ют то, что происхо́дит в стране́ — побе́дное ше́ствие Вели́кой социалисти́ческой револю́ции, кото́рая для Маяко́вского соверше́нно не нужда́ется в «оправда́нии» религио́зными си́мволами. Подхва́тывая бло́ковскую те́му стихи́и, Маяко́вский, в отли́чие от Бло́ка, раскрыва́ет её конкре́тно-истори́чески: э́то стихи́я крестья́нского восста́ния про́тив поме́щиков, истори́чески опра́вданная («Де́ло Сте́ньки с Пугачёвым...»), но слепа́я, анархи́ческая, поро́й не уме́ющая да́же различи́ть враго́в и друзе́й («Бей спра́ва бе́лаво, сле́ва кра́снова»). Лишь Коммунисти́ческая па́ртия, кото́рая в хо́де револю́ции организо́вывала («направля́ла, стро́ила в ряды́») стихи́йную эне́ргию масс, помогла́ миллио́нам крестья́н стать созида́тельной си́лой, спосо́бной уча́ствовать в тво́рчестве но́вых обще́ственных отноше́ний.

Вну́тренняя те́ма **8-й главы́** — созида́тельная тво́рческая су́щность револю́ции. Буква́льно двумя́ штриха́ми воссозда́в конкре́тную жи́зненную карти́ну (дрова́, блу́зы, прили́пшие к по́тным спи́нам коммуни́стов), Маяко́вский сосредото́чивает внима́ние на переда́че той нра́вственной атмосфе́ры, кото́рая возника́ла на трудовы́х суббо́тниках пе́рвых лет сове́тской вла́сти, — атмосфе́ры подъёма, душе́вной чистоты́ и челове́ческой солида́рности. Как изве́стно, В. И. Ле́нин ви́дел в суббо́тниках пе́рвый росто́к но́вого, социалисти́ческого отноше́ния к труду́. В противове́с бло́ковскому осмысле́нию револю́ции как «свято́й» разруши́тельной стихи́и Маяко́вский утвержда́ет своё: револю́ция, социали́зм — э́то пре́жде всего́ тво́рчество но́вых, лу́чших челове́ческих отноше́ний, кото́рые возника́ют во вре́мя дру́жного, целеустремлённого труда́. Карти́ной суббо́тника и отве́том на вопро́с ребёнка, поэ́т ста́вит больши́е вопро́сы: о нра́вственной пра́вде револю́ции, о вели́чии иде́и социали́зма, о душе́вной си́ле и красоте́ сове́тского челове́ка.

Эти вопро́сы стано́вятся сте́ржнем всей второ́й ча́сти поэ́мы (9—17-я гла́вы), посвящённой становле́нию сове́тской ро́дины. В **9-й главе́,** кото́рая по отноше́нию к после́дующим явля́ется как бы введе́нием в те́му, Маяко́вский противопоставля́ет на́ше, сове́тское представле́ние о ро́дине и патриоти́зме буржуа́зно-националисти́ческому. Само́й формулиро́вкой вопро́сов, кото́рые ста́вят враги́ («бога́тые»), Маяко́вский подска́зывает отве́ты на них, утвержда́ет неразры́вно свя́занный с пролета́рским интернационали́змом сове́тский патриоти́зм.

10-я глава́ не́сколько перекли́кается со 2-й. Как и во 2-й главе́, мы здесь сра́зу ви́дим всю Росси́ю. Это уже́ Сове́тская Росси́я. Она́ охва́чена кольцо́м а́нгло-фра́нко-америка́нской блока́ды на моря́х и белогварде́йских фронто́в — на су́ше. Доброво́льцы из числа́ аге́нтов иностра́нных разве́док и ра́зных авантюри́стов плыву́т в Росси́ю на по́мощь бе́лым. Омыва́ющие Сове́тскую Росси́ю моря́ бороздя́т вое́нные суда́ и подво́дные ло́дки иностра́нных держа́в. С ра́зных сторо́н наступа́ют Колча́к, Юде́нич, Вра́нгель. Хотя́ возглавля́вшиеся э́тими контрреволюцио́нными генера́лами опа́сные вое́нные фронты́ существова́ли не в одно́ и то же вре́мя, Маяко́вский включа́ет их в еди́ную карти́ну и ценой э́той незначи́тельной хронологи́ческой нето́чности добива́ется преде́льно сжа́той и вырази́тельной переда́чи гла́вного — напряжённости борьбы́, кото́рую вела́ рабо́чая респу́блика в 1918—1920 года́х. Завершающий главу́ героический о́браз защи́тников кра́сной Москвы́, вооружённых

то́лько нага́ном да пре́данностью вели́ким иде́ям Ле́нина, оттенён (в строфа́х, предше́ствующих после́дней) обли-чи́тельным портре́том одного́ из бесчи́нствовавших на сове́тской земле́ интерве́нтов — полко́вника англи́йской и́ли америка́нской а́рмии.

В 11—14-й и части́чно 15-й гла́вах Маяко́вский де́лает себя́ персона́жем поэ́мы. Он — оди́н из жи́телей сда́вленной блока́дой Москвы́. Чита́тель, как бы находя́сь где́-то совсе́м ря́дом с поэ́том, вме́сте с ним пережива́ет все тру́дности. В э́тих гла́вах Маяко́вский испо́льзует разли́чные дета́ли обстано́вки, в кото́рой он ли́чно жил.

Коро́тенькая **11-я глава́** как бы вво́дит чита́теля в э́ту обстано́вку. Дома́ Стахе́ева, о кото́рых пи́шет Маяко́вский, сохрани́лись до на́ших дней почти́ в неизменённом ви́де. Войдя́ в воро́та до́ма № 3 по прое́зду Серо́ва в Москве́, мо́жно и сейча́с уви́деть дли́нный асфальти́рованный двор, окружённый четырёхэта́жными многоквартйрными дома́ми. В пе́рвые го́ды по́сле револю́ции они́ находи́лись в ве́дении Вы́сшего сове́та наро́дного хозя́йства (ВСНХ). В одно́м из корпусо́в, на четвёртом этаже́, жил Маяко́вский. Свою́ ко́мнату, небольшу́ю, удлинённой фо́рмы, он и называ́ет «комнатёнкой-ло́дочкой».

В **12-й главе́** Маяко́вский начина́ет расска́з о тру́дном моско́вском бы́те пе́рвых революцио́нных лет. За мя́гкой иро́нией и ю́мором чу́вствуется сде́ржанный, суро́вый па́фос. Из окна́ свое́й комнатёнки-ло́дочки поэ́т ви́дит, как у помеща́ющегося в том же дворе́ сове́тского учрежде́ния с характе́рным для того́ вре́мени сокращённым наименова́нием «Главто́п» стои́т о́чередь отправля́ющихся заготовля́ть дрова́ для Москвы́ рабо́чих люде́й («За хле́бными ка́рточками стоя́т лесору́бы»). Тут же толку́тся ра́зные тёмные ли́чности («Хо́дят спекуля́нты вокру́г «Главто́па»), прихо́дит получа́ть повы́шенный паёк оди́н из буржуа́зных специали́стов. Сце́нка ме́жду нау́чным рабо́тником и продово́льственным комисса́ром напи́сана с ю́мором, за кото́рым чу́вствуется больша́я челове́ческая взволно́ванность. Комисса́р при всём своём уваже́нии к нау́ке («Они — нау́чные. Напи́шут, вы́лечат») и к ве́дающему нау́кой наро́дному комисса́ру просвеще́ния Анато́лию Васи́льевичу Лунача́рскому

мо́жет предложи́ть учёному лишь мехову́ю ша́пку и кони́ну («но́гу лоша́жью»).

В **13-й главе́** Маяко́вский перено́сит чита́теля в ко́мнату, где он зимо́й 1918 го́да жил вме́сте с бли́зкой ему́ семьёй Брик. Лири́ческий ю́мор в описа́нии мелоче́й тру́дного бы́та тех лет отча́сти есть и здесь, но по существу́ в ней расска́зывается о веща́х, отню́дь не весёлых, а скоре́е драмати́ческих. Строка́ «Куда́ идёшь?— В убо́рную иду́, на Ярослáвский»[1] звучи́т юмористи́чески, но за э́той шу́ткой весьма́ серьёзная, да́же стра́шная те́ма — хо́лод. Замёрз водопрово́д. Не рабо́тает канализа́ция. Жи́тели обогрева́ются, разла́мывая забо́ры и ве́тхие дома́. Боя́сь упусти́ть крупи́цу тепла́, преждевре́менно закры́ли печну́ю трубу́, и Маяко́вский угоре́л. Ему́ чу́дится весна́ («Зацвета́ют луга́, май поёт в у́ши...»). Но муче́нья хо́лода де́лают ещё бо́лее дорого́й и бли́зкой революцио́нную ро́дину: «...зе́млю, с кото́рою вме́сте мёрз, вове́к разлюби́ть нельзя́».

Вме́сте с ро́диной поэ́ту довело́сь не то́лько мёрзнуть, но и голода́ть. Об э́том говори́тся в **14-й главе́** поэ́мы, в кото́рой Маяко́вский продолжа́ет свой расска́з о тру́дностях моско́вского бы́та 1918—1921 годо́в. Общий тон э́того расска́за стано́вится всё бо́лее драмати́ческим. Шу́тку, ю́мор Маяко́вский в э́той главе́ допуска́ет лишь там, где он говори́т ли́чно о себе́ («Мне ле́гше, чем всем, — я Маяко́вский. Сижу́ и ем кусо́к ко́нский»). В конце́ главы́ драмати́ческое напряже́ние ещё бо́лее уси́ливается о́бразом пусты́нной, засы́панной сне́гом и ско́ванной моро́зом Москвы́, напомина́ющей гига́нтскую, причу́дливой фо́рмы скалу́, пло́тно окружённую го́лыми, как скеле́т, леса́ми («Бела́, гола́ столи́ц скала́. Прили́п к скале́ лесо́в скеле́т»). Мета́фора «из-за ле́са не́бу в шаль вполза́ет со́лнца вша» при всей своей ре́зкости худо́жественно и психологи́чески опра́вдана. Челове́ку, изму́ченному хо́лодом, го́лодом и опасе́нием смерте́льной зара́зы, да́же со́лнце (кра́сное от моро́зной мглы) мо́жет показа́ться похо́жим на напи́вшееся челове́ческой кро́ви отврати́тельное насеко́мое, кото́рое в то вре́мя бы́ло не ме́нее стра́шным, чем хо́лод и го́лод: эпиде́мия ти́фа

[1] Я р о с л а́ в с к и й — вокза́л Се́верной желе́зной доро́ги в Москве́.

уноси́ла мно́го жи́зней, а вошь заража́ла сыпны́м ти́фом. Плыву́щие вдаль ту́чи напомина́ют о бога́тых («ту́чных») стра́нах, вражде́бный на́тиск кото́рых и вы́звал в Сове́тской Росси́и жесто́кий го́лод. За океа́ном лежи́т са́мая бога́тая из них — нажи́вшаяся на мирово́й войне́ капитали́стическая Аме́рика. Самодово́льству зажире́вшего америка́нского капитали́ста, о́браз кото́рого возника́ет в предпосле́дней строфе́ главы́, Маяко́вский противопоставля́ет го́рдость сове́тского челове́ка, цено́й невероя́тных лише́ний отстоя́вшего свобо́ду и незави́симость ро́дины. Заключи́тельные стра́стные стро́ки о любви́ к родно́й земле́ звуча́т, как гне́вный вы́зов, обращённый к империалисти́ческой агресси́вной буржуази́и За́пада.

15-я глава́ по своей вну́тренней те́ме (геройческое преодоле́ние сове́тским челове́ком тру́дностей, вы́званных войно́й и блока́дой) непосре́дственно примыка́ет к 13-й и 14-й гла́вам, но жи́зненные явле́ния в ней охва́чены ши́ре. В связи́ с э́тим меня́ется масшта́б изображе́ния. Нача́ло главы́ — э́то ещё как бу́дто расска́з конкре́тного Влади́мира Влади́мировича Маяко́вского, живу́щего в свое́й «комнатёнке-ло́дочке». Маяко́вский нево́льно слы́шит, как на примыка́ющей к стене́ его́ ко́мнаты входно́й ле́стнице («Под у́хом са́мым ле́стница...») суда́чат сосе́дки, как вперемёшку с обыва́тельским ворча́нием и спле́тнями они́ сообща́ют друг дру́гу после́дние слу́хи о положе́нии на фронта́х и ра́зные жите́йские и полити́ческие но́вости. Этот вражде́бный и трусли́вый обыва́тельский мирок осо́бенно ре́зко оттеня́ет для поэ́та большо́й мир — мир револю́ции. Об э́том большо́м ми́ре, в кото́ром идёт ожесточённейшая борьба́ и на фронта́х — с врага́ми, и в тылу́ — с разру́хой, расска́зывается уже́ безотноси́тельно к «комнатёнке-ло́дочке». Стро́фы, в кото́рых чу́вствуется масшта́б всей страны́ и масшта́б истори́ческих собы́тий (о мобилиза́ции рабо́чих на раско́пку занесённого сне́гом по́езда, о призы́ве па́ртии «Пролета́рий, на коня́!», о борьбе́ Чека́ с террори́стами), перемежа́ются со строфа́ми, в кото́рых перед чита́телем вновь возника́ет у́зкий мирок ле́стничных пересу́дов. Это создаёт «перебивку пла́нов» уже́ внутри́ главы́ и позволя́ет уви́деть изобража́емое вре́мя удиви́тельно объёмно, в неповтори́мом переплете́нии жите́йского и истори́ческого, реа́льно ощути́ть э́пос совре́менности.

Характе́рно, что на протяже́нии всей 15-й главы́ поня́тия «день» и «мину́та» олицетворя́ются. В осно́ве здесь (как и во мно́гих други́х произведе́ниях Маяко́вского) «окамене́вшая» мета́фора повседне́вной ре́чи. Нере́дко мы говори́м: «что принесёт э́тот день», «пришёл день» и т. д. У Маяко́вского «мину́ты-ве́стницы» несу́т по ле́стнице ве́сти, «Дни пришли́ и то́пали», «Сего́дня день вбежал второпя́х...», «И сно́ва дни... сбега́лись и проси́ли». Вре́мя как бы превраща́ется в живо́е существо́, и э́то вполне́ закономе́рно, так как все перечи́сленные мета́форы вхо́дят как составна́я часть в удиви́тельно многообра́зно испо́льзуемую развёрнутую мета́фору, осно́ванную на выраже́нии «вре́мя идёт». При посре́дстве э́той мета́форы Маяко́вский о́чень органи́чно включа́ет в о́бщую карти́ну того́ вре́мени конкре́тное драмати́ческое собы́тие — покуше́ние на В. И. Ле́нина. Строфа «Сего́дня день вбежа́л второпя́х» и сле́дующее за ней словосочета́ние «день конча́лся» воспринима́ются одновреме́нно в двух значе́ниях: и как «зака́нчивался» и как «умира́л». День конча́лся кровá́в: луч зака́та, па́дающий на иду́щую вниз ка́менную ле́стницу и оставля́ющий на пы́льных ступе́ньках преры́вистый красновáтый о́тблеск, воспринима́ется как ка́пающая со ступе́ньки на ступе́ньку кровь. В после́дней строке́ упомина́нием фами́лии стреля́вшей в Ле́нина террори́стки («...ка́пала из-под пу́ли Капла́н») Маяко́вский, вызыва́я у чита́теля воспомина́ние о злоде́йском покуше́нии, внеза́пно перено́сит нас э́тим из ма́ленького мирка́ (ле́стница) в большо́й мир истори́ческой борьбы́. Образ, осно́ванный на случа́йном зри́тельном впечатле́нии, как бы освещённый вспы́шкой вы́стрела, раскрыва́ется во всей глубине́: стано́вится я́сным, что це́лившие в Ле́нина нанесли́ ра́ну самому́ вре́мени, пыта́лись уби́ть наступа́ющую но́вую эпо́ху, её гла́вную суть, её ра́зум и се́рдце.

15-я глава́, так же как 13-я и 14-я гла́вы, зака́нчивается строфа́ми о любви́ к ро́дине. В ка́ждой сле́дующей из э́тих трёх концо́вок чу́вство де́йственного, акти́вного патриоти́зма поэ́та-революционе́ра вы́ражено со всё возраста́ющей напряжённостью. Верши́ной э́той эмоцио-

на́льной и одновреме́нно интонацио́нной града́ции (нараста́ния) явля́ются после́дние стро́ки 15-й главы́: «...с тако́ю землёю пойдёшь на жизнь, на труд, на пра́здник и на́ смерть!». Наро́д, кото́рый так лю́бит свою́ освобождённую ро́дину, никто́ победи́ть не в си́лах — вот та «дикту́емая, чу́вствуемая мысль», кото́рая поэти́чески утвержда́ется в э́тих трёх конце́вках.

Это лири́ческое утвержде́ние социа́льно-психологи́ческих предпосы́лок побе́ды трудя́щихся Росси́и в войне́ с белогварде́йцами и интерве́нтами подгота́вливает перехо́д к **16-й главе́**, в кото́рой конкре́тно и о́чень жи́во расска́зывается заключи́тельный эпизо́д граждан-ской войны́ (бе́гство из Севасто́поля оста́тков а́рмии Вра́нгеля и сле́довавшей за ней контрреволюцио́нной буржуази́и), то есть о само́й побе́де.

16-я глава́ тематически продолжа́ет 10-ю, а по хара́ктеру изложе́ния наибо́лее близка́ к 6-й: она́, так же как и 6-я, явля́ется части́чно драматизи́рованным повествова́нием об определённом по ме́сту и вре́мени истори́чески значи́тельном собы́тии. Перехо́д к чи́сто повествова́тельной интона́ции по́сле лири́чески напряжённых 13-й, 14-й и 15-й глав создаёт необходи́мую разря́дку, но вслед́ствие реа́льного драмати́зма опи́сываемых собы́тий возника́ет но́вое (уже́ соверше́нно друго́го хара́ктера) нараста́ние. Это нараста́ние достига́ет вы́сшей то́чки в проклятиях обма́нутых Вра́нгелем солда́т («спёрли казну́ и удра́ли, сво́лочи») и получа́ет своё разреше́ние в ра́достной пе́сне победи́телей — красноарме́йцев — и после́дней телегра́мме их нача́льника шта́ба.

Фо́рма расска́за очеви́дца и ссы́лка на конкре́тного свиде́теля придаю́т описа́нию пани́ческого бе́гства вра́нгелевцев осо́бую достове́рность и жи́вость. Действи́тельно, Маяко́вский то́чно воспроизвёл мно́гие дета́ли, сообщённые ему́ П. И. Лаву́том. Вме́сте с тем он дорисо́вывал о́бщую карти́ну си́лой тво́рческого воображе́ния, не отка́зываясь от худо́жественного до́мысла, и отню́дь не ста́вил перед собо́й зада́чи воспроизвести́ мане́ру ре́чи собесе́дника. Упомяну́в в пе́рвой строке́ о Лаву́те, а в сле́дующей лишь слегка́ наме́тив живу́ю интона́цию расска́зчика, Маяко́вский в дальне́йшем не свя́зывает себя́ э́той интона́цией и продолжа́ет расска́з уже́ «от себя́» — так, как е́сли бы ви́дел всё он сам, а не Лаву́т.

В свои́х воспомина́ниях «Маяко́вский е́дет по Сою́зу» П. И. Лаву́т расска́зывает о разгово́ре с ним, кото́рый Маяко́вский испо́льзовал в 16-й главе́.

«Одна́жды в ваго́не, — про́сто к сло́ву пришло́сь, — я рассказа́л Маяко́вскому... как в Севасто́поле 15 ноября́ 1920 го́да я со свои́м бра́том вы́шел из двере́й на́шего до́ма и уви́дел на друго́й стороне́ у́лицы Вра́нгеля. Вне́шне споко́йный, он шёл разме́ренной похо́дкой. Я понима́л, что сле́довать за ним риско́ванно, — он, коне́чно, был не оди́н и кто́-то его́ охраня́л, — но любопы́тство переси́лило. Это бы́ли после́дние часы́ бе́лых в Крыму́. Наде́ясь, что прису́тствие бра́та (с ма́льчиком споко́йнее бы́ло ходи́ть по у́лице — ме́ньше подозре́ний по тем времена́м) вы́ручит меня́, я пошёл за Вра́нгелем на расстоя́нии десяти́ — пятна́дцати шаго́в. Пройдя́ Большу́ю Морску́ю и весь Нахи́мовский проспе́кт, мы вы́шли к Гра́фской при́стани... Вра́нгель спусти́лся к мо́рю, где его́ ждала́ мото́рная ло́дка. Садя́сь в неё, он на́спех перекрести́лся. Ло́дка пошла́ к штанда́ртной я́хте «Алма́з», стоя́вшей на ре́йде...

Я рассказа́л Маяко́вскому и про поса́дку, верне́е, погру́зку на парохо́ды, тра́нспорты и да́же на не́которые вое́нные суда́, кото́рую я с та́йной ра́достью наблюда́л в э́тот и предыду́щие не́сколько дней. «Дра́павшие» тащи́ли с собо́й что попада́лось по́д руку — от никому́ не ну́жных мелоче́й до роя́лей. Англича́не за не́сколько дней до эвакуа́ции насто́йчиво бе́гали по дома́м и на фу́нты скупа́ли це́нные ве́щи. Они́ покупа́ли револьве́ры, гла́вным о́бразом ко́льты, бриллиа́нты и други́е це́нности. Роя́ли они́, не стесня́ясь, грузи́ли на вое́нные суда́. Каки́е-то ма́клеры-аферисты с пе́ной у рта бе́гали по го́роду, разы́скивая для англича́н всё, что мо́жно бы́ло вы́везти.

Поса́дка сопровожда́лась дра́ками, слеза́ми и во́плями. В да́вке лю́ди звере́ли и сбива́ли друг дру́га с тра́пов. Контро́ль за поса́дкой постепе́нно ослабева́л, а в после́дний день его́ во́все не́ было... В пя́том часу́ на ре́йде у Гра́фской при́стани останови́лись два то́лько что прибы́вших америка́нских миноно́сца. Они́ постоя́ли не́сколько мину́т, сло́вно размышля́я, и ушли́: «пришли́,

поню́хали и пошли́ прочь». Де́лать им бо́льше бы́ло не́чего.

Одино́кая же́нщина стоя́ла на при́стани о́коло свои́х вещей. Она́ с за́вистью и со зло́бой смотре́ла вслед уходя́щим парохо́дам, шху́нам, америка́нцам, бормоча́:

— Обману́ли, сво́лочи, оста́вили меня́!..

Слу́шая мой расска́з, Маяко́вский что́-то помеча́л в свое́й записно́й кни́жке. Он не расстава́лся с ней и постоя́нно что́-нибудь запи́сывал. Поэ́тому мне не пришло́ в го́лову, что его́ за́писи име́ли отноше́ние ко мне.

Пото́м в тече́ние не́скольких ме́сяцев в ра́зное вре́мя он заставля́л меня́ возвраща́ться к э́тому расска́зу. Он де́лал э́то о́чень хитро́ и ло́вко, выспра́шивал незна́чащим то́ном разли́чные дета́ли, никогда́ не дава́я мне поня́ть, что у него́ есть осо́бые наме́рения в отноше́нии мои́х воспомина́ний...

Впосле́дствии, чита́я э́ту главу́, он иногда́ расска́зывал происхожде́ние её и дава́л объясне́ние свое́й насто́йчивости как серьёзному отноше́нию к рабо́те.

— У нас ча́сто пи́шут, осо́бенно молоды́е това́рищи, о по́двигах в граждáнскую войну́, а они́ в те го́ды ещё пешко́м под стол ходи́ли. На́до писа́ть то́лько о том, что зна́ешь. Или де́лать таки́е ве́щи в поря́дке ли́чных ассоциа́ций. Этот расска́з моего́ знако́мого проверя́лся мно́ю не́сколько раз на слу́чай оши́бок и́ли увлече́ний. В прове́ренном ви́де он поло́жен в осно́ву э́той главы́. Я счита́ю тако́й ме́тод пра́вильным. Я беру́ конкре́тное лицо́ и наро́чно упомина́ю фами́лию и да́же и́мя и о́тчество. Как я объясня́ю — почему́ «ти́хий»? Во-пе́рвых, что́бы бы́ло дове́рие к а́втору: а́втор зна́ет, о ком говори́т. Сперва́ я написа́л «гру́стный», но това́рищи отговори́ли: «он не гру́стный». Про́бовали «знако́мый». Но э́то ни к чему́ не обя́зывает, знако́мых мно́го и ра́зных. «Ти́хий» не зна́чит, что он, ска́жем, разгова́ривает шёпотом. Но по сравне́нию со мной он ти́хий.

Я могу́ приба́вить, что в своём стремле́нии к достове́рности он испо́льзовал не то́лько мой расска́з, но и отде́льные фа́кты и слова́ из него́».

Характе́рно, что е́сли во 2-й и 7-й гла́вах революцио́нные ма́ссы бы́ли изображены́ как стихи́я, кото́рую па́ртия то́лько начина́ет организо́вывать, подчиня́я своему́ руково́дству, то в 16-й главе́ де́йствует уже́ не про́сто революцио́нная ма́сса, а кра́сное во́йско, организо́ванность и си́ла кото́рого оттенены́ предше́ствующим описа́нием бе́лых как о́рды люде́й, потеря́вших челове́ческий о́блик.

В трёх после́дних гла́вах Маяко́вский перено́сит чита́теля в год, когда́ писа́лась поэ́ма «Хорошо́!» — деся́тый год Вели́кой Октя́брьской социалисти́ческой революции.

В **17-й главе́**, утвержда́я вели́чие и красоту́ пла́нов социалисти́ческого строи́тельства, на́чатого по инициати́ве Коммунисти́ческой па́ртии («Я пла́нов на́ших люблю́ громадье́, разма́ха шаги́ сажéньи...»), поэ́т сла́вит ро́дину как страну́, кото́рая ука́зывает всему́ челове́честву путь к обновле́нию и возрожде́нию. 17-я глава́ — э́то ра́достный и патети́ческий гимн социалисти́ческому оте́честву.

18-я глава́ начина́ется в пря́мо противополо́жной интона́ции (так же, как и 7-я глава́ по́сле 6-й). Не торжествующая пате́тика, а сосредото́ченное разду́мье. Маяко́вский на Кра́сной пло́щади. Он быва́л здесь мно́го раз: и на демонстра́циях («под кра́сными фла́гами пра́здничных ше́ствий»), и на вое́нных пара́дах («в бараба́нах стуча́щих»), и с тра́урными и гне́вными демонстра́циями проте́ста про́тив уби́йства за грани́цей в 1923 году́ В. В. Воро́вского, и совсе́м неда́вно (в 1927 году́) — П. Л. Во́йкова[1] («под тра́ур и плеск чернофла́жий, пока́ уби́того кровь горяча́...»), и в незабыва́емые моро́зные дни проща́ния с Ле́ниным («в мёртвом хо́лоде слёз и льдин»), и мно́го раз в одино́честве. И сейча́с он оди́н, но́чью. Перед ним Кра́сная пло́щадь. Кремлёвские ба́шни с остроконе́чными шатро́выми кры́шами подо́бны стоя́щим на стра́же солда́там в сужа́ющихся кве́рху шле́мах. Це́ркви притворя́ются смири́вшимися («притво́рствуют»), но скры́то зло́бствуют на сове́тскую власть (поэ́тому «мона́шьи ше́льмы»). Из-за кремлёвской стены́ («отту́да, где Совнарко́м и ЦИК») восхо́дит

---

[1] Во́йков П. Л. (1888—1927) был в 1924—1927 года́х сове́тским полномо́чным представи́телем в По́льше. 7 ию́ня 1927 го́да Во́йков был уби́т в Варша́ве белогварде́йским террори́стом. Не́сколькими дня́ми ра́нее Маяко́вский ви́делся в Варша́ве с Во́йковым.

луна́. Лу́нный свет па́дает на Ло́бное ме́сто[1] и как бы ска́тывается с него́ («Вполза́ет на гла́дкий валу́н, на секу́нду склоня́ет го́лову, и вновь голова́-лунь уно́сится с ка́мня го́лого»). Вся пло́щадь и символизи́рующая Револю́цию фигу́ра же́нщины со зна́менем на кремлёвской стене́ за́литы лу́нным све́том, от кото́рого светло́ почти́ как днём. Видны́ да́же штыки́ часовы́х, стоя́щих у вхо́да в Мавзоле́й. В Мавзоле́е поко́ится прах Ле́нина, о́браз кото́рого бьётся «живо́й челове́чьей весно́й» в се́рдце поэ́та и в сердца́х милли́онов. Внима́ние Маяко́вского привлека́ют на́дписи на моги́лах люде́й, похоро́ненных у кремлёвской стены́. Чита́я э́ти на́дписи, он встреча́ет имена́ тех, кого́ хорошо́ по́мнит живы́ми. Осо́бенно запечатле́лся в созна́нии поэ́та му́жественный о́браз Дзержи́нского. В шурша́нии трав и цвето́в на моги́лах поэ́ту чу́дятся голоса́ поко́ящихся у кремлёвской стены́ борцо́в за револю́цию. В их вопро́сах — жива́я трево́га о судьбе́ де́ла, за кото́рое они́ о́тдали жизнь. Уве́ренные, испо́лненные не то́лько иде́йной убеждённости, но и высо́кой поэти́чности стро́фы, кото́рыми отвеча́ет на э́ти голоса́ поэ́т, звуча́т как кля́тва свя́то бере́чь еди́нство па́ртии и охраня́ть социалисти́ческую ро́дину.

После́дняя, **19-я глава́** — та́кже целико́м лири́ческая. Всё, что пе́режито «бойца́ми и́ли страно́й» и се́рдцем поэ́та, уже́ расска́зано. Истори́ческая те́ма поэ́мы раскры́та до конца́. 19-я глава́ явля́ется эмоциона́льным ито́гом. Это ито́г ра́достный, утвержда́ющий: «и жизнь хороша́ и жить хорошо́». Осо́бенно хорошо́ жить в на́шей Сове́тской стране́, в её бо́дром трудово́м кипе́нии («А в на́шей бу́че, боево́й, кипу́чей, — и того́ лу́чше»). Ра́достное восклица́ние «Хорошо́!», кото́рым Маяко́вский озагла́вил свою́ октя́брьскую поэ́му, в 19-й главе́ многокра́тно повто́рено, и ка́ждый раз поэ́т нахо́дит для него́ но́вую интона́цию. Это сло́во — проду́манный вы́вод, уве́ренная оце́нка. О Вели́кой Октя́брьской социалисти́ческой револю́ции, о Сове́тской стране́ и сове́тских лю́дях, нача́вших социалисти́ческую стро́йку, Маяко́вский ра́достно и убеждённо говори́т: «хорошо́!»

[1] Ло́бное ме́сто — ка́менное возвыше́ние на Кра́сной пло́щади, перед собо́ром Васи́лия Блаже́нного. В торже́ственные дни царь и вы́сшее духове́нство обраща́лись отсю́да к наро́ду. По преда́нию, здесь иногда́ соверша́ли публи́чные ка́зни.

ХОРОШО!

Октя́брьская поэ́ма

1

Вре́мя —
вещь
необыча́йно дли́нная, —
бы́ли времена́ —
прошли́ были́нные.
Ни были́н,
ни э́посов,
ни эпопе́й.
Телегра́ммой
лети́,
строфа́!
Воспалённой губо́й
припади́
и попе́й
из реки́,
по и́мени — «Факт».
Это вре́мя гуди́т
телегра́фной струно́й,
э́то
се́рдце
с пра́вдой вдвоём.
Это бы́ло
с бойца́ми
и́ли страно́й,
и́ли
в се́рдце
бы́ло
в моём.
Я хочу́,
что́бы, с э́тою
кни́гой побы́в,
из кварти́рного
мирка́
шёл опя́ть
на плеча́х
пулемётной пальбы́,

как штыко́м,
строко́й
просверка́в.
Чтоб из кни́ги,
че́рез ра́дость глаз,
от свиде́теля
счастли́вого [1],
в му́скулы
уста́лые
лила́сь
стро́ящая
и бунту́ющая си́ла.
Этот день [2]
воспева́ть
никого́ не наймём.
Мы
распнём
каранда́ш на листе́,
что́бы ше́лест страни́ц,
как ше́лест знамён,
надо лба́ми
годо́в
шелесте́л.

2

«Конча́йте войну́!
Дово́льно!
Бу́дет!
В э́том
голо́дном году́ —
невмоготу́ [3].
Вра́ли:
«наро́да —
свобо́да,
вперёд,
эпо́ха,
заря́...» —
и зря.

---

[1] Маяко́вский был свиде́телем Октя́брьских дней в Петрогра́де.
[2] 25 октября́ 1917 го́да.
[3] Н е в м о г о т у́ (разгово́рн.) — тру́дно, тяжело́, невыноси́мо.

Где
земля́
и где
зако́н,
что́бы зе́млю
вы́дать
к ле́ту? —
Не́ту!
Что же
даю́т
за февра́ль,
за рабо́ту,
за то,
что с фронто́в
не бежи́шь? —
Шиш.
На ше́е
ку́чей
Гучко́вы,
че́рти,
министры,
Родзя́нки...[1]
Мать их за́ ноги!
Власть
к бога́тым
ры́ло
воро́тит —
чего́
подчиня́ться
ей?!
Бей!!»
То гро́мом,
то шёпотом
э́тот ро́пот

---

[1] Р о д з я́ н к о — крупне́йший поме́щик, оди́н из основа́телей так называ́емой па́ртии «октябри́стов» и председа́тель IV Государственной ду́мы, весно́й 1917 го́да был председа́телем вре́менного комите́та чле́нов Ду́мы, приня́вшего по́сле Февра́льской революции власть от Никола́я II и яви́вшегося зароды́шем Вре́менного правительства.

сползáл
из керéнской
тюрьмы́-решетá.
В дерéвни
шёл
по трáвам и трóпам,
в завóдах
стáлью зубóв скрежетáл [1].
Чужи́е
пáртии
броса́ли швыркóм [2].
— На что им
сбор
болтунóв
дался́?! —
И отдава́ли
большевикáм
грóши́,
и си́лы,
и голоса.
До сáмой
мужи́чьей
земляно́й башки́
докáтывалась слáва, —
лилáсь
и слы́ла [3],
что есть
за мужико́в
каки́е-то
«большаки́» [4]
— у-у-у!
Си́ла! —

---

[1] Скрежетáть — скрипéть зубáми. Срáвнивая шум от рабóты станкóв на завóдах со скрéжетом зубóв, Маякóвский подразумевáет рост недовóльства заводски́х рабóчих.

[2] То есть срáзу, рéзко порывáли с мелкобуржуáзными пáртиями.

[3] Слы́ла (простореч.) — распространя́лась, существовáла.

[4] То есть большеви́ки (коммуни́сты).

Царя́м
дворéц
пострóил Растрéлли [1].
Цари́ рождáлись,
жи́ли,
старéли.
Дворéц
не дýмал
о вертля́вом пострéле [2],
не гадáл,
что в кровáти,
цари́цам ввéренной,
раски́нется
какóй-то
прися́жный повéренный.
От орлóв,
от влáсти,
одея́л
и кружевца
головá
прися́жного повéренного
кружится.
Забы́вши
и клáссы
и пáртии,
идёт
на дежýрную речь.
Глазá
у негó
бонапáртьи
и цвéта
защи́тного
френч [3].

---

[1] Растрéлли В. В. (1700 — 1771) — выдаю́щийся ру́сский архитéктор (итальянец по происхождéнию). По проéкту Растрéлли был пострóен Зи́мний дворéц в Петербýрге.

[2] Пострéл — озорнóй мальчи́шка. Здесь: иронúчески о Кéренском.

[3] Френч — кýртка полувоéнного образцá (ти́па ки́теля); óчень распространённый в те гóды вид мужскóй одéжды.

Слова́ и слова́.
Огнесло́вая ла́ва.
Болта́ет
сорóкой ра́достной.
Он сам
опьянён
своéю сла́вой
пьяне́й,
чем сорокагра́дусной.
Слу́шайте,
пока́ не уста́нете,
как щебе́чет
ино́й адъюта́нтик [1]:
«Таки́е слу́чаи бы́ли —
он е́дет
в автомоби́ле.
Узна́вши,
кто
и кото́рый, —
толпа́
распрягла́ мото́ры!
Взаме́н
лошади́ной си́лы
сама́
на рука́х носи́ла!»
В аплодисме́нтном
пле́ске
премье́р
проплыва́ет
над Не́вским,
и да́мы
и де́ти-пуза́нчики
кида́ют
цветы́ и роза́нчики.
Если ж
с безрабóты
загрусти́тся,

[1] А д ъ ю т а́ н т и к — презри́тельно-уменьши́тельное от «адъютáнт»; офице́р для служе́бных поруче́ний.

сам
себя́
уве́ренно и бы́стро
назнача́ет —
то воéнным,
то юсти́ции,
то каки́м-нибудь
ещё
мини́стром.
И вновь
возвраща́ется,
сказану́в,
воро́чать дела́
и верте́ть казну́ [1].
Подма́хивает по́дписи
досто́йно
и стара́тельно.
«Агра́рные?
Беспоря́дки? [2]
Ряд?
Пошли́те,
э́тот,
как е́го, —
кара́тельный
отря́д!
Ле́нин?
Большевики́?
Аресту́йте и вы́ловите!
Что?
Не даю́т?
Не слы́шу без очко́в.
Кста́ти...
об его́ превосходи́тельстве...
Корни́лове...

[1] То есть распоряжáться финáнсами страны́. К а з н а́ (дореволюцио́нное, устаре́вшее сло́во) — це́нности и вообще́ иму́щественные сре́дства, принадлежа́щие госуда́рству.

[2] А г р а́ р н ы й — земе́льный, сельскохозя́йственный. Агра́рными беспоря́дками ру́сские поме́щики и буржуази́я называ́ли выступле́ния крестья́н про́тив поме́щиков. Здесь речь идёт о нача́вшемся ле́том 1917 го́да в не́которых губе́рниях захва́те и разде́ле крестья́нами поме́щичьих земе́ль.

Нельзя́ ли
сговори́ться
сюда́
казачко́в?!
Их вели́чество?
Зна́ю.
Ну да!..
И ру́ку жал.
Кака́я ерунда́!
Импера́тора?
На во́ду?
И чёрную ко́рку? [1]
При чём тут Сове́т?
Прика́зываю
туда́,
в Ло́ндон,
к королю́ Геóргу» [2].

Пришúт к исто́рии,
пронумеро́ван
и скре́плен,
и его́
рису́ют —
и Бро́дский и Ре́пин [3].

4

Петербу́ргские о́кна.
Синё и темно́.
Го́род
сном
и поко́ем ско́ван.

---

[1] То есть посади́ть в тюрьму́. Никола́й II со вре́мени Февра́льской револю́ции находи́лся под дома́шним аре́стом. Исполни́тельный комите́т Петрогра́дского Сове́та тре́бовал его́ заключе́ния в Петропа́вловскую кре́пость, в то вре́мя как Вре́менное прави́тельство намерева́лось дать бы́вшему царю́ возмо́жность вы́ехать в Англию, где он неизбе́жно стал бы це́нтром притяже́ния контрреволюцио́нных сил.

[2] Геóрг V — коро́ль Англии, двоюродный брат Никола́я II.

[3] Бро́дский И. И. (1883—1939) — изве́стный живопи́сец. Ре́пин И. Е. (1844—1930) — вели́кий ру́сский худо́жник.

ВЫСТУПИТ ПОЭТ
ВЛАДИМИР
МАЯКОВСКИЙ
ХОРОШО!
I
1. Шалаш... жизнен...
2. Бей!
3. Голова прежнего поверенного
4. Усатый нянь.
5. Извольте повыхать!
6. Я, товарищи, из военной бюры...
7. Которые тут временные? слазь!
8. Здравствуйте, Александр Блок!
9. [illegible]
10. Эдичкин, что вы делаете тут?
II
11. Дым отечества.
12. [illegible]
13. Транспиль, Транспиль, страна моя
14. Есть революция, а нету масла
15. [illegible]
16. [illegible]
17. [illegible]
18. Спереди казачу и удрали, сволочи!
19. [illegible]
20. [illegible]
ОТВЕТ НА ЗАПИСКИ и ВОПРОСЫ
БИЛЕТЫ ПРОДАЮТСЯ
НАЧАЛО В 8 [illegible]

Афи́ша о выступле́нии В. В. Маяко́вского. 1927.

НО
не спит
мада́м Кускова́.
Любо́вь
и страсть верну́лись к стару́шке.
Крова́ть
и мечты́
розова́тит восто́к.
Её
воло́с
пожелте́лые стру́жки
причу́дливо
скле́ил
слезли́вый восто́рг.
С чего́ э́то
де́вушка
со́хнет и вя́нет?
Молчи́т...
но чу́вство,
вида́ть, велико́.
Её
утешает
уса́стая ня́ня,
вида́вшая ви́ды, —
Пе Эн Милюко́в.
«Не спи́тся, ня́ня...
Здесь так ду́шно...
Откро́й окно́
да сядь ко мне».
— Кускова,
что с тобо́й? —
«Мне ску́шно...
Поговори́м о старине́».
— О чём, Кускова?
Я,
быва́ло,
храни́ла
в па́мяти
нема́ло
стари́нных бы́лей,
небыли́ц —

и про царе́й
и про цари́ц.
И я б,
с мои́м уми́шкой хи́лым, —
коронова́ла б
Михаи́ла.
Чем брать
дина́стию [1]
чужу́ю...
Да ты
не слу́шаешь меня́?! —
«Ах, ня́ня, ня́ня,
я тоску́ю,
Мне то́шно, ми́лая моя́.
Я пла́кать,
я рыда́ть гото́ва...»
— Госпо́дь поми́луй
и спаси́...
Чего́ ты хо́чешь?
Попроси́.
Что́бы тебе́
на нас
не ду́ться,
дади́м свобо́д
и конститу́ций...
Дай
окроплю́
рече́й водо́ю [2]
горя́щий бунт... —
«Я не больна́.
Я...
зна́ешь, ня́ня...
влюблена́...»
— Дитя́ моё,
госпо́дь с тобо́ю! —

---

[1] Дина́стия — ряд после́довательно пра́вивших мона́рхов, принадлежа́вших к одному́ ро́ду.

[2] Окропи́ть (церк.-слав.) — обры́згать. У Пу́шкина ня́ня говори́т Татья́не: «Дай окроплю́ свято́й водо́ю», ду́мая э́тим успоко́ить Татья́ну. У Маяко́вского Милюко́в хо́чет «рече́й водо́ю» зали́ть «горя́щий бунт» — смири́ть революцио́нное движе́ние.

И Милюко́в
её
с мольбо́й
крести́л
профе́ссорской руко́й.
— Оста́вь, Кускова́,
в на́ши ле́та
люби́ть
зада́ром
смы́сла не́ту. —
«Я влюблена́», —
шепта́ла
сно́ва
в ушко́
профе́ссору
она́.
— Серде́чный друг,
ты нездорова́. —
«Оста́вь меня́,
я влюблена́».
— Кускова́,
не́рвы, —
полечи́сь ты. . . —
«Ах, ня́ня,
он
тако́й речи́стый. . .
Ах, ня́ня-ня́ня!
ня́ня!
Ах!
Его́ же ж
но́сят на рука́х.
А как поёт он
про свобо́ду. . .
Я с ним хочу́, —
не с ним,
так в во́ду».
Стару́шка
ты́чется в поду́шку,
и то́лько слы́шно:
«Са́ша! —
Ду́шка!»

Смахну́вши
слёзы
рукаво́м,
взрове́л уса́стый нянь:
— В кого́?
Да говори́ ты нараспа́шку! [1] —
«В Кере́нского. . .»
— В како́го?
В Са́шку? —
И от призна́ния
тако́го
лицо́
расплы́лось
Милюко́ва.
От сча́стия
профе́ссор о́жил:
— Ну, э́то что ж —
одно́ и то́ же!
При Никола́е
и при Са́ше
мы
сохраним дохо́ды на́ши. —
Быть мо́жет,
на бега́х Невы́
подо́бных
дам
вида́ли вы? [2]

5

Звя́кая
шпо́рами
довое́нной вы́ковки,
аксельба́нтами [3]
уве́шанные до пупо́в,

---

[1] Нараспа́шку — здесь: откровенно, ничего́ не ута́ивая.
[2] Издева́ясь над Кусковой, Маяко́вский иронически цити́рует стро́ки из «Евге́ния Оне́гина» (глава́ тре́тья, строфа́ XXII).
[3] Аксельба́нты — напле́чные шнуры́ с металли́ческими наконе́чниками; их носи́ли штабны́е офице́ры, адъюта́нты, жанда́рмы.

говори́ли —
адъюта́нт
(в «Селе́кте» на Ли́говке)
и штабс-капита́н
Попо́в.
«Господи́н адъюта́нт,
не возража́йте,
не дам, —
скажи́те,
чего́ ещё
поджида́ем мы?
Росси́ю
жиды́
продаю́т жида́м,
и ка́дровое
офице́рство
уже́ под жида́ми!
Вы, коне́шно,
профе́ссор,
либера́л,
но каза́чество,
пожа́луйста,
оста́вьте в поко́е.
Наприме́р,
моё положе́нье беря́,
э́то...
чёрт его́ зна́ет, что э́то тако́е!
Сего́дня с денщико́м [1]:
ору́ ему́
— эй,
нава́ксь
щибле́тину,
чтоб ви́деть ры́ло в ней! [2] —
И коне́шно —
к ма́тушке,
а о н м е н я́
к м о е́ й,

[1] Д е н щ и́ к — так называ́лись в ца́рской а́рмии солда́ты, приста́вленные к офице́рам для ли́чных услу́г.

[2] «Нава́ксь щибле́тину» — нама́жь ва́ксой (гутали́ном) и начи́сть до зерка́льного бле́ска штибле́ты (башмаки́, боти́нки).

к ма́тушке,
к свет
к Елизаве́те Кири́лловне!» —
«Нет,
я не за мона́рхию
с коро́нами,
с орла́ми.
НО
для социали́зма
ну́жен ба́зис [1].
Снача́ла демокра́тия,
пото́м
парла́мент.
Культу́ра нужна́.
А мы —
Азия-с!
Я да́же —
социали́ст.
Но не гра́блю,
не жгу.
Ра́зве мо́жно сра́зу?
Коне́шно, нет!
Постепе́нно,
понемно́гу,
по вершо́чку,
по шажку́,
сего́дня,
за́втра,
через два́дцать лет.
А э́ти?
От Вильге́льма кресты́ да ле́нты.
В Берли́не
выходи́ли
с биле́том перро́нным.
Де́ньги
шта́ба —
шпио́ны и аге́нты.

[1] Б а́ з и с — осно́ва, основа́ние, фунда́мент.

В Кресты́ бы
тех,
кто е́здит в пломбиро́ванном!» [1] —
«С э́тим согла́сен,
э́то коне́шно,
э́той сво́лочи
ма́ло пове́шено». —
«Ле́нина,
кото́рый
сму́ту се́ет,
председа́телем,
што ли,
сове́та мини́стров?
Что ты?!
Рехну́лась, стару́шка Расе́я?
Касто́рки прими́!
Попра́вься!
Вы́здоровь!
Ду́дки!
С каза́чеством
шу́тки плохи́ —
повыпуска́ем
им
потроха́. . .»
И всё адъюта́нт
— ха да хи́, —
Попо́в
— хи да ха́. —
«Бу́дьте два́жды про́кляты
и три́жды поколе́йте!
Господи́н адъюта́нт,
позво́льте у́хо:

[1] То есть посади́ть в тюрьму́ прие́хавших из эмигра́ции большевико́в во главе́ с В. И. Ле́ниным. Мни́мо «либера́льный» адъюта́нт (отрекомендова́вший себя́ «социали́стом») повторя́ет гну́сный вы́мысел контрреволюцио́нных провока́торов о том, что Ле́нина и большевико́в я́кобы подкупи́ло прави́тельство герма́нского импера́тора Вильге́льма II. То, что «докуме́нты», кото́рыми обосно́вывалась э́та клевета́, явля́ются фальши́вками, бы́ло дока́зано в печа́ти тогда́ же, ле́том 1917 го́да.

их
. . . ревосходи́тельство
. . . ера́л
Кале́дин [1],
с До́ну,
с плёточкой,
изво́льте поню́хать!
Его́ превосходи́тельство. . .
Да ра́зве он оди́н?!
Каза́чество куба́нское,
Днепр,
Дон. . .»
И всё стака́нами —
дон и динь,
и шпо́рами —
динь и дон.
Капита́н
упи́лся, как сова́.
Че́лядь
ча́йники
бесшу́мно подава́ла [2].
А в конце́ у Ли́говки
други́е слова́
подыма́лись
из подва́лов.
«Я, това́рищи, —
из вое́нной бюры́.
Ко́нчили заседа́ние
то́ка-то́ка [3].

[1] К а л е́ д и н — контрреволюцио́нный ца́рский генера́л. В сентябре́ 1917 го́да безуспе́шно пыта́лся оказа́ть по́мощь мятежу́ Корни́лова. Пья́ный Попо́в выража́ет наде́жду, что казаки́ Кале́дина «усмиря́т» рабо́чие Сове́ты.

[2] «Че́лядь ча́йники бесшу́мно подава́ла». — Здесь речь идёт о том, что в ча́йниках под ви́дом ча́я подава́ли в рестора́нах спиртно́е (торго́вля спиртны́ми напи́тками в вое́нное вре́мя была́ запрещена́). Ч е́ л я д ь — здесь: лаке́и, официа́нты.

[3] «Из вое́нной бюры́». — Грамма́тическая непра́вильность: сло́во «бю́ро» — сре́днего ро́да и как иностра́нное не склоня́ется (пра́вильно: «из вое́нного бюро́»). Говоря́щий — просто́й рабо́чий, э́то сло́во ему́ непривы́чно, и он нево́рно склоня́ет его́, как ру́сское сло́во жене́ского ро́да. Т о́ к а - т о́ к а — то́лько-то́лько, то́лько что.

Вот тебе́,
к ма́узеру,
две́сти бери́,
а э́то —
сто патро́нов
к винто́вкам.
Пока́
соглаша́тели
замА́зывали рты,
подхо́дит
каза́тчина
и самока́тчина [1].
Прика́зано
пи́терцам
идти́ на фронты́,
а сюда́
направля́ют
с Га́тчины.
Вам,
кото́рые
с Вы́боргской стороны́ [2],
вам
заходи́ть
с мо́ста Лите́йного [3].
В су́мерках,
то́ньше
дискантО́вой струны́,
не галде́ть
и не де́лать
заведе́нья пите́йного [4].

---

[1] Каза́тчина и самока́тчина — то есть каза́чья ко́нница и пехо́та, поса́женная на самока́ты (велосипе́ды без свобо́дного хо́да).

[2] Вы́боргская сторона́ — се́веро-восто́чная часть Петрогра́да, рабо́чий райо́н.

[3] Лите́йный мост — мост через Неву́, соединя́ющий Вы́боргскую сто́рону с центра́льной ча́стью Петрогра́да (Ленингра́да), в кото́рой нахо́дится Зи́мний дворе́ц.

[4] ДискантО́вая струна́ — струна́, издаю́щая «то́нкие» (высо́кие) зву́ки. Галде́ть — шуме́ть. Пите́йное заведе́ние — тракти́р, кабА́к. Общий смысл фра́зы: шуме́ть нельзя́. Если необходи́мо, мо́жно тихо́нько сказа́ть, что на́до.

Я
за Лаше́вичем [1]
беру́ телефо́н, —
не заду́шим,
так нас заду́шат.
Или
возьму́ телефо́н,
и́ли вон
из те́ла
пролета́рскую ду́шу.
С а м
прие́хал,
в пальти́шке рва́ном, —
хо́дит,
ника́м не опо́знан.
Сего́дня,
говори́т,
подыма́ться ра́но.
А послеза́втра —
по́здно.
За́втра, зна́чит.
Ну, несдоброва́ть им!
Быть
Кере́нскому
би́ту и обо́драну!
Уж мы
поды́мем
с царёвой крова́ти
э́ту
са́мую
Алекса́ндру Фёдоровну [2].

---

[1] Лаше́вич М. М. (1884—1928) — член Вое́нно-революцио́нного комите́та Петрогра́дского Сове́та. Ему́ бы́ло пору́чено во главе́ рабо́чих отря́дов заня́ть по́чту, телегра́ф и телефо́н.

[2] Алекса́ндра Фёдоровна — бы́вшая цари́ца, жена́ Никола́я II. Здесь игра́ слов: Ке́ренского зва́ли Алекса́ндр Фёдорович.

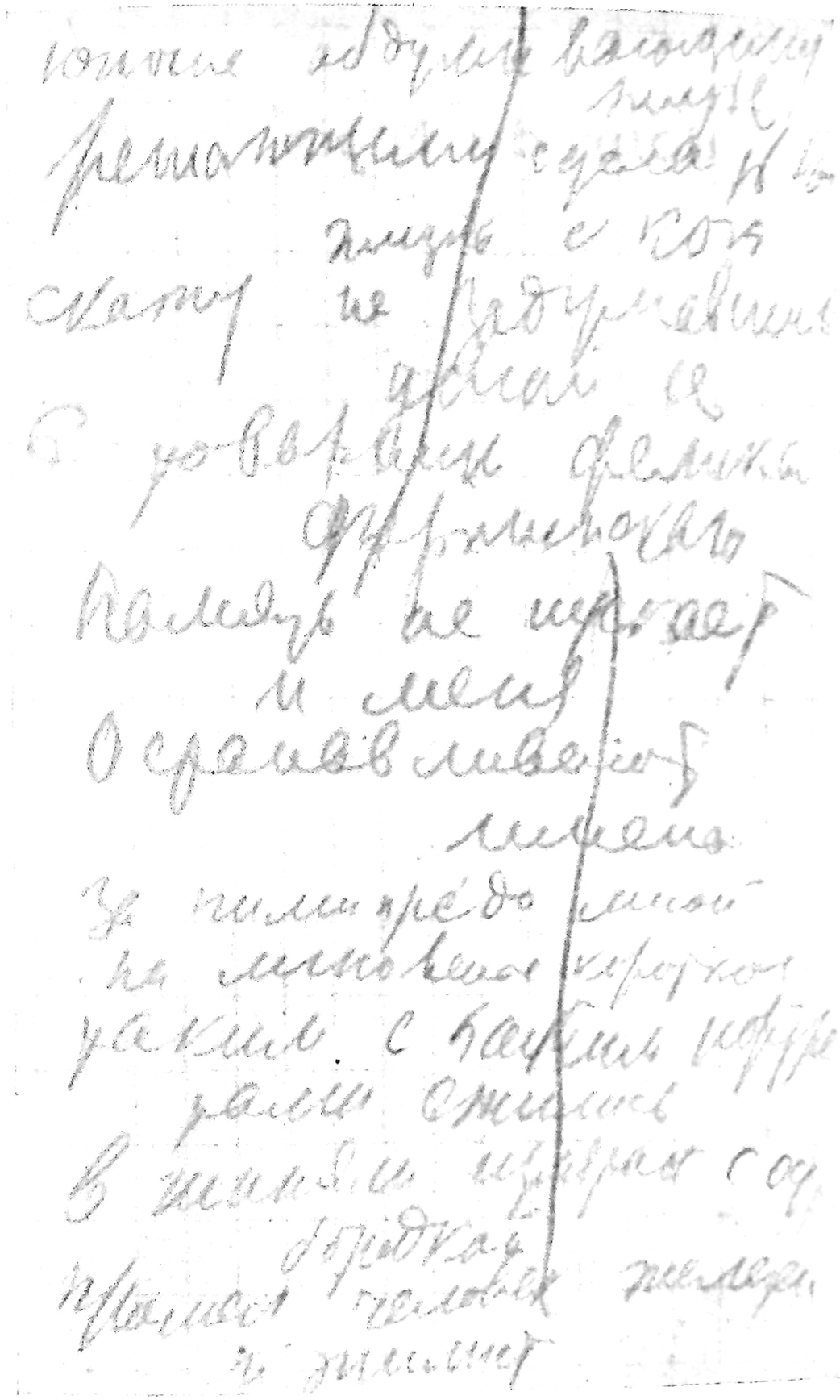
Дул,
как всегда́,
октя́брь
ветра́ми,
как ду́ют
при капитали́зме.
За Тро́ицкий
ду́ли
авто́ и тра́мы,
обы́чные
ре́льсы
вы́зменв [1].
Под мосто́м
Нева́-река́,
по Неве́
плыву́т кроншта́дтцы...
От винто́вок говорка́
ско́ро
Зи́мнему шата́ться [2].
В бе́шеном автомоби́ле,
покры́шки сби́вши,
ти́хий,
вро́де
упако́ванной трубы́,
за Га́тчину,
заби́вшись,
улепётывал бы́вший [3] —
«В рог
в бара́ний!
Взбунтова́вшиеся рабы́!..»

---

[1] В ы́ з м е н в — неологи́зм от сло́ва «змея́»; два́жды изгиба́вшиеся перед мо́стом трамва́йные ре́льсы напомина́ют поэ́ту изви́в змей.

[2] «Ско́ро Зи́мнему шата́ться» — вла́сти Вре́менного прави́тельства, укры́вшегося в Зи́мнем дворце́, не устоя́ть.

[3] Высме́ивая любо́вь Ке́ренского к шу́мным пара́дным речам, Маяко́вский сра́внивает его́ с оркестро́вой трубо́й. Испу́ганно заби́вшийся в у́гол мча́щегося автомоби́ля бы́вший премье́р-мини́стр, ещё так неда́вно шуме́вший на всю Росси́ю, стал ти́хим, как упако́ванный духово́й инструме́нт.



Страни́ца ру́кописи поэ́мы «Хорошо́!».

Ви́дят
ре́дких звёзд глаза́,
окружа́я
Зи́мний
в ко́льца,
по Мильо́нной [1]
из каза́рм
надвига́ются кексго́льмцы.
А в Смо́льном,
в ду́мах
о би́тве и во́йске,
Ильи́ч
гримиро́ванный [2]
ме́чет шажки́
да перед ка́ртой
Анто́нов с Подво́йским
втыка́ют
в места́ ата́к
флажки́.
Лу́чше
власть
добро́м оста́вь,
никуда́
тебе́
не де́ться!
Ото всех
иду́т
заста́в
к Зи́мнему
красногварде́йцы.
Отря́ды рабо́чих,
матро́сов,
го́ли [3] —
дошли́,
штыко́м домерца́в,

[1] Мильо́нная (тепе́рь у́лица Степа́на Халту́рина) — у́лица, непосре́дственно примыка́ющая к Зи́мнему дворцу́.

[2] Гримиро́ванный — с иску́сственно изменённой вне́шностью. Вы́нужденный скрыва́ться от ище́ек Ке́ренского, Влади́мир Ильи́ч загримирова́лся. 25 октября́ 1917 го́да Ле́нин пришёл в Смо́льный ещё в гри́ме.

[3] Голь (разгово́рн.) — то же, что беднота́.

как бу́дто
ру́ки
сошли́сь на го́рле,
холёном
го́рле
дворца́.
Две те́ни вста́ло.
Огро́мных и ша́тких.
Сдви́нулись.
Лоб о лоб.
И двор
дворцо́вый
рука́ми решётки
сти́снул
торс
толп.
Кача́лись
две
огро́мных те́ни
от ве́тра
и пуль скоросте́й, —
да пулемёты,
бу́дто
хрусте́нье
лома́емых косте́й.
Серча́ют стоя́щие па́вловцы [1].
«В поли́тику...
на́чали...
ба́ловаться...
Куда́
про́тив нас
бочкарёвским ду́рам?! [2]
Прика́зывали б
на шту́рм».

[1] Серча́ют (просторе́ч.) — се́рдятся. Па́вловцы — солда́ты Па́вловского пехо́тного полка́, вы́ступившие на стороне́ революции и осажда́вшие Зи́мний дворе́ц. Да́лее сле́дуют слова́ па́вловцев.

[2] В числе́ контрреволюцио́нных войск, защища́вших Зи́мний дворе́ц, был со́зданный Ке́ренским (ле́том 1917 го́да) так называ́емый «Же́нский уда́рный батальо́н» под кома́ндой не́коей Бочкарёвой.

Но тень
боро́лась,
спу́тав ла́пы, —
и лап
никто́
не разнима́л и не рвал.
Не вы́держав
молча́ния,
сдава́лся сла́бый —
уходи́л
от испу́га,
от нерва́.
Пе́рвым,
боя́знью одолён,
ня́лся
ба́бий батальо́н.
Ушли́ с батаре́й
к оди́ннадцати
миха́йловцы и́ли константи́новцы...[1]
А Ке́ренский —
спря́тался,
попро́буй
вы́мань его́!
Заду́мывалась
каза́чья башка́.
И
реде́ли
защи́тники Зи́мнего,
как зу́бья
у гребешка́.
И до́лго
дли́лось
э́то молча́нье,
молча́нье наде́жд
и молча́нье отча́янья.
А в Зи́мнем,
в мя́гких мебеля́х
с бро́нзовыми вы́крутами,

[1] «Миха́йловцы и́ли константи́новцы» — юнкера́ Миха́йловского и Константи́новского артиллери́йских учи́лищ (ю́ н к е р — воспи́танник сре́днего вое́нного уче́бного заведе́ния).

сидя́т
мини́стры
в ме́ди блях[1],
и па́хнет
гла́дко вы́бритыми.
На них не глядя́т
и их не слу́шают —
они́
у штыко́в в лесу́.
Они́
упаду́т
переспе́вшей гру́шею,
как то́лько
их
потрясу́т.
Го́лос — ре́док.
Шёпотом,
зна́ками.
— Ке́ренский где-то?
— Он?
За каза́ками. —
И сно́ва мо́лча.
И то́лько
по́д вечер:
— Где Прокопо́вич?[2]
— Нет Прокопо́вича. —
А из-за Никола́евского
чугу́нного моста́,
как смерть,
глядит
нела́сковая
Авро́рьих
ба́шен
сталь[3].

[1] Маяко́вский презри́тельно называ́ет ме́дными бля́хами ста́рые (ца́рские) ордена́ и меда́ли.

[2] П р о к о п о́ в и ч — мини́стр продово́льствия в прави́тельстве Ке́ренского.

[3] К Никола́евскому мо́сту (тепе́рь мост лейтена́нта Шми́дта; соединя́ет центр го́рода с Васи́льевским о́стровом) подошёл кре́йсер «Авро́ра», кома́нда кото́рого была́ на стороне́ большевико́в.

И вот
высо́ко
над воротнико́м
поднялось
лицо́ Конова́лова [1].
Шум,
кото́рый
тёк роднико́м,
тепе́рь
прибо́ем нава́ливал.
Кто дли́нный тако́й? . .
Дотяну́ться смог!
По ка́ждому
из стёкол
уда́ры па́лки.
Это —
из трёхдюймо́вок
шара́хнули
форты́ Петропа́вловки [2].
А по́верху —
город
как бу́дто взо́рван —
баба́хнула
шестидюймо́вка Авро́рова [3].
И вот
ещё
не успе́ла она́
рассы́паться,
гулка́ и грозна́, —
над Петропа́вловкой
взви́лся
фона́рь,
восста́нья
усло́вный знак.

[1] Коновáлов — тексти́льный фабрика́нт, мини́стр торго́вли и промы́шленности в прави́тельстве Ке́ренского.
[2] То есть да́ли залп ору́дия Петропа́вловской кре́пости, располо́женной на Неве́, напро́тив Зи́мнего дворца́.
[3] Вы́стрелило шестидюймо́вое ору́дие кре́йсера «Авро́ра».

— Доло́й!
На при́ступ!
Вперёд!
На при́ступ! —
Ворвали́сь.
На ковры́!
Под раззоло́ченный кров!
Ка́ждой ле́стницы
ка́ждый вы́ступ
бра́ли,
переша́гивая
через юнкеро́в.
Как бу́дто
водо́ю
ко́мнаты по́лня,
текли́,
слива́лись
над ка́ждой поте́рей,
и схва́тки
вспы́хивали
жа́рче по́лдня
за ка́ждым дива́ном,
у ка́ждой портье́ры [1].
По э́той
анфила́де,
приве́тствиями о́ранной [2]
мона́рхам,
несу́щим
коро́ны-кла́ды,
ба́рхатными за́лами,
раска́тистыми коридо́рами
греме́ли,
би́лись
сапоги́ и прикла́ды.
Како́й-то
смущённый
су́кин сын,

[1] Портье́ра — пло́тная тяжёлая занаве́ска на дверя́х.
[2] Анфила́да — дли́нный ряд ко́мнат, у кото́рых две́ри и́ли а́рки располо́жены по одно́й ли́нии. Здесь — о дворцо́вых за́лах, в кото́рых происходи́ли торже́ственные придво́рные приёмы. Ора́нной — неологи́зм от глаго́ла «ора́ть»: крича́ть.

а над ним
путиловец —
нежнейпапаши:
«Ты,
парнишка,
выкладай
воровáнные часы —
часы
теперича
наши!»
Топот рос
и тех
тринадцать[1]
сгрёб,
забил,
зашиб,
затыркал.
Забились
под галстук —
за что им приняться? —
Как будто
топор
навис над затылком.

За двести шагов...
за тридцать...
за двадцать...
Вбегает
юнкер:
«Драться глупо!»
Тринадцать визгов:
— Сдаваться!
Сдаваться! —
А в двери —
бушлаты,
шинели,
тулупы...[2]

[1] То есть тринадцать министров Временного правительства.
[2] То есть матросы, солдаты, рабочие. Бушлат — форменная одежда моряков (короткое пальто особого покроя). Тулуп — меховая шуба мехом внутрь, не крытая сукном.

И в эту
тишину
раскатившийся всласть[1]
бас,
окрепший,
— над реями рея[2].
«Которые тут временные?
Слазь!
Кончилось ваше время».
И один
из ворвавшихся,
пенсне тронув,
объявил,
как об чём-то простом
и неложном:
«Я,
председатель реввоенкомитета
Антонов,
Временное
правительство
объявляю низложенным».
А в Смольном
толпа,
растопырив груди,
покрывала
песней
фейерверк сведений.
Впервые
вместо:
— и это будет... —
пели:
— и это есть
наш последний...[3] —
До рассвета
осталось
не больше аршина, —

[1] Всласть — вовсю, вдоволь, с удовольствием.
[2] То есть голос, окрепший на морских просторах; реет — летит, несётся над реями. Рея — подвижной поперечный брус на мачте, к которому прикрепляются паруса.
[3] Слова из партийного гимна «Интернационал». До 25 октября 1917 года пели: «Это будет последний и решительный бой».

ру́ки
лучё́й
с восто́ка взмо́лены [1].
Това́рищ Подво́йский
сел в маши́ну,
сказа́л уста́ло:
«Ко́нчено...
В Смо́льный».
Умо́лк пулемёт.
Угоди́л толко́в.
Умо́лкнул
пуль
звеня́щий у́лей.
Горе́ли,
как звёзды,
гра́ни штыко́в,
бледне́ли
звёзды небе́с
в карау́ле.
Дул,
как всегда́,
октя́брь
ветра́ми.
Ре́льсы
по мо́сту вы́змеив,
го́нку
свою́
продолжа́ли тра́мы
уже́ —
при социали́зме.

7

В таки́е но́чи,
в таки́е дни,
в часы́
тако́й поры́

[1] То есть лучи́ ещё не показа́вшегося из-за горизо́нта со́лнца напра́влены ввысь подо́бно рука́м, по́днятым к не́бу в мольбе́. В з м о́ л е н ы — неологи́зм от глаго́ла «моли́ть».

на у́лицах
ра́зве что
одни́
поэ́ты
и воры́.
Су́мрак
на мир
океа́н катну́л.
Синь.
Над костра́ми —
бур [1].
Подво́дной
ло́дкой
пошёл ко дну
взо́рванный
Петербу́рг.
И лишь
когда́
от горя́щих вихро́в
шата́лся
су́мрак бу́рый,
опя́ть вспомина́лось:
с боко́в
и с верхо́в
непреры́вная бу́ря.
На во́ду
су́мрак
похо́ж и так —
бездо́нна
си́няя про́рва.
А тут
ещё
и виде́ньем кита́
ту́ша
Авро́рова.
Ого́нь
пулемётный
пло́шадь остри́г.
На́бережные —
пусты́.

[1] Б у р — кра́ткая фо́рма прилага́тельного «бу́рый».

И лишь
хорохо́рятся
костры́ [1]
в су́мерках
густы́х.
И здесь,
где земля́
от жары́ вязка́,
с испу́гу
и́ли со льда́,
ладо́ни
держа́
у огня́ в языка́х,
гре́ется
солда́т.
Солда́ту
упа́л
ого́нь на глаза́,
на клок
воло́с
лёг.
Я узна́л,
удиви́лся,
сказа́л:
«Здра́вствуйте,
Алекса́ндр Блок.
Лафа́ [2] футури́стам,
фрак старья́
разла́зится [3]
ка́ждым швом».
Блок посмотре́л —
костры́ горя́т —
«Очень хорошо́».

---

[1] «Хорохо́рятся костры́». — Х о р о х о́ р и т ь с я (разгово́рн.) — храбри́ться, ерши́ться, задира́ть (ча́ще всего́ — о петуха́х). Здесь: хорохо́рятся (в смы́сле — ре́зко коле́блются: то подска́кивают вверх, то приника́ют к земле́) языки́ пла́мени, наводя́ на мысль о «кра́сном петухе́» — пожа́ре.

[2] Л а ф а́ (разгово́рно-фамилья́рное) — уда́ча, хорошо́, «везёт».

[3] Р а з л а́ з и т с я (просторе́ч.) — разлеза́ется, располза́ется.

ХОРОШО!

25

1917

ВЛАДИМИР
МАЯКОВСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Обло́жка пе́рвого изда́ния поэ́мы «Хорошо́!».

Обло́жка пе́рвого изда́ния поэ́мы «Влади́мир Ильи́ч Ле́нин».

Круго́м
тону́ла
Росси́я Бло́ка...
Незнако́мки,
дымки́ се́вера
шли
на дно,
как иду́т
обло́мки
и жестя́нки
консе́рвов.
И сра́зу
лицо́
скупе́е меня́л,
мрачне́е,
чем смерть на сва́дьбе:
«Пи́шут...
из дере́вни...
сожгли́...
у меня́...
библиоте́ку в уса́дьбе».
Уста́вился Блок —
и Бло́кова тень
глазе́ет,
на сте́нке привста́в...
Как бу́дто
о́ба
ждут по воде́
шага́ющего Христа́.
Но Бло́ку
Христо́с
явля́ться не стал.
У Бло́ка
тоска́ у глаз.
Живы́е,
с пе́сней
вме́сто Христа́,
лю́ди
из-за угла́.

Встава́йте!
Встава́йте!
Встава́йте!
Рабо́тники
и батраки́!
Зажми́те,
коса́рь и кова́тель,
винто́вку
в желе́зо руки́!
Вверх —
флаг!
Рвань[1] —
встань!
Враг —
ляг!
День —
дрянь.
За хле́бом!
За ми́ром!
За во́лей!
Бери́
у буржу́ев
заво́д!
Бери́
у поме́щика по́ле!
Брата́йся,
деру́щийся взвод!
Сгинь —
стар[2].
В пух,
в прах.
Бей —
бар!
Трах!
тах!
Дово́льно,
дово́льно,
дово́льно

[1] Р в а н ь — голь, беднота́.
[2] «Сгинь — стар» — пропади́, исче́зни ста́рый мир.

поко́рность
нести́
на горба́х[1].
Дрожи́,
капита́лова дво́рня![2]
Тряси́тесь,
коро́ны,
на лбах!
Жир
ёжь
страх
плах!
Трах!
тах!
Тах!
тах!
Эта пе́сня,
перепе́тая по-сво́ему,
доходила
до глухи́х крестья́н —
и встава́ли сёла,
содрога́я во́ем,
по доро́ге
топоры́ крестя́.
— Но́-
жи-
чком
на
ме́сте чик
лю́-
то-
го
по-
ме́щика.

[1] То есть дово́льно быть поко́рными, дово́льно подчиня́ться угнета́телям.
[2] Д в о́ р н я — так во времена́ крепостно́го пра́ва называ́ли дворо́вых слуг поме́щика. Здесь: прислу́жники буржуази́и, капита́ла.

Гос-
по-
ди́н
по-
ме́щичек,
со-
би-
ра́йте
ве́щи-ка!
До-
шло́
до поры́,
вы-
хо-
ди́,
бо́сы,
вос-
три́
топоры́,
подыма́й ко́сы.
Чем
ху́же
моя́ Ни́на?!
Ба́-
рыни са́ми.
Тащь
в ха́ту
пиани́но,
граммофо́н с часа́ми!
Под-
хо-
ди́-
те, орлы́!
Бу́дя [1] —
погра́били.
Встреча́й в колы́,
провожа́й
в гра́бли!
Де́ло
Сте́ньки [2]
с Пугачёвым,

[1] Б у́ д я (просторе́ч.) — бу́дет, хва́тит, дово́льно.
[2] С т е́ н ь к а — Степа́н Ра́зин.

разгора́йся жа́рчи-ка!
Все
поме́стья
богачёвы
разметём пожа́рчиком.
Под-
пу́сть
петуха́! [1]
Подыма́й ви́лы!
Эх,
не
потуха́й,—
пе-
ту́х ми́лый!
Чёрт
ему́
тепе́рь
родня́!
Головы —
кочаном.
Пулемётов трескотня́
сы́пется с тача́нок.
«Эх, я́блочко,
цве́та я́сного.
Бей
спра́ва
бе́лаво,
сле́ва кра́снова».

Этот вихрь,
от мы́сли до курка́,
и постро́йку,
и пожа́ра дым
прибира́ла
па́ртия
к рука́м,
направля́ла,
стро́ила в ряды́.

[1] «Подпу́сть петуха́» (просторе́ч.) — подожги́.

Хо́лод большо́й.
Зима́ здорова́.
Но блу́зы
прили́пли к по́тненьким.
Под блу́зой коммуни́сты.
Гру́зят дрова́.
На трудово́м суббо́тнике.
Мы не уйдём,
хотя́
уйти́
име́ем
все права́.
В на́ши вагоны,
на на́шем пути́,
на́ши
гру́зим
дрова́.
Мо́жно
уйти́
часа́ в два, —
но мы —
уйдём по́здно.
На́шим това́рищам
на́ши дрова́
ну́жны:
това́рищи мёрзнут.
Рабо́та трудна́,
рабо́та
томи́т.
За неё —
никаки́х копе́ек.
Но мы
рабо́таем,
бу́дто мы
де́лаем
велича́йшую эпопе́ю.
Мы бу́дем рабо́тать,
всё стерпя́,

чтоб жизнь,
колёса дней торопя́,
бежа́ла
в желе́зном ма́рше
в на́ших вагонах.
по на́шим степя́м,
в города́
промёрзшие
на́ши.
«Дя́денька,
что вы де́лаете тут,
сто́лько
больши́х дяде́й?»
— Что?
Социали́зм:
свобо́дный труд
свобо́дно
собра́вшихся люде́й.

Перед на́шею
респу́бликой
стоя́т бога́тые.
Но как пости́чь её?
И вопро́сам
разнедоуме́нным [1]
не́т числа́:
что э́то
за на́ция така́я
«социалисти́чья»,
и что э́то за
«соци-
алисти́ческое оте́чество»?
«Мы
восто́рги ва́ши
поня́ть бесси́льны.
Чем восторга́ются?
Про что пою́т?

[1] Разнедоуме́нным — неологи́зм от сло́ва «недоуме́нный»: неясный, непоня́тный.

Каки́е таки́е
фру́кты-апельси́ны
расту́т
в большевицком ва́шем
раю́?
Что вы зна́ли,
кро́ме хле́ба и воды́, —
с трудо́м
перебива́ясь
со дня на́ день?
Тако́го оте́чества
тако́й дым
ра́зве уж
насто́лько прия́тен? [1]
За что вы
идёте,
е́сли веля́т —
«воюй»?
Мо́жно
быть
разо́рванным бо́мбищей,
мо́жно
умере́ть
за зе́млю за свою́,
но как
умира́ть
за о́бщую?
Прия́тно
ру́сскому
с ру́сским обня́ться, —
но у вас
и и́мя
«Росси́я»
утеряно.
Что э́то за
оте́чество
у забы́вших об на́ции?

[1] Здесь ирони́чески испо́льзована строка́ из коме́дии А. С. Грибое́дова «Го́ре от ума́»: «И дым оте́чества нам сла́док и прия́тен». Грибое́дов, в свою́ о́чередь, испо́льзовал строку́ стихотворе́ния Держа́вина «А́рфа»: «Оте́чества и дым нам сла́док и прия́тен».

Кака́я на́ция у вас?
Коминте́рина?
Жена́,
да квартира́,
да счёт теку́щий —
вот э́то —
оте́чество,
ра́йские ку́щи [1].
Ра́ди бы
вот
тако́го оте́чества
мы понима́ли б
и смерть
и молоде́чество» [2].
Слу́шайте,
национа́льный тру́тень [3], —
день наш
тем и хоро́ш, что тру́ден.
Эта пе́сня
пе́сней бу́дет
на́ших бед,
побе́д,
бу́ден

10

Поли́тика —
проста́.
Как воды́ глото́к.
Понима́ют
още́рившие
сы́тую пасть [4],

[1] Ра́йские ку́щи — здесь: по́лное блаже́нство, по́лное благополу́чие. Ку́ща (церк.-книжн.; устар.) — шатёр, сень.

[2] Молоде́чество — у́даль, отва́га, хра́брость.

[3] Тру́тень — пчели́ный саме́ц, не рабо́тающий, не собира́ющий мёда. В перено́сном смы́сле: лентя́й, челове́к, живу́щий на чужо́й счёт.

[4] То есть зажире́вшие и жа́дные империали́сты. Още́рившие — угрожа́юще оска́лившие зу́бы.

что, е́сли
в Росси́ях
увя́знет когото́к,
всей
буржуа́зной пти́чке —
пропа́сть.
Из «сюртэ́ женера́ль»,
из «инте́ллидженс се́рвис»,
«дефензи́вы»
и «сигура́нцы» [1]
выхо́дит
ра́зная
сво́лочь и сте́рва,
шьёт
шине́ли
цве́та се́рого,
бо́мбы
кладёт
в ра́нцы [2].
Наби́лись в трю́мы [3],
па́лубы обсе́ли
на де́ньги
вербо́вочного а́гентства [4].
В Новороссийск
плыву́т из Марсе́ля,
из Ду́вра
плыву́т к Арха́нгельску.
С пе́сней,
с ви́ски [5],
сы́ты по-сви́нски.

---

[1] Слова́, взя́тые в кавы́чки, — назва́ния полити́ческой поли́ции и контрразве́дки во Фра́нции, Англии, По́льше и Румы́нии.

[2] Р а́ н ц ы — запле́чные су́мки.

[3] Т р ю м — вну́треннее помеще́ние корабля́, ме́жду ни́жней па́лубой и дни́щем.

[4] В е р б о́ в о ч н о е а г е́ н т с т в о — здесь: организа́ция по вербо́вке (набо́ру) добровольцев в войска́ интервентов.

[5] В и́ с к и — во́дка (в Англии и США).

Ки́лями
вскопаны [1]
во́ды холо́дные.
Смо́трят
перископами [2]
ло́дки подво́дные.
Плыву́т крейсера́,
снаря́ды соря́.
И
миноно́сцы
с ми́нами но́сятся.
А
пове́рх
всех
с пу́шками
чудо́вищной длинноты
сверх-
дредноуты.
Ра́зными
га́зами
воняя гадко,
ту́чи
пропе́ллерами вы́драв,
с авиама́тки
на авиама́тку [3]
пе-
ре-
па́рхивают «ги́дро» [4].
Посла́л
капита́л
капита́нов учёных.

---

[1] «Ки́лями вскопаны» — то есть ки́ли иностра́нных вое́нных корабле́й разреза́ют, борозди́т во́ду подо́бно тому́, как плуги́ борозди́т зе́млю.

[2] «Смо́трят перископами». — П е р и с к о́ п — опти́ческий прибо́р, при по́мощи кото́рого мо́жно из погружённой на небольшу́ю глубину́ подво́дной ло́дки наблюда́ть то, что происхо́дит на пове́рхности воды́. Ба́шенка перископа выгля́дывает над водо́й (поэ́тому «смо́трят»).

[3] А в и а м а́ т к а — морско́е су́дно, обору́дованное для взлёта и поса́дки самолётов (тепе́рь называ́ется «авиано́сец»).

[4] Г и́ д р о — гидропла́н.

Го́рло
нащу́пали
и сти́скивают.
Ткнёшься
в Бе́лое,
ткнёшься
в Чёрное,
в Каспи́йское,
в Балти́йское, —
куда́
кора́бль
ни ты́чется,
коне́ц
ката́ниям.
Стои́т
море́й влады́чица,
бульдо́жья
Брита́ния [1].
Со всех концо́в
блока́ды кольцо́
и пу́шки
смо́трят в лицо́.
— Кра́сным не нра́вится?!
Им
голодно́?!
Ры́бкой
наеди́тесь,
пойдя́
на дно. —
А кому́
на су́ше
гра́бить охо́та,
те
с кораблей
сходи́ли пехо́той.

[1] Запере́в свои́м фло́том все морски́е по́рты Сове́тской Росси́и, империалисти́ческое прави́тельство Великобрита́нии пыта́лось заду́шить респу́блику го́лодом. Этот бесчелове́чный приём поли́тики империали́стов Маяко́вский сра́внивает с мёртвой хва́ткой большо́го, си́льного пса — бульдо́га.

— На мо́ре пото́пим,
на су́ше
пото́паем. —
Чужи́ми
рука́ми
жар гребя́,
дым
оте́чества
пуска́ют
постре́лины [1] —
выставля́ют
впереди́
одура́ченных ребя́т,
баро́нов
и князе́й недорасстре́лянных.
Моги́лы копа́йте,
гроба́ копи́те —
Юде́нича
ра́ти [2]
прут
на Пи́тер.
В обо́зах
е́ды вку́снятся,
консе́рвы —
пуд.
Та́нков
гу́сеницы
на Пи́тер
прут.
От се́вера
идёт
адмира́л Колча́к,
сиби́рский
хлеб
сапого́м толча́.
Рабо́чим на расстре́л,
попо́внам на уте́хи,

[1] Постре́лины — от сло́ва «постре́л»: озорни́к.
[2] Рать — во́йско (стари́нное сло́во; здесь употреблено́ нарочи́то, с отте́нком иро́нии).

с ним
идýт
голубы́е чéхи [1].
Траншéи,
машúнами вы́бранные,
сапёрами
Крым
перекóпан, —
Врáнгель
крупнокалúберными
орýдует
с Перекóпа.
Лю́бят
полкóвников
сентимента́льные лéди [2].
Полкóвники
лю́бят
поговорúть на обéде.
— Я
идý, мол
(прихлёбывает вúски),
а на меня́
деся́ток
чудóвищ
большевúцких.
Раз — одного́,
другóго —
ррраз, —
кста́ти,
как дéнди,
и дéвушку спас [3]. —

---

[1] Здесь речь идёт о контрреволюцио́нном выступле́нии чехословáцкого кóрпуса в 1918 году́ (солдáты носúли голубы́е мундúры, поэ́тому «голубы́е чéхи»).

[2] Сентимента́льные лéди — фальшúво-чувствúтельные дáмы.

[3] Дéнди — щёголь, франт, свéтский человéк. Англúйский офицéр-интервéнт, котóрый поджигáет и насúлует на совéтской землé, в разговóре с дáмой изображáет своё поведéние как поведéние изы́сканно вéжливого мужчúны.

Лéди,
спросúте
у мéрина сúвого —
он
как Мýрманск
разизнасúловал.
Спросúте,
как —
Двинá-рекá,
кро́вью
крáшенная,
трýпы
вы́тая,
с клáдью
стрáшною
шла
в Ледовúтый [1].
Как храбрецы́
расстрéливали кýчей
коммунúста
одного,
да и тот скрýчен.
Как офицерá
его́
велúчества
бежáли
от вы́стрелов,
бéрег вы́чистя.
Как над сéрыми
хáтами
óгненные пéрья
и рýки
холёные
тýго
у горл.

---

[1] Англúйские интервéнты, захватúвшие в 1918 году́ Архáнгельск, производúли там мáссовые распрáвы с совéтскими людьмú. Двинá-рекá — Сéверная Двинá, на котóрой стои́т Архáнгельск. Вы́тая — деепричáстие от глагóла «вы́таять» и «вы́таить» (неологúзм; сравнú «тáять»). Смысл строк: трýпы, спýщенные под лёд, веснóй всплы́ли на повéрхность, и рекá, откры́в тáйну, несёт своё стрáшную кладь (груз) в океáн.

Но...
«итс э лонг уэй
ту Типере́ри,
итс э лонг уэй
ту го́!»[1]
На пе́рвую
респу́блику
рабо́чих и крестья́н,
сверка́я
вы́стрелами,
штыка́ми блестя́,
гна́ли
а́рмии,
фло́ты кати́ли
бога́тые ми́ра,
и э́ти
и те...
Бу́дьте вы про́кляты,
прогни́вшие
королёвства и демократи́и,
со свои́ми
подмо́ченными
«фратэрните́» и «эгалите́»![2]
Свинцо́вый
льётся
на нас
кипято́к.
Одни́ мы —
и спря́таться не́где.

---

[1] Напи́санные ру́сскими бу́квами пе́рвые стро́ки изве́стной англи́йской солда́тской пе́сенки:

Путь далёкий до Типере́ри,
Путь далёкий домо́й!

[2] Напи́санные ру́сскими бу́квами францу́зские слова́ «fraternité» и «égalité» — «бра́тство» и «ра́венство». Ло́зунг францу́зской буржуа́зной револю́ции XVIII ве́ка «Свобо́да, ра́венство и бра́тство» стал впосле́дствии официа́льным ло́зунгом францу́зской буржуа́зной респу́блики и одно́й из фраз, маскиру́ющих госпо́дство буржуази́и под вы́веской «демокра́тии».

«Янки
дудль
кип ит об,
Янки дудль де́нди»[1].
Посреди́
винто́вок
и ору́дий голоси́ща
Москва́ —
островко́м,
и мы на островке́.
Мы —
голо́дные,
мы —
ни́щие,
с Ле́ниным в башке́
и с нага́ном в руке́.

11

Несётся
жизнь,
ове́евая,
проста́,
суха́.
Живу́
в дома́х Стахе́ева я,
тепе́рь
Веэсэнха́.
Свезли́,
винто́вкой звя́кая,
бога́тых
и ка́ссы.
Тепе́рь здесь
вся́кие
и лю́ди
и кла́ссы.

---

[1] Напи́санные ру́сскими бу́квами слова́ из стари́нной америка́нской шу́точной пе́сенки, с кото́рой америка́нские интерве́нты совершали свои́ крова́вые «по́двиги»:

Янки дудль, держи́сь кре́пко,
Янки дудль, франт...

Зимо́й
в печу́рку-пчёлку
сую́т
тома́ Шекспи́рьи [1].
Зуба́ми
щёлкают. —
карто́шка —
пир им.
А ле́том
слу́шают асфа́льт
с копе́йками
в окне́ [2].
— Трансва́ль,
Трансва́ль,
страна́ моя́,
ты вся
гори́шь
в огне́! [3] —
Я в э́том
ка́менном
котле́
варю́сь,
и э́та жизнь —
и бег, и бой,
и сон,
и тлен [4] —

[1] То есть за отсу́тствием дров и́ли угля́ то́пят вре́менные желе́зные пе́чки (их называ́ли «буржу́йками» и́ли «пчёлками») кни́гами. Ви́льям Шекспи́р (1564—1616) — вели́кий англи́йский поэ́т и драмату́рг.

[2] «Слу́шают асфа́льт с копе́йками в окне́» — выгля́дывают в окна, слу́шая донося́щиеся с асфальти́рованного двора́ зву́ки шарма́нки и пригото́вив копе́йки, что́бы ки́нуть шарма́нщику. Шарма́нка — перено́сный механи́ческий орга́нчик в ви́де я́щика с ля́мкой, надева́емой на плечо́, с кото́рым с да́вних времён броди́ли по дворам ни́щие музыка́нты.

[3] Стро́ки из исполня́вшейся шарма́нщиками у́личной пе́сенки, получи́вшей популя́рность по́сле а́нгло-бу́рской войны́ 1899—1902 годо́в. Трансва́ль — назва́ние страны́ бу́ров (в Южной Африке), кото́рая в результа́те э́той войны́ ста́ла англи́йской коло́нией.

[4] Тлен — тле́ние, распа́д. Здесь подразумева́ется всё отмира́ющее, свя́занное с отжи́вшим про́шлым.

в домо́вьи
этажи́
отражена́
от пят
до лба,
грозо́ю
омыва́емая,
как отража́ется
толпа́
иду́щими
трамва́ями.
В пальбу́
присе́в
на ко́рточки,
в поко́й —
глаза́ми к фо́рточке,
чтоб бы́ло
видне́й,
я
в комнатёнке-ло́дочке
проплы́л
три ты́щи дней.

12

Хо́дят
спекуля́нты
вокру́г Главто́па [1].
Обни́мут,
зацелу́ют,
убью́т за руп [2].
Секрета́рши
отве́тственные
ва́ленками то́пают.
За хле́бными
ка́рточками
стоя́т лесору́бы.

[1] Главто́п — Гла́вное управле́ние то́пливной промы́шленности при ВСНХ.

[2] Руп (простореч.) — рубль.

Мно́го
де́ла,
ма́ло
го́ря им,
фунт [1]
— це́лый! —
пе́рвой катего́рии.
Ру́бят,
ли́повый
чай
вы́кушав.
— Мы
не Фили́пповы [2],
мы —
привы́кши.
Бу́дет
обе́д,
бу́дет
у́жин, —
бе́лых бы
вон
отби́ть от воро́т.
Есть захоте́лось,
по́яс —
потуже,
в ру́ки винто́вку
и
на фронт. —
А
ми́мо —
незамени́мый [3].
Стуча́
сапого́м,

[1] Фунт — ме́ра ве́са, при́нятая в Росси́и до введе́ния метри́ческой систе́мы. Маяко́вский вспомина́ет, что по хле́бным ка́рточкам пе́рвой, са́мой высо́кой, полага́вшейся то́лько рабо́чим, катего́рии выдава́ли по одному́ фу́нту (400 гра́ммов) хле́ба в день.

[2] То есть «мы не буржу́и». Филиппов — владе́лец мно́гих бу́лочных и кафе́-конди́терских в дореволюцио́нной Москве́.

[3] «Незамени́мыми» в те го́ды полуирони́чески называ́ли «спецо́в», то есть буржуа́зных специали́стов, часть кото́рых сотру́дничала с сове́тской вла́стью лишь ра́ди повы́шенных пайко́в.

идёт за пайко́м —
правле́ние
вы́дало
уро́к
и повы́дло.
Бога́тые —
ло́вче,
едя́т
у Зунделе́вича [1].
Ни щей,
ни каш —
бифште́кс
с бульо́ном,
хлеб
ваш,
полтора́ миллио́на.
Учёному
ху́же:
фо́сфор
ну́жен,
ма́сло
на блю́дце.
Но,
как на́зло,
есть револю́ция,
а не́ту
ма́сла.
Они́ —
нау́чные.
Напи́шут,
вы́лечат.
Манда́т собственнору́чный,
Анато́ль Васи́льича [2].

[1] «Едя́т у Зунделе́вича». — В пустова́вшей в го́ды разру́хи кварти́ре до́ктора Зунделе́вича, помеща́вшейся непосре́дственно под кварти́рой, где жил Маяко́вский, не́которое вре́мя существова́ла ча́стная столо́вая.

[2] Анато́лий Васи́льевич Луначарский, стремя́сь облегчи́ть положе́ние голода́вших нау́чных рабо́тников, направля́л не́которых из них со свои́ми пи́сьменными обраще́ниями о по́мощи в продово́льственные о́рганы. Маяко́вский с добродушной ирони́ей называ́ет э́ти запи́ски Луначарского «манда́тами».

Где
хлеб
да мяса́,
приду́т
на час к вам.
Чита́ет
комисса́р
манда́т Лунача́рского.
«Так...
са́хар...
так...
жиро́к вам.
Дров
берёзовых...
посу́ше поле́нья...
и шу́бу
широ́кого
потребле́нья.
Я вас,
това́рищ,
спра́шиваю в упо́р.
Хоти́те —
бери́те
головно́й убо́р.
Прихо́дит
ка́ждый
с ра́зной бла́жью [1].
Бери́те
пока́ што
но́гу
лоша́жью!»
Мех
на глаза́,
как ба́ба-яга́,
иду́т
наза́д
на трёх нога́х.

[1] Б л а ж ь — дурь, неле́пая причу́да.

Двена́дцать
квадра́тных арши́н жилья́.
Че́тверо
в помеще́нии —
Ли́ля,
Ося,
я
и соба́ка
Ще́ник.
Шапчо́нку
взял
обо́рванную
и вы́тащил сала́зки.
— Куда́ идёшь?
— В убо́рную
иду́.
На Ярославский. —
Как па́рус,
шу́ба
на весу́,
воня́ет
козло́м она́.
В саня́х
поле́но везу́,
забра́л
забо́р разло́манный.
Поле́но —
ту́шею,
твёрже ка́мня.
Как бу́дто
вспу́хшее
коле́но
велика́нье.
Вхожу́
с бревно́м в обни́мку.
Запоте́л,
вы́мок.
Ва́жно
и чи́нно
строга́ю перочи́нным.

Нож —
ржа.
Ре́жу.
Ра́дуюсь.
В голове́
жар
подыма́ет гра́дус.
Зацвета́ют луга́,
май
поёт
в у́ши —
э́то
тя́нется угар
из-под чёрных выо́шек.
Че́тверо сосу́лек
сверну́лись,
усну́ли.
Прихо́дят
лю́ди,
хо́дят,
бу́дят.
Добуди́лись е́ле —
с угле́й
угоре́ли.
В окно́ —
сугро́б.
Глядит горба́т.
Не вымерзли пока́мест?
Моро́зы
в ночь
иду́т, скрипя́т
снега́ми-сапога́ми.
Небосво́д,
наклони́вшийся
на ко́мнату мою́,
мо́рем
зака́та
обли́т.

По ро́зовой
гла́ди
мо́ря,
на юг —
ту́чи-кораблй.
За гладь,
за ро́зовую,
броса́ть якоря́,
туда́,
где берёзовые
дрова́
горя́т.
Я
мно́го
в тёплых стра́нах плута́л.
Но то́лько
в э́той зиме́
поня́тной
ста́ла
мне
тепло́та
любо́вей,
дружб
и семе́й.
Лишь лёжа
в таку́ю вот гололе́дь,
зуба́ми
вме́сте
проля́скав [1], —
поймёшь:
нельзя́
на люде́й жале́ть
ни одея́ло,
ни ла́ску.
Зе́млю,
где во́здух,
как сла́дкий морс,

[1] П р о л я́ с к а в — деепричастие от «ля́скать»: щёлкать, стуча́ть зуба́ми.

бро́сишь
и мчишь, колеся́, —
но зе́млю,
с кото́рою
вме́сте мёрз,
вове́к
разлюби́ть нельзя́.

14

Скры́ла
та зима́,
худа́ и строга́,
всех,
кто на́век
ушёл ко сну.
Где уж тут слова́м!
И в э́тих
строка́х
бо́ли
во́лжской [1]
я не косну́сь.
Я
дни беру́
из ря́да дней,
что с ты́щей
дней
в родне́.
Из се́рой
полосы́
денько́й,
их гна́ли
го́ды-
во́дники —
не о́чень
сы́тенькие,
не о́чень
голо́дненькие.

[1] То есть стра́шного го́лода, пости́гшего в 1921 году́ Пово́лжье.

Е́сли
я
чего́ написа́л,
е́сли
чего́
сказа́л —
тому́ вино́й
глаза́-небеса́,
люби́мой
мое́й
глаза́.
Кру́глые
да ка́рие,
горя́чие
до га́ри.
Телефо́н
взбеси́лся ша́лый,
в у́хо
гро́хнул о́бухом:
ка́рие
глази́ща
сжа́ла
го́лода
о́пухоль.
Врач наболта́л —
чтоб глаза́
глазе́ли,
нужна́
теплота́,
нужна́
зе́лень.
Не домо́й,
не на суп,
а к люби́мой
в го́сти
две
морко́винки
несу́
за зелёный хво́стик.
Я
мно́го дари́л
конфе́кт да буке́тов,

Но бо́льше
всех
дороги́х даро́в
я по́мню
морко́вь драгоце́нную э́ту
и пол-
поле́на
берёзовых дров.
Мо́крые,
то́щие
под мы́шкой
дрови́нки,
чуть
пото́лще
сре́дней брови́нки.
Вспу́хли щёки.
Гла́зки —
щёлки.
Зе́лень
и ла́ски
выходили гла́зки.
Бо́льше
блю́дца,
смо́трят
револю́цию.
Мне
ле́гше, чем всем, —
я
Маяко́вский.
Сижу́
и ем
кусо́к
ко́нский.
Скрип —
дверь,
пла́ча.
Сестра́
мла́дшая.
— Здра́вствуй, Воло́дя!
— Здра́вствуй, Оля!
— За́втра новогодие —

нет ли
со́ли? —
Делю́,
в ладо́нях ве́шаю
щепо́тку
отсыре́вшую.
Одолева́я
снег
и страх,
скользи́т сестра́,
идёт сестра́,
бредёт
трёхвёрстной Пре́снею [1]
соли́ть
карто́шку пре́сную.
Ря́дом
моро́з
шёл
и рос.
Затева́л
щеко́тку —
отда́й
щепо́тку.
Пришла́,
а соль
не ва́лится —
примёрзла
к па́льцам.
За сте́нкой —
шарк:
«Иди́,
жена́,
прода́й
пиджа́к,
купи́
пшена́».

---

[1] То есть дли́нной у́лицей. Пре́сня (совре́менное назва́ние «Кра́сная Пре́сня») — у́лица в Москве́, где жи́ли мать и сёстры Маяко́вского. Трёхвёрстная — от сло́ва «верста́» (пре́жняя ру́сская ме́ра длины́: приблизи́тельно оди́н киломе́тр).

Окно́, —
с него́
иду́т
снега́,
мягка́
снегов
тиха́
нога́.
Бела́,
гола́
столи́ц
скала́.
Прили́п
к скале́
лесо́в
скеле́т.
И вот
из-за ле́са
не́бу в шаль
вполза́ет
со́лнца
вша.
Дека́брьский
рассве́т,
изможде́нный
и по́здний,
встаёт
над Москво́й
горя́чкой тифо́зной.
Ушли́
ту́чи
к стра́нам
ту́чным.
За ту́чей
бе́регом
лежи́т
Аме́рика.
Лежа́ла,
лака́ла
ко́фе,
како́о.

В лицо́ вам,
то́лще
свины́х причу́д,
кругле́й
рестора́нных блюд,
из ни́щей
на́шей
земли́
кричу́:
— Я
зе́млю
э́ту
люблю́! —
Мо́жно
забы́ть,
где и когда́
пу́зы расти́л
и зобы́,
но зе́млю,
с кото́рой
вдвоём голода́л, —
нельзя
никогда́
забы́ть!

15

Под у́хом
са́мым
ле́стница
ступе́нек на две́сти, —
несу́т
мину́ты-ве́стницы
по ле́стнице
ве́сти.
Дни пришли́
и то́пали:
— До́жили,
во́т вам, —
не́ту
то́плив

брю́хам
заво́довым.
Ды́мом
небе́сный
лак помути́в,
до са́мой трубы́,
до но́са
локомоти́в
стои́т
в зано́сах.
Положи́в
на ва́ленки
цветны́е запла́ты,
из воро́т,
из желе́зного зёва,
сно́ва
шли,
ухвати́сь за лопа́ты,
все,
кто мобилизо́ван.
Вы́шли
за́ лес,
вме́сте
взя́лись.
Я ли,
вы ли,
откопа́ли,
вы́рыли.
И сно́ва
по́езд
ка́тит
за сне́жную
ска́терть.
Слабе́ет
те́ло
без ед
и питья́,
носи́лки сде́лали,
ру́ки сплетя́.
Тепе́рь
запева́й,
и домо́й мо́жно —

да на́ руки
поло́жено
пять обморо́женных.

Сего́дня
на ле́стнице,
гря́зной и ту́склой,
копа́лись
обыва́тельские
слу́хи-сви́ньи.
Дени́кин
подхо́дит
к са́мой,
к ту́льской,
к порохово́й
сердцеви́не [1].
Обу́лись обыва́тели,
по пы́ли печа́тают
шепотоголо́сые
кухо́рочьи хоры́ [2]:
— Бу́дет...
крупча́тая!..
пуды́ непоча́тые...
ручьи́ — чаи́,
сухари́,
сахары́.
Бли́-и-и-зко бе́ленькие,
береги́ ке́ренки! —
Но го́род
просну́лся,
в плака́ты кадро́ванный [3],—
э́то
па́ртия звала́:
«Пролета́рий, на коня́!»

---

[1] Име́ются в виду́ знамени́тые ту́льские оруже́йные заво́ды.

[2] То есть обыва́тели хо́дят друг к дру́гу, собира́ются вме́сте, шёпотом передава́я вздо́рные слу́хи и ку́хонные спле́тни.

[3] «В плака́ты кадро́ванный» — уве́шанный плака́тами. Кадро́ванный — от сло́ва «кадр» (отде́льный сни́мок на киноле́нте и́ли фотоплёнке). Здесь э́то сло́во применено́ к плака́ту, на кото́ром изображён стреми́тельно мча́щийся в ата́ку кра́сный кавалери́ст.

И кра́сные
ска́чут
на юг
эскадро́ны —
Ма́монтова
нагоня́ть.
Сего́дня
день
вбежа́л второпя́х,
кри́ком
тишь
порва́в,
простре́ленным
лёгким
ча́сто хрипя́,
упа́л
и конча́лся,
крова́в.
Кровь
по ступе́нькам
стека́ла на́ пол,
сты́ла
с пы́лью попола́м
и сно́ва
на́ пол
ка́плями
ка́пала
из-под пу́ли
Капла́н.
Четверола́пые
зашага́ли,
визг
шёл
шака́лий.
Сало́п
говори́т
чу́йке [1],

[1] «Сало́п говори́т чу́йке», то есть сплетничают озло́бленные обыва́тели. С а л о́ п — старомо́дная же́нская шу́ба; ч у́ й к а — стёганый пиджа́к.

чу́йка
сало́пу:
— Заёрзали
длинноно́сые щу́ки!
Ско́ро
всех
сло́пают! —
А пото́м
топы́рили
глаза́-таре́лины
в дли́нную
фами́лий
и зва́ний тропу́.
Ве́тер
сдира́ет
спи́ски расстре́лянных,
рвёт,
закру́чивает
и пуска́ет в трубу́.
Ла́па
кла́сса
лежи́т на хи́щнике —
Лубя́нская
ла́па
Че-ка́ [1].
— Замри́те, враги́!
Отойди́те, ли́шненькие!
Обыва́тели!
Сми́рно!
У очага́! —
Миллио́нный
класс
встава́л за Ильича́
про́тив
бе́лого
чудо́вища клыка́стого,

[1] Чека́ помеща́лась на Лубя́нской пло́щади (тепе́рь пло́щадь Дзержи́нского). 2 сентября́ 1918 го́да ВЦИК по докла́ду Я. М. Свердло́ва о покуше́нии на жизнь Ле́нина при́нял реше́ние о ма́ссовом терро́ре про́тив буржуази́и и её аге́нтов.

и вливáлось
в Лéнина,
лечá,
э́тої вóли
лу́чшее лекáрство.
Хорони́лись [1]
обывáтели
за ку́хни,
за пелёнки.
— Нас не трóгайте —
мы
цыплёнки [2].
Мы тóлько мóшки,
мы ждём кормёжки.
Закрóйте,
врéмя,
вáшу пасть!
Мы обывáтели —
нас обувáйте вы,
и мы
уже́
за вáшу власть. —
А у́тром
нéбо —
вéча звóнница! [3]
Вчерáшний
день
виня́ во лжи,
расколокóливали
пти́цы и сóлнце:
жив,
жив,
жив,
жив!

---

[1] Х о р о н и́ л и с ь (простореч.) — пря́тались, скрыва́лись.

[2] Издева́ясь над контрреволюцио́нно настро́енными обыва́телями, Маяко́вский испо́льзует изве́стную в то вре́мя у́личную пе́сенку «Цыплёнок жа́реный, цыплёнок па́реный, цыплёнок то́же хо́чет жить. . .»

[3] З в о́ н н и ц а — ме́сто, где вися́т колокола́. В е́ ч е (от «вещáть» — говори́ть) — наро́дное собра́ние в Дре́вней Руси́, кото́рое собира́лось по звóну вечево́го ко́локола.

И снóва
дни
чередóй заводнóй
сбегáлись
и проси́ли.
— Идём
за нáми —
«ещё
одно́
уси́лье».
От бóя к трудý —
от трудá
до атáк, —
в гóлоде,
в хóлоде
и наготé
держáли
взя́тое,
да так,
что кровь
выступáла из-под ногтéй.
Я ви́дел
местá,
где инжи́р с айвóй
росли́
без трудá
у рта моегó, —
к таки́м
отнóсишься
и́наче.
Но зéмлю,
котóрую
завоевáл
и полуживу́ю
вы́нянчил,
где с пу́лей встань,
с винтóвкой ложи́сь,
где ка́плей
льёшься с мáссами, —

с тако́ю
землёю
пойдёшь
на жизнь,
на труд,
на пра́здник
и на́ смерть!

16

Мне
расска́зывал
ти́хий евре́й,
Па́вел Ильи́ч Лаву́т:
«То́лько что
вы́шел я
из двере́й,
ви́жу —
они́ плыву́т...»
Бегу́т
по Севасто́полю
к дымя́щим парохо́дам.
За де́нь
подмёток сто́пали,
как за́ год похо́да.
На ре́йде
тра́нспорты
и транспорто́чки [1],
дра́ки,
кри́ки,
ругня́,
мотня́, —
бегу́т
добровóльцы,
задра́в порто́чки, —
чи́стая пу́блика
и солдатня́.
У кого́ —
канаре́йка,
у кого́ —
роя́лина,

[1] Тра́нспорт — су́дно, приспосóбленное для перевóзки войск. Транспорто́чки — уменьши́тельное от «тра́нспорты».

кто со шка́фом,
кто
с утюго́м.
Каде́ты —
на что уж
лю́ди лоя́льные [1] —
толка́лись локтя́ми,
кры́ли матюго́м.
Забы́ли прили́чия,
бро́сили мо́ду,
кто —
без ю́бки,
а кто —
без носко́в.
Бьёт
мужчи́на
да́му
в мо́рду,
солда́т
полко́вника
сбива́ет с мостко́в.
На́ши наседа́ли,
кры́ли [2] по тра́пам [3],
ка́шей
грузи́лся
после́дний эшело́н.
Хло́пнув
две́рью,
сухо́й, как ра́порт,
из шта́ба
опусте́вшего
вы́шел он.
Гля́дя
на́ ноги,
ша́гом
ре́зким

[1] Лоя́льный — соблюда́ющий форма́льно зако́ны, держа́щийся в преде́лах благожела́тельно-нейтра́льного безразли́чного отноше́ния. Здесь ирони́чески.
[2] Кры́ли — здесь: стреля́ли.
[3] Трап — ле́стница на корабле́.

шёл
Вра́нгель
в чёрной черке́ске.
Го́род бро́сили.
На молу́ —
го́ло.
Ло́дка
шестивёсельная
стои́т
у мо́ла.
И над бе́лым тле́ном,
как от пу́ли па́дающий,
на о́ба
коле́на
упа́л главнокома́ндующий.
Три́жды
зе́млю
поцелова́вши,
три́жды
го́род
перекрести́л.
Под пу́ли
в ло́дку пры́гнул...
— Ва́ше
превосходи́тельство,
грести́?
— Грести́! —
Убра́ли весло́.
Мото́р
зато́ркал.
Пошла́
весело́
к «Алма́зу» [1]
мото́рка.
Пу́лей
пролете́ла
штанда́ртная я́хта.

[1] «А л м а́ з» — назва́ние я́хты, на кото́рой Вра́нгель бежа́л из Кры́ма. Я х т а — небольшо́е су́дно. Ш т а н д а́ р т — флаг, обозна́чающий, что на да́нном су́дне нахо́дится кома́ндующий гру́ппой судо́в и́ли всем фло́том.

А в тра́нспортах-кало́шинах
далеко́
сза́ди
тащи́лись
отóрванные
от станка́ и па́хот,
узло́в [1]
полтора́ста
накру́чивая за́ день.
От ро́дины
в ла́пы туре́цкой поли́ции,
к ту́ркам в дыру́,
в Дардане́ллы у́зкие,
плы́ли
за́втрашние галлиполи́йцы [2],
плы́ли
вчера́шние ру́сские.
Впе-
реди́
годи́на на годи́не.
Ка́ждого
трясти́сь,
кото́рый в ка́ске.
Бу́дешь
дои́ть
коро́в в Аргенти́не,
бу́дешь
мере́ть [3]
по я́мам африка́нским.
Чужи́е
во́лны
кача́ли тра́нспорты,

[1] У з е л (морско́й те́рмин) — ме́ра ско́рости су́дна (одна́ морска́я ми́ля в час).

[2] Г а л л и п о л и́ й ц ы — име́ются в виду́ поки́нувшие ро́дину ру́сские, бе́лые эмигра́нты, кото́рым предстоя́ло вы́садиться в Галли́поли (ма́ленький полуо́стров на восто́ке Балка́н, в европе́йской ча́сти Ту́рции).

[3] М е р е́ т ь — умира́ть.

фла́ги
с полуме́сяцем [1]
броса́лись в о́чи,
и с тра́нспортов
за я́хтой
гнало́сь:
«Аспиды [2],
спёрли [3] казну́
и удра́ли, сво́лочи».
Уже́
экипа́жам
оберега́ться
пу́ли
шально́й
на́до.
Два
миноно́сца-америка́нца
стоя́ли
на ре́йде
ря́дом.
Адмира́л
трубо́й обвёл
стреля́ющих
гор
край:
— Ол
райт [4] —
И ушли́
в хвосте́ отступа́ющих свор —
ору́дия на го́род,
курс на Босфо́р.
В духо́вках со́лнца
горы́
жарко́е [5],
Во́здух
цветы́ рассиро́пили.

[1] Фла́ги с полуме́сяцем — туре́цкие фла́ги.
[2] Аспид (бра́нное сло́во) — злой, вре́дный челове́к.
[3] Спёрли (простоpе́ч.) — укра́ли.
[4] Ол райт (англ.) — всё в поря́дке, хорошо́.
[5] Кры́мские го́ры под горя́чим ю́жным со́лнцем Маяко́вский уподобля́ет жарко́му в пе́чи (жарко́е — зажа́ренное мя́со).

На́ши
с пе́сней
иду́т от Джанко́я,
сы́пятся
с Симферо́поля.
Перебива́я
пуль разгово́р,
знамёнами
бой
овева́я,
с кра́сными
вме́сте
спуска́ется с гор
пе́сня
боева́я.
Не гну́лась,
когда́
пулемётом кроши́ло,
встава́ла,
бесстра́шная,
в дожде-свинце:
«И с на́ми
Ворошѝлов,
пе́рвый кра́сный офице́р» [1].
Слу́шают
пу́шки,
морски́е ве́дьмы,
у-
ле-
пётывая
во винты́ во все,
как сы́пется
с гор
— «гото́вы умере́ть мы
за Эс Эс Эс Эр!» —
Начшта́ба
мо́рщит лоб.
Па́льцы
коря́вой руки́
бу́квы
непослу́шные гнут:

[1] Слова́ популя́рной в то вре́мя пе́сни «Мы кра́сная кавале́рия».

«Вра́нгель
оп-
раки́-
нут
в мо́ре.
Пле́нных нет».
Пока́мест —
то́чка
и телегра́мме
и войне́.
Вспо́мнили —
недопа́хано,
недожа́то у кого́,
у кого́
до́менные
то́пки да зо́ри.
И пошли́,
отира́я пот рукаво́м,
расста́вив
на вы́шках
дозо́ры.

17

Хвали́ть
не заста́вят
ни долг,
ни стих
всего́,
что де́лаем мы.
Я
пол-оте́чества мог бы
снести́,
а пол —
отстро́ить, умы́в.
Я с те́ми,
кто вы́шел
стро́ить
и месть
в сплошно́й
лихора́дке
бу́ден.

Оте́чество
сла́влю,
кото́рое есть,
но три́жды —
кото́рое бу́дет.
Я
пла́нов на́ших
люблю́ громадьё [1],
разма́ха
шаги́ сажёньи.
Я ра́дуюсь
ма́ршу,
кото́рым идём
в рабо́ту
и в сраже́нья.
Я ви́жу —
где сор сего́дня гниёт,
где то́лько земля́ проста́я —
на са́жень ви́жу,
из-под неё
комму́ны
дома́
прораста́ют.
И ме́ркнет
дове́рье
к приро́дным дара́м
с уны́лым
пудо́м сенца́,
и повора́чиваются
к трактора́м
крестья́н
заскору́злые сердца́.
И пла́ны,
что ра́ньше
на ста́нциях лбов
заде́рживал
ни́щенства то́рмоз,
сего́дня
встаю́т
из дня голубо́го,

[1] Громадьё (неологи́зм) — собира́тельное от сло́ва «гро-
ма́да». Здесь совоку́пность на́ших грандио́зных пла́нов.

желе́зом
и ка́мнем фо́рмясь.
И я,
как весну́ челове́чества,
рождённую
в труда́х и в бою́,
пою́
моё оте́чество,
респу́блику мою́!

18

На де́вять
сюда́ [1]
октябре́й и маёв,
под кра́сными
фла́гами
пра́здничных ше́ствий,
носи́л,
с миллио́нами,
се́рдце моё,
уве́рен
и ве́сел,
горд
и торже́ствен.
Сюда́,
под тра́ур
и плеск чернофла́жий,
пока́
уби́того
кровь горяча́,
бежа́л,
от трево́ги,
на вы́стрелы вра́жьи,
молча́ть
и мрачне́ть,
крича́ть
и рыча́ть.

[1] С ю д а́ — на Кра́сную пло́щадь.

Я
здесь
быва́л
в бараба́нах стуча́щих
и в мёртвом
хо́лоде
слёз и льдин,
а ча́ще ещё —
про́сто
оди́н.
Солда́ты ба́шен
стра́жей стоя́т,
подня́в
свои́
острове́рхие шле́мы, —
и, зло́бу
в башка́х купо́л
тая́,
притво́рствуют
це́ркви,
мона́шьи ше́льмы [1].
Ночь —
и на го́ловы на́м
луна́.
Она́
идёт
отту́да отку́да-то...
отту́да,
где
Совнарко́м и ЦИК [2],
Кремля́
кусо́к
от но́чи отку́тав,
переполза́ет
через зубцы́.

[1] Здесь скры́тая игра́ слов. Купола́ церкве́й называ́ются та́кже «гла́вами». Церковнославя́нское сло́во «глава́» означа́ет то же, что «голова́», но с отте́нком торже́ственности. Б а ш к а́ — просторе́чное сло́во, та́кже означа́ет «голова́», но с отте́нком пренебреже́ния. Т а я́ (тайть) — пря́ча, скрыва́я. Ш е́ л ь м а — хитре́ц, обма́нщик.

[2] С о в н а р к о́ м — Сове́т наро́дных комисса́ров; Ц И К — Центра́льный исполни́тельный комите́т Сове́тов (тепе́рь соответственно Сове́т Мини́стров и Верхо́вный Сове́т).

Вползáет
на глáдкий
валýн,
на секýнду
склоняéт
гóлову,
и вновь
голова́-лунь
унóсится
с кáмня
гóлого.
Мéсто лóбное —
для голóв
ужáсно неудóбное.
И лýнным
плáменем
озарена́ мне
плóщадь
в сиянье,
в яви
в денно́й...
Стена́ —
и жéнщина со знáменем
склони́лась
над тéми,
кто лёг под стено́й.
Облил
булы́жники
лýнный ни́кель,
штыки́
от луны́
и твёрже
и злей,
и,
как нагромождённые кни́ги, —
его́
мавзоле́й.
Но в э́ту
дверь
никака́я тоска́

не втя́нет
меня́,
черна́ и вязка́, —
души́
не смущу́
мертвизно́й, —
он бьётся,
как би́лся
в сердца́х
и виска́х,
живо́й
челове́чьей весно́й.
Но моги́лы
не пуска́ют —
и меня́
остана́вливают имена́.
Чита́ю угрю́мо:
«това́рищ Кра́син».
И ви́жу —
Пари́ж
и из о́кон До́рио...
И Кра́син
е́дет,
сед и прекра́сен,
сквозь ра́дость рабо́чих,
шумя́щую мо́рево[1].
Вот с э́тим
ви́делся
чуть не за час.
Смея́лся.
Снима́лся о́коло...
И па́дает
Во́йков,
кро́вью соча́сь, —

[1] В э́той строфе́ Маяко́вский вспомина́ет прие́зд в Пари́ж (по́сле призна́ния СССР Фра́нцией) пе́рвого сове́тского посла́ Л. Б. Кра́сина, ви́дного де́ятеля большеви́стской па́ртии. Дорио́, из кварти́ры кото́рого Маяко́вский наблюда́л, как ра́достно приве́тствовали Кра́сина францу́зские рабо́чие, был в то время францу́зским коммуни́стом (впосле́дствии измени́л де́лу рабо́чего кла́сса и во вре́мя войны́ сотру́дничал с ги́тлеровцами). М о́ р е в о (неологи́зм) — подо́бно мо́рю.

и кро́вью
газе́та намо́кла.
За ним
предо мной
на мгнове́нье коро́ткое
тако́й,
с каки́м
портре́тами сжи́лись, —
в шине́ли измя́той,
с о́строй боро́дкой,
прошёл
челове́к,
желе́зен и жи́лист.
Юноше,
обду́мывающему
житьё,
реша́ющему —
сде́лать бы жизнь с кого́,
скажу́
не заду́мываясь —
«Де́лай её,
с това́рища
Дзержи́нского».
Кто костьми́,
кто пе́плом
стена́м под стопу́
улегли́сь...
А то
и пе́пла нет.
От трудо́в,
от ка́торг
и от пуль,
и никто́
почти́ —
от до́лгих лет.
И чу́дится мне,
что на кра́сном погосте[1]
това́рищей
му́чит
трево́ги отра́ва.

[1] «На кра́сном погосте» — на моги́лах борцо́в революции, по
ро́ненных у Кремлёвской стены́. П о г о́ с т — кла́дбище.

В. В. Маяко́вский. 1930.

По пе́плам идёт,
сочи́тся по ко́сти,
выхо́дит
на свет
по цвета́м
и по тра́вам.
И тра́вы
с цвета́ми
шурша́т в беспоко́йстве.
— Скажи́те —
вы здесь?
Скажи́те —
не сда́ли?
Иду́т ли вперёд?
Не стоя́т ли? —
Скажи́те.
Достро́ит
комму́ну
из све́та и ста́ли
респу́блики
ва́шей
сего́дняшний жи́тель? —
Ти́ше, това́рищи, спи́те...
Ва́ша
подро́сток-страна́
с ка́ждой
весно́й
ослепи́тельней,
кре́пнет,
сильна́ и стройна́.
И сно́ва
шо́рох
в пе́пельной ва́зе,
лепе́чут
венки́
языка́ми лент:
— А в и́хних
чёрных
Евро́пах и Азиях
боя́знь,
дремо́та и це́пи? —
Нет!

В ми́ре
наси́лья и де́нег,
тю́рем
и пе́тель витья́ —
ва́ши
вели́кие те́ни
хо́дят,
будя́
и ведя́.
— А вас
не тя́нет
всевла́стная ти́на?
Чино́вность
в мозга́х
паути́ну
не сви́ла?
Скажи́те —
цела́?
Скажи́те —
еди́на?
Гото́ва ли
к бо́ю
парти́йная си́ла?
— Спи́те,
това́рищи, ти́ше...
Кто
ваш поко́й отберёт?
Вста́нем,
штыки́ ощети́нивши,
с пе́рвым
прика́зом:
«Вперёд!»

19

Я земно́й шар
чуть не весь
обошёл, —
и жизнь
хороша́,
и жить
хорошо́.

А в на́шей бу́че[1],
боево́й, кипу́чей, —
и того́ лу́чше.
Вьётся
у́лица-змея́.
Дома́
вдоль змей.
Улица —
моя́.
Дома́ —
мои́.
Окна
рази́нув,
стоя́т
магази́ны.
В о́кнах
проду́кты:
ви́на,
фру́кты.
От мух
кисея́.
Сыры́
не засижены.
Ла́мпы
сия́ют.
«Це́ны
сни́жены».
Ста́ла
опера́ться[2]
моя́
кооперация.
Бьём
грошо́м.
Очень хорошо́.
Гру́дью
у витри́нных
кни́жных груд.

[1] «В на́шей бу́че» — в на́шей шу́мной, оживлённой, кипу́чей рабо́те. Б у́ ч а — буква́льно: шум мно́гих голосо́в, оживлённая возня́.

[2] О п е р я́ т ь с я — покрыва́ться пе́рьями (о птенца́х). Здесь: мужа́ть, кре́пнуть, станови́ться зре́лым.

Пестри́т
передови́ца
угро́з паршо́й.
Чтоб им подави́ться.
Грозя́т?
Хорошо́.
Полки́
иду́т
у меня́ на виду́.
Бараба́ну
в бока́
бьют
войска́.
Нога́
крепка́,
голова́
высока́.
Пу́шки
ввозятся, —
иду́т
краснозвёздцы.
Приспосо́бил
к ма́ршу
такт ноги́:
вра-
ги́
ва́-
ши —
мо-
и́
вра-
ги́.
Ле́зут?
Хорошо́.
Сотрём
в порошо́к.
Дымово́й
дых
тяг.
Воздуха́ береги́.

Пых-дых,
пых-
тя́т
мои́ фа́брики.
Пыши́,
маши́на,
ши́бче-ка,
вове́к чтоб
не смо́лкла, —
побо́льше
си́тчика
моим
комсомо́лкам.
Ве́тер
поду́л
в сосе́днем саду́.
В ду-
ха́х
про-
шёл.
Как хо-
рошо́!
За го́родом —
по́ле.
В поля́х —
деревёньки.
В деревня́х —
крестья́не.
Бо́роды
ве́ники.
Сидя́т
папа́ши.
Ка́ждый
хитр.
Зе́млю попа́шет,
попи́шет
стихи́.
Что ни ху́тор,
от ра́нних утр
рабо́та люба́.
Се́ют,
пеку́т

Моя́
фами́лия
в поэти́ческой ру́брике
Ра́дуюсь я —
э́то
мой труд
влива́ется
в труд
моёй респу́блики.
Пыль
взби́ли
ши́ной губа́той —
в моём
автомоби́ле
мои́
депута́ты.
В кра́сное зда́ние
на заседа́ние.
Сиди́те,
не сове́йте
в моём
Моссове́те.
Ро́зовые ли́ца.
Рево́львер
жёлт.
Моя́
мили́ция
меня́
бережёт.
Жезло́м
пра́вит,
чтоб впра́во
шёл.
Пойду́
напра́во.
Очень хорошо́.
Надо мно́ю
не́бо.
Си́ний
шёлк!

[1] «В поэти́ческой ру́брике» — в разде́ле поэ́зии в витр
ного магази́на.

Никогда́
не́ было
так
хорошо́!
Ту́чи-
ко́чки
переплы́ли лётчики.
Это
лётчики мои́.
Встал,
сло́вно де́рево, я.
Вы́пят,
как пойду́т в бой,
по число́
по пе́рвое.
В газе́ту
глаза́:
молодцы́ — ве́нцы!
Буржуя́м [1]
под зад
наддаю́т
коле́нцем [2].
Суд
жгут.
Зер
гут [3].
Идёт
пожа́р
сквозь бума́жный шо́рох.
Прокуро́ры
дрожа́т.
Как хорошо́!

мне
хлеба́.
До́ят,
па́шут,
ло́вят ры́бицу.
Респу́блика на́ша
стро́ится,
ды́бится [1].
Други́м
стра́нам
по́ сто.
Исто́рия —
па́стью гро́ба.
А моя́
страна́ —
подро́сток, —
твори́,
выду́мывай,
про́буй!
Ра́дость прёт.
Не для вас
удели́ть ли нам?!
Жизнь прекра́сна
и
удиви́тельна.
Лет до ста́
расти́
нам
без ста́рости.
Год от го́да
расти́
на́шей бо́дрости.
Сла́вьте,
мо́лот
и стих,
зе́млю мо́лодости.

---

[1] Ударе́нние «буржуя́м» бы́ло в 20-х года́х таки́м же упо тельным, как и «буржу́ям». Маяко́вский, чита́я «Хорошо́!», произноси́л «буржуя́м».

[2] В э́той строфе́ име́ется в виду́ восста́ние ве́нских р в ию́ле 1927 го́да. По́водом к восста́нию яви́лось оправда́н ским суде́м фаши́стов, уби́вших двух рабо́чих. Восста́вши жгли́ зда́ние суда́.

[3] Напи́санное ру́сскими бу́квами неме́цкое sehr gut — о рошо́.

[1] б и т ь с я (неологи́зм от выраже́ния «встава́ть на поднима́ется.

СОДЕРЖАНИЕ

Вели́кий ру́сский поэ́т-революционе́р 5

СТИХИ

О стихотворе́нии «На́те!» 51
На́те! 52
О стихотворе́нии «Послу́шайте!» 53
Послу́шайте! . . . . . —
О стихотворе́нии «Скри́пка и немно́жко не́рвно» 55
Скри́пка и немно́жко не́рвно . . . . . —
О стихотворе́нии «Надое́ло» 58
Надое́ло 59
Об отры́вках из поэ́мы «Челове́к» 62
Отры́вки из поэ́мы «Челове́к» . . . . . —
О плака́те «Забы́вчивый Никола́й» 65
Забы́вчивый Никола́й . . . . . —
О стихотворе́нии «Ска́зка о кра́сной ша́почке» 66
Ска́зка о кра́сной ша́почке 67
О стихотворе́нии «К отве́ту!» 68
К отве́ту! 69
О стихотворе́нии «Ешь анана́сы...» 71
Ешь анана́сы... . . . . —
О стихотворе́нии «Хоро́шее отноше́ние к лошадя́м» 72
Хоро́шее отноше́ние к лошадя́м 73
О стихотворе́нии «Ле́вый марш» 75
Ле́вый марш (Матро́сам) 77
О стихотворе́нии «Поэ́т рабо́чий» 79
Поэ́т рабо́чий . . . . . —
Об «окнах» Ро́ста и Главполитпросве́та: 82
«Рабо́чий! Глу́пость беспарти́йную вы́кинь!..» 83
Раёк 85
Неде́ля фро́нта — неде́ля побе́ды 88
«Красноарме́ец, заруби́ себе́ на носу́...» 91
Исто́рия про бу́блики и про ба́бу, не признаю́щую респу́блики 94
Все на Вра́нгеля! 98
Смотри́, крестья́нин 100
Бли́зкий коне́ц распу́тной да́мы 103
«Ка́ждый прогу́л — ра́дость врагу́» 105
Хо́чешь? — вступи́ 106
Кра́сная и чёрная . . . . . —
«Кто геро́й?» 107
Горня́к! Всей Росси́и нужны́... . . . . —
Посевна́я кампа́ния. Вы́полним декре́т! 108
Не пей сыро́й воды́ 110
«Эй, това́рищ, не ме́дли до́лго!» 112
Да здра́вствует 4-я годовщи́на! 113
О стихотворе́нии «Влади́мир Ильи́ч!» 114
Влади́мир Ильи́ч! 115
О стихотворе́нии «Необыча́йное приключе́ние, бы́вшее с Влади́миром Маяко́вским ле́том на да́че» 118
Необыча́йное приключе́ние, бы́вшее с Влади́миром Маяко́вским ле́том на да́че 119
О стихотворе́нии «После́дняя страни́чка граждан ской войны́» 123
После́дняя страни́чка граждан ской войны́ . . . . . —
О стихотворе́нии «О дря́ни» 125
О дря́ни 126
О стихотворе́нии «Прозаседа́вшиеся» 129
Прозаседа́вшиеся 131
О стихотворе́нии «Воро́вский» 133
Воро́вский 134
О стихотворе́нии «Весе́нний вопро́с» 136
Весе́нний вопро́с . . . . . —
О стихотворе́нии «Жоре́с» 141
Жоре́с 142
О стихотворе́нии «Проща́нье» 146
Проща́нье . . . . . —
О стихотворе́нии «Блек энд уа́йт» 148
Блек энд уа́йт 150
О стихотворе́нии «Тро́пики» 154
Тро́пики 156
О стихотворе́нии «Бру́клинский мост» 159
Бру́клинский мост 160
О стихотворе́нии «Кемп «Нит геда́йге» 166
Кемп «Нит геда́йге» 168
О стихотворе́нии «Серге́ю Есе́нину» 172
Серге́ю Есе́нину 175

*ле́ктором о поэ́зии» . . 181
. 184
*ким поэ́там» 193
. 196
. 202
йх) . . . . . —
*парохо́ду и челове́ку» . 206
у 207
» 210
. 211
» 217
. 218
. 223
. 224
. 227
. . . . . —
*для начина́ющих под-
. 229
подхали́м 230
. 234
. . . . . —
. 236
. . . . . —
*Ива́на Ко́зырева о все-
. 239
вселении в новую квар-
. 240
. 244
. 245
*ши» 248
. 249
*ку» 253
. 254
. 257
. . . . . —
. 259
. 264
. 260
. . . . . —
*ем Ле́ниным» 266
. . . . . —

*«Ло́зунгах для плака́т
Ло́зунги для санита́р
Ло́зунги для плака́тов
Ло́зунги о борьбе́ с
ско́вского электроза
*стихотворе́нии «Пе́сня-м
сня-мо́лния . . . .
*стихотворе́нии «Пти́чка
йчка бо́жия . . . .
*стихотворе́нии «Расска́з
*Кузне́цка» . . . .
сска́з Хрено́ва о Кузне
*стихотворе́нии «Стихи́
тихи́ о сове́тском па́спо
*поэ́ме «Влади́мир Илы
ади́мир Ильи́ч Ле́нин
*поэ́ме «Хорошо́!» . .
орошо́! Октя́брьская по

Издательство просит учителей и учащихся нерусских школ сообщить свои отзывы об этой книге по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

ОФОРМЛЕНИЕ В. АНДРЕЕНКОВА

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Маяковский В. В.

СТИХИ И ПОЭМЫ

Составление, вступительная статья
и пояснительные статьи к отдельным произведениям
В. Д. Дувакина.
Подстраничные примечания
В. Д. Дувакина и *Л. Г. Чудовой.*

Ответственный редактор *А. И. Моисеева.* Художественный редактор *Г. Ф. Ордынский.* Технический редактор *Т. В. Перцева.* Корректоры *Л. М. Короткина* и *Э. Н. Сизова.*

Сдано в набор 26/VII 1965 г. Подписано к печати 16/XII 1965 г. Формат 84×108¹/₃₂ — 16,13 печ. л. = 27,1 усл. печ. л. (26,05 + 2 вкл. = 26,29) уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. А13513. Цена 1 р. 05 коп.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Ленинград, 2-я Советская, 7.
Заказ № 648.

37р80к.